

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

**ЧУВАШСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ
ВЕСТНИК**

№1

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

Чебоксары – 2006

*Учредитель ГНУ «Чувашский государственный
институт гуманитарных наук»*

Редакционная коллегия

Ю.М. Артемьев, И.И. Бойко, В.С. Григорьев (главный редактор),
В.П. Иванов, М.Г. Кондратьев, Г.А. Николаев (заместитель главного редактора),
Л.П. Петров, А.А. Трофимов (художественный редактор),
В.Г. Харитонова, А.П. Хузангай

Ответственный за выпуск
Г.А. Николаев

Чувашский гуманитарный вестник.
Чебоксары, 2006. № 1 (июль–декабрь)

Научный журнал
Основан в феврале 2006 г.
Выходит 2 раза в год

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2006 г.
© Редакция журнала
«Чувашский гуманитарный вестник»
(составитель), 2006 г.

К ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА

Впервые в истории... Такой уникальной оценкой можно охарактеризовать многие явления, происходящие в последние годы в Чувашском государственном институте гуманитарных наук (ЧГИГН). Вот и этот журнал стал началом нового дела. Его образ еще в прошлом веке будоражил мысль ученых института, и сегодня мы можем поздравить друг друга с днем рождения нового светоча знаний!

«Свеча ставится на подсвечнике, и она светит всем в доме», – сказано в Библии. Наш научный журнал высокой пробы призван освещать самые разные стороны многогранной человеческой жизни, озарять людей новыми идеями, помогать им осмысливать проблемы материальной и духовной культуры, истории, самосознания народа, психологии личности и ряд других аспектов столь динамичных событий современности.

Новое рождается на благодатной почве мудрых традиций, богатого жизненного опыта. Научно-исследовательский институт, в котором трудятся «отцы-основатели» этого журнала, в 2005 г. отметил 75-летие со дня своего открытия. За этот период институт стал сокровищницей основополагающих знаний о Чувашском крае, об истории, языке, многих видах искусства, этнической культуре чувашского народа и общественных процессах, происходящих в республике. В первые годы существования института здесь работали известные лингвисты Ф.Т. Тимофеев, Т.М. Матвеев, В.Г. Егоров. При их активном участии был модернизирован чувашский алфавит, созданный выдающимся просветителем XIX в. И.Я. Яковлевым при участии студента-филолога В.А. Белилина. Усовершенствование письменности стало важным фактором повышения уровня культуры и национального самосознания чувашей, дальнейшего развития всех отраслей гуманитарных наук и общественной практики. Фундаментальные научные проблемы чувашского языка исследовали сотрудники института С.П. Горский, И.П. Павлов, И.А. Андреев, Н.П. Петров, М.Р. Федотов, Л.П. Сергеев, В.И. Котлеев и др. Чувашский язык является одним из древних языков мира, представляет

собой единственный живой язык болгарской группы тюркской языковой семьи. Посредством исследования языка и этнической культуры чувашей можно приоткрыть завесу тайн судеб многих народов мира – тюркских, финно-угорских, восточнославянских. Соответственно, в случае неблагоприятной судьбы чувашского народа могут исчезнуть артефакты культуры ряда древних этносов, и чувашаи вполне осознанно выразили эту мысль в пословице: «Чăваш пĕтсен, тĕнче пĕтет». Научно-просветительский, социокультурный потенциал нашего языкознания продолжает оказывать заметное влияние на общество. Ученые-лингвисты института активно разрабатывают теоретические и практические вопросы, связанные с выполнением Республиканской программы по реализации Закона «О языках в Чувашской Республике». Ведутся исследования по таким важным направлениям языкознания, как ономастика, история и социальное функционирование языка, диалектология, культура речи, терминология, лексикология. Для обеспечения компьютерной поддержки функционирования чувашского языка создается машинный (электронный) фонд языка. Современные процессы пополнения лексического фонда живого чувашского языка нашли отражение в неологическом словаре «Чăваш чĕлхин сĕнĕлĕх словарĕ», автор которого Г.А. Дегтярев в 2004 г. признан лауреатом Республиканского конкурса «Чувашия: новое время». В исследовании чувашского языка институт в течение многих десятилетий сотрудничает с видными учеными страны и зарубежья. Среди них академик Академии наук СССР Б.А. Серебрянников, занимавшийся историческими и ареальными аспектами чувашского языка; член-корреспондент АН СССР Н.А. Баскаков, создавший классификацию тюркских языков и определивший место чувашского языка в болгарской группе западнохуннской ветви тюркских языков. Академик Венгерской академии наук А. Рона-Таш разработал ряд научных проблем истории чувашского языка, письменности и чувашско-монгольских языковых связей. Другой венгерский исследователь Клара Адягаши в сотрудничестве с нашим институтом занимается источниковедением в исследовании чувашского языка, изучает историческое взаимодействие тюркских, финно-угорских и русских диалектов Среднего Поволжья. В международных научных конференциях, проводимых в институте, активное участие принимают финские ученые-филологи Й. Луутонен, А. Парпола, Х. Карпелан и др.

Наука у нас – больше, чем наука. Она не только познает, открывает неизведанное, но и формирует духовную и политическую культуру народа, создает благоприятную информационно-методологическую базу для взаимопонимания, созидательного сотрудничества людей разных социальных слоев, всех национальностей и конфессий. Исследования института в области гуманитарных наук раскрывают незаурядное богатство духовного мира Чувашии и чувашского народа, выявляют роль населения края в судьбоносных событиях стремительной истории становления и неоднократных преобразований Государства Российского, способствуют сохранению и развитию жизнеутверждающих ценностей отечественной цивилизации в современных условиях глобализации мира.

В частности, на попреше изучения исторических перипетий чувашского народа преуспели В.Д. Дмитриев – ведущий специалист по средневековой истории Чувашии и народов Среднего Поволжья; В.Ф. Каховский – видный археолог России, отличившийся достоверной научно-археологической аргументацией этногенеза чувашского народа и основания города Чебоксар в XIII в., созданием археологической карты Чувашской Республики; И.Д. Кузнецов – исследователь истории чувашского народа, крестьянства и сельского хозяйства региона в широких хронологических рамках и т.д. Именно в нашем институте созданы фундаментальные обобщающие труды и проведен скрупулезный анализ ряда проблемных тем по истории Чувашии, написаны книги по истории почти всех городов республики. В исследовании древностей Чувашского края активно участвовали ученые Академии наук СССР, Государственного исторического музея в Москве, Государственного Эрмитажа, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и других авторитетных научных центров страны. Высоко ценятся в научном мире труды болгарского ученого И. Коева (И.К. Стоянова), швейцарского историка А. Каппелера – партнеров нашего института по изучению древней и средневековой истории чувашского народа. Исследовательские труды историков, археологов ЧГИГН вносят неограниченный вклад в реализацию ряда целевых программ Правительств Российской Федерации и Чувашской Республики по патриотическому воспитанию населения, формированию толерантности, обеспечению стабильности в обществе и т.д.

Благодаря нашему институту крупным научным направлением стали этнографические исследования в Чувашии. Важный вклад в это дело внесли сотрудники института К.В. Элле, П.В. Денисов, Н.Р. Романов, внештатный сотрудник Н.В. Никольский, профессор Казанского университета Н.И. Воробьев, исследователь традиционной одежды чувашей Н.И. Гаген-Торн (Санкт-Петербург), ленинградский этнограф Т.А. Крюкова и др. На базе нашего института была подготовлена и издана в 1956 и 1970 гг. фундаментальная двухтомная монография «Чуваши. Этнографическое исследование». Заметным событием в ученом мире стал выпуск в московском издательстве «Наука» коллективной монографии «Чуваши: современные этнокультурные процессы» (1988). В начале XXI столетия этнографы института заявили, что созрели для организации отдела этнологии и антропологии, приступили к работам не только по констатации этнографических достопримечательностей чувашского народа, но и по теоретическому и сравнительному анализу, масштабным обобщениям этнокультурных процессов разных времен, социумов и регионов. В числе наиболее удачных работ последних лет можно назвать монографии заведующего отделом Г.Б. Матвеева («Чувашское народное зодчество: от древности до современности», 2005), главного научного сотрудника В.П. Иванова («Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения», 2005) и др. Отдел лидировал в подготовке республиканской целевой программы по реализации государственной

национальной политики, включенной ныне в состав программы «Культура Чувашии: 2006–2010 годы», и активно участвует в осуществлении ряда ее разделов и мероприятий.

Грани жизнетворчества и духовности народа настолько многообразны, что их изучением занимается ряд наук, в том числе фольклористика. Высококвалифицированное издание академических сборников произведений устного народного творчества возвело Чувашский государственный институт гуманитарных наук в разряд уникальных научных центров страны. Собрания чувашских преданий, сказок и других видов фольклорного наследия изданы не только в Чебоксарах, но и в столице Союза ССР – г. Москве. Опубликованные фольклорные материалы составляют изумительную сокровищницу народной мудрости и жизненной философии, а неизданных произведений этой серии насчитывается в десятки раз больше, значительная их часть хранится в фондах Научного архива нашего института. Сегодня читатели являются свидетелями творческого процесса по подготовке и изданию 50-томного свода произведений чувашского народного творчества. Первые три тома уже увидели свет, это – «Мифсем, легендәсем, халапсем» (Мифы, легенды, предания), «Халӑх эпосӗ» (Народный эпос), «Пилсемпе кӗлӗсем» (Благословения и молитвословия). Востребованность этих сборников в научном мире так высока, что появилась необходимость издания их на русском языке с соответствующими англоязычными резюме. Публикация свода произведений народного творчества является важным подспорьем научно-теоретических исследований не только фольклористов, но и многих других направлений – культурологов, философов, этнологов, литературоведов и т.д.

Исключительно интересным объектом научных исследований являются процессы трансформации традиционалистского видения мира в современные воззрения, формирование культуры индустриальной и постиндустриальной цивилизации. Первые историко-культурологические обзоры провели в стенах нашего института П.Г. Григорьев, В.Д. Димитриев, В.Я. Канюков, И.Я. Саламбек, М.Я. Сироткин и др. Развитие просветительского дела среди чувашей, чувашской письменности и возникновения современного чувашского алфавита, деятельность И.Я. Яковлева и его детища – Симбирской чувашской учительской школы всегда находились в поле зрения нашего института. Весьма актуально и новаторски прозвучали на недавней научной конференции (октябрь 2006 г.) доклады о феноменах культуры и просветительства второй половины XIX – начала XX вв. как времени «ренессанса» народов Поволжья.

Ряд культурологических проблем разрабатывался нашими учеными в контексте литературоведческих исследований. Объективной оценке творчества классика чувашской литературы Константина Иванова, зачинателя чувашской советской поэзии Михаила Сеспеля, известного литератора, искусствоведа и основоположника чувашской профессиональной музыки Федора Павлова и других талантливых соотечественников посвятил институт издание сборников их сочинений, научно-аналитические труды, конференции и специальные научные сессии. Во второй половине XX в.

сотрудники института приступили к всестороннему исследованию творчества народных поэтов Чувашии Семена Эльгера, Петра Хузангая, Якова Ухсяя, прозаика Марфы Трубиной, поэта и переводчика Николая Полоруссова-Шелеби, поэта и литературоведа Николая Шубоссинни, поэта и этнографа Михаила Федорова и ряда других видных деятелей чувашской литературы. Попытки переосмысления методологических принципов в литературоведческих исследованиях, проблемно-тематический, историко-компаративистский подходы реализованы в трудах Ю.М. Артемьева, В.Г. Родионова, Г.И. Федорова, состоявшихся в качестве ученых именно в нашем научно-исследовательском институте. Еще до перестройки и кардинальных реформ в России ряд сотрудников института выступили против вульгарного социологизма, за приоритет художественно-творческих ценностей перед конъюнктурными идеологическими установками.

Важным направлением исследования духовной культуры народа стала разработка вопросов истории и современного состояния чувашского искусства. В первый же год деятельности института секция искусств провела очень результативную экспедицию по южным районам республики, изучила образцы чувашских вышивок, художественных тканей, пополнила фонды этнокультурного наследия 160 зарисовками с народных вышивок, костюмов, памятников зодчества – архитектурных украшений домов. На их основе сотрудник института, выдающийся художник М.С. Спиридонов подготовил уникальный альбом «Чувашский орнамент» с научными комментариями и Предисловием. (К сожалению, это ценнейшее исследование до сих пор не издано, хотя его материалы использованы в написании десятков статей и диссертаций.) Замечательные труды по истории чувашского театрального искусства создала заслуженный деятель искусств Чувашии и Российской Федерации Ф.А. Романова. На высоком теоретическом уровне исследовала развитие чувашского изобразительного искусства Н.А. Ургалкина. Ряд книг по истории чувашской народной музыки и творчеству отдельных композиторов написал заслуженный деятель искусств Чувашии Ю.А. Илюхин. Признавая научно-творческие успехи чувашских искусствоведов, Институт истории искусств при Министерстве культуры СССР в 1963 г. на базе ЧНИИ провел семинар-совещание по подготовке многотомных трудов «История театра народов СССР» и «История музыки народов СССР». Традиции исследования орнамента чувашской вышивки продолжил доктор искусствоведения А.А. Трофимов, который, кроме того, глубоко изучил культовую скульптуру, вопросы народных художественных промыслов и декоративно-прикладного искусства. Старший научный сотрудник отдела искусствоведения, профессор Чувашского государственного педагогического университета Ю.В. Викторов в 2005 г. завершил работу над монографией о творчестве народного художника Чувашии Элли Юрьева, занимается исследованием темы «Становление и эволюция чувашской профессиональной станковой живописи». Основным направлением научного творчества А.И. Мордвиновой стало искусство, представленное в православных храмах Чувашии. Видным

музыковедом, заслуженным деятелем искусств Чувашской Республики и Российской Федерации стал в стенах института М.Г. Кондратьев, продолживший разработку вопросов истории чувашской музыки, музыкальной фольклористики и проблем современного музыкального творчества. Важную роль в исследовании истории чувашской музыки сыграл венгерский ученый Г. Берецки, трижды приезжавший в Чувашию, участвовавший в экспедициях и подготовке сборника «Чувашские народные песни» под руководством музыковеда Л. Викара. Замечательную работу о генетическом родстве древних предков чувашей и болгар опубликовал в научном сборнике нашего института «Чувашское искусство» болгарский музыковед Н. Кауфман.

В новое тысячелетие институт вошел с новым перспективным научным подразделением – отделом социологии. Он продолжил традиции эмпирических исследований, проводившихся в институте с 30-х гг. XX в., по проблемам общественно-политических процессов, межнациональных, межконфессиональных отношений и других социальных явлений в регионе и чувашской диаспоре Российской Федерации. Первым профессиональным социологом, работавшим в нашем институте, стал кандидат философских наук П.С. Краснов – выпускник аспирантуры Института социологии Академии наук СССР 1985 г. Со времени создания отдела социологии и межнациональных отношений в составе Чувашского государственного института гуманитарных наук (2001 г.) на его базе организовано более 20 социологических обследований, в том числе по темам: «Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике», «Чуваши Приволжского федерального округа: социологический портрет», «Чебоксары – культурная столица Поволжья» и т.д.

В целом, за 75 лет своего существования Чувашский государственный институт гуманитарных наук организовал 170 комплексных и специализированных (этносоциологических, археологических, лингвистических, фольклорных) экспедиций. В институте подготовлено и издано 800 книг, монографий, научных сборников. Эти публикации в совокупности стали важным вкладом в научно-духовную сокровищницу республики и чувашского народа, представляют собой органичную часть интеллектуального потенциала страны. В последнее время институт стал выпускать около 20 книг ежегодно, притом это число возрастает почти вдвое в связи с налаживанием работы своей типографии и печатанием книг по заказам других организаций, частных лиц.

«Центр гуманитарных наук Чувашии», – так начали называть наш институт еще в середине XX в., ибо он накопил богатые научно-исследовательские традиции и солидную познавательную-информационную базу, стал единственным учреждением академического типа, комплексно исследующим историю, язык, культуру и общественное состояние Чувашской Республики, ее население и чувашскую диаспору. Одним из важных подтверждений ведущей роли института в научном сообществе республики является правительственное решение об определении ЧГИГН как основного

исполнителя по подготовке и изданию многотомной Чувашской энциклопедии, которая разрабатывается на основании указа Президента Чувашии Н.В. Федорова от 19 августа 2002 г. Энциклопедия будет представлять собой универсальное справочное издание по всем направлениям научных знаний, характеризующих социально-экономическое, научно-техническое, культурное состояние Чувашской Республики, а также ее историю, народонаселение, природно-климатическое, географическое положение и многие другие особенности региона и чувашского мира в целом. Семнадцать отраслевых редакций, созданных при нашем институте, под руководством редколлегии организуют практическую работу по написанию, обсуждению и редактированию энциклопедических статей. Авторскую работу по подготовке статей выполняют более 200 исследователей: сотрудники института, преподаватели вузов, краеведы, общественные и государственные деятели, работники учреждений культуры, образования и т.д. Своеобразным верховным ареопагом по координации деятельности всех разработчиков энциклопедии является редакционный совет, который добивается безупречной научной достоверности и политической корректности издания, следит за обоснованностью материально-финансовых расходов, связанных с подготовкой и публикацией энциклопедии. В состав редсовета входят ряд членов Кабинета Министров республики, видные ученые и представители общественности. Редсовет возглавляет Президент Чувашской Республики, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, профессор Н.В. Федоров.

Как известно, в 1960-х гг. попытка написать Чувашский энциклопедический словарь провалилась в силу волонтаристских амбиций заполучить столь ответственное издание без соответствующего финансирования, опираясь лишь на энтузиазм и «коммунистическое сознание народной интеллигенции». В условиях демократизации общества, развития рыночных отношений новое руководство Чувашии оценило региональные энциклопедии как серьезный научный труд, призванный достойно представлять социально-экономический и духовный потенциал народов, заявляющих о своем месте в глобализирующемся мире. Местные энциклопедические издания стали своеобразной визитной карточкой, имиджевой заявкой к сотрудничеству с другими регионами, странами и частными инвесторами. В течение 1989–2001 гг. в Чувашском государственном институте гуманитарных наук была подготовлена и издана однотомная «Краткая Чувашская энциклопедия». Разработка многотомной Чувашской энциклопедии позволит более полно, объективно представить роль и место чувашского этноса и народов республики в развитии культуры, экономики и истории России и мировой цивилизации. В текущем году первый том энциклопедии успешно написан и сдан в производство; продолжение стабильного финансирования и организационно-кадровой поддержки позволит ежегодно сдавать в печать очередные тома энциклопедии в соответствии с Республиканской программой по реализации Закона «О языках в Чувашской Республике» и ее подпрограммой по подготовке и изданию многотомной Чувашской энциклопедии.

В 2006 г. проявилось и другое свидетельство успешного сотрудничества института с вузами, научными учреждениями, учеными республики: в Чувашском книжном издательстве увидел свет четвертый том книги из серии «Библиотека Президента Чувашской Республики». В него включены очерки о выдающихся ученых, написанные преподавателями чебоксарских вузов, представителями ряда научных и творческих организаций республики. Институт обеспечил составление и научное редактирование этого авторитетного издания.

Институт прочно интегрирован в научно-культурное пространство региона, бесчисленными живыми творческими нитями связан с научными и образовательными организациями Чувашии и страны. Около 100 человек стали здесь высококвалифицированными исследователями, докторами и кандидатами наук и продолжили научную деятельность в вузах республики, пополнив наиболее эрудированный, профессионально компетентный золотой фонд их профессорско-преподавательского состава. Многие сегодняшние сотрудники института являются членами диссертационных советов в вузах региона, содействуют подготовке кадров высшей квалификации для системы образования, общественно-политических структур, культурно-просветительских учреждений и других сфер жизнедеятельности республики.

Кроме решения исследовательских задач и кадровых вопросов, институт способствует развитию интеллектуально-духовного потенциала республики посредством координации научных исследований в области гуманитарных наук, которые осуществляются во множестве учреждений региона. Выполнение институтом научно-координационной роли предусматривает: согласование с другими субъектами науки приоритетных направлений и тематики НИР; определение ведущих учреждений по разработке отдельных проблем и тем, ставших традиционными для научных школ этих учреждений; подготовку совместных изданий; планомерный обмен опытом организации научно-исследовательской работы; проведение совместных конференций, симпозиумов и других научных форумов; привлечение ученых региона к исследованиям, осуществляемым по заданиям республиканских органов власти, и т.д. В отличие от научно-координационной работы советского типа, сегодня совместные исследования и согласование организационных вопросов и тематики НИР осуществляются на основе взаимовыгодных договоров и соблюдения принципа автономии вузов, научных организаций и самостоятельности, свободы творчества ученых.

Важную миссию по координации исследовательской деятельности ученых, научных организаций республики призван выполнять иницилируемый нами журнал «Чувашский гуманитарный вестник». В нем будут публиковаться не только фундаментальные научные статьи, но и материалы дискуссий по наиболее животрепещущим общественным проблемам. Читателям журнала представится возможность ознакомиться с квалифицированными отзывами и рецензиями на новые примечательные труды по гуманитарным изысканиям, оригиналами ранее не опубликованных

источников, имеющих важную научную ценность, и т.д. На страницах журнала планируется организовать обсуждение злободневных вопросов и стратегических проектов развития науки, отражать самые разные точки зрения на актуальные задачи и практику реализации научно-технической политики в республике. Рады будем опубликовать предложения и размышления читателей по проблемам модернизации методологии и тематики современных гуманитарных исследований, представить ваше видение роли ученых-гуманитариев в воплощении идеи инновационного развития Чувашской Республики.

Итак, приглашаем коллег и всех неравнодушных читателей к активному сотрудничеству, чтобы журнал помог нашей интеллигенции полнее проявить себя в качестве субъекта гражданского общества, деятельного участника духовного возвышения народа.

В. С. Григорьев,
доктор исторических наук, профессор,
директор Чувашского государственного
института гуманитарных наук.

ЧГВ, 2006 г., №1
© И.А. Гагин

ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ И МИР КОЧЕВЫХ НАРОДОВ В X–XII вв.

Проблема взаимоотношений волжских болгар с кочевыми народами в период становления и расцвета их государства – Волжской Булгарии – исследована слабо. В то же время для понимания сущности болгарского общества очень важна оценка их связей со всеми этническими общностями, так или иначе входившими с ними в контакт. Особенно остро этот вопрос касается кочевников, с которыми болгары вступали в социально-экономические, политические и культурные отношения. В X–XII вв. это печенеги, башкиры, гузы, половцы. Основная исследовательская задача настоящей статьи – показать пути вовлечения отдельных кочевых племен в орбиту внешней политики болгарского государства. Важнейшими источниками для ее написания явились данные восточных путешественников, посетивших Волжскую Булгарию, русские летописи, а также изыскания российских историков, касающиеся внешнеполитической деятельности средневековой Руси.

В X–XII вв. Волжская Булгария являлась динамично развивавшимся государством в Волго-Камском междуречье. В силу своего географического положения она контактировала с разными народами, что вынуждало ее разрабатывать определенные подходы во взаимоотношениях с соседями. Особняком стояли отношения Волжской Булгарии с кочевниками всех типов, на протяжении нескольких веков соседствовавших с булгарами с юга, юго-востока и востока. По справедливому замечанию В.Т. Пашуто, «Булгария еще в IX в. имела дело со всеми группами тюрков: печенегами, гузами, берендеями и половцами»¹.

Одним из кочевых народов, с которыми булгарам пришлось тесно контактировать после ухода на запад основной массы венгерских племен (первая половина IX в. – *И. Г.*) являлись башкиры. Западные башкиры вплоть

Игорь Анатольевич Гагин – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Академии права Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Рязань).

до нашествия монголов находились в непосредственной сфере болгарских интересов. Как отметил Р.Г. Кузеев, «до начала монгольского нашествия часть башкирских племен составляла восточную провинцию Волжской Булгарии»².

Арабский географ первой половины X в. Эль-Балхи писал в своем сочинении, что «одно из двух племен башкир (бажджаров), живущих близ болгар, подвластно последним»³. Ахмед ибн Фадлан, проезжавший с посольством багдадского халифа Муктадира через кочевья башкир, очень эмоционально рассказывает о них следующее: «Мы остерегались их с величайшей осторожностью, потому что это худшие из турок, самые грязные из них и более других посягающих на убийство. Встречает человек человека, отсекает ему голову, берет с собой, а его (самого) оставляет»⁴. Краткую характеристику образа жизни башкир дает Ибн Русте: «Живут они в шатрах и перекочевывают с места на место, отыскивая кормовые травы и удобные пастбища»⁵.

Если восточные и юго-восточные границы основных, наиболее заселенных болгарских земель проходили по низовьям Зая, Шешмы и Большому Черемшану, то территория восточнее этих рек до Белой и Яика были заселены булгарами не плотно. Об этом свидетельствует небольшая численность археологических памятников на территории описываемого района⁶. Здесь кочевали подвластные булгарам племена башкир.

Без сомнения, прав В.Т. Пашуто, заметивший, что булгары, как и русские, имели практику сажать на свои земли подвластных кочевников⁷. Главная цель подобного мероприятия – создание «буферной зоны», оберегающей пограничные территории страны от вторжения других, враждебно настроенных племен номадов. Дружественные булгарам башкиры, вероятнее всего, неплохо выполняли возложенную на них функцию. Образ башкир, этих пиратов степей, оставленный Ибн Фадланом, вполне доказывает данную точку зрения.

«Роль булгар в восточных районах, занятых тюркским населением, была несравненно больше, чем, например, в западных, финно-угорских землях»⁸. Эта мысль, высказанная Р.Г. Фахрутдиновым, несомненно верна, так как в культурном плане булгары здесь могли дать значительно больше, чем на западе, исходя из того, что этот регион в экономическом отношении был более развит. В частности, Р.Г. Кузеев сообщает, что «северо-западные башкиры в домонгольский период были земледельцами»⁹. Это доказывает бесспорное влияние булгар, которые в указанное время производили столько зерна, что оно становится объектом товарных отношений. Как пример, сообщения ряда русских летописей, которые под 1024 г. упоминают о голоде в Суздальской земле, который смогли преодолеть благодаря экспорту болгарского хлеба.

В период расцвета Волжской Булгарии, когда она распространяла свои торговые связи далеко на север и восток, Приуральская Башкирия, а если быть точнее, северный лесной район Бугульминской возвышенности, был одним из основных районов экспорта пушнины. Проникновение болгарской

культуры в Башкирию явилось следствием торговой экспансии булгар, прежде всего заинтересованных в пушнине. Активная миссионерская деятельность проводилась булгарами в тех областях, в которых они были наиболее экономически заинтересованы, т.е. в лесных «охотничьих районах Бугульминской возвышенности»¹⁰. В целом, отношения башкир и булгар были добрососедскими¹¹.

Еще одним народом, с которым примерно в это же время контактировали булгары, были печенеги. Во времена Ибн Фадлана небольшая их часть непосредственно соседствовала с башкирами. «И вот они темные брюнеты, и вот они с совершенно бритыми бородами, бедны в противоположность гузам», – пишет арабский путешественник¹². Это были остатки печенежских орд, подчинившихся гузам после ухода основной массы их сородичей на запад.

Формирование союза печенегов, известных по византийским источникам, как пацинаки¹³, следует относить к концу IX в.¹⁴ В первые десятилетия своего существования орды печенежского союза кочевали в заволжских степях. Почувствовав ослабление Хазарского каганата, они ринулись к западным рубежам своих владений. К середине X в. печенеги заняли огромные территории в степях от Волги до Дуная¹⁵.

Одну из печенежских орд (всего их было восемь), именуемой фема Гиазихапон, Константин Багрянородный помещает всего в полдня пути от границ Волжской Булгарии¹⁶. Несомненно, между булгарами и соседствующими с ними печенегами названной фемы были налажены политические контакты. К сожалению, источники ничего не говорят о характере взаимоотношений между булгарами и печенегами. Полностью можно согласиться с мнением Б.Д. Грекова, что скудость источников не позволяет проникнуть глубже в структуру политических контактов булгар и о многом приходится только догадываться¹⁷. Но вполне можно предположить, что какие-то печенежские роды из фемы Гиазихапон могли принять участие в формировании болгарской народности наравне с представителями марийских, мордовских, мадьярских и бургасских племен. Какие-то из них, следуя логике дипломатической практики раннего средневековья, были задействованы болгарской «имперской» дипломатией для противодействия проискам враждебных номадов.

О контактах булгар с гузскими племенами мы знаем доподлинно из арабских и персидских источников. На Ибн Фадлана гузы произвели впечатление богатого кочевого народа, владевшего, как потом туркмены, огромными стадами баранов. С.Г. Агаджанов отметил, что бараны, доставляемые из страны гузов в Мавераннахр и Хорасан, считались тогда самыми лучшими¹⁸.

Гузские семьи переезжали на повозках с установленными на них кибитками. По географии X в., гузы были соседями Дар-ал-Ислам (т.е. мусульманских стран) от Джурджана на Каспийском море до Фараба и Асбиджана в области Сырдарьи; на востоке их земля граничила с областью карлуков, на западе – с областью хазар¹⁹. Северо-восточные границы их территории Р.Г. Фахрутдинов определяет по верхнему и среднему течению реки Большой Черемшан, делая гузов непосредственными соседями булгар²⁰.

Политические контакты болгар и гузов были весьма активными. В начале X в. между одним из гузских племен и булгарами был заключен союз, скрепленный браком царя болгар на родственнице сюбаши гузов. По тому, как почитают жену Алмаса, являвшуюся гузской хатунь, А.П. Ковалевский сделал вывод, насколько болгарский царь дорожил союзом с гузами²¹. Булгарская дипломатия видела в них самых верных сторонников Волжской Булгарии в их борьбе с хазарами. Как отметила С.А. Плетнева, гузы, сразу же после завоевания ими заволжских степей и изгнания печенегов, начали проявлять активный интерес к хазарам²². Не приложила ли булгарская дипломатия к этому определенных усилий?

Однако уже к концу X в. отношения с гузами, до этого столь безоблачные, начинают резко изменяться. После уничтожения Хазарии дружинами князя Святослава гузы, принимавшие в этом непосредственное участие²³, изменяют свое отношение к Волжской Булгарии. В одном из своих исследований В.Л. Егоров доказывает, что постоянные отношения с номадами были просто невозможны, и причина здесь вполне объективна. Практика показала, что мирные договоры с кочевниками – средство краткосрочное, не дающее перспективы стабильных отношений. Договор обычно нарушался с приходом к власти нового хана²⁴. По всей видимости, болгары пережили именно подобную ситуацию.

В 985 г. гузы, или торки, как их называли русские летописи, участвуют в походе Владимира Святославовича на волжских болгар. «Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрыней, а торков привел берегом на конях; и победил болгар»²⁵.

Прошедшие полвека внесли существенные коррективы в болгаро-гузские отношения. Возможно, изменение политических приоритетов гузов связано с половцами, которые начали нажимать на них с востока, вытесняя с родовых кочевий. Булгары, отреагировав на изменение ситуации на их юго-восточных границах, попытались наладить политические связи с новыми соседями – половцами, на что сразу очень болезненно отреагировали гузы. Точнее, северная часть гузских орд, которая, под давлением кимаков-половцев, переходит под протекторат русских князей²⁶. Южные орды гузов, пройдя через пустыни и оазисы Средней Азии, захватили Переднюю Азию и образовали турецкую империю Сельджукидов²⁷.

Отношения с новыми кочевыми соседями – половцами – у болгар складывались непросто, а зачастую трагично, но и здесь булгарская дипломатия делала все возможное для достижения стабильных отношений на своих юго-восточных границах.

Попытки проследить историю половцев (кипчаков) с древнейших времен уже неоднократно предпринимались исследователями. Народ половцев-кипчаков начал складываться во времена Тюркютского каганата и являлся хранителем и продолжателем многих его культурных традиций. Л.Н. Гумилев уверенно считает, что одной из составных частей кипчакского этноса явились западные динлины, впервые упомянутые в числе племен,

покоренных хуннами²⁸. Предположительно, они были светловолосыми и, по всей видимости, именно их потомками явились сары – одна из ветвей кипчаков, первой вошедшей в контакт с Русью в XI в.

Занимая часть степного пространства между Сырдарьей и Черным Иртышом, предки кипчаков смешались с кангарами. Результатом этого смешения и явилось образование народа кипчаков. В IX в. кипчаки вошли в состав государства кимаков, с распадом и гибелью которого связан их самостоятельный выход на историческую арену.

Падение державы кимаков было вызвано удельно-племенными раздорами и социальными противоречиями. Начало миграции положили племена каи, вышедшие из подчинения хану кимаков. Если к названию «каи» подходить с позиции монгольского языка, то оно означало «змеи»²⁹. Первоначально они обитали в Центральной Азии и были известны под названием «хай» или «кай». В конце VIII в. они переселяются на запад и занимают долину Иртыша, став соседями народа кун. Именно столкновение этих соседствующих народов и послужило толчком к новой великой миграции народов из Центральной Азии в Восточную Европу³⁰.

Сельджукский придворный врач Марвази сообщает, что народ кун покинул свои исконные кочевья из-за «тесноты пастбищ», но главная причина была внешняя: «Их преследовал народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Тогда куны переселились на земли сары, а сары ушли в земли туркмен. Туркмены переселились на восточные земли гузов, а гузы ушли в страну печенегов»³¹.

С сообщением Марвази согласуются хроники армянского историка Матвея Эдесского: «В 1050 году (499 год армянской эры) какой-то «народ змей» разбил «светловолосых», а те разбили гузов и печенегов, после чего все вместе выступили против страны ромеев»³².

«Народ змей» – это каи, «светловолосые» же сары, так как слово «сары» с тюркского переводится как «желтый», «светлый». В древнетюркском языке сходное значение имело и слово «кун». Именно поэтому в рассказе Матвея Эдесского сары и куны слились в один «светловолосый» народ. Современные исследователи склонны предполагать, что куны являлись восточной ветвью половцев, а сары – западной.

В русских летописях половцы порой именуется «саракине», «сорочины». Эти названия могли произойти от слияния слов «сары» и «кун», поскольку русские рассматривали половцев как один народ. Но пришли они двумя волнами. Это доказывает факт деления половецкой земли на две части: Белую Куманию к западу от Днепра и Черную Куманию – к востоку.

Поскольку народ сары шел впереди кунов, то, без сомнения, именно он образовал западную ветвь половецкого народа, кочевавшего в степях Белой Кумании. Русские книжники-летописцы отразили этот факт в библейской версии происхождения половцев. О происхождении сарацин (половцев) летописец сообщает: «а Срацини от Измаила и творятся Сарины и прозваша имя себе Саракине, рекше Сарины Есмы»³³. Название появившегося в 1055 г.

у рубежей Руси народа сары и могло вызвать у летописца, стремившегося найти библейское обоснование происхождения половцев, ассоциацию с детьми Сары и Измаила. Как потомки Измаила, половцы не единожды фигурируют в летописях³⁴.

Населенная потомками кунов восточная часть Половецкой земли получила название Черная, или Великая, Кумания. Помимо Черной и Белой Кумании у персидского географа и историка ал-Идриси упомянута Внешняя Кумания. С.А. Плетнева отождествляет Внешнюю Куманию с одной из орд «диких половцев», которые кочевали близ Рязанской земли к северу от Половецкой земли. «Дикими» их называли по той причине, что они не желали войти ни в один из образовавшихся в XII в. половецких союзов³⁵.

Движение на запад кипчаки-половцы начинают к рубежу XI в. и примерно к 30-м гг. XI в. фиксируются восточными авторами у границ Хорезма³⁶. География половецкой земли не была стабильной³⁷, однако нет сомнений, что половецкие кочевья граничили с Булгарией³⁸. Являясь соседями, болгары и половцы вынуждены были искать пути сосуществования, хотя структура половецкого общества давала мало шансов на мирное строительство. Сила и прочность власти половцев зависели от их военной активности, поэтому кочевое общество всегда было готово к нападению на соседей³⁹.

Русская летопись очень скудно говорит о болгаро-половецких отношениях. Одно из известий дает представление об ожесточенной борьбе между болгарскими и половцами на юге болгарских владений и показывает, что велась она всеми доступными средствами. «Тогда же приидоша Половцы к Болгаром, и высла им князь Болгарский пити с отравою и пив Аепа и прочии князи вси помроша»⁴⁰. Сообщение это непосредственно касалось ростово-суздальского князя Юрия Долгорукого, так как болгарскими был отравлен его тесть хан Аепа. История средневековой дипломатии знает немало подобных случаев: крайняя мера, когда переговоры однозначно приводят в тупик и нужного решения проблемы ждать не приходится.

Второе известие связано с походом владимири-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо, когда к нему в болгарской земле присоединились половцы хана Емяка⁴¹. Участвовал в этом походе какой-то болгарский князь, что подтверждает мнение о привлечении болгарской знатью кочевников для борьбы со своими соперниками.

Следовательно, все то, что отмечают летописи о проблемах русско-половецких взаимоотношений, является истиной и для болгаро-половецких. Можно быть уверенными в том, что болгарские князья, подобно русским, совершали карательные экспедиции на половецкие вежи; наверняка предпринимались попытки посадить на землю дружественных половцев, чтобы создать из них буфер против «диких» сородичей⁴². Прав П.В. Голубовский, сделавший предположение, что «половцы не избежали стараний соседей обратить их в магометанство. Такими близкими соседями были болгары на Волге»⁴³.

Дружественные отношения с половцами болгарам были крайне необходимы. Основная причина заключалась в том, что кипчаки стали

контролировать все торговые пути на Восток, и следствием этого стало затухание в XI в. большой торговли посредством Волжского пути. То есть, перекрыв все пути передвижения караванов, именно половцы стали виновниками практического прекращения торговли между Востоком и Западом на данном историческом этапе.

Ряд исследователей приходит к совершенно другому выводу: развитие торговли и ремесел не было задержано кипчаками. «Получая от торговли огромные выгоды, половецкие ханы, как в свое время хазары, всячески поддерживали ее и способствовали развитию, стараясь в то же время захватить все торговые пути, проходящие по их землям»⁴⁴. Доказательством указанной точки зрения служит одно летописное известие. В 1184 г., во время очередного похода русских князей на половцев, им навстречу попались купцы, благополучно прошедшие мимо изготовившихся к битве половецких отрядов⁴⁵.

По всей видимости, половецкие ханы действительно старались ради своей выгоды поддерживать купцов, но это касается только половецкой знати, входившей в состав Черной Кумании. Как мы уже отметили, были еще «дикие половцы». Скорее всего, именно они грабили купеческие караваны, и именно «благодаря» им в летописи попали сведения, послужившие исходным началом для формирования негативной точки зрения по рассматриваемому вопросу.

Булгары, во многом зависевшие от торговли с Востоком, не могли не искать путей сближения с теми половецкими ханами, которые держали в своих руках торговые пути. Для нормального развития торговли булгарам нужны были мирные отношения с кочевниками. А.Ю. Якубовский пишет: «Если Саксин в половецкий период стремился в торговом отношении играть роль хазарского Итиля и являлся крупным рынком юго-востока Европы, то на северо-востоке, как и в предшествующий период, торговля была в руках Булгара, значительно выросшего по сравнению с тем, каким он был в X веке»⁴⁶. Из сказанного может следовать только одно: булгары по-прежнему процветают. Следовательно, половцы не были помехой в их торговле с Востоком, наоборот, становятся, в какой-то мере, даже сподвижниками в этой торговле.

В заключение можно сделать очень важный вывод. История становления и развития Волжской Булгарии – это история взаимодействия с весьма разными народами, которые тем или иным образом, втягиваясь в орбиту внешнеполитической деятельности Булгарского государства, становились незыблемыми частями ее социально-экономической и политической структуры. Контакты с кочевниками были очень сложными. Это связано и с кочевым менталитетом, когда договор с одним ханом практически аннулировался с приходом другого, и требовалось начинать все с начала, и с особенностями быта кочевников. Благодаря воздействию булгарской культуры определенная часть башкирских племен переходит к земледелию, какие-то группы половцев втягиваются в военный союз и составляют как бы буферную зону с «дикими половцами», постоянно угрожавшими спокойствию на

булгарских границах. Но самое главное – это возможность продолжения торговли посредством великого Волжского пути. Торговля – важнейшая составляющая экономики Волжской Булгарии. Только мир с кочевниками давал возможность продолжать торговлю с традиционным торговым партнером булгар – Маверранахром.

Литература и источники

- ¹ Пауто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 110.
- ² Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1972. С. 40.
- ³ Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах и руссах Абу Али Ахмеда бен-Омар ибн Даста. СПб., 1869. С. 104.
- ⁴ Ковалевский А.П. Книга Ибн Фадлана о путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 130.
- ⁵ Хвольсон Д.А. Указ. соч. С. 104.
- ⁶ См.: Фахрутдинов Р.Г. К вопросу о булгаро-башкирских взаимоотношениях // Археология и этнография Башкирии (АЭБ). Уфа, 1971. Т. 4. С. 99.
- ⁷ См.: Пауто В.Т. Указ. соч. С. 110.
- ⁸ Фахрутдинов Р.Г. Указ. соч. С. 101.
- ⁹ Кузеев Р.Г. Указ. соч. С. 62.
- ¹⁰ Там же. С. 60.
- ¹¹ См.: Фахрутдинов Р. Г. Указ. соч. С. 101.
- ¹² Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 130. В прим. 244 читаем замечание переводчика книги, что печенеги именно брили бороды, а не выщипывали, как это делали гузы.
- ¹³ См.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 213.
- ¹⁴ См.: Плетнева С.А. Половцы. М., 1990. С. 10.
- ¹⁵ См.: Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). М., 1958. Вып. 62. Т. 1. С. 186.
- ¹⁶ См.: Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 210.
- ¹⁷ См.: Греков Б.Д. Волжские булгары в IX–X вв. // Исторические записки. 1945. Т. 14. С. 4.
- ¹⁸ См.: Агаджанов С.Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII веках. М., 1991. С. 21.
- ¹⁹ См.: Бартольд В. В. Гузз // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1968. Т. 5. С. 524.
- ²⁰ См.: Фахрутдинов Р.Г. Территория Волго-Камской Булгарии домонгольского и золотоордынского периодов (По археологическим и письменным источникам): Диссер. ...канд. истор. наук. Казань, 1968. С. 56.
- ²¹ См.: Ковалевский А.П. Ибн Фадлан: Диссер. ...док. истор. наук. М., 1948. Т. 2. С. 648.
- ²² См.: Плетнева С.А. Половцы. С. 22.
- ²³ См.: Калинина Т.М. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 год. М., 1976. С. 94.
- ²⁴ См.: Егоров В.Л. Русь и ее южные соседи в X–XIII вв. // Отечественная история. 1994. № 6. С. 187.
- ²⁵ Повесть временных лет / Пер. и ком. Д.С. Лихачева. М.; Л., 1950. С. 159.
- ²⁶ См.: Голубовский П.В. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв. Киев, 1884. С. 76.
- ²⁷ См.: Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М., 1960.
- ²⁸ См.: Гумилев Л.Н. Динлинская проблема // Известия Всесоюзного географического общества (ИВГО). М., 1959. № 1. С. 19.
- ²⁹ См.: Ахинжанов С.М. Из истории движения кочевых племен евразийских степей в первой половине XI в. // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 47.

- ³⁰ См.: *Князьский И.О.* Русь и степь. М., 1996. С. 44.
- ³¹ *Кумеков Б.Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 128.
- ³² Там же. С. 125.
- ³³ *Плетнева С.А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII веков. М., 1975. С. 261.
- ³⁴ См.: ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 224.
- ³⁵ См.: ПСРЛ. М., 1962. Т.1. Стб. 162; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 152.
- ³⁶ См.: *Плетнева С.А.* Указ. соч. с. 266.
- ³⁷ *Фахрутдинов Р.Г.* К вопросу о болгаро-башкирских взаимоотношениях. С. 101.
- ³⁸ См.: *Кудряшов К. В.* Половецкая степь. М., 1948. С. 130.
- ³⁹ См.: *Плетнева С.А.* Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях. С. 195.
- ⁴⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 415.
- ⁴¹ См.: ПСРЛ. Т. 17. С. 96.
- ⁴² См.: *Якубовский А.Ю.* Дешт-и-Кипчак до прихода монголов // Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 12.
- ⁴³ *Голубовский П.В.* Указ. соч. С. 76.
- ⁴⁴ *Плетнева С.А.* Указ. соч. С. 191.
- ⁴⁵ См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 429.
- ⁴⁶ *Якубовский А.Ю.* Указ. соч. С. 23–24.

I. A. G a g i n. The Volga Bulgaria and the world of nomadic peoples in X–XII centuries.

Volga bulgars are diligent people of farmers and businessmen who have created one of the most powerful states of the East Europe during an epoch of the early Middle Ages. One of the key problems of its history in X-XII centuries was an interaction with nomadic neighbours. The ability of bulgar diplomacy to establish good-neighbour relations allowed them to strengthen the state economic basis, trade with East being its core component. In the article there are shown problems of interrelations of bulgars with Bashkirs, Guzy and Polovtsy. These mutual relations often had tragical character, but at the same time they determined many aspects of life of the Bulgar state.

С окончанием Гражданской войны Советская власть вплотную приступила к решению ряда крупных проблем региональной политики: новому административно-территориальному устройству страны, национально-государственному строительству, экономическому районированию. Все эти проблемы были чрезвычайно актуальны и находились во взаимосвязи между собой, но на первый план выдвинулась задача районирования, т.е. наиболее рациональной организации территории, хозяйства и управления страной. Доставшуюся в наследство от самодержавия, не отвечавшую политическим реалиям систему территориальной организации и управления предполагалось заменить новыми административно-территориальными единицами, гораздо более крупными, чем губернии, – областями (экономическими районами). Применительно к Чувашии проблема экономического районирования и связанный с ним процесс укрупнения регионов РСФСР в 1920-е гг. совершенно не разработана в местной историографии, поэтому целью настоящей статьи является анализ данной проблемы в хронологических рамках первой половины 20-х гг. XX в.

Еще в 1919 г. на VII Всероссийском съезде Советов было принято решение поручить ВЦИК «разработать практически вопрос о новом административно-хозяйственном делении РСФСР»¹. Проект ГОЭЛРО (декабрь 1920 г.), представлявший собой первую попытку составления перспективного плана экономического развития страны, включал в себя главнейшие предпосылки теории энергетического районирования, положенные в основу дальнейших работ по районированию. Его составители исходили из того, что при обширности территории страны и ее экономической разнообразности хозяйственный план может быть построен только самостоятельно для отдельных крупных экономических единиц. В качестве самой крупной

Владимир Николаевич Клементьев – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории Чувашского государственного института гуманитарных наук.

единицы экономического районирования и одновременно административно-территориального деления была взята область, представляющая комплексный экономический район². Область рассматривалась как территориальный производственный комплекс с определенной специализацией, связанный во всероссийском масштабе с другими областями в целостную экономическую систему благодаря межрайонному разделению труда и транспортным магистралям³. Состав и границы областей были разработаны подкомиссией по районированию Госплана РСФСР во главе с И.Г. Александровым, который в августе 1921 г. представил в Государственную Плановую комиссию доклад «Экономическое районирование России». В нем впервые в полной и систематической форме были изложены научные основы госплановского экономического районирования и дан проект деления страны на 21 экономический район (область): для Европейской России намечалось 13 районов, для Азиатской – 8 районов⁴.

С некоторыми изменениями он был утвержден Комиссией ВЦИК. В Европейской России планировалось образовать Северо-Западную область, с центром в г. Петрограде, Северо-Восточную (Архангельск), Западную (Смоленск), Центрально-промышленную (Москва), Центрально-черноземную (Воронеж), Вятско-Ветлужскую (Вятка), Средне-Волжскую (Самара), Уральскую (Екатеринбург), Юго-Западную (Киев), Южную горнопромышленную (Харьков), Юго-Восточную (Саратов), Кавказскую (Владикавказ)⁵. Основным принципом создания области как административной единицы выдвигалась хозяйственная однородность местности и связанный с ней одинаковый культурно-бытовой уклад населения. Область мыслилась как крупная территориальная единица, обладающая значительно более широкой хозяйственной компетенцией, чем прежняя губерния, с законченной системой производственных элементов и с мощным производственным центром общегосударственного значения. Ее границы устанавливались прежде всего исходя из общефедеральных интересов. Область делилась на округа – единицы, по размерам своим представляющие нечто среднее между уездом и губернией, также организованных по экономическому принципу. Округ планировался как территориальное хозяйственное объединение местного масштаба во главе с производственным центром второго разряда. Наконец, третьей, последней, территориальной единицей являлась районная волость (район), заменяющая собой уездное и волостное деление – мелкая единица советского управления с местным хозяйственным центром в виде торгово-промышленного поселения⁶. Таким образом, госплановский проект экономического районирования предусматривал полную реорганизацию административно-территориального деления страны и управления хозяйством по территориальному принципу. Однако он не учитывал практику национально-государственного строительства. И.Г. Александров, например, на первом заседании подкомиссии по районированию заявил: «...Национальное объединение по существу малорационально в экономическом отношении. Может быть, было бы возможно объединение национально-культурное,

независимо от экономических районов»⁷. Сознательное нежелание считаться с существующими национальными административно-территориальными единицами со стороны авторов проекта районирования проявилось и в том, что и самим И.Г. Александровым, и во многих трудах Госплана говорилось о Казанской губернии, которой в РСФСР уже с 1920 г. не существовало⁸.

Образованная в июне 1920 г. Чувашская автономная область вместе с Татарской АССР, Симбирской, Самарской и частью Пензенской губерний согласно проекту И.Г. Александрова включалась в Средне-Волжскую область с центром в Самаре. Общая специализация области определялась как сельскохозяйственная, а осью ее экономического развития становилась р. Волга с ее притоками. Причем часть территории Чувашской области – левобережная лесная полоса по р. Волге – по этому проекту должна была быть отнесена к Вятско-Ветлужскому экономическому району.

4 ноября 1921 г. проект Госплана о районировании страны был принят Советом Труда и Оборона и по его поручению разослан во все субъекты федерации. 26 ноября 1921 г. прошел пленум областного исполкома Советов Чувашской автономной области, заслушавший доклад С.А. Коричева «О проекте районирования РСФСР по экономическим признакам». В своем выступлении председатель облисполкома Советов ЧАО отметил, что сетка экономических районов, разработанная И.Г. Александровым, игнорирует национально-политические моменты, в ряде случаев нарушает территориальную целостность национальных образований, и необходимо внести поправки в план экономического районирования с учетом интересов национально-территориальных единиц. По докладу С.А. Коричева пленум принял решение обратиться в центральные правительственные и руководящие органы автономных республик и областей с тем, чтобы на IX Всероссийском съезде Советов они внесли коррективы «по вопросу о районировании РСФСР по экономическому признаку»⁹. В начале декабря 1921 г. соответствующее обращение областного исполкома Советов ЧАО было разослано во все автономные республики и области РСФСР¹⁰.

Протесты и возражения со стороны национальных субъектов возымели свое действие. Комиссия по районированию ВЦИК во главе с М.И. Калининым выделила подготовительную комиссию под председательством А.Г. Белобородова в составе И.Г. Александрова, Г.К. Клингера, Максимовского «для большей разработки предложений доклада о самих районах, их компетенции, правах и взаимоотношениях с центральными органами и выработки тезисов доклада съезду Советов»¹¹. На первом же заседании подкомиссии 28 ноября 1921 г. был поставлен вопрос об учете национальных границ. Подкомиссия вынесла решение: «Признать, что при образовании областей границы не нарушаются». Было решено, что крупные национальные единицы образуют самостоятельные экономические районы, а более мелкие должны целиком входить в тот или иной экономический район в качестве подрайонов. Подкомиссия сочла, что в ряде случаев необходимы договоры, соглашения с отдельными республиками о вхождении их в определенный экономический

район¹². По указанию Комиссии ВЦИК по районированию И.Г. Александрову как представителю Госплана и Г.К. Клиндеру как представителю Народного комиссариата по делам национальностей поручалось представить тезисы по национальному вопросу в связи с районированием к докладу на IX Всероссийском съезде Советов. Составленные ими тезисы были рассмотрены на заседании Комиссии 9 декабря 1921 г. В их положениях твердо устанавливалось, что права автономных республик и областей должны быть полностью обеспечены – права автономий при вхождении в область «не подлежат умалению»; границы экономических районов не должны нарушать границы национальных образований. Экономический принцип районирования, указывалось в тезисах, должен быть осуществлен так, чтобы он содействовал хозяйственному и социально-культурному развитию всех национальностей страны¹³. Тезисы Александрова и Клиндера были приняты в качестве составной части тезисов Комиссии ВЦИК по районированию¹⁴.

Наряду с принципом национального самоопределения, они предусматривали, что экономическое районирование, крупные объединения областного типа создадут условия для сильного местного хозяйства с разделением всей совокупности хозяйственных правомочий на сферу компетенции общегосударственной власти и власти местной, с предоставлением последней широких полномочий и ограничением воздействия центра на местное хозяйство мерами общего характера и контроля¹⁵.

Несмотря на то, что в проект районирования Госплана были внесены весьма существенные дополнения и изменения в целях учета политических прав национальных образований, он встретил решительный отпор с их стороны. Так, Башкирская АССР потребовала, чтобы автономные республики не включались в экономические районы Госплана, а считались бы отдельными экономическими районами¹⁶. Татарстан выдвинул свой план экономического районирования России «с точки зрения экономических интересов Татарской республики», в котором предлагал «несколько иное решение вопроса экономического районирования»: создание по счету четырнадцатой – Волжско-Камско-Вятской – области с центром в Казани. В нее планировалось включить Татарскую АССР, Чувашскую, Марийскую, Вотскую автономные области, Уржумский, Мамадышский и Сарапульский уезды Вятской губернии, исходя из целесообразности «восстановления хозяйственного единения территории» Казанской губернии, раздробленной по национальному признаку¹⁷.

Руководство Чувашии придерживалось позиции, что экономические районы «неизбежно будут тормозить развитие наций», они создадут излишний бюрократический аппарат, поэтому «автономии не должны быть подчинены никаким районным и областным органам, кроме как всероссийским центральным органам»¹⁸. В июле 1922 г. административная комиссия областного отдела управления ЧАО приняла резолюцию: «В целях сохранения автономии Чувашской Автономной Области... выработать доклад о нежелательности укрупнения губерний РСФСР и представить доклад в Административную Комиссию ВЦИК на рассмотрение»¹⁹.

Ввиду особой важности согласования экономического районирования с требованиями национальных автономий доклад Госплана о районировании был поставлен на специальном заседании Совета национальностей Наркомнаца 25 апреля 1922 г. В своем докладе И.Г. Александров подчеркнул, что некоторые автономные национальные образования экономически слабые и не могут представлять собой самостоятельные экономические единицы, единственный путь подъема отсталых автономий – это объединение с промышленными центрами; автономные республики и области при экономическом районировании сохраняют все свои права, обеспеченные Конституцией; за ними остается право входить в определенный экономический район по соглашению и по особому договору или отказаться от такого объединения, оставаясь в качестве самостоятельной экономической единицы. По итогам обсуждения доклада совещание приняло решение сформировать специальную комиссию из представителей федеральных органов (Г.И. Бройдо, И.П. Трайнин и др.) и национальных субъектов (М.Х. Султан-Галиев, Ш. Манатов и др.) «для рассмотрения проекта экономического районирования РСФСР применительно к интересам автономных республик и областей и внесения в него поправок»²⁰.

Заседание Комиссии состоялось 2 мая 1922 г. Поправки, внесенные ею в схему районов Госплана, заключались, в частности, в следующем: выделить в особую и объединить в одну область с центром в Казани Татарскую АССР, Чувашскую, Марийскую и Вотскую автономные области; при районировании экономическая самостоятельность автономных единиц, предусмотренная соответствующими законодательными актами, сохраняется²¹.

Летом 1922 г. вопрос о районировании был передан местам на рассмотрение. В Чувашии этот вопрос был обсужден не только компетентными ведомствами, но и вынесен на суд широкой общественности. На страницах газеты «Чувашский край» на тему экономического районирования выступил со статьями председатель областного исполкома Советов ЧАО С.А. Коричев. Он обращал внимание читателей, что проект Госплана содержит немало непродуманных и слабопроработанных аспектов задуманной региональной реформы. Так, сетка экономических районов в основе своей имеет хозяйственную однородность и однотипность всех входящих в данный район административных единиц. Но, исходя из такого подхода, Чувашия не должна входить в черноземную земледельческую Средне-Волжскую область, так как с ее отсталым сельским хозяйством и природно-климатическими условиями она не впишется в зону интенсивного сельскохозяйственного производства. Точно так же Татарская республика – крупный промышленный регион – «никогда не может подпасть под экономическое влияние Самары», а Марийская область, планируемая ко включению в Вятско-Ветлужскую область, никогда ни экономически, ни исторически не была связана с Вяткой, значительно дальше находится от нее, чем от Казани, разделена с Вяткой сплошным лесным массивом. С.Коричев указывал, что в госплановом проекте совершенно не говорится о том, какие взаимоотношения установятся между

областями и федеральными органами; что из себя будут представлять национальные автономные образования с политическими правами, которые гарантирует И.Г. Александров, без экономических, – «очевидно, нужно подразумевать, что они (национальные автономные. – В.К.) как таковые должны ликвидироваться». Вызывала вопросы у автора публикаций административная составляющая экономического районирования. Как будут соотноситься и взаимодействовать между собой два параллельных областных органа – административный и экономический? Что реально даст упразднение уездов и создание вместо одной губернии нескольких округов? Не приведет ли это к отдалению широких слоев трудящихся от местных советских органов?²²

Вместе с тем со второй половины 1922 г. руководство Чувашии уже не отвергало сам принцип областного экономического районирования, настаивая лишь на том, чтобы местам предоставили необходимую самостоятельность в сфере управления экономической жизнью и местные хозяйственные органы находились бы непосредственно в ведении центра. Была пересмотрена сетка и состав экономических районов, прежде всего Средне-Волжского и Вятско-Ветлужского, как раз там, в которых И.Г. Александров предлагал образовать областные экономические совещания и плановые комиссии «в самом ближайшем будущем»²³.

Облисполком Советов Чувашской автономной области категорически высказался и против включения Чувашии в Средне-Волжскую область, и против проекта Татарской АССР о включении ЧАО в Волжско-Камскую область с центром в Казани, и против признания областным экономическим центром региона Нижнего Новгорода. Он представил в Госплан соображения о возможности расширения юго-восточных границ Центрально-промышленного района (с центром в Москве) до Волжско-Сурского бассейна включительно с тем, чтобы Чувашская область с Нижегородской губернией входили в состав названного района²⁴. При этом выдвинул условие, что Чувашская область составит особый экономический подрайон с более широкими правами, чем обычная губерния (округ); будет обладать правами на экономическое самоуправление; войдет в состав района «в ее современных территориальных границах» (отторжение левобережья Волги от Чувашии согласно проекту И.Г. Александрова недопустимо)²⁵. Свое предложение о присоединении к Центрально-промышленному району облисполком обосновал необходимостью «скорейшей индустриализации» Чувашской области²⁶.

Поскольку это предложение не нашло поддержки в центре у органов, ответственных за разработку плана экономического районирования, 23 марта 1923 г. Плановая комиссия ЧАО представила в Госплан еще один доклад «Об экономическом районировании РСФСР», в котором просила внести поправку в перспективный план районирования в смысле создания нового экономического района на территории Средней Волги путем соединения Вятско-Ветлужской области с северной частью Средне-Волжской области с центром в Казани или иного экономического района с центром в Нижнем

Новгороде, включив в него Чувашскую область. Предполагалось, что этот район будет иметь промышленную специализацию: во главу угла станет развитие обрабатывающей промышленности, лесных и кустарных промыслов, что даст толчок индустриализации Чувашии «в самом форсированном порядке»²⁷. 24 марта 1923 г. бюро обкома РКП(б) и облисполком Советов ЧАО вынесли официальные резолюции «настаивать перед Госпланом и СТО о создании Верхне-Волжского района с центром в г. Нижний Новгород», включив в этот район Чувашскую область как автономную единицу, экономический подрайон с большими правами, чем округ; категорически возражать против присоединения Чувашии к Средне-Волжскому району с центром в Самаре или Урало-Волжскому (так написано в постановлениях. – *В.К.*) с центром в Казани²⁸.

Итоги дискуссий на местах о сетке и составе экономических районов были обсуждены на совещании по областному строительству, созванном Госпланом РСФСР в Москве 13–14 апреля 1923 г. Среди прочих на всероссийском заседании были рассмотрены вопросы о создании Средне-Волжской, Вятско-Ветлужской областей и предложение Татарской республики об организации Волжско-Камской области. По причине того, что татарский проект не предусматривал, что станется с территориями, остающимися вне Волжско-Камской области, которые планировались ко включению в Средне-Волжскую и Вятско-Ветлужскую области, совещание приняло решение рекомендовать ЦИКу и СНХ Татарстана доработать его с привлечением заинтересованных сторон. Оно постановило образовать организационные бюро по Средне-Волжской и Вятско-Ветлужской областям, тем самым переводя работы по районированию в плоскость практических мероприятий. На совещании был отвергнут проект ЧАО о возможности организации Верхне-Волжской области с центром в Нижнем Новгороде. Как объяснил представитель Госплана, между центральными органами и органами управления Нижегородской губернии достигнуто соглашение о включении ее в Центрально-промышленный экономический район и представитель Нижнего Новгорода уже работает в оргбюро области. Не было поддержано и другое предложение Чувашии – об отнесении ее к Центрально-промышленной области. Так как, во-первых, это значило бы создать территориальную чересполосицу, а, во-вторых, ЧАО «с естественноисторической и экономической сторон имеет мало общего с Центрально-промышленной областью», как объяснили свою позицию работники Госплана²⁹. В силу указанных обстоятельств уполномоченный Чувашии на совещании высказал пожелание, чтобы в ходе районирования она была отнесена к той области, «где предполагается как основа не сельское хозяйство, а промышленность»; таковой он назвал Волжско-Камский экономический район³⁰. Но и этот вариант рассматривался властями Чувашии как «крайний случай»³¹. Официальная же их позиция на всем протяжении 1923 г. по вопросу областного строительства колебалась от «считать нецелесообразным в данное время и при настоящих условиях отнесение Автономной Чувашской области к какому-

либо району» (постановление бюро областного комитета РКП(б) от 16 июня 1923 г.)³² до «возбудить ходатайство о присоединении АЧО к Центральному промышленному району», но «ни в коем случае не к Самарскому» (Средне-Волжскому. – В.К.) (резолуция бюро обкома партии от 27 июля 1923 г.)³³.

Учитывая сложность задачи и активную оппозицию регионов реформе экономического районирования страны, состоявшийся в апреле 1923 г. XII съезд РКП(б) высказался за осторожность и постепенность в практическом осуществлении реформы. Резолюция партийного форума гласила: введение новой системы административно-хозяйственного деления требует осторожного подхода и большего срока для своего окончательного проведения; считать разработанный Госпланом и Административной Комиссией Президиума ВЦИК план нового административно-хозяйственного деления лишь предварительной рабочей гипотезой, нуждающейся в дополнении, проверке и разработке на основании опыта. Съезд признал необходимым план экономического районирования провести для начала в двух районах – промышленном и сельскохозяйственном (ими были выбраны Уральская область и Северо-Кавказский край), «с организацией в них областных исполкомов». В отношении остальных областей, национальных республик и губерний он поручил ЦК партии ограничиться предложением разработки районирования, «не допуская его фактического проведения в жизнь до учета опыта в указанных 2-х областях и за отдельным исключением с разрешения ЦК партии». Съезд также высказался, чтобы в процессе реализации реформы существенно были расширены права и полномочия областей, прежде всего в сфере бюджета, и за укрепление и развитие «ближайших к массам органов власти»³⁴.

Несмотря на то, что XII съезд РКП(б) не утвердил предложенного Госпланом проекта сетки экономических районов, а указал лишь на необходимость определить два опытных объекта районирования, в число которых Поволжье не вошло, практические работы по районированию этого района прекращены не были. 21–22 июля 1923 г. в Самаре состоялась встреча представителей Самарской, Пензенской, Симбирской губерний и Чувашской автономной области по вопросу создания Средне-Волжской области. Выступивший на совещании делегат от Чувашии Я.П. Ятманов в своей речи отметил, что на данном этапе в деятельности органов управления ЧАО главное не вопрос экономического районирования, а внутриобластное районирование (переход от уездов и волостей к районной системе управления); он указал, что, как видно из прений, ни одна губерния, кроме Самарской, не поддерживает идею создания Средне-Волжской области, и Чувашская область требует, чтобы при экономическом районировании были учтены и защищены ее национальные особенности и права. Сославшись на отсутствие полномочий, Ятманов воздержался при голосовании по вопросу организации областного бюро Средне-Волжской области³⁵.

В итоге обсуждений совещание признало необходимым, «не фиксируя твердо объем и границы области», чтобы органы управления трех губерний,

Татарской АССР и ЧАО определили свою принципиальную позицию о «вхождении или не вхождении в Средне-Волжскую область не позднее 1 октября с.г.»; учесть и принять заявление представителей Чувашии, что «в связи с экономическим районированием автономные объединения поднимают свое экономическое и культурное положение»³⁶.

27 июля 1923 г. доклад Я.П. Ятманова о командировке в Самару был заслушан на бюро обкома РКП(б), которое одобрило его действия на совещании и вынесло постановление: возбудить ходатайство о присоединении Чувашии к Центрально-промышленной области³⁷.

Между тем правительственные органы Татарстана проявляли активность по реализации своего проекта образования Волжско-Камской области. 30 мая в Москве прошло совещание глав представительств Татарской АССР, Вотской, Марийской и Чувашской АО при Президиуме ВЦИК, на котором был рассмотрен вопрос об организации Волжско-Камского промышленного бюро. Но оно закончилось ничем, его участники высказались против стремления Татарского совнархоза «присвоить себе права областного Партбюро с подчинением Автономных областей»³⁸. 31 июля в адрес органов управления ЧАО поступило письмо Совета народного хозяйства Татарской АССР, в котором говорилось о том, что проект И.Г. Александра ущемляет национальные права автономий, об отказе республики принять участие в работах по осуществлению проекта Средне-Волжской области, и предлагалось провести в Казани 15 августа 1923 г. совещание представителей Чувашской, Марийской, Вотской АО и Татарской республики с повесткой дня «Обоснование Волжско-Камской области»³⁹. 10 августа 1923 г. бюро Чувашского обкома партии, рассмотрев отношение Татарского совнархоза об организации Волжско-Камского экономического района, приняло решение: «Оставить без последствий» данное обращение⁴⁰.

До конца 1923 г. правительство Чувашии в вопросах экономического районирования руководствовалось желательностью включения автономии в Центрально-промышленную область. Его точка зрения изменилась в начале 1924 г., чему способствовал ряд обстоятельств: официальный отказ Президиума Госплана согласиться с предложением властей ЧАО⁴¹ и выдвижение ими проекта преобразования Чувашской автономной области в республику с центром в Симбирске с расширением ее территории за счет Симбирской, Самарской губерний и Татарской АССР (как известно, все они планировались к включению в один экономический район). 29 января бюро обкома партии, а 30 января 1924 г. облисполком Советов ЧАО признали «возможным отнесение Чувашобласти к Средне-Волжскому району с центром в г. Самаре» как отдельного округа с сохранением прав АО⁴².

В дальнейшем вся позиция руководящих органов Чувашии по вопросу о принадлежности к тому или иному экономическому району определялась и зависела от того, как решалась задача и происходил процесс расширения ее территории с преобразованием в республику. После того как в мае 1924 г. Самарский, Симбирский губернские исполкомы Советов и ЦИК Татарской

АССР отвергли проект расширения территории ЧАО, партийным бюро обкома было принято решение воздержаться от включения представителя Чувашии в оргбюро Средне-Волжской области⁴³. А 20 июня в адрес Совета Труда и Оборона поступила телеграмма, подписанная С.А. Коричевым и Д.С. Эльменем, в которой сообщалось, что отнесение Чувашской области «к какому-либо району нецелесообразно»⁴⁴. Но уже 30 июня в докладе Плановой комиссии Чувашского облисполкома в Госплан РСФСР предлагалось включить Чувашию в «экономический район с индустриально-производственным назначением, каковым является Центрально-промышленный район»⁴⁵.

Параллельно активно и настойчиво продвигался Татарстаном проект Волжско-Камской области. В конце лета 1924 г. прошли встречи руководителей Чувашии и Татарской АССР, на которых была достигнута договоренность, что Чувашская автономная область отказывается от вхождения в Средне-Волжскую область и присоединяется к Волжско-Камскому экономическому району; в свою очередь Татарстан соглашается поддержать ходатайство ЧАО о расширении ее территории и создании республики с центром в Ульяновске с присоединением к ней части Ульяновской и Мелекесского уезда Самарской губерний⁴⁶. 25 августа состоялось совещание ответственных партийных и советских работников от всех уездов Чувашской области с повесткой дня «О вхождении АЧО в один из экономических районов (Средне-Волжский или Волжско-Камский)». Совещание признало необходимым включить Чувашию в Волжско-Камский экономический район на условиях присоединения к нему Марийской и Вотской АО, расширения территории ЧАО на основе возбужденного ходатайства перед ВЦИК (т.е. со включением в республику части территории Ульяновской губернии с городами Ульяновск и Алатырь, Мелекесского уезда Самарской губернии и части Татарской АССР), принятия организационным съездом Волжско-Камской области Положения о порядке вхождения автономных областей и республик в областные экономические объединения (районы)⁴⁷. По рекомендации совещания, 29 августа бюро обкома партии для разработки проекта соответствующего Положения сформировало комиссию в составе И.И. Илларионова, И.Е. Ефимова и Г.И. Иванова⁴⁸.

30 и 31 августа решения совещания о вхождении Чувашии в Волжско-Камскую область санкционировали V сессия областного исполкома Советов и III пленум обкома РКП(б) ЧАО⁴⁹. Они же приняли Положение о принципах вхождения в экономические краевые объединения национальных административных единиц. Смысл этого документа заключался в том, чтобы гарантировать в рамках проектируемого экономического района вполне самостоятельное существование входящих в него субъектов на следующих принципах: за ними обеспечивается полная самостоятельность в национальной, социально-экономической и административной сферах деятельности; состав краевого исполкома устанавливается на паритетных началах и при обязательном представительстве субъектов во всех краевых органах; за субъектами закрепляется право обжаловать во ВЦИК распоряжений краевого

центра, которые до решения ВЦИК к исполнению не обязательны; по всем вопросам, когда это будет необходимо, субъекты имеют право непосредственного сношения с центральными органами РСФСР; при практическом осуществлении экономического районирования «особенно учитываются национально-бытовые, культурные и экономические условия автономных республик и областей»; в краевом бюджете автономные республики и области «пользуются наибольшей самостоятельностью»; по вопросам местного бюджета они сносятся непосредственно с центральными органами РСФСР; представительство автономий в органах СССР и РСФСР осуществляется «независимо от краевых объединений»⁵⁰.

6–7 сентября 1924 г. в Самаре состоялось очередное совещание по созданию Средне-Волжской области, которое должно было утвердить организационное бюро области. Но так как Татарская АССР и Чувашия отказались делегировать в него своих представителей, этот орган так и не был сформирован, что делало перспективу образования Средне-Волжской области весьма туманной⁵¹.

Тем временем в Казани 1 октября 1924 г. по инициативе Татарской республики и Чувашской области собрались представители двух названных автономий, а также Марийской и Вотской АО для обсуждения вопроса организации Волжско-Камского экономического района. В состоявшейся дискуссии делегат от ЧАО (И.И. Илларионов) однозначно высказался за образование Волжско-Камской области. Марийский представитель (В.А. Мухин) указал, что если будет экономически выгодно и политически целесообразно и если удастся договориться о принципах взаимоотношений автономий в проектируемом экономическом районе, органы управления МАО станут придерживаться курса на присоединение к нему. Уполномоченный от Вотской области (С.И. Якобсон) заявил: «Пока мы не решили, куда входить, в Волжско-Камский район или Вятско-Ветлужский район. Мы пойдем тогда, когда со стороны центра будет разработано Положение, на каких правах области войдут в экономическое объединение. Потом нам надо разобраться, насколько нам выгодно войти в Волжско-Камский край»⁵². В итоге по вопросу об образовании Волжско-Камской области на совещании было решено провести еще одну встречу в Москве во время сессии ВЦИК и поручить председателю ЦИК Татарской АССР Р.А. Сабирову войти в Госплан СССР с ходатайством об организации оргбюро Волжско-Камской области⁵³. Другой вопрос, обсужденный на совещании в Казани, касался принципов правовых взаимоотношений субъектов с областью, РСФСР и СССР и их органами управления. 3 октября совещание утвердило проект соответствующего Положения. Данный документ декларировал, что образование Волжско-Камской области «ни в какой степени не должно умалять прав автономных республик и областей, предоставленных им Конституцией и постановлениями ВЦИК»; все автономии входят в область в качестве самостоятельных административно-хозяйственных единиц «без выделения из них каких-либо территориальных частей». Он предусматривал широкие права, компетенцию

и самостоятельность субъектов в сферах финансово-налоговой, социально-экономической и во взаимоотношениях с федеральными ведомствами⁵⁴.

Результаты совещания в Казани 25 октября 1924 г. были рассмотрены пленумом Чувашского обкома РКП(б). И хотя в резолюции партийного заседания по докладу И.И. Илларионова было подтверждено ранее принятое партийными и советскими органами Чувашии решение о ее вхождении в Волжско-Камскую область, однако прения на пленуме выявили и расходящиеся с официальной позицией точки зрения. Так, Д.С. Эльмень отметил, что «... Гораздо выгоднее будет, если мы войдем в Московский район (Центрально-промышленный. – *В.К.*) или Самарский» (Средне-Волжский экономический район. – *В.К.*). Г.М. Михайлов выразил мнение, что включение Чувашии в Волжско-Камскую область и расширение ее территории с преобразованием в республику с центром в Симбирске «вместе не вяжутся»: «если Мелекесский уезд присоединим к нашей области, разве он согласится войти в Волжско-Камский район?»⁵⁵.

14 ноября 1924 г. секция районирования Госплана СССР дала свое заключение в Комиссию по районированию ВЦИК по вопросу образования Волжско-Камской области. В нем орган Государственной плановой комиссии высказался против создания такой области, поскольку ее появление нарушит общую схему экономического районирования страны, согласно которой на протяжении р. Волги должны быть организованы Вятско-Ветлужская, Средне-Волжская и Нижне-Волжская области, образование Волжско-Камской сделает «совершенно неустроенным Вятский край»; экономическая структура Волжско-Камской области в составе лишь четырех автономий не дает «достаточных данных для возможности образования области как законченного в экономическом смысле района»⁵⁶.

Несмотря на отрицательный отзыв, вышестоящая Комиссия по районированию ВЦИК 15 ноября 1924 г. признала целесообразным организовать в Казани оргбюро Волжско-Камской области из представителей Татарской АССР, Чувашской, Марийской и Вотской АО; она также постановила образовать организационное бюро Средне-Волжской области в Самаре в составе делегатов от Самарской, Ульяновской, Пензенской губерний, Татарской республики и ЧАО «по их назначению» и обязала ЦИК Татарстана, Самарский губернский и Чувашский областной исполкомы Советов для увязки работ двух областных организационных бюро «выделить своих представителей как в Оргбюро Средне-Волжской области, так и в Оргбюро Волжско-Камского края»⁵⁷ (последний пункт резолюции руководящими органами Чувашии исполнен не был: 10 января 1925 г. бюро обкома партии постановило: «Представителя области в Оргбюро Средне-Волжской области не командировать»⁵⁸).

Резолюция Комиссии ВЦИК свидетельствовала о том, что в Москве не был окончательно решен вопрос о районировании Поволжья, шла борьба вокруг него, участниками которой были не только сами субъекты районирования, но и центральные ведомства – разработчики проектов сетки

экономических районов. В отличие от Госплана, который прежде всего исходил из экономических соображений, Комиссия районирования ВЦИК при создании областей стремилась принять во внимание и политические аспекты: учесть специфические запросы и особенности национально-административных единиц РСФСР.

В целях окончательного выяснения состава Волжско-Камской области и разрешения соответствующих организационных вопросов на начало февраля 1925 г. в Казани было назначено проведение второго по счету совещания. Накануне его открытия 29 января 1925 г. в адрес правительственных органов Татарстана поступила телеграмма из Вятки, в которой сообщалось, что организация Волжско-Камской области является «противоречащей основным принципам районирования, выдвинутому Госпланом»; вхождение в нее Вотской АО и создание организационного бюро обкома – «нецелесообразны»⁵⁹. А 31 января в Казань пришла телеграмма секретаря Комиссии ВЦИК по районированию К.Д. Егорова. В ней он ставил в известность, что 8 декабря 1924 г. Президиум ВЦИК постановил образование оргбюро Волжско-Камской области отложить, поручив секретарю Президиума ВЦИК А.С. Енукидзе согласовать этот вопрос между заинтересованными сторонами, и рекомендовал вопрос о создании оргбюро Волжско-Камской области на предстоящем совещании не рассматривать⁶⁰.

Отказ Вотской области выслать своего представителя на организационное совещание в Казань и рекомендация Москвы никоим образом не сказались на повестке заседания, открывшегося 3 февраля 1925 г. с участием делегаций от Татарской АССР и Чувашской и Марийской АО. Оно приняло Положение об оргбюро Волжско-Камского края. Согласно ему этот орган должен был быть больше академическим, предназначенным для теоретической разработки вопросов экономического районирования, нежели являть собой тип оргбюро «ревкомовского характера, облеченного всеми или большинством прав исполкома»⁶¹. Совещание утвердило Основные положения об образовании Волжско-Камского края и взаимоотношений краевых органов со входящими в его состав автономными республиками и областями (они практически полностью воспроизводили принятые 3 октября 1924 г.). На нем был рассмотрен вопрос о взаимоотношениях Волжско-Камского края с соседними экономическими областями и решено, что территориальные субъекты, представители которых входят в состав края, «кроме участия в нем, могут посылать своих представителей и в состав оргбюро соседних экономических областей», и данный вопрос «автономные единицы разрешают самостоятельно». Совещание признало необходимым организацию конъюнктурного бюро Волжско-Камского края в Казани с задачами изучения состояния экономики административных частей края. Приняло решение сформировать оргбюро Волжско-Камского края с приглашением представителя Президиума ВЦИК и в составе уполномоченных от Татарской республики, Чувашской, Вотской и Марийской автономных областей, несмотря на отказ органов управления Вотской и заявление делегата Марийской

АО на совещании, что «окончательного решения пока нет и поэтому делегация Марийской области воздерживается от высказываний по вопросу включения или не включения области в Волжско-Камский край»⁶².

10 февраля 1925 г. пленумом областного исполкома Советов ЧАО представителем от нее в оргбюро Волжско-Камской области был назначен С.А. Коричев⁶³. Но этим шагом участие Чувашии в реализации проекта Волжско-Камского экономического района и закончилось. А в ближайшей перспективе практическая деятельность в этом направлении со стороны органов управления автономии фактически была приостановлена, чему способствовал отказ Вотской и Марийской АО войти в Волжско-Камскую область, что делало нереальным весь план ее образования. Имело значение и провал плана чувашских властей максимального расширения территории Чувашской автономии с центром в Ульяновске (а именно согласие руководителей Татарстана с этим проектом во многом определяло позитивную позицию правительства Чувашии в вопросе о вхождении автономной области в Волжско-Камский район), что стало ясно после резолюции политбюро ЦК РКП(б) от 19 февраля 1925 г.⁶⁴ А самое главное – все работы по укрупнению регионов в начале 1925 г. были приостановлены самим центром. Как было указано в постановлении Президиума ВЦИК от 12 января 1925 г., разосланного в виде циркуляра, «ввиду необходимости внести в работу по районированию и укрупнению административных единиц наибольшую планомерность, исключаящую возможность бессистемной реорганизации административно-территориального деления, а также для согласования и увязки работ по районированию с работами образованного при Президиуме ЦИК Союза ССР совещания по вопросам советского строительства», местным государственным органам было предложено «впредь до особого распоряжения приостановить работы по проведению районирования и по укрупнению административных единиц». Исключение делалось для Сибири и Дальнего Востока «и местностей, где проведение районирования уже разрешено соответствующими постановлениями Президиума ВЦИК»⁶⁵. Теперь вся деятельность в области экономического районирования ограничивалась лишь теоретическими разработками и учетом имеющегося опыта. Все эти обстоятельства повлияли и на действия руководящих органов Чувашии весной 1925 г. в вопросе укрупнения регионов РСФСР. В политическом письме ответственного секретаря Чувашского обкома РКП(б) М.Т. Томасова в ЦК партии (14 марта 1925 г.) было отмечено: «Тем самым отпала необходимость или, вернее, целесообразность вхождения чувашей в Волжско-Камский край», и «мы ничего не будем иметь против, если нас оставят в положении самостоятельного экономического района, чего мы своевременно добивались»⁶⁶.

К вопросу о включении Чувашии в укрупненный регион вновь вернулись только в конце 1920-х гг. Тогда же он реально был проведен в жизнь: Чувашская АССР вошла в 1929 г. в состав Нижегородской области (края). Но перипетии этого процесса – уже предмет исследования отдельной статьи.

Анализ проектов укрупнения регионов России первой половины 1920-х гг. свидетельствует, что в то время во главу угла региональной реформы ставились прежде всего экономические задачи: наиболее рациональной организации территории с точки зрения хозяйства и управления. Политические же были целями второго плана и преследовали децентрализацию управления, расширение самостоятельности местных Советов, демократизацию государственного аппарата, что органично вписывалось в общее русло процесса политической либерализации нэповского периода. Принципиально важно отметить и то, что укрупнение рассматривалось не как поглощение экономически слабых более сильными субъектами федерации, а как их слияние с образованием областных (краевых) органов управления. В вопросах экономического районирования 1920-х гг. имели место свобода дискуссий и обсуждений, право на проявление инициативы со стороны республик и областей. Причем в основной замысел районирования были внесены существенные изменения с учетом требований национальных административно-территориальных единиц и национально-политических оснований, что первоначально недостаточно учитывалось сеткой экономических районов, выработанной Госпланом. Для властей Чувашии решающими факторами в вопросах укрупнения регионов РСФСР являлись: сохранение в полном объеме прав автономии и свободы национального развития, принадлежность к экономическому району с индустриальной специализацией, увязка с задачей расширения территории ЧАО с преобразованием ее в республику. Они и определяли выбор их позиции.

Литература и источники

¹ О советском строительстве (Постановление). Седьмой Всероссийский съезд Советов (5–9 декабря 1919) // Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Сб. документов 1917–1922 гг. М., 1959. Т. 1. С. 116.

² *Ваикова Е.* Районирование СССР // Вопросы экономического районирования СССР. Сборник материалов и статей (1917–1929 гг.). М., 1957. С. 304.

³ *Шульгина О.В.* Административно-территориальное деление России в XX веке: историко-географический аспект // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 30.

⁴ *Аламтеев П.М.* Экономическое районирование СССР. М., 1959. С. 105.

⁵ *Александров И.Г.* О районировании // Вопросы экономического районирования СССР. С. 93–94.

⁶ *Егоров К.Д.* Основы районирования РСФСР // Там же. С. 188.

⁷ Цит. по: *Аламтеев П.М.* Указ. соч. С. 99.

⁸ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 147. Оп. 1. Д. 226. Л. 138.

⁹ Там же. Ф. 125. Оп. 1. Д. 10. Л. 240 об. – 241.

¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 22. Л. 136–136 об.

¹¹ *Аламтеев П.М.* Указ. соч. С. 109.

¹² Там же. С. 113.

¹³ ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 2. Д. 63. Л. 186, 189.

¹⁴ Там же. Л. 179.

¹⁵ Тезисы, выработанные Комиссией при ВЦИК по вопросу экономического районирования России // Вопросы экономического районирования. С. 105–108.

- ¹⁶ *Аламтеев П.М.* Указ. соч. С. 128.
- ¹⁷ ГИА ЧР. Ф. 147. Оп. 1. Д. 126. Л. 8–8 об.
- ¹⁸ Там же. Д. 226. Л. 137; Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 158.
- ¹⁹ ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 2. Д. 14. Л. 46.
- ²⁰ Там же. Ф. 147. Оп. 1. Д. 11. Л. 252.
- ²¹ Там же. Д. 126. Л. 18.
- ²² *Коричев С.А.* Перспективы экономического районирования РСФСР // Чувашский край. 1922. 21 ноября; 22 ноября.
- ²³ ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 2. Д. 6. Л. 338; *Коричев С.А.* Перспективы экономического районирования РСФСР // Чувашский край. 1922. 22 ноября.
- ²⁴ ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 2. Д. 6. Л. 338.
- ²⁵ В областном ЭКОСО // Чувашский край. 19 октября 1922.
- ²⁶ ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 2. Д. 6. Л. 388.
- ²⁷ Там же. Ф. 147. Оп. 1. Д. 125. Л. 33 об.–38.
- ²⁸ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2. Л. 3; ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 1. Д. 18. Л. 87 об.
- ²⁹ ГИА ЧР. Ф. 147. Оп. 1. Д. 127. Л. 57.
- ³⁰ Там же. Д. 125. Л. 57 об.
- ³¹ Там же. Ф. 125. Оп. 2. Д. 85. Л. 18.
- ³² ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6. Л. 163.
- ³³ Там же. Д. 5. Л. 132; Д. 6. Л. 163.
- ³⁴ XII съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923. Резолюция о районировании // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 443–444.
- ³⁵ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 4. Д. 7. Л. 165–167 об.
- ³⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6984. Оп. 1. Д. 98. Л. 11.
- ³⁷ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5. Л. 132.
- ³⁸ ГИА ЧР. Ф. 147. Оп. 1. Д. 125. Л. 60, 62.
- ³⁹ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 4. Д. 7. Л. 215–217 об.
- ⁴⁰ Там же. Д. 5. Л. 139.
- ⁴¹ ГИА ЧР. Ф. 147. Оп. 1. Д. 125. Л. 91.
- ⁴² ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 13. Л. 4; ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 1. Д. 26. Л. 32 об.
- ⁴³ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 12. Л. 11.
- ⁴⁴ ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 61. Л. 105.
- ⁴⁵ ГИА ЧР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 306. Л. 66 об.
- ⁴⁶ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 732. Оп. 1. Д. 188. Л. 83.
- ⁴⁷ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 15. Л. 2.
- ⁴⁸ Там же. Д. 12. Л. 54–54 об.
- ⁴⁹ ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 1. Д. 26. Л. 218 об.; ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 9. Л. 41; ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 61. Л. 63.
- ⁵⁰ ГИА ЧР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 280. Л. 539–540.
- ⁵¹ ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 61. Л. 37 об.
- ⁵² НА РТ. Ф. 732. Оп. 1. Д. 536. Л. 40–40 об.
- ⁵³ Там же. Л. 40 об.; ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 61. Л. 57.
- ⁵⁴ НА РТ. Ф. 732. Оп. 1. Д. 536. Л. 49.
- ⁵⁵ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 9. Л. 48–49.
- ⁵⁶ ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 61. Л. 60.
- ⁵⁷ ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 2. Д. 343. Л. 53 об.–54.
- ⁵⁸ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 6. Д. 6. Л. 9 об.
- ⁵⁹ НА РТ. Ф. 732. Оп. 1. Д. 536. Л. 77.
- ⁶⁰ Там же. Л. 79.
- ⁶¹ Там же. Д. 805. Л. 1–1 об.
- ⁶² ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 61. Л. 68–69.
- ⁶³ ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 1. Д. 29. Л. 200 об.
- ⁶⁴ *Клементьев В.Н.* Чувашия: от автономной области к республике (1922–1925 гг.)

// Чувашская Республика: проблемы национального государственного строительства (История и современность). Сб. статей. Чебоксары, 2005. С. 48–49.

⁶⁵ Цит. по: *Кушнин А.Г.* Демократическая альтернатива середины 20-х годов. М., 1989. С. 90.

⁶⁶ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 67. Д. 299. Л. 36.

V. N. K l e m e n t y e v. Chuvashiya and projects of integration of RSFSR regions in the first half of the 1920-th.

After the ending of Civil war (1918 - 1920) it was a problem of administrative-territorial reform that took on special urgency in the Soviet country. By the example of Chuvashiya and some other national administrative and territorial units of the Volga region, the author analyzes the attitude of national subjects to integration projects of the Russian Federation regions. It is pointed out that on the top of the list of regional reform there were put economic tasks along with problems of discussions and the right of the initiative «from below».

**ФОРМИРОВАНИЕ МЕСТНОГО БЮДЖЕТА
ЧУВАШИИ И ФИНАНСИРОВАНИЕ
ПРОГРАММ ЕЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
В ГОДЫ НЭПА**

ЧГВ, 2006 г., № 1
© В.В. Орлов

Как известно, одним из важнейших аспектов новой экономической политики Советского государства являлось восстановление местных бюджетов, денежного обращения и стабилизация рубля. Этот процесс требовал основательной ломки всей производственно-распределительной системы периода «военного коммунизма», отказа от радикальных программ формирования безденежного хозяйства, пересмотра доктринальных основ большевистской партии, связанных с немедленным утверждением в обществе социалистических производственных отношений. Завершение денежной реформы в 1924 г. объективно создавало основу для стабильного социально-экономического развития, роста товарности крестьянского хозяйства, развития товарно-денежных отношений, перехода к формированию твердого государственного бюджета, в целом открывало новую страницу в области хозяйственного строительства СССР¹.

Проблема изучения формирования бюджета национальных республик в 1920-е гг. далеко не исчерпана. Среди исследователей нет единого мнения о механизмах согласования финансовых планов Центра и регионов, путях и способах преодоления дефицита бюджета. Как на практике реализовывались такие принципы бюджетного строительства, как демократический централизм и национальная политика? Чем обуславливалась высокая финансовая и экономическая зависимость автономных республик и областей от Центра? Почему бюджет Чувашской автономии не мог обеспечить ее выхода из кризисного состояния даже к концу 1920-х гг.? Вот основной круг вопросов, затрагиваемых в той или иной степени полноты в настоящем исследовании.

Вынесенная в заголовок данной статьи тема практически не получила отражения в региональной научной литературе. В ней имеются лишь небольшие по объему работы, опубликованные еще в конце 1920-х гг.² В них

Виталий Владимирович Орлов – кандидат исторических наук, докторант кафедры истории Московского автодорожного института.

приводятся, как правило, сведения об исполнении местного бюджета Чувашии за один хозяйственный год. С тех пор практически никто из региональных исследователей не касался данной проблемы.

Система местных бюджетов была восстановлена в соответствии с решениями IX Всероссийского съезда Советов. Они считались одними «из действенных средств построения правильного финансового хозяйства Советского государства», поскольку «целиком основывались на налогах и увеличении доходности местных предприятий, не опираясь на эмиссию бумажных денег»³. Местный бюджет представлялся как дополнение к общегосударственному бюджету, который выделял необходимые средства национальным республикам и областям для советского и хозяйственного строительства.

Процесс законодательного оформления местных бюджетов начался с декрета СНК РСФСР «О местных денежных средствах», изданного в августе 1921 г. Согласно документу, для удовлетворения местных хозяйственных потребностей устанавливались процентные отчисления от государственных прямых налогов, закреплялись доходы от коммунального хозяйства. Местным органам власти разрешалось также производить надбавки к государственным прямым налогам, вводить местные налоги и сборы⁴.

XI съезд РКП(б), состоявшийся с 27 марта по 2 апреля 1922 г., принял специальную резолюцию «О финансовой политике». Директивные установки партии в области финансовой работы сводились к ликвидации бюджетного дефицита, увеличению товарооборота и доходов государственных предприятий, повышению товарности крестьянского хозяйства, расширению платности товаров и услуг, снижению накладных расходов, переходу от натуральных налогов к денежным, развитию кредитных операций. Но все мероприятия в области финансовой политики рассматривались как паллиативы, не способные сами по себе преодолеть экономический кризис. Выход из него справедливо виделся в подъеме производительности труда в сельском хозяйстве и промышленности, в увеличении емкости рынка как за счет крупного производства, так и за счет увеличения товарного предложения со стороны крестьянских хозяйств и кустарных производств⁵.

Процесс формирования местного бюджета Чувашской автономной области (ЧАО) оказался весьма непростым. Главная трудность состояла не в нехватке финансовых работников и не в их низкой квалификации, а в общей атмосфере недоверия и противодействия финансовой работе. В частности, в отчетном докладе заведующего финансовым отделом И.А. Крынецкого за период с декабря 1920 г. по май 1921 г. отмечалось, что работа областного финансового отдела проходила в очень тяжелых условиях: «На него (на финансовый отдел. – В.О.) смотрели как на пасынка облисполкома, который только терпим, но уже как отживший отдел, подлежащий ликвидации в недалеком будущем. Этот взгляд настолько стал укоренившимся, что у областного финансового отдела возникает сомнение, может ли он осуществлять в дальнейшем финансовую политику, диктуемую Центром в связи с выдвинутыми новыми экономическими требованиями»⁶.

Неизбежным следствием антирыночных настроений стал рост трудностей в налаживании финансовой работы. Бюджет Чувашской области на 1921/22 г. составлялся без всяких твердых цен и указаний, установленных Центром. В Наркомфине РСФСР его расходная часть была сокращена на 22% при увеличении доходов на 65%. В результате в обесцененных советских знаках доходная часть бюджета автономии составляла 3,1 млрд. руб., а расходная – 10,9 млрд. руб., или в 3,5 раза больше. Более половины расходов бюджета приходилось на народное образование и коммунальный отдел. Значительная часть средств выделялась также на содержание областного совнархоза и земельного отдела. Расходы на здравоохранение и социальное обеспечение не превышали и 1%⁷.

Центральные финансовые органы стремились оказывать посильную помощь автономии в налаживании финансовой работы. В мае 1922 г. ими проводилась инспекционная проверка работы областного финансового отдела, в ходе которой обнаружилось «полное игнорирование изданных циркулярных распоряжений, полный беспорядок в кассовом, счетном и контрольном деле». Проверяющими отмечались и такие упущения в работе, как отсутствие сигнализации и контрольного аппарата, надлежащего учета ценных бумаг, совместное хранение романовских, думских, керенских и советских денежных знаков, звонкой монеты и валюты, а также 60 пуд. церковных ценностей, никем не оцененных⁸. Комиссия Наркомата финансов предложила в недельный срок исправить все отмеченные в работе недостатки.

Бюджет Чувашской автономной области на 1922/23 г. был составлен уже с учетом рекомендаций и предложений центральных органов. Он был принят в сумме 321,4 тыс. руб., однако фактическое ее исполнение составляло лишь 290,7 тыс. руб., или 90,4%. Эта мизерная сумма в основном направлялась на выдачу заработной платы – 79,4%, остальные средства шли на хозяйственное обслуживание культурно-просветительских и лечебных учреждений. На ассигнование сельского хозяйства было выделено 9,3 тыс. руб., или около 3,2% всей расходной части местного бюджета⁹.

Уже при составлении первых смет автономии проявились противоречия между областными и центральными органами власти по срокам и размерам оказания государственной помощи. Это объяснялось несовершенством механизма формирования бюджета, который являлся ориентировочным документом, составленным исходя из потребностей уездных и областных учреждений без учета реальных финансовых ресурсов региона. Это вызывало необходимость внесения серьезных коррективов в сторону уменьшения расходной части бюджета на каждой инстанции, что не могло не вызывать болезненной реакции мест. Причем особую трудность представляла защита интересов автономии в Наркомате финансов РСФСР, где практически принималось окончательное решение по местному бюджету, который затем с незначительными редакционными поправками утверждался на заседании федерального Правительства.

Процедура согласования сметы автономной области в Центре оказалась весьма трудной и болезненной, что видно из следующих фактов ее бюд-

жетной «биографии». Так, бюджет Чувашии на 1923/24 г. был принят с дефицитом в сумме 1,7 млн. руб., что составляло 54,9% к его расходной части. Правительство автономии обратилось в СНК РСФСР с ходатайством о покрытии всей суммы дефицита, для чего предложило предоставить в распоряжение области 100% сельскохозяйственного и промыслового налогов, разрешить отчислять в местный бюджет 75% поступлений от лесных доходов, а также выделить дополнительно из дотационного фонда страны 450 тыс. руб.¹⁰

В начале января 1924 г. эти предложения рассматривались на Бюджетном совещании Наркомата финансов РСФСР, где интересы региона отстаивали председатель Чувашского облисполкома С.А. Коричев, заведующий финансовым отделом Т.Л. Лаврентьев и заведующий представительством Чувашской автономной области при Наркомнаце РСФСР М.В. Шевле. Столичными финансистами предлагалось резко сократить расходы на образование и здравоохранение, а также на издание газет и книг на чувашском языке, составлявших, по их мнению, «непосильную тяжесть для области». Такая позиция вызвала резкую реакцию со стороны руководителей области.

«Мы, представители угнетенного трудящегося народа, – говорится в официальном документе, – требуем от Наркомата финансов РСФСР отпустить на издание газеты «Канаш» испрашиваемую сумму 50 тыс. руб. золотом, а не ограничиваться отпуском 25 тыс. руб.». Выделение средств на издание газеты аргументировалось необходимостью развития политического самосознания чувашского народа, «культурно и экономически отсталого». Отказ Наркомата финансов от отпуска 163,8 тыс. руб. на издание чувашских учебников и 49,3 тыс. руб. на приобретение пишущих машин с чувашским шрифтом характеризовался как «шаг, ведущий к духовной смерти чувашей». Делегация Чувашии настаивала на принятии государством полностью расходов на ремонт школьных зданий. Констатировалось, что разваленные школы являются «явным и постоянным свидетельством бессилия советской власти и играют контрреволюционную роль». Членов делегации возмущало также сокращение расходов на постройку глазных больниц, ибо в автономии был очень высок процент зараженных туберкулезом, сифилисом, трахомой и другими социальными болезнями. Поэтому ими предлагалось принять расходы на здравоохранение в полном объеме на федеральный счет, приступить к немедленной борьбе с социальными болезнями, особенно трахомой. По мнению руководителей ЧАО, источники финансирования этих социальных проектов имелись и в самой автономии. По их расчетам, необходимо было лишь увеличить отчисления от единого сельскохозяйственного налога с 50% до 100%, а от лесных доходов – с 30% до 50%¹¹.

В феврале 1924 г. эти предложения руководства области стали предметом обсуждения на совещании в Наркомате финансов РСФСР, где в дискуссиях принимал участие ответственный секретарь Чувашского обкома РКП(б) Д.С. Эльмень. Позиция сотрудников Наркомата финансов к идее увеличения процентных ставок отчислений от налогов и сборов была

однозначно отрицательной, поскольку она представлялась им крайне опасной «ввиду создания прецедента». В частности, отмечалась незначительность эффекта от повышения ставок по сельскохозяйственному налогу, нецелесообразность увеличения норм процентных отчислений от лесных доходов. В федеральном финансовом ведомстве аргументы руководства Чувашии практически остались без внимания.

Судьба местного бюджета области окончательно определилась в марте 1924 г. на заседании Совнаркома РСФСР, которое вел заместитель председателя Правительства А.Д. Цюрупа. Представителем Чувашии отмечалось, что бюджет автономии на 1923/24 г. сведен с дефицитом в 1,3 млн. руб. На его покрытие Наркоматом финансов РСФСР было выделено всего лишь 200 тыс. руб., что грозило неминуемым закрытием половины школ, больниц и других культурно-просветительских учреждений края. Для исправления ситуации необходимо было предоставить области 100% единого сельскохозяйственного налога и 75% отчислений от лесных доходов, что покрывало дефицит бюджета на 648 тыс. руб. И, наконец, требовалось отпустить из дотационного фонда страны дополнительно 450 тыс. руб. Тем самым, с учетом прежних решений, мог быть создан твердый бюджет автономной области. Наркомат финансов в этом вопросе придерживался совершенно противоположной позиции, предлагая облисполкому дожидаться получения «некоторого добавочного восполнения из остатка общего фонда отчислений от государственного промыслового налога»¹².

В итоге обсуждения федеральное Правительство постановило: подтвердить решение комиссии Наркомата финансов РСФСР об отпуске из дотационного фонда 120 тыс. руб. на покрытие дефицита по бюджету Чувашии, предоставить в ее распоряжение все 100% от государственного промыслового налога; отклонить ходатайство о передаче автономии 100% единого сельскохозяйственного налога. Но Совнарком РСФСР согласился повысить отчисления от лесного дохода с 30% до 50%, а также закрепить за Чувашией «восполнение» из общего фонда отчисления государственного промыслового налога в размере 200 тыс. руб.¹³

Таким образом, цель первых лиц автономии добиться покрытия дефицита местного бюджета в полном объеме за счет общегосударственных средств оказалась не достигнутой. Федеральное финансовое ведомство ориентировало их на радикальное сокращение расходов на социально-культурные цели. Предложения руководства области покрыть дефицит бюджета посредством повышения процентных отчислений от налогов и сборов Центром практически были проигнорированы. В то же время этот опыт общения с центральными органами власти объективно не мог не быть позитивным и конструктивным. Во-первых, он способствовал постепенному изжитию «иллюзий» местных руководителей о финансовых возможностях Советского государства, его готовности понять и учесть проблемы регионов. Во-вторых, он показал невозможность решения финансово-экономических проблем автономии привычными военно-коммунистическими методами,

«кавалерийским наскоком», революционными лозунгами. От местной власти требовалось проявление не столько революционной риторики, сколько образованности, такта, профессионализма, умения идти на разумный компромисс, т.е. соответствовать масштабам и уровню решаемых финансовых и социально-экономических задач.

Федеральными властями принимались меры по реорганизации бюджетной системы, обеспечению сбалансированности местных бюджетов при значительном увеличении их неналоговых доходов. Но эти мероприятия мало коснулись коренных аспектов формирования местного бюджета автономии, который, как и в предыдущие годы, принимался с большим дефицитом. Так, предварительная смета расходов местного бюджета Чувашии на 1924/25 г. превысила 7,3 млн. руб. Облисполком вынужден был сократить эту сумму почти наполовину. В результате пятым областным съездом Советов бюджет был утвержден по доходам в сумме 1489,3 тыс. руб., а по расходам – 3608,8 тыс. руб. Таким образом, даже после радикальных сокращений дефицит местного бюджета составлял более 2,1 млн. руб., или 56,7% к его расходной части. Для обеспечения устойчивости бюджета съездом предлагалось облисполкому «исходатайствовать» в Центре увеличение субвенции для Чувашской области, передачу ей всех 100% лесных доходов, принятие на госбюджет части административных расходов¹⁴.

В Наркомате финансов РСФСР смета автономии подверглась серьезной корректировке, при этом произошло резкое сокращение затрат на содержание школ, больниц, а также на сельское хозяйство. Для столичных финансистов оказались малоубедительными доводы руководства Чувашии о необходимости обеспечения сбалансированности местного бюджета посредством увеличения норм процентных отчислений от государственных доходов, а не за счет радикального сокращения расходов на социально-культурные цели. Поэтому облисполком обратился в федеральное Правительство с предложением о передаче в его распоряжение 80% отчислений от лесных доходов, а не 30%, как было намечено в проекте Наркомата финансов. В марте 1925 г. постановлением Совнаркома РСФСР было установлено для Чувашии отчисление от лесных доходов в размере 50%, т.е. Правительство федерации приняло компромиссный вариант в споре между местными и центральными финансовыми органами.

В итоге бюджет области на 1924/25 г. был утвержден сессией облисполкома в доходной части в сумме 2,7 млн. руб., в расходной – 2,8 млн. руб. Сумма дефицита оказалась в 17,8 раза меньше первоначальной цифры, принятой областным съездом Советов. Недостаток средств составлял всего лишь 119 тыс. руб., или 4,2% к расходной части¹⁵. Сбалансированность бюджета была достигнута за счет резкого сокращения его расходной части, что свидетельствовало о стремлении областных властей следовать директивным установкам партии об изжитии дефицита бюджета в соответствии с новыми принципами хозяйствования. Но она вовсе не являлась результатом увеличения доходной базы, тем более не означала производительной работы

предприятий, увеличения товарного предложения со стороны крестьянских и кустарных хозяйств.

В марте 1925 г. сессия ЦИК СССР утвердила директивы по составлению единого государственного бюджета СССР на 1925/26 г. В частности, предлагалось перейти от ориентировочного бюджета к твердому годовому бюджету, своевременно составленному, согласованному с отраслевыми планами и утвержденному до начала хозяйственного года. Государственный бюджет воспринимался как основа хозяйственного плана, поэтому ЦИК предлагал обеспечить его стабильность, оградить его от последующей корректировки. Внесение изменений в смету допускалось лишь исключительными политическими и хозяйственными обстоятельствами¹⁶.

Но регионам еще требовалось время для изучения и реализации новых установок и инициатив Центра, направленных на формирование устойчивого бюджета, на повышение финансово-бюджетной дисциплины. Так, местный бюджет Чувашии на 1925/26 г. был принят первым республиканским съездом Советов, состоявшимся в январе 1926 г., с дефицитом в сумме 3,5 млн. руб., что составляло 46,5% к его расходной части¹⁷. При этом особо подчеркивалась «невозможность составления бездефицитного бюджета в отсталой во всех отношениях Чувашской Республике», что в нем предусмотрены «только самые необходимые расходы в минимальном размере». С целью формирования устойчивого бюджета съезд поручил Правительству Чувашии добиться в Центре предоставления республике всех 100% лесных доходов и оставления в ее распоряжении всего объема единого сельскохозяйственного налога.

Но в Народном комиссариате финансов РСФСР смета области подверглась серьезной реструктуризации, в результате дефицит бюджета составил всего лишь 716,9 тыс. руб., или в 4,9 раза меньше первоначальной суммы. Руководство автономии заявило категорический протест против искусственного уменьшения расходов, проведенного, по их мнению, механически и «на глазок», без учета экономической целесообразности¹⁸. Однако федеральное Правительство не внесло изменений в принятые решения.

В этой непростой ситуации республиканские органы власти пытались пересмотреть утвержденные статьи бюджета, исходя из потребностей региона. В результате дефицит местного бюджета составил всего лишь 219,2 тыс. руб., что в 3,2 раза было меньше цифры, согласованной в Центре¹⁹. Но при этом общие административные расходы были увеличены на 220,6 тыс. руб. против суммы, принятой Наркомфином РСФСР. Причем рост командировочных расходов и различных пособий на приобретение санаторно-курортных путевок для ответственных работников произошел при одновременном сокращении финансирования образования, здравоохранения, пенсий инвалидам, на заработную плату членам городских и сельских Советов. Партийных и советских функционеров, как видим, не устраивало всеобщее «поравнение» в бедности, устройство жизни и быта по стандартам

бедняков. В условиях нэпа для политической элиты оказался велик соблазн преимущественного учета своих номенклатурных интересов.

Однако самостоятельность республиканских властей по перекройке сметы расходов вскоре стала предметом разбирательства на федеральном уровне. В июне 1926 г. объединенной комиссией Госплана и Наркомата финансов РСФСР была проведена проверка исполнения бюджета Чувашской АССР. В частности, комиссия Госплана отметила такие «ненормальности», как крайнее распыление средств, отсутствие хозяйственного подхода в разрешении социально-экономических задач, использование не по назначению ссуды, отпущенной Центром на постройку водопровода, и др. Еще более резкая и негативная оценка работы местных финансовых органов содержится в заключении комиссии Наркомата финансов РСФСР. Их вывод однозначный – «полное извращение директив Правительства Российской Федерации при исполнении бюджета Чувашской АССР на 1925/26 г.». Финансовое состояние коммунального хозяйства столицы автономной республики членами комиссии оценивалось как «хаотическое, а администрирование – как бесхозяйственное». Считая, что для полного устранения всех дефектов и общего оздоровления местного бюджета автономии воздействия по линии Наркомата финансов недостаточными, члены комиссии обратились в Совнарком РСФСР с просьбой дать соответствующие указания Совнаркому и ЦИК Чувашской АССР²⁰.

В сентябре 1926 г. федеральное Правительство приняло постановление, в котором подчеркивалось, что при исполнении местного бюджета Чувашской АССР не были выполнены директивы партии о проведении режима экономии. Правительство потребовало от руководства Чувашии прекращения «форсированного увеличения административных расходов, финансирование мероприятий, не отнесенных на местный бюджет», обязало республиканские власти строжайше проводить режим экономии, особенно в отношении административных расходов. Администрации автономии предписывалось сократить штаты учреждений, строго контролировать расходы на всякого рода пособия, ссуды и субсидии, обратить основное внимание на удовлетворение жизненных нужд и потребностей населения²¹.

С апреля 1925 г. доходы и расходы автономных республик стали подразделяться на две части – государственные и местные. Государственный бюджет Чувашии, в свою очередь, также состоял из двух частей: сметы автономных ведомств и сметы объединенных ведомств. Согласно Конституции Чувашской АССР, принятой в 1926 г., к автономным ведомствам относились наркоматы внутренних дел, юстиции, социального обеспечения, просвещения, земледелия и здравоохранения. Их финансирование осуществлялось из государственного бюджета Чувашии. К объединенным ведомствам принадлежали наркоматы внутренней торговли, финансов, труда, рабоче-крестьянской инспекции и Совет народного хозяйства²². Средства на их содержание выделялись из государственного бюджета РСФСР.

Объем государственного бюджета Чувашской АССР составлял примерно одну треть местного бюджета²³. Причем пополнение госбюджета

нисколько не зависело от работы местных органов власти: невыполнение его доходной части никоим образом не отражалось на расходах, в то время как в местном бюджете недобор доходных источников автоматически оборачивался сокращением на такую же сумму расходных статей. Параллельное существование двух бюджетов – республиканского государственного и республиканского местного – оказалось излишним и громоздким. С 1928 г. такая практика была отменена в пользу составления единого государственного бюджета.

В апреле 1926 г. ЦИК СССР утвердил новое «Положение о местных финансах». Законодательным органам союзных республик предоставлялось право установления обязательных минимальных перечней доходов и расходов, подлежащих включению в местные бюджеты, а также определять формы финансирования местных бюджетов из республиканских бюджетов. С этого времени Совнарком РСФСР заранее устанавливал контрольные цифры для составления местных бюджетов, а также окончательные размеры отпускаемых им сумм дотации и субвенций. Это объективно позволяло более рационально планировать средства, оптимально их распределять в течение года.

Но, несмотря на директивы Центра, местный бюджет Чувашии еще принимался в объеме, значительно превышающем установленные нормы. Это, по мнению работников финансовых органов, происходило из-за того, что «в автономии не привыкли укладываться в контрольные цифры из-за ее маломощности и культурной отсталости». Так, местный бюджет на 1927/28 г. был составлен в объеме 9,7 млн. руб., что превышало контрольные цифры более чем на 3 млн. руб. Во исполнение директив партии и Правительства о режиме экономии, Народный комиссариат финансов РСФСР не соглашался увеличить размеры дотации. Окончательно, после многомесячных согласований и исправлений, Совнаркомом РСФСР был утвержден местный бюджет Чувашии на 1927/28 г. в сумме 7,0 млн. руб., причем лишь 19 марта 1928 г., т.е. спустя почти полгода с начала бюджетного года²⁴. Поэтому не могло быть и речи о реальной плановой финансовой и хозяйственной работе. Правда, на этот раз впервые местным властям удалось добиться соответствия расходов доходным источникам и, в конце концов, принять бездефицитный бюджет.

Итак, местный бюджет автономии в годы нэпа оставался еще ориентировочным документом, ибо происходил частый пересмотр его статей из-за недостатка средств, он утверждался с опозданием на полгода и более. Расчет региональных властей решить почти все социально-экономические проблемы национальной республики за счет дотаций из Центра не соответствовал директивным установкам правящей партии, направленной на достижение режима экономии, максимальное сокращение дефицита бюджета. Федеральные органы власти и управления соглашались удовлетворять потребности автономии в финансово-кредитных ресурсах только в минимальном размере, позволяющем ей существовать лишь в режиме выживания. Несоответствие финансовых планов конкретным условиям хозяйственной

жизни, медленное достижение реальности местного бюджета свидетельствовали о серьезных проблемах в восстановлении экономики и социальной сферы региона.

Развитие доходов местного бюджета Чувашии в восстановительный период по применявшейся тогда классификации характеризуется данными табл. 1:

Таблица 1

Доходы местного бюджета Чувашской АССР в 1922–1928 гг. (тыс. руб.)²⁵

Показатели	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
Доходы всего	321,4	1552,0	3768,6	5028,0	6244,6	7191,0
в т.ч.: пособия	142,3	587,1	1637,9	2366,8	2649,7	3079,4
налоговые	128,6	580,4	752,1	1145,3	1332,7	1695,9
неналоговые	44,6	312,5	978,2	1165,7	1434,9	1515,0
прочие	5,9	72,0	400,4	350,2	827,3	900,7
В%% к итогу:	100	100	100	100	100	100
в т.ч. пособия	44,3	37,8	43,5	47,0	42,4	42,8
налоговые	40,0	37,4	20,0	22,8	21,3	23,6
неналоговые	13,9	20,1	26,0	23,2	23,0	21,1
Прочие	1,8	4,7	10,5	7,0	13,3	12,5

В 1922–1926 гг. доходная часть бюджета Чувашии выросла в 22,4 раза, что объясняется не только ее низкими стартовыми условиями, но и существенным ростом неналоговых доходов и государственных пособий при уменьшении налоговой нагрузки на бюджет. Помимо дотаций из Центра, позитивную роль в столь динамичном развитии бюджета сыграла передача кредитов по предприятиям и учреждениям промышленно развитого Алатырского уезда, присоединенного к Чувашии в июне 1925 г.

Но, несмотря на столь высокие темпы роста доходов, бюджет автономии качественно отставал от общесоюзного уровня. В 1926/27 г. доходы на душу населения по местному бюджету Чувашской АССР составляли всего лишь 6 руб. 68 коп., в то время как в Татарской АССР – 6 руб. 81 коп., Самарской губернии – 7 руб. 4 коп., Марийской автономной области – 10 руб. 62 коп. при средних показателях по РСФСР (без Москвы и Ленинграда) – 8 руб. 53 коп.²⁶

Доходная часть местного бюджета Чувашской АССР находилась в сильной зависимости от пособий из Центра. Общее представление о соотношении местных доходов и общесоюзных поступлений, а также

о формах государственной помощи автономии в 1920-е гг. можно получить из нижеследующей таблицы:

Таблица 2

**Государственные пособия и местные доходы бюджета
Чувашской АССР в 1926–1928 гг. (тыс. руб.)²⁷**

Показатели	1926/27		1927/28	
	сумма	в %	сумма	в %
Доходы всего	6244,6	100	7191,0	100
из них: местные доходы	1248,4	20,0	1450,4	20,2
государственные пособия – всего	4391,8	70,3	4948,6	68,8
в том числе: дотации и субвенции	2649,7	42,5	3079,4	42,8
отчисления и надбавки	1742,1	27,8	1869,2	26,0
прочие	604,4	9,7	792,0	11,0

В общей структуре сметы Чувашии почти четыре пятых ее ресурсов приходилась на общегосударственные ассигнования и лишь одна пятая часть – на долю местных доходов. Пособия из Центра в виде дотации на покрытие дефицита местного бюджета, а также субвенции на заработную плату отдельным категориям работников (учителя, агрономы, врачи и др.) составляли в местном бюджете Чувашии более 42%. Остальная сумма приходилась на отчисления от государственных налогов и доходов, а также на надбавки к государственным налогам и сборам. Высокая доля общегосударственных ассигнований в местном бюджете автономии свидетельствовала не только о ее маломощности, но и о реальном стремлении федеральной власти оказывать помощь отсталым регионам в рамках реализации доктрины выравнивания уровней социально-экономического развития национально-территориальных образований.

Вторую позицию в местном бюджете занимали налоговые доходы. За шесть лет они выросли в 13,1 раза, т.е. в полтора-два раза меньшими темпами, чем общие объемы сметы. В результате доля налоговых доходов в бюджете автономии уменьшилась с 40% в 1922/23 г. до 23,6% в 1927/28 г., или почти в 1,7 раза (см. табл.1). Это являлось отражением общей тенденции уменьшения налоговой нагрузки в экономике страны. В государственном бюджете СССР налоговые поступления занимали большую величину, чем в местном бюджете Чувашской Республики, хотя их удельный вес также сократился с 63,1% до 48,1% за те же годы²⁸. Сравнительно низкий удельный вес налоговых доходов в бюджете Чувашской автономии объясняется серьезными недостатками в восстановлении промышленности и сельского хозяйства, крайне слабым развитием государственной, кооперативной и частной торговли.

Основу советской налоговой системы составляли прямые и косвенные налоги:

Таблица 3

**Структура государственных налоговых доходов
Чувашской АССР в 1926–1928 гг. (тыс. руб.)²⁹**

Наименование налогов	1926/27		1927/28	
	сумма	в %	сумма	в %
Налоговые доходы: всего	3490,7	100	4247,4	100
из них прямые налоги	1248,0	35,8	1237,7	29,1
в т.ч.: сельскохозяйственный	421,7	12,1	347,7	8,2
промысловый	568,2	16,3	645,1	15,2
подоходный	258,1	7,4	244,9	5,7
косвенные	2207,3	63,2	2955,8	69,6
в т.ч.: акцизы	1991,2	57,0	2687,3	63,3
гербовый сбор	216,1	6,2	268,5	6,3
Прочие	35,4	1,0	53,9	1,3

К прямым относились промысловый и подоходно-поимущественный налоги, взимаемые с городского и несельскохозяйственного населения в денежной форме, а также сельскохозяйственный налог. На них приходилось примерно 30–35% всех налоговых доходов бюджета автономии. Основную часть налоговых доходов в регионе составляли косвенные налоги – акцизы и гербовый сбор. Сравнение соответствующих показателей в табл.1 и 3 показывает, что в Чувашии оставалось примерно 35–40% из общей суммы государственных налоговых поступлений, собранных на ее территории.

Чувашской АССР, как отсталой национальной республике, Советским государством предоставлялось право отчислений и надбавок к государственным налогам и сборам в значительных размерах. Так, например, в ней были установлены надбавки в размере 100% к промысловому налогу и 25% – к подоходному. Такой же характер имело 100%-е отчисление от сельскохозяйственного и промыслового налогов. Право на надбавки и отчисления от государственных налогов и сборов давались местным органам не автоматически, а в зависимости от социально-экономического состояния той или иной автономии, а также от умения отстаивать, защищать и «лоббировать» региональные интересы в центральных органах власти и управления.

Во второй половине 1920-х гг. в связи с реформой системы налогообложения усилилась классовая дифференциация во взимании прямых налогов. Так, в 1926/27 г. по оплате подоходного налога выделялось три

категории плательщиков. По первой и второй росписям облагались трудовые доходы в пониженном размере, а по третьей учитывались все нетрудовые доходы, облагаемые в повышенном размере. Если сумма подоходного налога по первой росписи составляла в среднем 10,7 руб. в год на одного плательщика, то по третьей – уже 196,5 руб., или в 18,3 раза больше³⁰. Но такая классово-избирательная налоговая политика ущемляла интересы предприимчивой части населения, старавшейся иметь неземледельческие заработки.

Особо необходимо остановиться на продовольственном налоге, с реформы которого и началась новая экономическая политика. В первой половине десятилетия для крестьян Чувашской автономной области, еще не восстановивших свое хозяйство после войн, революций и опустошительного голода, продналог оказался очень тяжелым. Так, в 1922/23 г. произошел рост обложения крестьянства из-за отнесения Чувашской автономной области к одинаковой с Нижегородской губернией сетке по обеспеченности пашней и коэффициенту продуктивности скота. Согласно налоговому законодательству, одна лошадь или корова по доходности приравнивались к одной десятой пашни. Но естественная плодородность земли в Чувашии была намного ниже, чем в Нижегородской губернии. К тому же местные лошади и коровы качественно существенно уступали домашней живности соседей. Однако ЦСУ не приняло в расчет данный фактор, посчитало коровы автономной области равными по доходности коровам соседней губернии, оценив их в 57 пуд. ржи³¹.

Положение чувашских крестьян усугублялось и из-за нехватки хлебозаготовительных организаций, особенно в местностях, отдаленных от пристаней и железных дорог. В результате безлошадные и маломощные крестьяне вынуждены были продавать рожь частнику по 30–40 коп. за пуд при лимитной цене государства в 57 коп. В этих условиях Чувашский облисполком направил в Центр ходатайство о повышении цены ржи до 90 коп. за пуд, но получил отказ. Федеральные власти не приняли также предложение облисполкома об отнесении Чувашии по налоговому обложению к одному поясу с Татарской республикой.

Ситуация со сбором продовольственного налога в автономии оставалась весьма напряженной. В закрытом письме ответственного секретаря Чувашского обкома РКП(б) Д.С. Эльменя, направленном в ЦК РКП(б) в марте 1924 г., отмечается, что к этому времени сельхозналог по области выполнен лишь на 87,1%. На поступление остальной части налога не приходилось рассчитывать из-за бедственного положения населения. «Крестьянство излишков хлеба не имеет и отдает в счет налога последний хлеб, оставленный на еду», – говорится в документе. Недоимки главным образом падали на бедноту, безлошадников, вдов, сирот и «обратников» – крестьян, переселившихся в голодном 1921 г. в Сибирь и вернувшихся затем обратно в родные края. Зажиточные слои деревни занимали выжидательную позицию – «авось все пройдет». В письме приводятся сведения о наказании злостных неплательщиков в административном порядке, арестах имущества должников,

фактах продажи у недоимщиков домашних животных – коз, коров, свиней, овец в счет внесения налога³².

В 1924/25 г., в связи с переходом к денежному обложению крестьян, продналог как форма заготовок сельскохозяйственных продуктов перестал существовать. Постановлением СНК СССР от 28 августа 1924 г. для Чувашской автономной области был установлен второй разряд обложения единым сельскохозяйственным налогом (ЕСХН), а также установлена надбавка в размере 40% к этому налогу на местные нужды. Общая сумма налога с указанной надбавкой составляла более 1,2 млн. руб., для чего крестьянам автономии предстояло реализовать около 2,5 млн. пудов хлеба нового урожая, а для покрытия всех налогов и сборов – до 4 млн. пудов хлеба. Им предстояло также возратить семенную ссуду в размере 340 тыс. пудов, полученную еще в 1922 г., и еще яровую ссуду текущего года в количестве 687 тыс. пудов³³. Облисполком признал, что размер единого сельскохозяйственного налога является явно непосильным для сельского населения.

Тяжелое социально-экономическое положение чувашских крестьян усиливалось еще и тем обстоятельством, что им разрешалось реализовать хлеб лишь по директивным ценам. Наркоматом внутренней торговли РСФСР была установлена для Чувашской автономной области лимитная цена на рожь в размере 65 коп. за пуд. За вычетом расходов на доставку зерна до пристаней и железнодорожных станций, крестьяне фактически получали за пуд только 53 коп. В то же время Наркомат финансов РСФСР и ЦСУ исходили при исчислении доходности сельского хозяйства и установлении разряда обложения Чувашской автономной области из цены ржи в 80 коп. за пуд. Разница между лимитной и фактической ценами на рожь целиком ложилась на плечи крестьян.

Выход из кризисного состояния местные власти нашли в отмене 40%-й надбавки к единому сельскохозяйственному налогу, направляемой на усиление местного бюджета. Взамен предлагалось установить отчисления в размере 50% от основного оклада по сельскохозяйственному налогу, также идущему на местные потребности. В начале сентября 1924 г. Чувашский облисполком направил соответствующие предложения в Совнарком Российской Федерации.

Ни одна инстанция в Центре, включая Высший совет народного хозяйства, Наркоматы финансов, земледелия и ЦСУ, не соглашалась с этими инициативами автономии. В частности, Наркомат финансов РСФСР так аргументировал свою позицию: объективно Чувашия должна быть отнесена к 5-му разряду обложения но, принимая во внимание необходимость предоставления ей, как «мелкой национальной республике», более льготных условий, комиссия Наркомата финансов и ЦСУ признала возможным назначить для нее 3-й разряд. Совнаркомом же СССР устанавливается для области вообще 2-й разряд обложения. Назначение 2-го разряда обложения вместо 5-го равносильно было снижению доходности области на 40%, а исчисление доходности по лимитной цене на рожь давало понижение лишь

на 19%. Поэтому Наркомат финансов РСФСР высказывался против предложений облисполкома об уменьшении тяжести обложения крестьянства³⁴.

18 октября 1924 г. состоялось заседание Совнаркома РСФСР под председательством Л.Б. Каменева, где интересы Чувашии отстаивал ответственный секретарь обкома РКП(б) В.А. Алексеев. Федеральное Правительство постановило отклонить ходатайство Чувашской автономной области о снятии 40%-й надбавки к сельскохозяйственному налогу и установлении взамен 50%-го отчисления от основного оклада по данному налогу на местные нужды. Совнарком согласился лишь предоставить ей льготу по возвращению семенной ссуды в размере 1297,0 тыс. пудов, полученной в предыдущие годы³⁵. Словом, для Центра оказались неприемлемыми предложения местной власти по снижению налогообложения крестьянства.

В политическом письме ответственного секретаря обкома партии М.Т. Томасова, направленном в ЦК РКП(б) в марте 1925 г., отмечается тяжесть обложения крестьян единым сельскохозяйственным налогом. К тому времени в автономии было собрано ЕСХН в сумме 979,4 тыс. руб., или лишь 89,2% к заданию. По его мнению, не приходилось ожидать полного выполнения плана сбора налога. «Крестьяне области крайне недовольны его тяжестью. Они до сих пор не могут смириться с несправедливым приравнением головы рабочего и крупного рогатого скота к десятине пашни, так как доходность скота в области ни в коем случае не может равняться доходности от десятины пашни», – сообщается в документе³⁶. Как крупный дефект в налогообложении он оценивал одновременное установление скидок и льгот, расхождение осенних и весенних «ножниц цен» на хлеб, а также начисление пени и штрафов за несвоевременное внесение налога.

Во второй половине 1920-х гг. усиливается социально-классовая направленность налоговой политики Советского государства. В 1926 г. была проведена налоговая реформа, которая предусматривала усиление прогрессии ставок налога, предоставление различного рода льгот беднейшей части населения, маломощным хозяйствам и колхозам. В то же время имелись существенные недостатки в применении новых установок в налоговой политике, дифференциации обложения, распределении различного рода льгот. Ситуация усугублялась тем, что центральные власти имели неадекватные, точнее, завышенные представления о доходности сельского хозяйства автономии. В 1926/27 г., например, доходность десятины пашни федеральным Правительством исчислялась в 24 руб., тогда как, по подсчетам Наркомата финансов Чувашской АССР, она не превышала 11,6 руб., или почти в 2 раза меньше³⁷. В случае принятия местных расчетов, почти 99,3% крестьянских хозяйств автономии подлежало освобождению от уплаты единого сельхозналога по необлагаемому минимуму. В этих условиях республиканские власти вынуждены были принять федеральные нормы условно-чистой доходности сельского хозяйства автономии.

Исходя из директив Центра, в регионе также предоставлялись значительные налоговые льготы бедноте и маломощным хозяйствам. В 1926/27 г.,

например, от уплаты сельхозналога было освобождено 50,4% крестьянских хозяйств автономии, в 1927/28 г. – уже 59% хозяйств. Почти в 5 раз выросло число крестьянских хозяйств, получивших налоговые льготы за счет бедняцкого фонда. По информационным сводкам Государственного политического управления (ГПУ), зажиточная часть крестьянства и многие середняки выступали против предоставления преимуществ беднякам и батракам, которые, по их мнению, только лодырничают, пьянствуют, «гордятся советским строем» и не восстанавливают свое хозяйство из-за угрозы лишения всевозможных льгот. Это, в свою очередь, оборачивалось увеличением тяжести налога для трудящихся крестьян, с которых при советской власти «дерут тройную шкуру»³⁸.

Во второй половине 1920-х гг. наряду с уменьшением общей облагаемой суммы произошло и снижение тяжести сельскохозяйственного налога для крестьянского населения. Максимальная налоговая нагрузка на местных крестьян наблюдается в 1924/25 г., когда в среднем на одно хозяйство автономии приходилось ЕСХН в размере 8 руб. 61 коп., минимальная – в 1927/28 г., когда на хозяйство приходилось налога в сумме 2 руб. 41 коп., или в 3,5 раза меньше. В расчете на одного едока тяжесть налога сократилась в 3,3 раза за тот же отрезок времени (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение единого сельскохозяйственного налога по Чувашской АССР в 1923–1927 гг. (руб.)³⁹

Годы	Приходится единого сельскохозяйственного налога на	
	хозяйство	едока
1923/24	5 руб. 42 коп.	1 руб. 09 коп.
1924/25	8 руб. 61 коп.	1 руб. 65 коп.
1925/26	4 руб. 52 коп.	93 коп.
1926/27	2 руб. 49 коп.	51 коп.
1927/28	2 руб. 41 коп.	50 коп.

Налицо резкое сокращение налогообложения крестьянства. Руководство автономии не раз отмечало, что в крестьянских семьях «в один праздник на самогон тратится больше, чем на налоги»⁴⁰. Поэтому объективно основная масса крестьянства вполне могла относиться положительно к налоговой политике Советского государства. В большинстве случаев их недовольство было вызвано не столько налоговой системой как таковой, а сколько с факторами, сопутствовавшими налоговой кампании. Все крестьяне выступали против низких осенних и высоких весенних цен на хлеб, отсутствия рынка сбыта сельхозпродукции, усиленного обложения подсобных заработков,

начисления пени и штрафов за несвоевременное внесение платежей при одновременной невыплате заработной платы сезонным рабочим⁴¹.

Важное значение для восстановления экономики Чувашии имело и косвенное обложение, на которое, как уже указывалось, приходилось примерно 60–70% всех налоговых поступлений. Примерное представление о структуре косвенных налогов, полученных в Чувашии во второй половине 1920-х гг., можно получить из табл. 5:

Таблица 5

**Структура косвенных налогов,
собранных на территории Чувашской АССР в 1926–1927 гг., (руб.)⁴²**

Наименование косвенных налогов	Сумма	Удельный вес
Поступило косвенных налогов – всего	1991272	100
в том числе:		
основные акцизы с хлебного вина	1305435	65,6
дополнительные акцизы с хлебного вина	364381	18,3
	272650	13,7
с махорки	30769	1,5
	19	0,0
со свечей	1237	0,0
	12281	
Прочие	4500	0,3

Необходимо отметить, что косвенные налоги были введены в 1921–1923 гг. на многие товары массового потребления. Причем не только на предметы не первой необходимости – спиртные напитки, табачные изделия, ювелирные украшения, парфюмерно-косметические изделия, но и на товары повседневного спроса – соль, сахар, керосин, спички, чай и др. Путем усиленного обложения этих предметов советская власть пыталась преодолеть регрессивный характер косвенных налогов – обложение всего населения без учета классовой дифференциации и имущественного состояния, что было весьма важно для достижения политических целей коммунистической партии.

Главным источником поступления косвенных налогов в республике являлась реализация винно-водочных изделий. Вместе акцизы на вино и сахар составляли 97,6% всех косвенных налогов. Если учесть, что значительная часть сахара также шла на изготовление самогона, то можно утверждать, что косвенные налоги состояли исключительно из «пьяных» поступлений.

Не без основания руководством автономии отмечалось, что населением тратится денежных средств на пиво, водку и самогон в два раза больше, чем на просвещение и здравоохранение⁴³. О низком уровне социально-экономического развития Чувашии свидетельствуют также мизерные поступления акциза с нефтепродуктов – примерно в 65 раз ниже, чем с продажи церковных свечей.

Неналоговые доходы росли более высокими темпами, чем общие объемы местного бюджета. Они составляли примерно одну пятую часть сметы автономии. На усиление местного бюджета Чувашии направлялось примерно 45–55% из общей суммы неналоговых доходов, полученных на ее территории. Главной статьёй этих поступлений в регионе являлся лесной доход (см. табл. 6).

Таблица 6

**Структура государственных неналоговых доходов Чувашской АССР
в 1926–1928 гг. (тыс. руб.)⁴⁴**

Наименование доходов	1926/27		1927/28	
	сумма	в %	сумма	в %
Неналоговые доходы всего	2529,8	100	3625,4	100
в т.ч.: лесной доход	2356,9	93,1	3190,8	88,0
займы	83,5	3,4	342,2	9,5
прочие	89,4	3,5	92,4	2,5

На лесной доход приходился примерно 90% неналоговых доходов и 40,7% всех государственных доходов, собранных на территории республики. Стабильность и объемы его поступлений находились в очень сильной зависимости от решений центральных органов власти и управления. Так, в связи с установлением административной границы между Чувашской и Марийской автономиями по р. Волге, к соседям отошли почти все левобережные леса. В результате Чувашия потеряла примерно 35–40% доходной части местного бюджета⁴⁵. Решение Центра о передаче левобережных лесов Марийской автономии областное руководство не без основания оценивало как «экономическую смерть Чувашии», «злую шутку» и «политический фарс»⁴⁶.

Поступление лесных доходов находилось также в огромной зависимости от размеров льготного и бесплатного отпуска древесины по нарядам Центра. В среднем ежегодно льготным категориям потребителей в Чувашии отпускалось примерно 20% от общего объема древесины, реализуемой населению и государственным организациям. Пожары и самовольные порубки леса также отрицательно сказывались на финансовых результатах отрасли. Только за первые три года существования Чувашской автономии фактический убыток от самовольных порубок составлял 151,5 тыс. руб., или ежегодно

более 10% от всех поступлений лесных доходов⁴⁷. Поэтому из года в год росли недоимки по лесным доходам. Если в 1922/23 г. сумма задолженности за отпущенную древесину составляла 36,9 тыс. руб., то в 1925/26 г. – уже около 1 млн. руб., а к 1 октября 1927 г. она достигла почти 1,3 млн. руб.⁴⁸

Наибольшими темпами среди неналоговых доходов росли государственные займы, которые выпускались в натуральной и денежной формах. Основная особенность натуральных займов заключалась в том, что их стоимость выражались в пудах ржи, хотя сами облигации продавались за деньги. Первый хлебный заем был выпущен в мае 1922 г. на 10 млн. пуд. ржи, второй – в 1923 г. на 100 млн. пуд. ржи. В Чувашии всего было реализовано хлебных займов на 200 тыс. пудов. В 1924 г. с завершением денежной реформы отпала необходимость в выпуске натуральных займов.

Информация о размещении государственных займов в автономной республике в годы нэпа содержится в табл. 7:

Таблица 7

Государственные займы по Чувашской АССР в 1922–1927 гг. (в руб.)⁴⁹

Натуральные и денежные займы	Сумма
Второй хлебный заем 1923 г. (пуд.)	200000
Первый 6% государственный золотой заем 1922 г.	83805
Второй 6% государственный золотой заем 1924 г.	140022
Гарантийный заем 1924 г.	20000
Первый крестьянский заем 1924 г.	42319
Второй крестьянский заем 1925 г.	15500
Государственный выигрышный заем 1926 г.	3525
Второй государственный внутренний 8% заем 1926 г.	47984
10% государственный заем 1927 г.	19620
Всего размещено займов: натуральных (пуд.)	200000
денежных	372775

Всего от реализации денежных займов в республике было получено более 372,7 тыс. руб. Основную их часть составляли государственные 6%-е выигрышные займы 1922 и 1924 гг., выпущенные на общую сумму 200 млн. руб. золотом сроком на 5 лет каждый. Местное крестьянство оказалось плохим держателем облигаций государственных займов. Поэтому они в основном размещались среди городского населения по добровольно-принудительному принципу. Обязательное приобретение облигаций займов

было введено для государственных и кооперативных предприятий; а среди рабочих и служащих заем размещался в порядке коллективной подписки. В отношении частных торговцев и промышленников применялся принудительный метод размещения. При уплате налогов они обязаны были покупать облигации займа, на которых делалась особая запись: «Не подлежит приему в залог и не может котироваться на бирже»⁵⁰.

Динамика изменений и структура расходов местного бюджета Чувашии в восстановительный период даны в табл. 9:

Таблица 8

Расходы местного бюджета Чувашской АССР в 1922–1928 гг. (тыс. руб.)⁵¹

	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
Расходов всего	290,7	1409,8	3658,7	4869,9	6310,7	7191,0
в т.ч.: управление	72,1	305,4	951,5	1457,9	1492,4	1251,9
образование	103,2	601,4	1306,6	1703,8	2311,7	2801,4
здравоохранение	52,1	194,3	482,1	556,3	916,2	941,9
коммун. хозяйство	5,4	86,8	273,4	308,3	431,9	307,3
сельское хозяйство	9,3	53,7	193,2	334,4	462,2	464,4
Прочие	48,6	168,2	451,2	509,2	696,3	1404,1
В % к итогу	100	100	100	100	100	100
в т.ч. управление	24,8	21,6	26,0	29,9	23,7	17,4
образование	35,5	42,7	35,7	35,0	36,7	39,0
здравоохранение	17,9	13,8	13,2	11,4	14,5	13,1
коммун. хозяйство	1,8	6,2	7,5	6,3	6,9	4,3
сельское хозяйство	3,2	3,8	5,3	6,9	7,3	6,7
	16,7	12,0	12,3	10,4	12,9	19,5

За шесть лет расходная часть сметы увеличилась в 24,7 раза, т.е. более высокими темпами, чем ее доходная часть. Всего в годы нэпа на восстановление экономики Чувашии было направлено через местный бюджет более 23,7 млн. руб. При этом если административные расходы выросли в 17,3 раза, то ассигнования на образование – 27,1 раза, а на сельское хозяйство – даже в 31,9 раза. Более половины местного бюджета направлялось на образование и здравоохранение.

Вторую позицию в этой части сметы занимали административные расходы, на что всего было выделено более 5,5 млн. руб., или 23,3% всего

бюджета. Минимальные показатели затрат на эти цели отмечаются в начале периода, когда они составляли примерно одну шестую часть всех расходов, максимальные – в 1925/26 г., когда административные расходы непомерно «разбухли», что, как отмечалось выше, стало даже предметом разбирательства на уровне федерального Правительства. Хотя в местном бюджете автономии произошло сокращение управленческих расходов с 24,8% в 1922/23 г. до 17,4% в 1927/28 г., но эти цифры оказались более чем в два раза выше, чем по стране⁵².

В годы нэпа расходы на развитие народного хозяйства в местном бюджете автономии составляли еще незначительную величину. Капитальные вложения в промышленность республики шли в основном через кредитные организации. Бюджетное финансирование слабо использовалось и для развития основной отрасли народного хозяйства автономии – сельского хозяйства. Всего на восстановление сельского хозяйства было направлено примерно 1,5 млн. руб., или 6,5% местного бюджета. Это в 3,6 раза меньше, чем ассигнования на управление.

Итак, в 1920-е гг. расходная часть местного бюджета Чувашии росла более высокими темпами, чем доходная. Это противоречило директивным установкам партии на максимальное сокращение дефицита бюджета путем увеличения доходов и снижения расходов. Для автономии характерным являлся высокий удельный вес расходов на социально-культурные цели и управление при незначительной доле затрат на народное хозяйство. Основными недостатками в финансово-бюджетной сфере являлись ежегодное составление дефицитного бюджета, построение нереальных хозяйственных планов, мало связанных с финансовыми возможностями региона, низкая финансово-бюджетная дисциплина, высокая стоимость административного аппарата. Поэтому рекомендации федеральной власти сводились к устранению этих и других недочетов на основе анализа финансовых планов местного хозяйства, рационального использования дотаций и субвенций из Центра, преимущественного удовлетворения запросов населения при ограничении административных расходов.

В целом в годы нэпа местный бюджет Чувашии оказался дефицитным и обеспечивал ее существование лишь в режиме выживания. Бюджетное финансирование не могло способствовать разрешению самых острых проблем региона – преодолению нищеты и бедности населения, ликвидации неграмотности, изжитию социальных болезней. Поэтому Чувашия и к концу 1920-х гг. не сумела выйти на дореволюционный уровень развития, находилась в состоянии перманентного социально-экономического и политического кризиса, оставалась самой отсталой национальной республикой страны. Незначительность самостоятельных доходных источников и глубина кризиса были таковы, что без дотаций из Центра не могло быть и речи о решении острых социально-экономических проблем региона даже в минимальном размере.

Основные причины социально-экономического кризиса автономной республики партийными и советскими органами объяснялись «тяжелым

наследием царизма» и ужасными последствиями голода 1921 г., т.е. сводились к историческим условиям и чрезвычайным природным явлениям. Экономическая маломощность, зачаточное состояние промышленности и торговли, острое малоземелье, примитивные способы обработки почвы, слабое развитие промыслов, отсутствие у населения побочных доходов, кроме земли, – вот примерный перечень их аргументов, объясняющих отставание Чувашии от общих темпов восстановления экономики страны в годы нэпа.

Но имелись и причины системного характера, которые являлись тормозом в развитии экономики Чувашской автономии. Прежде всего необходимо отметить роль централизации финансовых ресурсов, на что союзными и федеральными властями обращалось особое внимание. Считалось, что концентрация денежных средств обеспечивает увеличение бюджетов национальных республик не только за счет развития их экономики, но и путем перераспределения ресурсов из союзного бюджета. Но существовала огромная разница между суммой налоговых и неналоговых доходов, направляемых с территорий автономных республик в централизованный бюджет страны и выплат из него на реализацию региональных программ социально-экономического развития. Формальное равенство бюджетов национальных республик, заключавшееся в одинаковых процентах отчислений от государственных доходов, при неодинаковом их социально-экономическом положении оборачивалось хронической дотационной зависимостью и ростом дефицита местных бюджетов. Необходимо отметить и крайнюю ограниченность полномочий автономных образований, которые обладали правом лишь предварительного рассмотрения своих бюджетов. Основная задача местной власти сводилась к реализации директив высших партийных органов и точному исполнению сметы, утвержденной Центром. Тем самым демонстрировалась руководящая и направляющая роль партии в политике и экономике. Сложившаяся в 1920-е гг. финансово-кредитная и налоговая система преимущественно использовалась для упрочения позиций государственных предприятий и кооперативов, одновременно для ограничения и вытеснения деятельности частных предприятий, организаций и лиц. Такая классово-избирательная финансовая и экономическая политика подавляла инициативу предприимчивой части населения, в конечном итоге не способствовала подъему производительных сил региона.

Литература и источники

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 3. С. 189.

² Местный бюджет Автономной Чувашской области на 1924/25 г. // Чувашский край. Вып. 1. Чебоксары, 1925. С. 104–112; *Бочаров М.* Государственные бюджеты Чувашской Республики // Чувашское хозяйство, 1927. № 1–2. С. 88–95; *Лаврентьев Т.Л.* Бюджет Чувашской АССР на 1927/28 год // Чувашское хозяйство. 1928. № 3–4. С. 14–25.

³ Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях. М., 1939. С. 232.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства (далее – СУ), 1921. № 62. Ст. 406.

- ⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 258.
- ⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7735. Оп.1. Д. 1934. Л. 124.
- ⁷ РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 1934. Л. 119–122, 130.
- ⁸ Там же. Д. 649. Л. 7–8, 21.
- ⁹ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 18. Оп. 1. Д. 346. Л. 7.
- ¹⁰ Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 1. Оп. 5. Д. 52. Л. 97–98.
- ¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 259. Оп. 86. Д. 2972. Л. 23–27.
- ¹² ГА РФ. Ф. 259. Оп. 86. Д. 2972. Л. 6.
- ¹³ Там же. Л. 1–2.
- ¹⁴ Чувашский край. Вып. 1. Чебоксары, 1925. С. 107.
- ¹⁵ Там же. С. 108.
- ¹⁶ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1925. Ст. 125, 126; № 40. Ст. 290.
- ¹⁷ ГИА ЧР. Ф. 18. Оп.1. Д. 88. Л. 9–11.
- ¹⁸ Там же. Ф. 203. Оп.3. Д. 11. Л. 69–73.
- ¹⁹ Там же. Ф. 414. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–2.
- ²⁰ ГА РФ. Ф. 259. Оп. 106. Д. 1636. Л. 1–5.
- ²¹ Там же.
- ²² *Филиппов Н.К.* Конституция Чувашской Республики. Комментарий. Чебоксары, 2003. С. 179, 187–189.
- ²³ *Бочаров М.* Указ. соч. С. 88–95; *Лаврентьев Т.Л.* Указ. соч. С. 14–25.
- ²⁴ *Лаврентьев Т.Л.* Указ. соч. С. 20–21.
- ²⁵ Составлена по: ГИА ЧР. Ф. 18. Оп. 1. Д. 88. Л. 17; Отчет Правительства Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики за 1926/27 и 1927/28 годы. Чебоксары, 1929. С. 55–56.
- ²⁶ *Михайлов А.М.* О хозяйственном и культурном строительстве Чувашской Республики. Чебоксары, 1928. С. 17.
- ²⁷ Отчет Правительства Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики за 1926/27 и 1927/28 годы. С. 50.
- ²⁸ *Дьяченко В.П.* История финансов СССР. М., 1978. С. 145, 181.
- ²⁹ Отчет Правительства Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики за 1926/27 и 1927/28 годы. С. 54.
- ³⁰ ГИА ЧР. Ф. 203. Оп. 2. Д. 163. Л.18, 21.
- ³¹ Там же. Ф. 125. Оп. 1. Д. 27. Л. 10.
- ³² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 31. Д. 126. Л.1.
- ³³ Там же. Л. 12–13.
- ³⁴ ГА РФ. Ф. 259. Оп. 86. Д. 2978. Л. 1–11.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 299. Л. 27–28.
- ³⁷ ГИА ЧР. Ф. 18. Оп. 1. Д. 47. Л. 14–15.
- ³⁸ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 6. Д. 35. Л. 86.
- ³⁹ ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 1. Д. 27. Л. 9; Ф. 414. Оп.1. Д. 9. Л. 2.
- ⁴⁰ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 8. Д. 65. Л. 110–173.
- ⁴¹ *Касимов Е.В.* Отношение различных категорий крестьянства к налоговой политике Советского государства в середине 1920-х гг. (на примере Чувашии) // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. М., 2005. С. 522–527.
- ⁴² ГИА ЧР. Ф. 203. Оп. 2. Д. 163. Л. 23.
- ⁴³ ГАСИ ЧР. Ф. 202. Оп. 1. Д. 38. Л. 85–94.

⁴⁴ Отчет Правительства Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики за 1926/27 и 1927/28 годы. С. 54.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 299. Л. 113–114.

⁴⁶ Там же. Л. 107–108; ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 2. Д. 72. Л. 27–28.

⁴⁷ ГИА ЧР. Ф. 202. Оп. 6. Д. 14. Л. 18.

⁴⁸ Там же. Оп. 1. Д. 23. Л. 27; Оп. 2. Д. 205. Л. 86; Оп. 2. Д. 436. Л. 5–9.

⁴⁹ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 348. Л. 16.

⁵⁰ История социалистической экономики СССР. Т. 2. Переход к нэпу. Восстановление народного хозяйства СССР (1923–1925 гг.). М., 1976. С. 129.

⁵¹ Составлена по: ГИА ЧР. Ф. 18. Оп.1. Д. 88. Л. 17; Отчет Правительства Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики за 1926/27 и 1927/28 годы. С. 57–59.

⁵² *Дьяченко В.П.* Указ. соч. С. 146, 216.

V. V. O r l o v. Formation of the local budget and financing of programs aimed at social and economic development during years of NEP.

In the article there is revealed a hard way of the local budget formation in Chuvashiya during period of NEP influence of the first currency reform and legalization of commodity-money relations on restoration of its national economy. Much attention is paid to the study of budgetary mutual relations of the Center and region, forms and methods of defense of an autonomy interests at the central executive and financial bodies of the country. The author analyzes the dynamics of revenues and expense items of the local budget, basic directions and features of the state financing of programs aimed at socio-economic and ethno-cultural development of the autonomy.

**ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ,
СВЯЗАННЫЕ С РОДАМИ, УХОДОМ
ЗА НОВОРОЖДЕННЫМИ И ЛЕЧЕНИЕМ
ДЕТСКИХ БОЛЕЗНЕЙ В СРЕДЕ
ЗАКАМСКИХ ЧУВАШЕЙ
(По материалам полевых исследований)**

**ЧГВ, 2006 г., № 1
© О.В. Егорова**

Историко-сравнительное изучение родильной обрядности этнографических и территориальных групп чувашей позволяет выявить общие и специфические черты важного компонента их традиционной духовной культуры. Выбранный исследовательский ракурс дает возможность обозначить также контуры имевших место этнокультурных контактов чувашей с другими народами, с которыми они проживали в близком соседстве или на каком-то этапе своей многовековой истории имели соприкосновение. Преследуемая автором настоящей статьи цель – описание чувашских традиционных обрядов и обычаев, связанных с родами, уходом за новорожденными и лечением детских болезней в среде закамских чувашей во второй половине XX – начале XXI вв.

В основу исследования легли материалы экспедиции, проведенной Чувашским государственным институтом гуманитарных наук в 1961 г., а также собственных полевых исследований в Республике Татарстан в 2005 г. в районах компактного проживания части чувашского этноса. Нами были изучены Аксумлинский куст среднечеремшанской подгруппы (д. Ерепкино, с. Якушкино), Саврушский куст (с. Старые Савруши, д. Нижние Савруши, д. Савгачево), Сульчинский куст (с. Старое Тимошкино, д. Ерепкино), верхнечеремшанская подгруппа (с. Новое Ильмово, д. Старое Сережкино) закамской этнотерриториальной группы¹.

Как известно, ритуальные действия, связанные с рождением ребенка, начинаются во время свадебной обрядности. Участники свадьбы проявляли повышенный интерес к тому, насколько удачно начнут новобрачные супружескую жизнь. Продуцирующее значение с определенным магическим оттенком имели такие обрядовые действия, как осыпание молодых мукой и хмелю².

Оксана Вениаминовна Егорова – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Информатор из д. Нижние Савруши привела несколько примеров того, как колдуны бросали перед свадебным поездом камни и железные предметы, чтобы испортить церемонию. Вспомнила случай, когда отец одной из невест накануне свадьбы собрал всех известных ему местных колдунов и колдуний с целью «задобрить» их и тем самым предотвратить с их стороны порчу³.

Случаи искусственного прерывания беременности были редкими и рассматривались как нарушение нравственных норм. Выкидыш производили различными способами: через насильственное умерщвление плода тяжелыми работами, принятием вовнутрь отвара трав (пижма, душица⁴, фикус⁵), березовых листьев⁶, лука⁷. Использовались также специальные приемы. Например, информаторы вспомнили, как в д. Ерепкино Нурлатского района одна женщина ввела в матку гусиное перо⁸, а женщина д. Старое Сержкино Черемшанского района – палку⁹. Оба случая привели к летальному исходу. В с. Якушкино Нурлатского района йомзи вызывали выкидыш с помощью специального рожка с тремя отверстиями, который ставился на пупок¹⁰.

По полевым данным, у чувашей редко практиковалось прерывание беременности. В деревне сильным был общественный контроль: дурная слава прелюбодеев могла повлиять как на судьбу девушки, так и парня, бросить тень на авторитет их рода. К искусственному прерыванию беременности прибегали незамужние девушки. В с. Якушкино Нурлатского района родители, узнав о беременности дочери, заперли ее в клеть, где вскоре она и умерла¹¹. Современные информаторы хорошо помнят послевоенные годы, когда замужние женщины умерщвляли своих новорожденных детей. (Подобные случаи вызывали и судебные процессы.)

В случае выкидыша сформировавшийся плод хоронился на могиле близкого родственника сверху или сбоку. Такой способ погребения объясняется тем, что у недоношенного ребенка не было души, и родственники будут присматривать за ним. Незаконнорожденных детей, непризнанных отцом, пренебрежительно называли «*вёлтрен ачи*» (крапивник).

Особенно тяжелым было положение бездетной женщины: в обществе ее чаще склонны были винить в бесплодии. Бездетность сказывалась и на статусе мужчины. Последние нередко обращались к знахаркам. В с. Новое Ильмово Черемшанского района лечение бесплодия мужчин знахарками в народе сравнивали с вращением шеи селезня («*кăвакал асине пек пӑр-пӑ*»)¹². Бездетность могли связывать с «греховностью», болезнью женщины, влиянием «нечистых сил». Чаще всего бесплодие объясняли «загибом» матки. Знахарки лечили таких женщин специальным массажем, сопровождая заговорами от бесплодия.

Бесплодие связывали и со злыми духами, находящимися в воде. Информатор из д. Старое Сержкино вспомнила, как молодая женщина во время замачивания конопли упала в воду и с трудом выбралась из водоема. В течение семи лет после этого случая ей не удавалось забеременеть. Причину сложившейся ситуации она склонна была видеть в пережитом испуге – боязнью попасть во время непреднамеренного купания в руки злого

духа. После неоднократного совершения йомзями определенных обрядов ей удалось забеременеть и родить ребенка¹³.

Женщины, желавшие иметь детей, обращались за советом к знахаркам. Она раздевала женщину догола, накидывала на ее живот глиняный горшок. В д. Ерепкино Аксубаевского района жительница вспомнила, как знахарка на срезанную картошку вставила 3 спичинки, затем зажгла их и сверху накрыла глиняным горшком¹⁴. В д. Старое Серезкино Черемшанского района перед приставлением горшка живот смазывали тестом¹⁵, а в с. Якушкино Нурлатского района – керосином¹⁶. Горшок ставили на 10–15 минут. В д. Нижние Савруши в советское время глиняные горшки заменяли медицинскими банками¹⁷. Данная процедура в основном проводилась ей в бане, подальше от посторонних глаз. В случае безрезультатного лечения женщины практиковалось усыновление/удочерение семьей чужого ребенка из многолетних малообеспеченных семей, к чему жители деревни относились с одобрением и в дальнейшем семью рассматривали как полноценную. Крещеные чуваша с. Старое Тимошкино Аксубаевского района обращались за помощью к мулле, который читал определенную молитву над едой (обычно пряники или печенье) и рекомендовал съесть ее дома¹⁸.

Во многих селениях закамских чувашей информаторы отметили, что рождение мальчика, особенно первенца, было большой радостью. Объясняли это получением дополнительного земельного участка. Поведение беременной женщины подчинялось определенным правилам и запретам. С момента зачатия, по народным понятиям, каждый шаг будущей матери, ее поведение оказывают влияние на формирование различных качеств ребенка, благоприятно или отрицательно сказываются на продолжении родов. Не рекомендовалось смеяться над увечными и больными, иначе мог родиться ребенок, похожий на них¹⁹. Роженица не должна была присутствовать при забое животных, иначе младенец будет дрожащим²⁰. Нежелательно участие беременной в общественных праздниках, похоронах, иначе ребенок будет синюшным. Также запрещалось ей хоронить покойного, но проститься с ним она должна была обязательно, используя традиционное защитное средство – вколоть на одежду булавку острием вверх.

Народная этика рекомендовала беременной не красть, иначе у ребенка появится пятно, похожее на украденную вещь. Информатор из д. Савгачево Аксубаевского района вспомнила, как в деревне родилась девочка с увечной рукой: ее мать не раз была замечена в воровстве²¹. В д. Ерепкино Нурлатского района мать, работая в клубе, взяла кнопки, как необходимую в будущем вещь. В результате родилась девочка с лысиной размером с кнопку на голове²².

Любые родители желали рождения здорового и красивого ребенка. По народным представлениям, он мог родиться увечным из-за проклятия в адрес одного из его родителей или если был зачат в церковные праздники или в пьяном состоянии.

Беременная женщина должна была соблюдать предписанные обычаем запреты в отношении определенных предметов и действий. Например, нельзя

было переходить через метлу. В подобной ситуации беременной предписывалось убрать ее с дороги в сторону или обойти, иначе ребенок, когда родится, согласно народным поверьям, не сможет справлять малую нужду. Информатор из д. Ерепкино Нурлатского района вспомнила, что ребенок в течение нескольких дней страдал этим недугом, сильно плакал. Пригласили врача, которого называли «*вёркен*», специализирующегося на лечении подобных болезней дуновением и плеванием. После совершения обряда недуг прошел. «*Вёркен*» объяснила присутствующим, что женщина во время беременности получила порчу от метлы²³. В с. Якушкино Нурлатского района дали более подробное описание обряда: в воду окунают метлу, пропускают через воронку и дают выпить эту воду ребенку²⁴. Чуваши широко использовали метлу для снятия сглаза.

Местом для родов служили в основном избы, реже – бани. С началом первых схваток роженица посылала близких за бабкой-повитухой. В закамских селениях чуваши повитуху называли по-разному: *эпис карчйк*²⁵, *эпи карчйк*²⁶, *ача эпи, ача карчйк*²⁷. В основном институт повитух существовал до 1956–1957 гг. Нередко повитухи принимали роды вместе с фельдшерами. Источники не дают полного единообразия в описании размеров и форм вознаграждения повитухе: это зависело от местных традиций, от характера оказываемой помощи, от состоятельности семьи и т.д. По наиболее распространенной у чувашей традиции, в качестве подарков служили предметы, символизирующие чистоту, процесс очищения: мыло, полотенце и т.д. Подарком служили также отрез на платье, платок, хорошее угощение.

Трудовой режим беременной женщины изменялся незначительно. Она продолжала выполнять свою обычную работу, поскольку считалось, что умеренные движения и нагрузки необходимы как для здоровья матери, так и для здоровья ребенка. Женщине приходилось участвовать во всех полевых работах – поливке, прополке, сенокосе, жатве и т.д. Нередко женщина рожала прямо в поле, во время работы²⁸.

Для ускорения родов нередко поили роженицу золой²⁹, заставляли перейти через роженицу³⁰ и клали в рот волосы, чтобы вызвать рвоту³¹.

По положению ведущей точки головки плода повитуха узнавала исход родов. Информатор из с. Старое Тимошкино вспомнила, как ее водили в течение двух дней по дому, поскольку не могла разродиться из-за поперечного положения плода. Во избежание поперечного положения плода не разрешалось переходить через ноги беременной женщины. В таких случаях использовали рациональный метод родовспоможения – массаж, который сопровождался магическими обрядами³².

Определенное магическое значение чуваши приписывали последу. Обряд, направленный на то, чтобы скрыть, спрятать послед – плаценту, зафиксирован в нескольких вариантах. Бывало, что прятали плаценту в землю возле красного угла³³, в подполе³⁴, возле ограды³⁵. В иной раз заворачивали в тряпку и прятали в стог соломы³⁶, или на чердаке³⁷. Случалось – клали на лапоть и ставили на забор³⁸. Некоторые исследователи видят в обряде

захоронения последа аналог «строительной жертвы», которая конкретно влияет на «жизненность» самого новорожденного³⁹.

Пупок считался проводником между душой и телом. Его всегда старались сохранить в сундуке, думая, что он поможет ребенку. Пуповины детей собирали, чтобы дети жили дружно. В с. Якушкино Нурлатского района в случае смерти ребенка пуповину клали в гроб⁴⁰. Пуповину часто использовали в качестве лекарства: в случае болезни клали ее в воду и рекомендовали выпить либо натирали больное место. В с. Якушкино пуповину клали в мешочек и носили в качестве амулета⁴¹. В д. Атлашкино Аксубаевского района Татарстана пуповину клали на старый лапоть и ставили под сарай (лупас), чтобы съели галки⁴². Вера в наличие связи, существующей между ребенком и его пуповиной, находит прямое выражение в обычаях обращения с ней.

Предзнаменованием счастья и особой удачи в жизни считалось также рождение дитя – «в сорочке». Последнюю высушивали и хранили. При особо важных жизненных ситуациях рекомендовали брать с собой. Злость, проклятие такого человека быстро доходила до обидчика. Информатор из д. Ерепкино Аксубаевского района вспомнила, как оставила «сорочку» сына в роддоме. Её ребенок до 6 месяцев был очень плаксивым, и ей приснился сон, связанный с оставленной «сорочкой». Пожилые женщины, проанализировав плаксивость ребенка с содержанием сна, рекомендовали купить рубашку и подарить ее кому-либо. После совершения этого обряда, по наблюдению матери, ребенок перестал без причины плакать⁴³. «Сорочке» закамские чуваша приписывали силу берега от враждебных сил.

Хорошим предзнаменованием было родиться рано утром. Такого ребенка не рекомендовалось сразу выносить на солнце и показывать яркий свет⁴⁴. Иначе ребенок мог быть обречен на трудную жизнь, требующей много усилий.

По обычаю, тотчас после родов губки ребенка смазывали сливочным маслом и медом, чтобы ребенок вырос красноречивым. Все информаторы отметили, что после родов матери давали немного водки, чтобы кровь не застоялась.

Если ребенок рождался без признаков жизни, совершали обряд вселения души. Повитуха покачивала ребенка на руках и просила попеременно наливать на спину то горячую, то холодную воду. Как правило, от контраста температуры воды ребенок вздрагивал и начинал громко плакать⁴⁵. В д. Абрьскино Нурлатского района говорили: *«Эй, ашшĕ пуçне шăтармалла пулсан та, амăшне хĕнемелле пулсан та, чун пар!»* (Эй, если даже придется пробить голову отца, мать побить, дай душу!). После этих слов периодически потряхивали ребенка вниз головой. Как только новорожденный подавал голос, процедуру прекращали⁴⁶.

Ребенка после рождения, как правило, заворачивали в отцовскую рубашку⁴⁷ и желали счастья и долгой жизни.

Важным событием считалось первое купание ребенка. Повитуха принимала самое активное участие в омывании новорожденного и роженицы.

Девочке желали удачно выйти замуж, а мальчику вырасти годным к армейской службе. И той, и другому желали долголетия. В д. Ерепкино Нурлатского района повитуха мыла ребенка шерстью, срезанной с овцы в весеннее время года⁴⁸.

В чувашских семьях детская смертность на первом году жизни относительно была высокой. Основными причинами смерти детей были вызванные желудочно-кишечными заболеваниями осложнения и инфекционные заболевания, болезни органов дыхания. Врачи во многом связывали высокий уровень младенческой смертности с особенностями вскармливания грудных детей. Традиционно было принято чуть ли не с первых дней жизни давать ребенку прикорм, оставлять без матери на попечение старших детей-подростков или стариков: при этом еда детям оставлялась на весь день.

Еще одной причиной высокой смертности, в том числе и смертности матерей, была неразвитость системы медицинской помощи и родовспоможения, а также сложная санитарная обстановка труда, быта и жилищных условий, отсутствие знаний по гигиене, низкая грамотность населения. Народные способы лечения, наряду с эмпирически-рациональными компонентами, включали и магически-религиозные средства. Не находя рационального объяснения причин заболеваний, их возникновение зачастую связывали с влиянием потусторонних сил, различных сверхъестественных существ.

Стараясь не потерять очередного ребенка и желая вырастить его здоровым, родители прибегали к разным обрядовым действиям. Можно усмотреть в этом обманывающее магическое действие. Его назначением было ввести в заблуждение нечистую силу, которая могла бы принять ребенка за человека. Чувашки считали, что 7-месячный ребенок будет жить, 8-месячный – нет⁴⁹. Если в семье рождавшиеся дети умирали, то им шили рубашку за один день (*пёр кун кёпи*). Для изготовления такого платья приглашалось много женщин, которые за один день пряли, ткали, шили платье и надевали на ребенка. Шилось это платье в виде распашонки⁵⁰ либо отрезное по талии с оборочкой⁵¹. В д. Савгачево Аксубаевского района на ребенка надевали безобразно сшитое платье, чтобы напугать злых духов. К сожалению, «платье одного дня» никто из информаторов не показывает, объясняя ее несохранность. Такое платье не давали надевать никому из других детей, прятали далеко в сундук⁵². Чувашские этнографы, изучая Максимкинский куст чувашских селений Кошкинского района Самарской области, также упоминают об обряде, в котором фигурирует специально сшитая детская (младенческая) рубашка⁵³.

Не всегда роды завершались благополучно. Часто из-за осложнений при них умирали и ребенок, и его мать. Умершую во время родов женщину везли на кладбище на жеребой кобыле⁵⁴. Умерших детей некрещеные чувашки хоронили или на могиле близкого родственника⁵⁵, или рядом с могилой⁵⁶. На могилу ставили небольшой столб либо палку. Крещеные хоронили умерших детей на новом месте. Если ребенок умер до крещения, то мать

покупала 41 крестик и раздавала их близким людям⁵⁷. Цифра 41 у чувашей относится к сакральному числу и связана со многими обрядами очищения и изгнания злых духов. У православных женщина на 40-й день после родов получала очистительное благословение, а ребенка представляла христианской общине.

В семьях, где часто умирали дети, проводили «куплю-продажу» новорожденного через окно⁵⁸. Во всех населенных пунктах новорожденным давали имена птиц и зверей, деревьев. Мальчиков называли – *Арӑслан* (Лев), *Чакак* (Галка), *Сӑрси* (Воробей), *Упа* (Медведь), девочек – *Чӑкес* (Ласточка) либо имя, которого нет в данное время в деревне⁵⁹. В с. Новое Ильмово давали имена *Туктар* (в переводе с татарского означает «остановиться»), *Салтаба*⁶⁰.

Новорожденному старались как можно быстрее дать имя. В д. Савгачево Аксубаевского района сразу после рождения девочек нарекали именем *Эрнепи*, а мальчиков *Мӑрза*⁶¹. Постоянное имя давалось через 3-4 дня. Имянаречение происходило во время *ача яшки* (дитячий суп), который проводился либо сразу после рождения, либо позже, но не позднее месяца со дня рождения. Мать во время проведения дитячьего супа резала хлеб над головой младенца и нарекала ему имя.

Если у ребенка на теле обнаруживали красное пятно, то меняли ему имя, произнося заклинание. Новое имя начиналось с компонента **мин-**. Например, девочку по имени Анна начинали звать *Минке Анна*. Мальчикам давали имена – *Минхетер*, *Минхевер*, *Минтукка*, девочке – *Минке*, *Минеслу*, *Минук* и т.д. В народе считалось, что новое имя излечит от болезни⁶². Аналогичные приемы использовали и татары.

В д. Атлашево Аксубаевского района имя ребенку давали через неделю после рождения в течение одного месяца. Оно ребенку подбиралось родителями. Обряд имянаречения завершался застольем *ача ёски* (праздник в честь рождения ребенка). Обязательными блюдами на столе были хлеб, яйца, масло. Имя ребенка должно было быть созвучным с именами родителей и старших в семье детей. Например, если в семье имена завершаются аффиксом на **-тей**, то соответственно давали имена *Симентей*, *Ерментей*⁶³.

В д. Савгачево Аксубаевского района приглашали повитуху (*эпи карчӑк*). После раздачи кусочков сыра (*чӑкӑт*) и хлеба читали молитву. Имя ребенку давала повитуха, заранее согласовав с родственниками⁶⁴.

В с. Якушкино Нурлатского района обряд имянаречения проводится после крещения ребенка в церкви. Приглашенным родственникам раздают разрезанные на маленькие кусочки хлеб с сыром. Они в свою очередь кладут на стол рубашку и деньги для ребенка. Потом проводят застолье («*ача яшки*»)⁶⁵. Во время молитвы на хлеб ставили зажженную свечу и бабушка (*ват эпи*) наговаривала: «*Сӑкӑрлӑ, тӑварлӑ пултӑр*» (Пусть будет с хлебом и солью)⁶⁶. В д. Салдакаево Нурлатского района говорили⁶⁷:

*Араскал пултӑр,
Ача-пӑчаллӑ пултӑр,
Сак тулли ача-пӑча пултӑр,
Урай тулли пукек пултӑр.*

Пусть вырастет счастливым,
Пусть родятся дети,
Скамья будет полная детьми,
А пол полон ягнят.

Разные названия и варианты одного и того же по смыслу обряда отражают их локальный характер и стадиальные типы.

Лечение и профилактика детских болезней у закамских чувашей были тесно связаны с родильными обрядами. В каждом доме проводили обряд *ача чук* (чук в честь ребенка). Закамские чувашаи нередко обращались к *йомзям* (знахарям). Определив причину заболевания, *йомзя* рекомендовала принести в жертву барана, гуся, кур. За оказанную помощь родители ребенка, в зависимости от материального положения семьи, дарили *йомзе* платье, платок, деньги⁶⁸.

В д. Абрыйскино Нурлатского района для проведения *ача чук* готовили лепешки («юсманы»), которые ели после молитвы, смазав маслом. Ритуальные лепешки давали попробовать и ребенку⁶⁹. Во время молитвы произносились следующие слова:

*Турӑ пулах,
Сават ачана.
Сават, теҫҫӗ,
Ҫырлах, теҫҫӗ.*

Пусть будет Бог,
Милуй ребенка.
Милуй, говорят,
Помилуй, говорят.

Чуваши считали, что до 3-х лет дети подвержены сглазу. Для снятия сглаза ходили к пожилым бабкам. Окуривая дымом гриба, бабка приговаривала: «... (*называли имя ребенка*) *куҫӗ тухтӑр! Хура куҫӗ тухтӑр! Хура куҫӗ ўкнӗ пулсан, кӑвак куҫӗ ўкнӗ пулсан, ўкнӗ куҫ, хӗсӗк куҫ, месерле куҫ, тух, тух, куҫ*» (...Пусть сглаз выйдет! Черный глаз выйдет! Если сглаз от черного глаза, от голубого глаза, сглаз, узкий глаз, глаз наизнанку, сглаз, выходи).

Рассмотрим несколько распространенных у закамских чувашей детских болезней. Во всех изученных деревнях женщины были знакомы с болезнью *касрашка*, при которой ребенок плачет, выпячивая животик. Варианты лечения в разных селениях немного отличались друг от друга. В деревнях Нижние Савруши, Савгачево, Ерепкино Нурлатского района зашивали бересту на одежду ребенка в трех местах: на плечах и на головном уборе⁷⁰, а в с. Старое Тимошкино Аксубаевского района в двух местах⁷¹ – только на обеих сторонах плеча, в с. Старое Серезкино Черемшанского района – на плечах и спине⁷². Во всех деревнях бересту на девочку зашивал единственный в семье ребенок – мальчик, и, наоборот, на одежду мальчика зашивала бересту единственная в семье ребенок – девочка. У зашивающего спрашивали: «Что делаешь?». Он(а) отвечал(а): «*Касрашку* закручиваю».

Опрелости и порезы народная медицина довольно успешно устраняла с помощью народных способов. В д. Старое Серезкино Черемшанского района на опрелости сыпали гнилушку⁷³, на рану в качестве кровоостанавливающего, ранозаживляющего и антисептического средства сыпали растертую раковину белемнита (*качӑ-мӑчӑ*, вариант: *качу-мучу*)⁷⁴, муку⁷⁵, порошок лосиного рога⁷⁶.

Если к ребенку пристанет *ӑншӑрт* – болезнь, происходящая от того, что на него падает гнев какого-либо обозленного человека, совершали следующие обряды. Грели подкову в печи, затем клали в воду и этой водой поили ребенка⁷⁷; в д. Старое Серезкино Черемшанского района клали на совок две щепоточки золы и вращали над головой ребенка. Данную процедуру повторяли 3 раза. Затем обрызгивали ребенка водой, а золу выбрасывали на ветер⁷⁸.

Почти каждый ребенок болел оспой, краснухой, желтухой. В случае заболевания краснухой ребенка заворачивали в красную тряпку и давали пить свекольную воду. От желтухи ребенка поили водой, в которой настаивали перья иволги⁷⁹. Данное лечение основано на магии по сходству, т.е. для лечения выбирали предмет, имевший цвет, который являлся характерной особенностью некоторых заболеваний.

У новорожденных часто появлялась во рту молочница. Информатор из д. Нижние Савруши сообщила: в среду целительница собирала белую часть воробьиного помета, смешивала ее с медом, сажей и этой смесью смазывала ротик. Одной процедуры было достаточно⁸⁰. В д. Ерепкино и с. Новое Ильмово также использовали подобную микстуру: в первом случае воробьиный помет смешивали с водой, а во втором со сливочным маслом⁸¹.

Как уже отмечалось, были распространены осложнения, вызванные желудочно-кишечными заболеваниями. В этом случае давали больному отвар черной полыни⁸². Во время полевых работ многие матери были вынуждены брать ребенка с собой в поле в колясочке (*кӱме*). Пожилые женщины рекомендовали матери, вспотевшей от физической работы, не кормить дитя грудным молоком, считая, что вместе с организмом нагревается и ее молоко, что может плохо отразиться на здоровье ребенка⁸³.

Закамские чуваша предпочитали держать ребенка в зыбке, изготовленной из луба в виде продолговато-овального короба. Реже использовали зыбку, сделанную из досок⁸⁴. Зыбку изготовляли дома либо покупали в деревне у мастеров. По воспоминаниям старожил, они раньше изготовлялись из лыка и просуществовали до 60-х гг. XX в.⁸⁵ Материалы, шедшие на их изготовление, получили отражение в текстах колыбельных песен⁸⁶:

*Уртӑш йывӑс сиктерми,
Сӗмӗрт пӗкечи,
Сӑпки сӑка хуппи.*

Шест из можжевельника,
Дужка из черемухи,
Зыбка из луба липы.

Чуваши зыбку хранили и передавали из поколения в поколение, вплоть до физического изнашивания. Чтобы обезопасить жизнь ребенка от злых духов, в зыбку клали железные предметы (нож, ножницы, шуруп и т.д.), чтобы злой дух не пристал к ребенку, и горбушку хлеба (от испуга)⁸⁷. В с. Якушкино Нурлатского района вспомнили случай, когда ребенок, упав с зыбки, вздрогнул от испуга. Тогда пригласили бабушку, которая крутила воду над головой ребенка, вышла на перекресток 3-х дорог, гвоздь пропустила через эту воду и забила его в землю со словами «*парассине – парап, илессине – илеп*» (То, что следует дать, даю, то, что следует брать, беру)⁸⁸. В д. Савгачево Аксубаевского района от испуга шили из луба треугольник, соединив в одном месте три угла, и вешали этот амулет на шею ребенку⁸⁹. В д. Ерепкино расплавленное олово наливали в воду и по форме пытались определить, от кого идет сглаз. Образовавшуюся форму клали в марлю и подвешивали на шею, затем выбрасывали на улицу⁹⁰.

Рациональные способы обучения ходьбе дополнялись магическими обрядами, которые исполнялись, если ребенок не ходил. В данной ситуации дитя сажали на дорогу, где должно было пройти стадо⁹¹. В с. Якушкино Нурлатского района завязывали ноги ребенка ниткой и просили старших в семье девочку или мальчика разрезать ее на пороге⁹². В основном обряд «перерезания пут» проводил посторонний человек – не член семьи.

Если ребенок своевременно не начинал говорить, над головой ребенка мать разрезала на половины каравай хлеба⁹³ или давала съесть испеченную из теста птичку⁹⁴, чтобы он стал щебетать, как птичка.

Известный этнограф А.К. Байбурина отмечает, что «в соответствии с народными представлениями ребенок рождается со «связанными» руками, ногами, языком... В течение первых 6–7 лет происходит их «развязывание» и «открытие». Причем считалось, что способности видеть, слышать, ходить, говорить и другие появляются не «сами по себе», а в результате выполнения необходимых ритуальных предписаний и совершения специальных обрядов»⁹⁵. Для развязывания языка давали ребенку съесть еду, отличную от повседневной. По мнению А.К. Байбурина, «слово» рождается во рту, с помощью языка, и поэтому соотносится с едой⁹⁶.

Различными магическими действиями сопровождалась и другие события, впервые происходившие в жизни ребенка. Тот, кто первым видел появление зуба, должен был дарить ребенку какой-либо подарок, чаще рубашку⁹⁷. Первый выпавший молочный зуб давали собаке, чтобы новые зубы ребенка были такими же крепкими⁹⁸, как у собаки.

Следуя поверьям, чуваши не стригли волосы ребенка до одного года. Но символическое отрезание волос с трех мест по одной линии головы проводили в ряде селений, чтобы зло не доходило до ребенка⁹⁹.

Родильные обряды закамских чувашей связаны с общей системой их поверий и религиозных представлений, которые сложились в дохристианский период. Для закамских чувашей Татарстана характерно двоеверие – сочетание языческих и христианских верований и ритуалов. Большинство

ритуалов, сопровождающих рождение ребенка, хранит в себе языческие элементы, хотя ограниченная информация не позволяет полностью реконструировать многие обычаи и обряды. Народные магические средства для облегчения родов и лечения детей включали фрагменты церковно-православных текстов и обрядов. Это способствовало образованию целой системы защитных средств и запретов, передаваемых из поколения в поколение и, несмотря на магические элементы, имели под собой рациональную почву.

Источники и литература

- ¹ Ягафова Е.А. Актуальные проблемы этнической и религиозной толерантности народов Поволжья: Тезисы докладов научно-практической конференции (17–18 октября 2002 г.). Самара, 2002. С. 62–64; она же. Формирование и традиционная культура этнотерриториальных групп чувашей в Урало-Поволжье (XVII – начало XX вв.). Дис. ... д-ра ист. наук. Т. 2. Самара, 2002.
- ² Полевые материалы автора (далее ПМА) в д. Савгачево Аксубаевского района Республики Татарстан. Информаторы – Р.В. Васильева, 1946 г.р., М.С. Яковлева, 1937 г.р.
- ³ ПМА, с. Старые Савруши Аксубаевского района. Информатор – Р.М. Спиркина, 1954 г.р.
- ⁴ ПМА, д. Ерепкино Нурлатского района. Информатор – М.Т. Аверьянова, 1926 г.р.
- ⁵ ПМА, с. Старые Савруши Аксубаевского района. Информатор – Р.В. Васильева.
- ⁶ ПМА, д. Ерепкино Аксубаевского района. Информатор – А.П. Антипова, 1938 г.р.
- ⁷ ПМА, с. Старые Савруши Аксубаевского района. Информаторы – Р.В. Васильева, М.С. Яковлева, 1937 г.р.
- ⁸ ПМА, д. Ерепкино Нурлатского района. Информатор – Е.Н. Улеева, 1918 г.р.
- ⁹ ПМА, д. Старое Серезкино Черемшанского района. Информатор – У.П. Зайцева, 1928 г.р.
- ¹⁰ ПМА, с. Якушкино Нурлатского района. Информатор – О.Ф. Ермошкина, 1923 г.р.
- ¹¹ Там же.
- ¹² ПМА, с. Новое Ильмово Черемшанского района. Информатор – М.Е. Романова, 1916 г.р.
- ¹³ ПМА, д. Старое Серезкино Черемшанского района. Информатор – У.П. Зайцева.
- ¹⁴ ПМА, д. Ерепкино Аксубаевского района. Информатор – А.П. Антипова.
- ¹⁵ ПМА, д. Старое Серезкино Черемшанского района. Информатор – У.П. Зайцева.
- ¹⁶ ПМА, с. Якушкино Нурлатского района. Информатор – О.Ф. Ермошкина.
- ¹⁷ ПМА, д. Нижние Савруши Аксубаевского района. Информатор – Р.М. Спиркина.
- ¹⁸ ПМА, с. Старое Тимошкино Аксубаевского района. Информатор – Е.Л. Трубкина, 1925 г.р.
- ¹⁹ ПМА, д. Ерепкино Нурлатского района, с. Старые Савруши, д. Савгачево Аксубаевского района. Информаторы – М.Т. Аверьянова, М.С. Яковлева, Т.Г. Петрова, 1920 г.р.
- ²⁰ ПМА, с. Старые Савруши Аксубаевского района. Информатор – Р.В. Васильева.
- ²¹ ПМА, д. Савгачево Аксубаевского района. Информатор – Т.Г. Петрова.
- ²² ПМА, д. Ерепкино Нурлатского района. Информатор – Е.Н. Улеева.
- ²³ Там же.
- ²⁴ ПМА, с. Якушкино Нурлатского района. Информатор – О.Ф. Ермошкина.
- ²⁵ ПМА, д. Ерепкино Нурлатского района. Информатор – Е.Н. Улеева.
- ²⁶ ПМА, д. Савгачево, с. Старые Савруши, д. Нижние Савруши, д. Ерепкино Аксубаевского района, д. Ерепкино Нурлатского района. Информаторы – Т.Г. Петрова, Р.В. Васильева, М.С. Яковлева, Р.М. Спиркина, М.Т. Аверьянова, Е.Н. Улеева.
- ²⁷ ПМА, с. Старое Тимошкино Аксубаевского района. Информатор – Е.Л. Трубкина.

- ²⁸ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. III. Ед. хр. 182. Инв. № 1469. Л. 8–9.
- ²⁹ ПМА, с. Старое Тимошкино Аксубаевского района. Информатор – Е.Л. Трубкина.
- ³⁰ ПМА, д. Савгачево, с. Старое Тимошкино Аксубаевского района. Информаторы – М.С. Яковлева, Е.Л. Трубкина.
- ³¹ ПМА, д. Савгачево Аксубаевского района. Информатор – Т.Г. Петрова.
- ³² ПМА, с. Старое Тимошкино Аксубаевского района. Информатор – Е.Л. Трубкина.
- ³³ ПМА, д. Ерепкино Аксубаевского района. Информатор – А.П. Антипова.
- ³⁴ ПМА, д. Савгачево Аксубаевского района. Информатор – Т.Г. Петрова.
- ³⁵ ПМА, с. Старые Савруши Аксубаевского района. Информатор – Р.В. Васильева.
- ³⁶ ПМА, с. Старое Тимошкино Аксубаевского района. Информатор – Е.Л. Трубкина.
- ³⁷ ПМА, д. Ерепкино Нурлатского района. Информатор – М.Т. Аверьянова.
- ³⁸ ПМА, д. Ерепкино Аксубаевского района. Информатор – А.П. Антипова.
- ³⁹ *Головин В.В.* Организация пространства новорожденного // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. С. 33–36.
- ⁴⁰ НА ЧГИГН, Отд. III. Ед. хр. 182. Инв. № 1469. Л. 100.
- ⁴¹ ПМА, с. Якушкино Нурлатского района. Информатор – О.Ф. Ермошкина.
- ⁴² НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 182. Инв. № 1469. Л. 50.
- ⁴³ ПМА, д. Ерепкино Аксубаевского района. Информатор – А.П. Антипова.
- ⁴⁴ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 182. Инв. № 1469. Л. 26.
- ⁴⁵ ПМА, д. Ерепкино Нурлатского района. Информатор – Е.Н. Улеева.
- ⁴⁶ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 182. Инв. № 1469. Л. 137.
- ⁴⁷ ПМА, д. Нижние Савруши, д. Савгачево, с. Старое Тимошкино Аксубаевского района. Информаторы – Р.М. Спиркина, Т.Г. Петрова, Е.Л. Трубкина.
- ⁴⁸ ПМА, д. Савгачево Аксубаевского района. Информатор – Т.Г. Петрова.
- ⁴⁹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 182. Инв. № 1469. Л. 140.
- ⁵⁰ ПМА, д. Ерепкино Нурлатского района. Информатор – Е.Н. Улеева; НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 182. Инв. № 1469. Л. 137.
- ⁵¹ ПМА, д. Ерепкино Нурлатского района, с. Старые Савруши Аксубаевского района. Информаторы – М.Т. Аверьянова, Р.В. Васильева.
- ⁵² ПМА, д. Савгачево Аксубаевского района. Информатор – Т.Г. Петрова.
- ⁵³ *Матвеев Г.Б.* Экспедиция на Черемшан (Праздники и обряды чувашей) // Этнология религии чувашей. Чебоксары, 2003. Вып. 1. С. 136; Там же. *Фокин П.П.* Рубашка-оберег младенца. С. 59–64.
- ⁵⁴ ПМА, с. Новое Ильмово Черемшанского района. Информатор – Е.М. Романова.
- ⁵⁵ ПМА, д. Ерепкино Нурлатского района, д. Савгачево, д. Ерепкино Аксубаевского района. Информаторы – М.Т. Аверьянова, Е.Н. Улеева, Т.Г. Петрова, А.П. Антипова.
- ⁵⁶ ПМА, с. Старые Савруши Аксубаевского района. Информатор – Р.В. Васильева.
- ⁵⁷ ПМА, д. Нижние Савруши Аксубаевского района. Информатор – Р.М. Спиркина.
- ⁵⁸ ПМА, с. Якушкино Нурлатского района, д. Нижние Савруши Аксубаевского района. Информаторы – О.Ф. Ермошкина, Р.М. Спиркина.
- ⁵⁹ ПМА, д. Ерепкино Аксубаевского района. Информатор – А.П. Антипова.
- ⁶⁰ ПМА, с. Новое Ильмово Черемшанского района. Информатор – М.Е. Романова.
- ⁶¹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 182. Инв. № 1469. Л. 25–26.
- ⁶² Там же. Ед. хр. 187. Инв. № 1510. Л. 473; *Петров Л.П.* Личные имена закамских чувашей-язычников // Культура и быт низовых чувашей. Чебоксары, 1986. С. 74–87.
- ⁶³ НА ЧГИГН. Отд. III. Т. 278. Инв. № 1975. Л. 11.
- ⁶⁴ Там же. Ед. хр. 182. Инв. № 1469. Л. 26.
- ⁶⁴ Там же. Т. 278. Инв. 1975. Л. 11.
- ⁶⁶ Там же. Ед. хр. 182. Инв. 1469. Л. 98.
- ⁶⁷ Там же. Л. 111.
- ⁶⁸ Там же. Т. 278. Инв. № 1975. Л. 28.
- ⁶⁹ Там же. Ед. хр. 182. Инв. № 1469. Л. 137.

- ⁷⁰ ПМА, д. Нижние Савруши, д. Савгачево Аксубаевского района, д. Ерепкино Нурлатского района. Информаторы – Р.М. Спиркина, Т.Г. Петрова, М.Т. Аверьянова.
- ⁷¹ ПМА, с. Старое Тимошкино Аксубаевского района. Информатор – Е.Л. Трубкина.
- ⁷² ПМА, д. Старое Сержкино Черемшанского района. Информатор – У.П. Зайцева.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ ПМА, д. Ерепкино Нурлатского района. Информатор – Аверьянова М.Т. Белемнит – древний головоногий моллюск.
- ⁷⁵ ПМА, с. Старые Савруши Аксубаевского района. Информатор – Р.В. Васильева.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ ПМА, с. Старое Тимошкино Аксубаевского района. Информатор – Е.Л. Трубкина.
- ⁷⁸ ПМА, д. Старое Сержкино Черемшанского района. Информатор – В.И. Портнова, 1946 гр.
- ⁷⁹ ПМА, д. Ерепкино Нурлатского района. Информатор – М.Т. Аверьянова.
- ⁸⁰ ПМА, с. Старые Савруши Аксубаевского района. Информатор – Р.В. Васильева.
- ⁸¹ ПМА, д. Ерепкино Нурлатского района, с. Новое Ильмово Черемшанского района. Информаторы – М.Т. Аверьянова, М.Е. Романова.
- ⁸² НА ЧГИГН. Отд. III. Ед.хр. 182. Инв. № 1469. Л. 14.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ ПМА, д. Ерепкино Нурлатского района, с. Старые Савруши Аксубаевского района. Информаторы – Е.Н. Улеева, Р.В. Васильева.
- ⁸⁵ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед.хр. 182. Инв. № 1469. Л. 110.
- ⁸⁶ Там же. Л. 137.
- ⁸⁷ ПМА, д. Савгачево, с. Старое Тимошкино Аксубаевского района. Информаторы – Т.Г. Петрова, Е.Л. Трубкина.
- ⁸⁸ ПМА, д. Якушкино Нурлатского района. Информатор – О.Ф. Ермошкина.
- ⁸⁹ ПМА, д. Савгачево Аксубаевского района. Информатор – М.С. Яковлева.
- ⁹⁰ ПМА, д. Ерепкино Нурлатского района. Информатор – М.Т. Аверьянова.
- ⁹¹ ПМА, д. Ерепкино Нурлатского района, с. Старые Савруши, д. Ерепкино Аксубаевского района. Информаторы – М.Т. Аверьянова, Р.В. Васильева, А.П. Антипова.
- ⁹² ПМА, с. Якушкино Нурлатского района. Информатор – О.Ф. Ермошкина.
- ⁹³ ПМА, д. Нижние Савруши, с. Старое Тимошкино Аксубаевского района. Информаторы – Р.М. Спиркина, Е.Л. Трубкина.
- ⁹⁴ ПМА, с. Старые Савруши Аксубаевского района. Информатор – Р.В. Васильева.
- ⁹⁵ *Байбурин А.* Заметки к теме «Слово и дело» // Тело в русской культуре. Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 102.
- ⁹⁶ Там же. С. 105.
- ⁹⁷ ПМА, д. Ерепкино Нурлатского района, с. Старые Савруши Аксубаевского района. Информаторы – М.Т. Аверьянова, Р.В. Васильева.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ ПМА, с. Старые Савруши, д. Савгачево Аксубаевского района. Информаторы – Р.В. Васильева, Т.Г. Петрова.

O. V. E g o r o v a. Customs and ceremonies concerned with childbirth, newborn baby care and treatment of children's diseases among Chuvash people of Zakamye area.

The article based on the materials of field researches and expeditions describes Chuvash customs and ceremonies concerned with childbirth, prevention and treatment of children's diseases. The author also draws attention to the wedding ceremonial rites including ritual acts of prenatal and postnatal stages. The peculiar feature of ceremonial rites of Zakamye region is that a part of its population is represented by undipped (not baptized) Chuvash people who preserve their traditional ceremonies. It allows getting the most clear and full idea of traditional natal ceremonial rites of the Chuvash ethnoses.

**ПРАВОМОНАРХИЧЕСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ НАЧАЛА XX в.
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
И РЕГИОНАЛЬНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ**

ЧГВ, 2006, № 1

© Е.М. Михайлова

Усложняющиеся в современном российском обществе политические и социокультурные процессы вызывают новую классовую и национальную стратификацию общества. Современные политические реалии, идеологический плюрализм и процесс формирования многопартийной системы, возникновение на политической авансцене современной России политических партий и движений, претендующих на репродуцирование монархических, православно-традиционалистских концепций актуализирует интерес к их историческим предшественникам, действовавшим в политической действительности поздней империи. Недостаточная изученность истории правых монархических партий и движений, долгое время находившейся на периферии научного исследования, требует рассмотрения современного состояния историографического освоения темы, определения новых подходов и тенденций в осмыслении названного явления жизни российского общества. Настоящая статья – скромная попытка восполнить данный пробел.

Долгое время в отечественной историографии правомонархического движения начала XX в. господствовали представления о правых партиях и организациях как помещичьих, «погромных», опиравшихся исключительно на частных землевладельцев, люмпен и прочие деклассированные элементы, преследовавших цель сохранить «реакционный режим» и помещичье влияние в политической и экономической жизни общества. Новые методологические подходы, постепенно утвердившиеся с 1990-х гг. в историческом познании, отход от тенденциозных стереотипов обусловили актуализацию анализируемой проблемы в отечественной историографии. Появился целый ряд исследований самого разного плана, посвященных истории правых партий и организаций¹.

Елизавета Михайловна Михайлова – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и политологии Чебоксарского кооперативного института.

Переосмыслению места и роли правых в общественно-политической жизни страны в начале XX в. было положено работами С.А. Степанова². В них впервые в отечественной историографии тема черной сотни стала самостоятельным предметом научного поиска и с достаточной полнотой отразила различные аспекты функционирования правых союзов. Автором проанализирован широкий круг вопросов: организационная структура правых союзов, их численность и социальный состав, идеология движения, методы общественно-политической работы, думская деятельность и др. Заслуживает быть отмеченным и тот факт, что С.А. Степанов вполне правомерно увязал вопрос о территориальном размещении правых союзов с социально-экономическим уровнем развития регионов Российской империи.

Важным этапом в переосмыслении феномена многопартийности, различных составляющих идеологии и деятельности политических партий стала энциклопедия «Политические партии России», изданная Ассоциацией «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) и Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСиНП)³. Данное издание заложило новые методологические подходы в историографии проблемы: плюрализм критериев классификации партий начала XX в., оценка правых партий с учетом альтернативных моделей общественного устройства. Учет ментальности российского общества, политической семантики и методов реализации провозглашенных партиями целей позволило авторам энциклопедии сделать вывод о том, что практически все политические партии данного периода, в том числе и крайне правые, были организациями интеллигентского типа. Это, несомненно, представляет собой новое прочтение проблемы правого движения.

Крупным событием в современной историографии правого движения стал выход трудов Ю.И. Кирьянова⁴. В них автор проанализировал динамику изменений численности и социального состава правых партий, их идеологию, деятельность руководящих органов движения, роль «окружных посланий» и других циркулярных партийных документов в функционировании правых союзов. В его исследованиях рассмотрены новые сюжеты, не ставшие до последнего момента предметом анализа – съезды и совещания правых партий и их решения, социально-политическая тактика правых на различных этапах их деятельности, эволюция элитарного Русского собрания от культурно-просветительского клуба к политической организации и др.

Столь же высокой оценки заслуживает монография И.В. Омелянчук, посвященная истории черносотенного движения⁵. В своем фундаментальном исследовании автор рассмотрел генезис правомонархического движения, его идеологию, межпартийные отношения в монархическом лагере и попытки его консолидации, взаимоотношения правых с важнейшими государственными институтами, основные направления и формы партийной деятельности.

Актуализация историко-партийной тематики создала предпосылки для изучения деятельности политических партий начала XX в. и, в его рамках, правых партий и организаций⁶, анализа борьбы последних с революционным

движением, их отношений с коронной властью, дворянскими организациями и т.п.⁷ Вышли в свет работы, освещающие различные стороны деятельности правых партий и организаций как в крупных регионах (Центральная Россия, Урал, Верхнее и Среднее Поволжье, Украина и т.д.)⁸, так и в отдельных губерниях (Тверская, Воронежская, Казанская, Нижегородская, Уфимская и т.д.)⁹.

В новейшей историографии правого движения предметом анализа стали прежде всего вопросы, связанные с численностью, социальным и национальным составом участников правого движения, идеологическими воззрениями их лидеров, политической тактикой правых, их думской деятельностью и формами пропагандистской работы, деятельностью правых в сфере народного образования и экономики. Кратко остановимся на основных выводах, сделанных современными исследователями правого движения по выделенным сюжетам.

Снятие с архивных фондов по правым партиям грифа «секретности» позволило уточнить численность членов правых партий и организаций, действовавших на российской политической арене в начале XX в. С.А. Степанов считает, что названное движение объединяло 410 тыс. чел. на конец 1907 – начало 1908 гг.¹⁰ Ю.И. Кирьянов определил численность правых в 399,5 тыс. чел. в 1908 г. и 45 тыс. чел. – в 1916 г. Причем он находил эти цифры несколько заниженными¹¹. Были предприняты также попытки уточнить численность провинциальных правых отделов. В частности, численность действовавших в Казанской губернии правых, согласно оценке И.Е. Алексеева, в первый год их существования (конец 1905 – начало 1906 гг.), составила около 2700 чел.¹² А.И. Стеценко определил численность правых организаций четырех губерний Поволжья – Казанской, Симбирской, Самарской и Саратовской – в 6200 чел. на 1907 г.¹³ Е.М. Михайлова ввела в научный оборот статистическую информацию, свидетельствующую, что к концу 1906 г. в рядах Царско-народного русского общества (ЦНРО), действовавшего в г. Казани и Казанской губернии, насчитывалось до 15 тыс. чел. По ее данным, в конце 1907 – начале 1908 гг. численность правых организаций в Астраханской губернии составила 13200 чел., в Казанской – 8537 чел., в Саратовской – 14725 чел. В конце 1916 – начале 1917 г., по ее расчетам, численность правых в губерниях Поволжья насчитывала чуть более 7500 чел.¹⁴

До начала 90-х гг. XX в. в исторической литературе считалось, что правомонархическое движение в социальном отношении представляло собой «сборище» помещиков, буржуазии, торговцев и деклассированных элементов, связанное с самодержавием. Показательна в этом отношении монография Л.М. Спирина, где утверждалось, что рядовые члены правых организаций были главным образом из мелких лавочников, торговцев, владельцев трактиров, пивных, гостиниц, постоянных дворов, дворников, извозчиков, люмпен-пролетариев, представителей «дна» и даже преступного мира¹⁵. Из современных же исследований предстает существенно иная картина. Как отмечает Ю.И. Кирьянов, характеристика социального состава правых партий

и организаций «в советской литературе давалась весьма тенденциозно – путем исключения по крайней мере части крестьян (беднейших) и всех рабочих, преувеличения доли люмпенов, дворников и тому подобных элементов»¹⁶. На основе полицейских и партийных документов С.А. Степанов и Ю.И. Кирьянов убедительно доказывают всесословный характер правых организаций, отмечают наличие в их рядах представителей и дворянства, и крестьянства, и буржуазии, и рабочих, и духовенства, и мещан, и пр. слоев общества¹⁸. Относительно представительства в составе правомонархического движения деклассированных элементов И.В. Омелянчук утверждает, что руководство правых, особенно Союза русского народа (СРН), иногда использовало их в своих целях, но люмпен-пролетариат никогда не играл в черносотенных организациях сколько-нибудь значительной роли¹⁸.

Всесословный характер имели и провинциальные правые организации. На основе широкого круга источников А.И. Стеценко и А.А. Фоменков доказывают, что в рядах черносотенных организаций Поволжья состояли представители практически всех групп населения российского общества¹⁹. Мнение о представительстве в составе правых организаций разных слоев общества разделяем и мы. Если Союз русских людей и Русское Собрание преимущественно были дворянскими, то в рядах отделов СРН и местных правых партий и организаций абсолютное большинство составляло простонародье – крестьяне, рабочие и ремесленники. Подобное заключение, в частности, может быть подкреплено документальным материалом, исходящим из полицейских органов²⁰. По сообщению «Черноземного края», в открытый в январе 1907 г. отдел СРН в с. Бессоновка Пензенского уезда Пензенской губернии записалось до 300 крестьян²¹. Характеризуя состав отделов нескольких сел и деревень Цивильского уезда Казанской губернии, цивильский уездный исправник в рапорте начальнику Казанского губернского жандармского управления от 23 марта 1916 г. докладывал, что в Цивильском отделе Всероссийского Дубровинского СРН состоит 56 чел., из них 54 крестьян, 1 учитель, 1 вдова титулярного советника. Здесь же отмечалось, что в Трехизбинском отделе Всероссийского Дубровинского СРН насчитывается 39 чел., из них 36 крестьян, 1 псаломщик Цивильского Троицкого собора, 1 священник того же собора²².

Как отмечается в новейших исследованиях, по национальному составу правомонархическое движение в России в целом было достаточно однородным – преимущественно русским. Вместе с тем утверждение, что в рядах правомонархического движения не было лиц неправославного вероисповедания и так называемых «инородцев», не соответствует действительности. Среди членов правых организаций были также украинцы, белорусы, молдаване, греки, немцы и представители других этносов²³. В многонациональном и поликонфессиональном Поволжском регионе состав местных правых организаций также не был исключительно русским. Председатель Казанского Царско-народного русского общества (ЦНРО) профессор Казанского императорского университета В.Ф. Залесский

происходил из поляков. Председателем Симбирского общества людей порядка и законности, а затем членом Совета Симбирского отдела СРН являлся коллежский ассессор А.А. Шор, еврей. В состав нескольких отделов СРН Саратовской губернии входили старообрядцы²⁴. И.Е. Алексеевым показано, что в ряде отделов СРН Казанской губернии состояли чувашаи²⁵. Председателем совета старейшин Иоанно-Златоустовского прихода Астраханской народно-монархической партии (АНМП) являлся эстонец (лютеранин). Должность попечительницы монархической школы при этой же партии занимала немка (также лютеранка)²⁶. В 1908 г. казанскими правыми было организовано Царско-народное мусульманское общество (ЦНМО), ставившее своей целью «сохранение в среде татарского населения верности принесенной на Коране присяге» царю и «крепкое единение с русскими патриотическими обществами»²⁷. Мусульмане состояли и в рядах нескольких отделов правых в Уфимской губернии²⁸.

Идеологические позиции правых монархических организаций – одна из наиболее сложных тем отечественной историографии. В советской исторической литературе, как известно, правые партии были причислены в разряд «реакционных», «помещичье-монархических», «террористических» организаций. В современных научных изысканиях наметился иной акцент оценок.

В историографическом освоении данного аспекта проблемы можно выделить, на наш взгляд, следующие основные тенденции. Первая из них связана с рассмотрением программных положений правомонархических организаций в плоскости сравнительной характеристики моделей государственного и социально-экономического устройства российского общества, предлагавшихся партиями различной политической ориентации в начале XX в.²⁹ Характеризуя на доктринальном уровне идеологию правых партий, известный специалист по истории политических партий и движений В.В. Шелохаев выделяет следующие основные постулаты консерваторов: собственный, самобытный путь развития; отрицание необходимости перенесения на русскую почву западноевропейского опыта, либеральных ценностей и политических структур; обновление авторитарного режима путем «срезывания» «бюрократического нароста»; государственная поддержка средней, мелкой и кустарной промышленности и сельского хозяйства; мобилизация государственных ресурсов на развитие многообразных форм аграрного производства, «учитывая при этом его региональную специфику, традиции и быт местного населения»; сохранение традиционного унитарного государственного устройства Российской империи; отстаивание первенства православия на коренной территории России; господствующая и первенствующая роль русской нации и государственного русского языка; ориентация во внешнеполитическом курсе на родственные России монархические режимы³⁰.

Следующая историографическая тенденция – изучение эволюции идеологических воззрений правых партий и организаций в самостоятельной плоскости³¹. В своей монографии С.А. Степанов отметил, во-первых, что

многие программные положения правых переплетались с официальной монархической доктриной, платформой националистов, а в некоторых случаях с октябристской программой, во-вторых, что она в целом имела охранительный характер, отличаясь, вместе с тем, от традиционного консерватизма, и представляла собой реакционную утопию³². На основные идеи взглядов правых указал и Д.И. Раскин: единение царя с народом, защита самодержавия, внешнее могущество России, сохранение ее единства и неделимости, антисемитизм, широкое местное самоуправление, протекционизм в экономике и т.д.³³ По мнению Ю.И. Кирьянова, представления правых о государственной устройстве страны (первенство православной веры на коренной территории страны, самодержавная власть монарха, первенство русской народности и сохранение единства и неделимости государства) «отражали изначально настроения и взгляды большинства населения», и «ряд моментов в программе и деятельности правых партий неожиданно оказался сегодня очень созвучным потребностям нашей страны»³⁴. Характеризуя взгляды лидеров черносотенного движения, И.В. Омелянчук отмечает, что они представляли собой «попытку обоснования «самобытного» пути развития России, представлявшего собой не выбор между «Востоком» и «Западом», а признание самодостаточности «русского цивилизационного пространства». По его мнению, в целом черносотенная идеология, несмотря на ее недостатки, а иногда и на неприкрытую реакционность, стала попыткой обосновать свой собственный, «исконно русский, некапиталистический путь развития, альтернативный западному»³⁵. С.В. Лебедев подчеркнул, что российское черносотенное движение сочетало в себе и традиционализм, и анархизм, и яростный антикапитализм, и антибюрократизм³⁶. А.А. Иванов отмечает, что целью внутривластной программы правых было сохранение «вековых устоев» русского общества, исторически сложившейся российской государственности с неограниченной самодержавной властью³⁷.

В рамках изучения идеологических позиций правомонархического движения в современной исторической науке обращается внимание на программные положения конкретных правых организаций. Так, Д.А. Коцюбинский характеризует идеологию Всероссийского национального союза (ВНС) как «внутреннее противоречивое стремление к сочетанию как либеральных, так и антилиберальных (расово-националистических, самодержавно-абсолютистских, религиозно-традиционалистских, хозяйственно-протекционистских) политических принципов», как вариант консервативно-либерального национализма³⁸. Освещая программные положения Русского собрания, Ю.И. Кирьянов опроверг тезис о его реакционном характере³⁹. На наш взгляд, он справедливо утверждает, что «немало положений правомонархистов пережили хронологические рамки деятельности своих создателей; ... достаточно напомнить о некоторых современных высказываниях в пользу установления в стране сильной центральной власти, против свободной продажи сельскохозяйственной земли, за покровительство отечественной промышленности, введение цензуры для школьных учебников и молодежной

литературы, постоянное внимание к вооруженным силам и укреплению границ на всем их протяжении...». Но тактические приемы правых, по мнению исследователя, носили негибкий характер и уступали по эффективности тактике либеральных партий и ставили их в проигрышное положение⁴⁰.

Актуализация идеологического аспекта политической теории и практики правомонархического движения начала XX столетия обусловила рассмотрение данной проблематики в контексте консерватизма. Новая методологическая традиция – последовательное освещение эволюции консервативного политического течения и различных форм его проявления через конкретных носителей данной идеологии позволила исследователям рассмотреть модификацию российского консерватизма, отметить превалирование в нем «раритетных» и патриархальных ценностей. В фокусе исследований данного крыла находятся такие сюжеты, как природа и генезис консерватизма, компаративистский анализ взглядов идеологов консервативного течения конца XIX – начала XX вв. – Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, К.П. Победоносцева и Л.А. Тихомирова и др., место правомонархической идеологии в консерватизме⁴¹, правовая идеология русского консерватизма⁴².

Выявлению взаимосвязи идеологической составляющей русского консерватизма и внутренней политики самодержавия и рассмотрению идеологии правого монархизма как одного из ответвлений консерватизма посвящена коллективная монография «Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика», подготовленная авторским коллективом в составе В.Я. Гросула, Б.С. Итенберга, В.А. Твардовской, К.Ф. Шацилло и Р.Г. Эймонтовой⁴³. Она стала первым в отечественной науке обобщающим трудом по данной теме и своеобразным историографическим ориентиром в изучении проблематики.

Закономерным следствием подобной постановки проблемы стало проведение в 2001 г. круглого стола «Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения», в котором приняли участие известные российские историки А.Н. Боханов, В.Я. Гросул, А.П. Корелин, В.Л. Степанов, С.В. Тютюкин, И.А. Христофоров, В.В. Зверев, А.Д. Степанский, Д.М. Володихин, М.М. Шевченко, А.В. Репников⁴⁴. В рамках обсуждения узловых проблем: содержание и эволюция понятия «консерватизм» в России, различия между «бытовым», политическим и социокультурным консерватизмом, социальная база консерватизма, соотношение его «элитарного» и «народного» уровней, религиозный фактор в консервативном мировоззрении, – определилась новая историографическая тенденция, позволяющая вывести споры о программном и функциональном содержании правомонархического движения в историко-политическое и историко-философское понятийное русло. Выделяя «правое», «центристское» и «левое» направления политического консерватизма, А.В. Репников, тем не менее, определяет базовые концептуальные постулаты консервативной идеологии, к которым относит: собственный политический и духовно-нравственный путь развития России, этатизм и незыблемость самодержавной власти, религиозную константу, обусловленную идеокра-

тическим взглядом на мир и сакрализацией царской власти, сохранение общины и традиционного сословного строя, осторожное отношение к ускоренному процессу развития в России капиталистических отношений, критику либерализма и социализма⁴⁵. Свою схему типологизации русского консерватизма предложил В.В. Зверев. С его точки зрения, следует дифференцировать правый консерватизм, воплощенный в идеологические формулы и конструкции, и консерватизм «житейский», «народный»⁴⁶. Останавливаясь на мистической, иррациональной стороне русского консерватизма как «области чувств, инстинкта, религиозного таинства», А.Н. Боханов делает вывод об отсутствии на рубеже XIX–XX вв. консервативной теории⁴⁷. Свою оценку консерватизму дал С.В. Тютюкин, определив его как «состояние души, реакцию на усталость от житейских бурь, показатель разочарования в либеральных и революционных идеях»⁴⁸. Применительно к началу XX в. он выделил два основных направления консерватизма: дворянско-церковная ветвь, представленная придворно-бюрократическими кругами и духовенством, генералитетом, Советом объединенного дворянства, стоявшим на страже самодержавного строя, и консерватизм «новый», вышедший из аристократических салонов на улицу и заговоривший народным языком и представленный Союзом русского народа и родственными ему организациями. Заслуживает внимания утверждение С.В. Тютюкина, что «черносотенный» монархизм причудливо соединялся с требованиями социальной защиты трудящихся и что крах правых в 1917 г. отнюдь не означал, что в их программе не было ничего позитивного⁴⁹.

Постановка проблемы правомонархического движения в аспекте консервативного течения имеет своим следствием более углубленное изучение таких вопросов, как отношение российских консерваторов к общественно-политическим реформам начала XX в. в России, особенности и потенциал консервативной идеологии. Рассматривая эволюцию воззрений российских консерваторов в национальном вопросе, М.Н. Лукьянов делает вывод о том, что часть консерваторов предлагала заменить лозунг «Россия – для русских» лозунгом «Россия – для русских подданных» и что в подобном подходе проявлялась внутренняя идеологическая борьба консерваторов – выбор между идеями государственного национализма и национализма «племенного»⁵⁰. Характеризуя взгляды российских консерваторов рубежа XIX–XX вв., М.Д. Суслов подчеркивает, что во взглядах многих российских консерваторов рубежа XIX–XX вв. заметны утопические черты. По его мнению, характерной особенностью отечественного консерватизма является как его утопизм, так и потенциальная плодотворность проектов его теоретиков⁵⁰.

Полемика относительно вопроса утопичности и политического конструктивизма программных позиций российских консерваторов рубежа XIX и XX столетий сегодня актуальна и еще не нашла окончательного завершения. На наш взгляд, многие предложения их идеологов содержали позитивную конструкцию, а политический радикализм консерваторов носил ситуативный, а не содержательный характер и был присущ не идеологии

данного течения, а политической тактике правоконсервативных партий в условиях Первой мировой войны. Как отметил Л.М. Искра, анализируя причины поражения русского консерватизма в начале XX в., «ситуация же требовала не только сохранения, но и завоевания, ибо немало ключевых позиций монархистами не контролировалось. Народная же монархия без завоевания невозможна. Другими словами, необходим был революционный консерватизм. О нем писали еще славянофилы, но он в России так и не появился»⁵².

Активно стала разрабатываться в современной отечественной историографии и такая проблематика, как социально-экономическая программа правых. «Идея особого русского пути»⁵³ в экономике нашла достаточно глубокий анализ в исследовании А.В. Елисеева⁵⁴. В его работе показаны важнейшие концепты мировоззрения правых по экономической программе, аграрному вопросу и отношению к общине, финансово-промышленному развитию России. При этом обращается внимание на репрезентативный подход к ним «обновленцев» и ортодоксальных правых. А.В. Елисеев отмечает, что правые предложили свой проект технико-экономической модернизации аграрной России, способный дать «адекватный ответ на трансформационные процессы в социально-экономической сфере России»⁵⁵.

Свои выводы относительно экономических взглядов правых сделал Ю.И. Кирьянов. По его мнению, их экономическая платформа содержала «весьма рациональные предложения», реализация которых должна была содействовать «отечественному производству» и «отечественному производителю»⁵⁷.

Отношение консерваторов к тенденциям промышленного развития России накануне Первой мировой войны рассмотрено в статье М.Н. Лукьянова⁵⁷. Автор подчеркивает, что, признавая значительные достижения в экономике страны в этот период, правые, тем не менее, отвергали курс на форсированное развитие промышленности.

Свой подход к анализу экономической составляющей идеологии правых предлагают М.Ю. Чернавский и И.В. Омелянчук. М.Ю. Чернавский, характеризуя экономические взгляды консерваторов конца XIX – начала XX вв., выделяет в них три «центральные» идеи: этатизм, автаркию и государственный социализм, понимаемый как воздействие государства на социально-экономические процессы и контроль над ними⁵⁸. И.В. Омелянчук обращает внимание на акцент правых на такие меры по улучшению экономического хозяйства страны, как государственное кредитование мелких производителей, улучшение агрокультуры российской деревни, учреждение кооперативов, создание в селе соответствующей инфраструктуры, государственный контроль над торговлей зерновыми продуктами, развитие кустарной промышленности, ориентация на внутренний рынок, государственный протекционизм в экономической политике и т.п.⁵⁹

Высказанные в литературе по воззрениям правых о социально-экономическом развитии страны оценочные суждения далеко не всегда бесспорны. В частности, С.А. Степанов полагает, что защита правыми

партиями самодержавия и сословного строя указывает, что черносотенцы стояли на страже привилегий поместного дворянства и что им был свойственен «практически полный отказ от вмешательства в спор между трудом и капиталом»⁶⁰. Что касается первой части утверждения, то концепцию защиты самодержавия, на наш взгляд, нельзя трактовать исключительно как защиту интересов дворянства. Власть самодержавного государя рассматривалась правыми как власть «помазанника Божия»⁶⁰. При этом ряд правых организаций допускал возможность изъятия Крестьянским поземельным банком с разрешения правительства части земли у тех помещиков, чьи земельные владения превышали 750 дес.⁶² В 1908 г. председатель ЦНРО В.Ф. Залесский отмечал: «Все бывшие помещичьи крестьяне желают получать землю бывших своих помещиков, все – не исключая и членов «Союза русского народа»⁶³. В донесении в Департамент полиции Министерства внутренних дел от 17 мая 1916 г. начальник Саратовского губернского жандармского управления писал: «...В случаях каких-либо вообще аграрных беспорядков Союз русского народа не может почитаться вполне надежной организацией, ибо, возможно, будет агитировать против помещиков...»⁶⁴. Ряд правых организаций Поволжья выразил свое несогласие с методами проведения Столыпинской аграрной реформы⁶⁵. Что касается второй части утверждения, то известно, что некоторые правые партии в своих программных положениях предусматривали создание института посредничества между работодателями и работниками⁶⁶. Социальная составляющая находила место в позициях поволжских правых в экономическом, рабочем и культурно-образовательном вопросах⁶⁷. Названный аспект темы требует дальнейшей разработки.

Одним из слабоизученных вопросов рассматриваемой темы является, на наш взгляд, сюжет о роли духовенства в правомонархическом движении. Освещая названный аспект, авторы вышедших в 1920–1930-х гг. публикаций сосредоточили свое внимание главным образом на «обличении» связи духовенства, в первую очередь, православного, с «реакционной силой» и его участия в погромах октября 1905 г.⁶⁸ Отрадно заметить, что сегодня наметились подвижки и в устранении данного «белого пятна». С.Л. Фирсов рассматривает вопрос о политической деятельности почетного председателя Православного всероссийского братского союза русского народа (ПВБСРН) епископа Саратовского и Царицынского Гермогена (в миру – Г.Е. Долганова) и председателя Царицынского отдела СРН иеромонаха Илиодора (в миру – С.М. Труфанова) в контексте отношений светской и духовной властей⁶⁹. Характеризуя действия последних, откровенно не признававших поставленных самодержавным царем властей, автор делает вывод о том, что Гермоген и Илиодор проповедовали «своеобразный правый политический анархизм»⁷⁰. В Казанской губернии, как убедительно показано в исследовании И.Е. Алексеева, отношения между духовенством и правыми организациями были весьма непростыми: часть служителей культа была в числе организаторов правого движения, часть – открыто порицала черносотенцев за их

попытку «внесения политической смуты в умы прихожан»⁷¹. Через призму историко-политической портретике рассматривается деятельность саратовского духовенства в правом движении О.Н. Савицкой⁷². В ее работе получило отражение практика воплощения идей православного монархизма в деятельности епархиальных церковно-общественных организаций.

В политической практике правых партий и организаций думская деятельность занимала далеко не последнее место. Этот сюжет стал основным предметом научного поиска в ряде работ современных исследователей. Р.Б. Ромовым проанализированы причины неудач правых партий и организаций в выборах в I и II Государственные думы, деятельность правой фракции в III думе. Изучив внушительный массив источников, автор пришел к заключению, что правые не имели опыта предвыборной борьбы, а новый государственный строй, установленный Основными законами Российской империи 1906 г., почти неминуемо определял благоприятный исход выборов в I и II Государственных думах для оппозиции. По его мнению, в I Государственной думе к правым депутатам необходимо причислить всех народных избранников, обозначивших свою позицию правее октябристов⁷³.

А.А. Иванов в своих работах осветил деятельность фракции правых в IV Государственной думе⁷⁴. Особое внимание автором уделено роли правительства в избирательной кампании в IV Государственную думу, которое, как подчеркнул А.А. Иванов, не было заинтересовано в «черносотенной думе», т.к. это «роковым образом отразилось бы на авторитете власти». Исследователь проанализировал социальный и партийный состав фракции правых в IV думе, ее противодействие деятельности Прогрессивного блока, внутривнутриполитическую программу фракции правых, специфику взаимоотношений фракции правых как с правительством, так и правомонархическим движением, внедумскую деятельность фракции правых в годы Первой мировой войны. По его мнению, представители фракции правых «нередко справедливо и метко критиковали своих политических противников, ... и порой пророчески предвидели пагубные последствия такой политики», однако предложить сами результативную систему мер по спасению монархии не смогли⁷⁵.

В фокусе этноконфессионального и регионального измерений думской модели парламентаризма начала XX в. и возможностей презентации парламентскими фракциями региональных и национальных интересов Р.А. Циунчук обстоятельно изучил национальную и конфессиональную политику правых, партийно-политический расклад Государственных дум, думскую деятельность партийных фракций⁷⁶. Анализируя политические взаимоотношения между либеральными, умеренно-монархическими и крайне правыми партиями в Поволжье и электоральную тактику крайне правых в избирательных кампаниях в I и II Государственные думы на материалах Симбирской, Самарской и Саратовской губерний, Ю.М. Моисеев отмечает, что если октябристы активно шли на создание единого избирательного блока в обеих кампаниях, то со стороны правых монархистов подобные союзы

носили вынужденный характер вследствие слабости их позиций⁷⁷. С выводами Ю.М. Моисеева перекликается оценка, данная В.Н. Кузнецовым тактике правых в избирательных кампаниях в Симбирской, Самарской и Саратовской губерниях. Он также отмечает политическую активность правых в Саратовской губернии и инертность традиционалистов в Симбирской губернии⁷⁸.

Среди правых организаций не было единства позиций в вопросе их участия в избирательных кампаниях в Государственную думу. В частности, Астраханская народно-монархическая партия (АНМП) бойкотировала выборы в IV думу. Ее председатель Н.Н. Тиханович-Савицкий заявил, что если монархисты не могут составить подавляющего большинства, то следует «дать гг. министрам левую Думу из социалистов и кадетов, преимущественно из социалистов, т.к. правительство будет вынуждено ее распустить»⁷⁹. Результатом подобного отношения к парламентаризму и электоральной практике стало то, что реальное представительство правых Поволжья в Государственной думе не было достигнуто⁸⁰.

Обозначившийся в последнее десятилетие интерес к феномену правого консерватизма позволяет по-новому взглянуть на политическую тактику правых организаций на различных этапах их деятельности. Следует, правда, отметить, что последняя составляющая темы самостоятельно только начинает разрабатываться в современной исторической литературе⁸¹ и требует дальнейшего изучения. Вместе с тем первые шаги в данном направлении уже сделаны. Так, характеризуя политическую тактику правых организаций накануне и в годы Первой мировой войны, Ю.И. Кирьянов отметил ее узость, косность в решении практических задач. В этом, по его мнению, заключалась слабость правых, особенно в условиях войны⁸².

Вопрос об участии или неучастии правых в погромном движении начала XX в. – сюжет, требующий углубленного анализа. Погромы осени 1905 г. нашли отражение в работе С.А. Степанова, вышедшей в свет в 1992 г. Анализируя состав участников и жертв событий октября 1905 г., автор приходит к выводу, что погромы были направлены не столько против евреев, сколько против революционеров и возникали стихийно. Он считает, что правые партии не были сопричастны к организации погромов⁸³. В последующих статьях, исследуя методы и приемы политической деятельности черной сотни, С.А. Степанов приходит к выводу, что крайне правые представляли собой своего рода «революционеров справа»⁸⁴. «Черносотенные (монархические) партии не могут нести ответственности за погромы октября 1905 г., так как большинства из них еще попросту не существовало», – подчеркивает И.В. Омельяничук⁸⁵. Столь же категоричной оценки придерживался в своем исследовании Ю.И. Кирьянов: «Приписываемая правомонархистам послереволюционного периода тактика организации погромов, убийств своих политических противников не соответствует действительности»⁸⁶. М.А. Шевцов в своей кандидатской диссертации возлагает вину на правые организации за октябрьские 1905 г. погромы в Саратовской губернии. Правда, он оговаривается, что в указанный период времени «саратовские черносотенцы

не имели своей политической организации, данных о создании постоянных погромных дружин также нет»⁸⁷. Иного мнения придерживается А.И. Стеценко. Опираясь на архивный материал, исследователь приходит к выводу о необоснованности точки зрения, «рассматривающей крайне правые партии в качестве погромных, террористических организаций» в Поволжье⁸⁸. Нельзя не признать, что названный сюжет нуждается в дальнейшем изучении.

Не менее сложная тема, требующая углубленного изучения, – вопрос о причинах кризиса правых партий и организаций. Преобладавший в советской историографии акцент об идейном крахе монархизма в последнее десятилетие сменился более взвешенной комплексной оценкой причин кризиса правомонархического движения. Согласно новому подходу, причины ухода с политической сцены правых сил были обусловлены рядом обстоятельств, в том числе делегитимизацией самодержавной власти, политическими просчетами лидеров правых, внутренними разногласиями как между столичными правыми партиями и местными правыми организациями, так и между партийной элитой и рядовыми членами, дистанцированностью власти от правомонархического движения в третьеиюньской политической системе, скандалами в среде руководителей правых организаций и т.п. Н.М. Салпанов, исследуя особенности проявления правого консерватизма в губерниях Центрального Черноземья накануне Первой мировой войны, указывает на целый комплекс причин, вызвавших это явление: идейный кризис монархизма, политические просчеты правых, экономическая зависимость правых от правительственной субсидии, внутренний кризис консервативных партий⁸⁹. Ю.И. Кирьянов в их число включает и спад революционного движения после 1905–1907 гг. как объекта борьбы, «расщепление», разъединение правых, усиление распрей в среде самих правых на почве получения правительственных средств отдельными лицами и группами, непонятное для правых отречение Николая II⁹⁰, равнодушное, а нередко и недоброжелательное отношение местных властей к правым, ослабление внимания царя к ним, «угасание» ореола и престижа самого царя, ухудшение отношений правых партий и власти. Кризису и краху правых способствовала также политика П.А. Столыпина, не желавшего терпеть возле себя «второе правительство»⁹¹. Объективные и субъективные причины провала к 1917 г. стратегии и тактики правых партий и организаций показаны в пособии «Политические партии России: история и современность», подготовленном авторским коллективом под редакцией А.И. Зевелева, Ю.П. Свириденко и В.В. Шелохаева⁹². Д.Д. Богоявленский выделяет такие причины раскола правого движения, как аграрная политика П.А. Столыпина, столкнувшая защитников и противников общинного землевладения, а также действия власти, направленные на поддержание существования различных течений и группировок внутри правого лагеря⁹³. О целенаправленной политике П.А. Столыпина по расколу правого движения и дискредитации А.И. Дубровина отмечает В.Ю. Рылов⁹⁴. Довольно сложные отношения правых с имперской и местной властями не могли не сыграть свою роль в кризисе и крахе правомонархического движения⁹⁵.

Весьма плодотворными в плане углубления в рассматриваемую тему обещают быть исследования, посвященные персоналиям – теоретикам и политическим деятелям правомонархического движения. Появились труды, где достаточно полно получили отражение политические взгляды, жизнь и творчество Л.А. Тихомирова⁹⁶. В ряде работ, вышедших в последнее десятилетие, обстоятельно проанализировано мировоззрение лидеров правого движения: В.М. Пуришкевича, Н.Е. Маркова, А.И. Дубровина, В.А. Грингмута, П.Ф. Булацеля, В.Ф. Залесского, А.Т. Соловьева и др.⁹⁷

Как отрадное явление следует отметить наметившееся в последние годы тематическое расширение рассматриваемой проблематики. Так, увидели свет исследования, освещающие конкретные аспекты политической практики правых: отношении правых и либеральных политических партий к польскому вопросу⁹⁸, деятельность правых охранных дружин и взаимоотношения правых с Департаментом полиции⁹⁹, деятельность правых организаций в сфере образования и просвещения, издательской деятельности¹⁰⁰, концепция их внешней политики¹⁰¹.

Приходится сожалеть, что ограниченные рамки статьи не позволяют рассмотреть все историографические аспекты правомонархического движения. В силу названного обстоятельства нами отмечена только часть из них. Находим правомерным утверждать, что в последнее десятилетие в отечественной и региональной исторической науке наметился серьезный исследовательский интерес к истории правого лагеря. Сделан существенный задел в изучении этой сложной и дискуссионной темы. Одновременно приходится констатировать, что активизация исследовательского процесса еще не привела к соответствующей результативности. Как справедливо отмечают современные исследователи истории политических партий и движений, в частности, В.В. Шелохаев и В.Ю. Рылов, проблема консерватизма «нуждается как в теоретическом осмыслении, так и в выявлении материала»¹⁰². Научные дискуссии вокруг оценок и практики правомонархического движения, сохраняющаяся острота политической полемики по поводу противостояния традиционных, либеральных и революционистских векторов в развитии России, значительные пробелы в объективном осмыслении истории правомонархического движения делают названную тему актуальной и востребованной. В связи с этим необходимы и специальные комплексные работы по исследованию деятельности региональных структурных составляющих в многонациональных и поликонфессиональных регионах, наподобие Поволжья, во всей динамике, их идеологической специфики и особенностей общественно-политической практики. Требуют дальнейшего изучения вопросы, связанные с экономическим, социальным, национальным, религиозным и другими аспектами программ и практической деятельности правых, вопросы о связи погромных выступлений с деятельностью правых организаций, взаимоотношений столичных правых партий с местными организациями, о месте правых организаций в общественно-политическом процессе и т.п.

Литература

¹ См.: *Никольская Т.* Что такое «черные сотни»? // Нева 1991. № 2. С. 144–154; *Ганелин Р.Ш.* Первая Государственная дума в борьбе с черносотенством и погромами // Освободительное движение в России. Саратов, 1992. Вып. 15. С. 113–140; *он же.* «Союзники» и крушение царизма // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Ч. 1 (Россия и русское зарубежье). СПб., 1992; *Королева Н.Г.* Правые партии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. // Исторические записки. 1990. Т. 118. С. 102–138; *Раскин Д.И.* Идеология русского правого радикализма в конце XIX – начале XX в. // Там же. С. 5–46; и др.

² См.: *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992; *он же.* Черная сотня в России. М., 2005; *он же.* Черная сотня // Союз. 1990. № 10. С. 16–17; и др.

³ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996.

⁴ См.: *Кирьянов Ю.И.* Съезды правых партий в России в 1912–1913 гг. // Политические партии России. Страницы истории. М., 2000. С. 100–126; Правые партии. 1905–1907 гг. В 2-х тт. / Сост. Ю.И. Кирьянов. М., 1998; *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001; *он же.* Русское собрание. 1900–1917. М., 2003.

⁵ См.: *Омельячук И.В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006.

⁶ *Порхунев Г.А.* Политические партии и городские демократические слои населения Сибири в общественно-политическом движении 1905–1914 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 1994; *Толочко А.П.* Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема. 1910–1914 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1990; *Кочеткова И.С.* Политические партии на Дальнем Востоке (Начало XX в. – 1916 г.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1996; *Белов А.М.* Политические партии и рабочие Центрального промышленного района в революции 1905–1907 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. Кострома, 1998; *Авилова Н.Л.* Российская многопартийность (Региональный аспект. На материалах политических партий и движений Центрального Черноземья. 1900–1999 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001; *Кураев А.Н.* Взаимоотношения политических партий и массовых организаций в период революции 1905–1907 гг. Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001; и др.

⁷ См.: *Авилова Н.Л.* Монархические партии и организации в борьбе с революционным движением // Очерки истории политических партий и движений России. Ростов н /Д., 1992. Вып. 2. Ч. 1. С. 51–89; *Тарасов О.А.* Политическая деятельность национал-монархических партий и организаций России в годы Первой мировой войны. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; *Никифорова С.М.* Политическая борьба правых партий за сохранение самодержавия в России, 1905–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 1999; *Бибин М.А.* Совет объединенного дворянства в период Первой мировой войны. Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2002; и др.

⁸ См.: *Абушик В.В.* Деятельность монархических организаций Центральной России в период развития буржуазно-демократической революции. 1905 – февраль 1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; *Нарский И.В.* «Революционеры справа»: черносотенцы на Урале в 1905–1916 гг. (Материалы к исследованию «русскости»). Екатеринбург, 1994; *он же.* Русская провинциальная партийность. Политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России). В 2-х частях. Челябинск, 1995; *Стрелков А.Т.* Черная сотня в Центральном Черноземье. Курск, 2000; *Сидоренко Н.С.* Монархическое движение на Урале (1905 – февраль 1917 гг.). Челябинск, 2000; *Слесарев Ю.В.* Деятельность правых организаций Центрально-Черноземного региона в 1905–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1998; *Размолодин М.Л.* Черносотенные организации губерний Верхнего Поволжья в 1905–1914 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999; *Станкова М.В.* Черносотенно-монархическое движение в Западной Сибири в 1905–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1999; *Михайлова Е.М.* Черносотенные организации Среднего Поволжья в 1905–1917 гг. Чебоксары,

2000; *Омельянчук И.В.* Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.). Киев, 2000; и др.

⁹ См.: *Лавриков С.В.* Правомонархическое движение в Тверской губернии, 1905–1915 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 1996; *Никифорова С.М.* К вопросу об истории формирования Орловского отделения Союза русского народа // Российская ментальность и мировая цивилизация. Сб. научных статей. Орел, 1997. С. 39–41; *Рылов В.Ю.* Правое движение в Воронежской губернии. 1903–1917. Воронеж, 2002; *Фоменков А.А.* Правомонархическое движение в Нижегородской губернии (1905–1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2002; *он же.* Нижегородские губернские власти и местные правомонархисты: контакты и сотрудничество // Власть и общество в российской провинции (XIII – начало XX в.). Чебоксары, 2004. С. 106–113; *Максимов К.В.* Монархическое движение в России: 1905–1917 гг. (На материалах Уфимской губернии). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Алексеев И.В.* Черносотенные и Умеренно-монархические организации Казанской губернии, 1905–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1997; *он же.* Черная сотня в Казанской губернии. Казань, 2001; *он же.* Под сенью царского манифеста (умеренно-монархические организации Казанской губернии в начале XX века). Казань, 2002; *он же.* Во имя Христа и во славу Государеву (История «Казанского Общества Трезвости» и Казанского отдела «Русского Собрания» в кратких очерках, документах и комментариях к ним): В двух частях. Часть I. Казань, 2003; и др.

¹⁰ См.: *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 108–109. До этого в исторической литературе высказывалась цифра от 100 тыс. членов Союза русского народа, определенных Л.М. Спириным в 1977 г. (*Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (Начало XX в. – 1920). М., 1977. С. 167), до 200 тыс. чел., предложенных Н.Г. Королевой в 1989 г. (*Королева Н.Г.* Помещичье-монархические организации в 1905–1907 гг.: образование, структура, тактика // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 104). Позднее эта цифра уточнялась С.А. Степановым в 408 999 чел. на тот же период. См.: Политическая история России. М., 1998. С. 276.

¹¹ См.: *Кирьянов Ю.И.* Численность и состав крайних правых партий в России (1905–1917 гг.): тенденции и причины изменений // Отечественная история. 1999. № 5. С. 31; *он же.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 69–88.

¹² См.: *Алексеев И.В.* Черная сотня в Казанской губернии. С. 123.

¹³ См.: *Стеценко А.И.* Черносотенцы Поволжья в 1905–1907 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002. С. 127.

¹⁴ См.: *Михайлова Е.М.* Правые партии Поволжья: численность, структура, состав (1905–1917 гг.) // Марийский археографический вестник. 2004. № 14. С. 25–26, 33.

¹⁵ См.: *Спирин Л.М.* Указ. соч. С. 168.

¹⁶ См.: *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. С. 91.

¹⁷ См.: *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). С. 110–117; *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. С. 91–102; *он же.* Крайние правые партии и общество // <http://www.auditorium.ru/books/1110/ch1r9.pdf>.

¹⁸ См.: *Омельянчук И.В.* Социальный состав черносотенных партий в начале XX века // Отечественная история. 2004. № 2. С. 84.

¹⁹ См.: *Стеценко А.И.* Черносотенцы Поволжья в 1905–1907 гг. С. 143; *Фоменков А.А.* Крестьянство и черносотенные организации (На примере Нижегородской губернии) // Крестьянство и власть Среднего Поволжья. Саранск, 2004. С. 250–255.

²⁰ См.: См.: Государственный архив Саратовской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8277. Л. 3–56.

²¹ См.: Черноземный край. 1907. 10 января.

²² См.: Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 122. Оп. 4. Д. 442. Л. 27–35.

²³ См.: *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. С. 88–90.

²⁴ См.: *Михайлова Е.М.* Правые партии Поволжья: численность, структура, состав (1905–1917 гг.). С. 29.

²⁵ См.: *Алексеев И.Е.* Русское национальное движение в Казанской губернии и Татарстане: конец XIX – начало XXI веков. Казань, 2004.

- ²⁶ См.: Русская правда. 1907. 11 января.
- ²⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 188. Д. ба. Л. 294–295 об.; *Алексеев И.В.* «Царско-народное мусульманское общество» в Казанской губернии // Социально-историческое знание в Татарстане: исследовательские традиции и современность. Казань, 1995. С. 76–78; *Стеценко А.И.* О попытке создания «Союза русского народа» из мусульман // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки и социальные технологии. Вып. 2 (5). Ульяновск, 1999. С. 39–41; Правые партии и организации в Поволжье: идеологические концепции и организационное устройство (1905–1917) / Сост. *Е.М. Михайлова*. М., 2002.
- ²⁸ См.: *Максимов К.В.* Мусульмане в монархическом движении Уфимской губернии начала XX века // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время. Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время. С. 167–175.
- ²⁹ См.: Предисловие // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 5–12; *Леонов С.В.* Партийная система России (конец XIX в. – 1917 год) // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 29–48; *Шелохаев В.В.* Феномен многопартийности в России // Крайности истории и крайности историков. М., 1991. С. 9–20; *он же.* Многопартийность в России: особенности формирования // Политические партии России. Страницы истории. М., 2000. С. 30–41; *Иванова Н.А.* Феномен российской многопартийности // Россия в начале XX века. М., 2002. С. 396–432.
- ³⁰ См.: Предисловие // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. С. 6–7; *Шелохаев В.В.* Многопартийность в России: особенности формирования // Политические партии России. Страницы истории. С. 34–35.
- ³¹ См.: *Давиденко А.В.* Эволюция правомонархических концепций политического устройства России (1900–1917 гг.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2001.
- ³² См.: *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). С. 9, 13, 30.
- ³³ См.: *Раскин Д.И.* Указ. соч. С. 8–9.
- ³⁴ *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. С. 348, 429.
- ³⁵ *Омельянчук И.В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). С. 569, 731.
- ³⁶ См.: *Лебедев С.В.* Альтернатива справа: Историческая традиция, идеологические направления и перспективы. СПб., 1999.
- ³⁷ См.: *Иванов А.А.* Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917). СПб., 2006. С. 85–87.
- ³⁸ См.: *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. С. 427, 495.
- ³⁹ *Кирьянов Ю.И.* Русское собрание. С. 68.
- ⁴⁰ См.: *Кирьянов Ю.И.* Русское собрание. С. 126–127, 136.
- ⁴¹ См.: *Лаврычев В.Я.* «Беседа» и тенденции к консолидации консервативных сил в России конца XIX – начала XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 43–57; *Репников А.В.* Консервативная концепция российской государственности. М., 1999; *он же.* Консервативная модель переустройства России // Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Материалы. Вып. 2. М., 2000. С. 3–21; *он же.* Консервативная традиция и современность // Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001. М. 200–213; *он же.* Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М., 2006.
- ⁴² См.: *Карцов А.С.* Правовая идеология русского консерватизма. М., 1999.
- ⁴³ См.: *Гросул В.Я., Итенберг Б.С., Твардовская В.А., Шацлло К.Ф. и Эймонтова Р.Г.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.
- ⁴⁴ См.: Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения // Отечественная история. 2001. № 3. С. 103–133.
- ⁴⁵ См.: *Репников А.В.* Метаморфозы русского консерватизма: от С.С. Уварова до Никиты Михалкова // Отечественная история. 2001. № 3. С. 106–107. См. также об этом:

Репников А.В. Консервативная традиция и современность // Либеральный консерватизм: история и современность. С. 201–202.

⁴⁶ См.: Зверев В.В. Консерватизм «народный» и «элитарный» // Отечественная история. 2001. № 3. С. 124–125.

⁴⁷ См.: Боханов А.Н. О «теории», которой не было // Отечественная история. 2001. № 3. С. 113–117.

⁴⁸ Тютюкин С.В. Консерватизм многолик и вечен // Отечественная история. 2001. № 3. С. 131.

⁴⁹ См.: Там же. С.133.

⁵⁰ См.: Лукьянов М.Н. «Россия – для русских» или «Россия – для русских подданных»? Консерваторы и национальный вопрос накануне Первой мировой войны // Отечественная история. 2006. № 2. С. 36–46.

⁵¹ См.: Суслов М.Д. Российская консервативная утопия на рубеже XIX–XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2003.

⁵² Искра Л.М. Русский консерватизм: поражения и перспективы // «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее». «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время». «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время». Воронеж, 2005. С. 209.

⁵³ См.: Национальная правая прежде и теперь. Ч. 1. СПб., 1992. С. 76.

⁵⁴ См.: Елисеев А.В. Социально-экономические воззрения русских националистов начала XX в. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

⁵⁵ Там же. С. 9–12, 15, 16.

⁵⁶ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. С. 348.

⁵⁷ См.: Лукьянов М.Н. Проблемы промышленного развития и российский консерватизм накануне Первой мировой войны // Консерватизм в России и мире. Воронеж, 2004. Ч. II. С. 180, 182.

⁵⁸ См.: Чернавский М.Ю. Этатизм, принцип автаркии в экономике и идея государственного социализма в консервативных концепциях XIX – начала XX века // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 415–536.

⁵⁹ См.: Омелянчук И.В. Проблемы экономического развития России во взглядах правых монархистов начала XX века // Отечественная история. 2006. № 1. С. 16–23; *он же*. Крестьянский вопрос в программах консервативно-монархических партий России (1905–1914 гг.) // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 83–97.

⁶⁰ Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). С. 30.

⁶¹ См.: Правые партии. Т. 2. С. 419–205.

⁶² См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Г. 1906. Д. 43. Л. 39.

⁶³ Залесский В.Ф. Ближайшие задачи национальной политики // Мирный труд. 1908. № 5. С. 170.

⁶⁴ Правые партии. Т. 2. С. 710.

⁶⁵ См.: «Если так будет идти земельное дело дальше, то миллионы бедных крестьян останутся без куска насущного хлеба». (Е.М. Михайлова) // Исторический архив. 2004. № 4. С. 216–221.

⁶⁶ См.: Государственный архив Астраханской области. Ф. 745. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.

⁶⁷ См.: Фоменков А.А., Михайлова Е.М. Социальная программа и деятельность правых партий Поволжья начала XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2004. Вып. 1(2). С. 307–313; Михайлова Е.М. Черносотенный провинциальный консерватизм: идеология правых партий и организаций Поволжья // «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее». «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время». «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время». Воронеж, 2005. С. 175–183; *она же*. Культурно-образовательная политика правых партий Поволжья (нач. XX века) // Герценовские чтения 2005. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2005.

С. 69–71; *она же*. Идеология правого монархизма в многонациональном Поволжье в начале XX в.: соотношение национального и социального аспектов // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. М., 2005. С. 489–496.

⁶⁸ См.: *Кандидов Б.Л.* Крестом и нагайкой. Почаевская лавра и черносотенное движение. М., 1928; *Ростов Н.* Духовенство и русская контрреволюция конца династии Романовых. М., 1930; *Костомаров Г.* Черная сотня под флагом религии в 1905 г. М., 1931; *Людмила А.С.* Контрреволюция в рясах и чалмах в 1905 г. в Казанской губернии. Казань, 1931; и др.

⁶⁹ См.: *Фирсов С.Л.* Православная церковь и Российское государство в 1907–1917 гг.: социальные и политические проблемы. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1997.

⁷⁰ Там же. С. 346.

⁷¹ *Алексеев И.Е.* Во имя Христа и во славу Государеву. С.94.

⁷² См.: *Савицкая О.Н.* Православное духовенство в правомонархическом движении 1905–1914 гг. (По материалам Саратовской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2001.

⁷³ *Ромов Р.Б.* Правые в I Государственной думе // Эхо. Сб. статей по новой и новейшей истории Отечества / Московский педагогический университет. М., 2000. Вып. 3. С. 47–51; *он же*. Правомонархические организации на выборах во II Государственную думу (1907 г.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История, 2001. № 5. С. 22–45; и др.

⁷⁴ См.: *Иванов А.А.* Фракция правых IV Государственной думы в конце 1916 – начале 1917 гг.: от раскола к распаду // Вестник молодых ученых. Серия «Исторические науки», 2003. № 1. С. 26–36; *он же*. Фракция правых IV Государственной думы и Прогрессивный блок: от поиска компромисса до непримиримой борьбы (август 1915 – февраль 1917) // «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее». «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время». «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время». Воронеж, 2005. С.151–167; *он же*. Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917). СПб., 2006; и др.

⁷⁵ См.: *Иванов А.А.* Последние защитники монархии... С.158.

⁷⁶ См.: *Циунчук Р.А.* Имперское и национальное в думской модели российского парламентаризма // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997. С. 83–105; *он же*. Открытие I Государственной думы: народы и власть в имперском пространстве // Российская империя: стратегия стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 167–198; *он же*. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. Казань, 2004; и др.

⁷⁷ См.: *Моисеев Ю.М.* Кадеты, октябристы и черносотенцы в Среднем Поволжье. 1906–1907 гг. // Постигая прошлое и настоящее. Вып. 1. Саратов, 1993. С. 22–29.

⁷⁸ См.: *Кузнецов В.Н.* Политические партии в Симбирской губернии в 1907–1910 гг. Ульяновск, 1997; *он же*. Организация политических партий в Поволжье в 1907–1910 гг. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1997; *он же*. Черносотенцы Поволжья в 1907–1910. Ульяновск, 2000.

⁷⁹ *Тиханович-Савицкий Н.* Должны ли монархисты принимать участие в выборах в 4-ю Государственную думу. Астрахань, 1912. С. 8.

⁸⁰ См.: *Боюевич М.М.* Члены Государственной думы (портреты и биографии): Первый – четвертый созывы. 1906–1913. М., 1907–1913.

⁸¹ См.: *Фомин И.Е.* Тактика монархических организаций Центральной России. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Толочко А.П.* Черносотенцы в Сибири (1905 – февраль 1917 г.). Омск, 1999.

⁸² См.: *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. С. 386–387.

⁸³ См.: *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). С. 49–85.

⁸⁴ См.: *Степанов С.А.* «Революционеры справа»: черносотенные союзы // История политических партий России / *Н.Г. Думова, Н.Д.Ерофеев, С.В. Тютюкин* и др.; под ред. *А.И. Зевелева*. М., 1994. С. 61–87; *Степанов С.А.* Черносотенцы: «революционеры наизнанку» // Полис. 1993. № 1. С. 154–161.

- ⁸⁵ *Омельяничук И.В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). С. 620.
- ⁸⁶ *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917. С. 359.
- ⁸⁷ *Шевцов М.А.* Черносотенное движение в провинции в 1902–1916 гг. (На материалах Саратовской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1997. С. 130.
- ⁸⁸ *Стеценко А.И.* Черносотенцы Поволжья в 1905–1907 гг. Дис. ... канд. ист. наук. С. 184.
- ⁸⁹ См.: *Салтанов Н.М.* Политический консерватизм в российской провинции. По материалам губерний Центрального Черноземья (1905–1914 гг.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1997. С. 21.
- ⁹⁰ См. подробнее: *Кирьянов Ю.И.* Крайние правые партии и общество // <http://www.history.machaon.ru/all/number03/index.html>.
- ⁹¹ См.: *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 452–453, 474.
- ⁹² См.: Политические партии России: история и современность. М., 2000.
- ⁹³ См.: *Богоявленский Д.Д.* Николай Евгеньевич Марков и «Союз русского народа» и самодержавная власть // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж, 2001. Вып. 1. С. 192–204; *он же.* Конфликт в Союзе русского народа: борьба за лидерство в 1907 г. // «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее». «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время». «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время». С. 123–130.
- ⁹⁴ См.: *Рылов В.Ю.* Некоторые основные проблемы истории правого движения в России в 1900–1917 гг. // «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее». «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время». «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время». С. 83–94.
- ⁹⁵ См.: *Фоменков А.А.* Нижегородские губернские власти и местные правомонархисты: контакты и сотрудничество // Власть и общество в российской провинции (XIII – начало XX в.). Чебоксары, 2004. С. 106–113; *Михайлова Е.М.* Правые партии Поволжья и власть (1905–1917 гг.) // Крестьянство и власть Среднего Поволжья. С. 228–234; *она же.* «Когда мы нужны были, нас просили, а потом прогнали...»: к проблеме взаимоотношений власти и правомонархических партий (начало XX века) // Власть и общество в российской провинции (XIII – начало XX в.). С. 56–64.
- ⁹⁶ См.: *Карцов А.С.* Проблемы личности и власти в творчестве Л.А. Тихомирова // Личность и власть в России XIX–XX вв. СПб., 1997; *Милевский О.А.* Лев Тихомиров: две стороны одной жизни. Барнаул, 2004; *Репников А.В.* «От правых, кажется, я стою в стороне больше, чем от левых...»: дневник Л.А. Тихомирова // «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее». «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время». «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время». С. 94–113; и др.
- ⁹⁷ См.: *Кирьянов И.К.* Владимир Митрофанович Пуришкевич: депутат-фракция // Консерватизм: идеи и люди. Пермь, 1998; *Иванов А.А.* Пуришкевичи: Материалы к истории рода // Герценовские чтения. СПб., 2005. С. 66–69; *Смолин М. Б.* Монархический ригоризм Имперского Зубра // *Н. Е. Марков.* Войны темных сил. Статьи. 1921–1937. М., 2002; Воинство святого Георгия. Жизнеописание русских монархистов начала XX века. СПб., 2006; и др.
- ⁹⁸ См.: *Голубев С.А.* Правые и либеральные политические партии России и польский вопрос (1905 – февраль 1917). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.
- ⁹⁹ См.: *Рууд Ч.А., Степанов С.А.* Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993.
- ¹⁰⁰ См.: *Абушик В.В.* Деятельность монархических организаций Центральной России по повышению культурно-образовательного уровня народа // Политические партии и общественные движения стран содружества (XIX–XX вв.): история, источниковедение, историография и современность. Владимир, 1995; *Шевцов А.В.* Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX в. СПб., 1997; *Медолазов К.Л.* Политика самодержавия и монархических организаций в области образования и просвещения (1901–1913 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 1999; *Михайлова Е.М.* Вопросы культуры, образования и просвещения в идейных позициях правых партий Поволжья (нач. XX века) // Сборник научных статей докторантов, аспирантов и соискателей. Вып. 5. Чебоксары, 2005. С. 498–506.

¹⁰¹ См.: *Омельянчук И.В.* Внешнеполитические проблемы в идеологии черносотенных партий в Российской империи // «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее». «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время». «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время». С. 113–122.

¹⁰² См.: *Шелохаев В.В.* Состояние современного историографического поля российского либерализма и консерватизма // <http://conservatism.narod.ru/shelohaev/shelohaev.html>; *Рылов В.Ю.* Вопросы дефиниций правого движения в России в начале XX века // <http://index.nigilist.ru/lindex4/Text/9630.html>.

E. M. M i h a y l o v a. Right-wing monarchic movement of the beginning of XX century in the domestic and regional historiography: modern approaches.

In the article there are considered the latest tendencies in the study of right-wing monarchic movement of the beginning of XX century in the Volga region. The special attention is paid to the new methodological approaches in historiographic development of issues concerning the number of right-wing parties and organizations, their social and national structure and ideology, economic and social conceptual paradigms of the right movement, political tactics and mutual relations with authorities and society. The significant place is assigned to the historiographic analysis of the works devoted to right-wing parties and organizations.

ЧГВ, 2006 г., № 1
© И.Е. Ильин

ОБРАЗ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНСТВА ЧУВАШИИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Анализ образа жизни может удовлетворить растущие потребности теоретического осмысления тенденций и механизма развития общества, его социально-экономического прогнозирования только при условии обеспечения комплексности на основе междисциплинарной кооперации. Но на какой основе и как должна осуществляться эта кооперация? Многие ученые справедливо указывают на необходимость общей методической базы социально-философского характера. Вероятно, координирующей дисциплиной комплексных исследований должна выступать социология; все другие научные дисциплины, исследующие образ жизни, имеют своим объектом один срез их, тогда как социология охватывает многоуровневые целостности на микро- и макроуровнях в единстве прошлого, настоящего и будущего.

Сегодня существует своеобразный «вакуум» в разработке проблем образа жизни сельского населения Чувашии. В имеющихся публикациях по названной теме лежит сильный отпечаток статистического, чисто «экономического» подхода к предмету изучения. Между тем крайне необходим иной исследовательский ракурс – конкретно-социологическое измерение реальной действительности. Данная статья – попытка подобного анализа жизнедеятельности крестьянства Чувашии. В силу необходимости освещение имевших место в республике процессов будет дано на общероссийском фоне, что позволит рельефно обозначить общее и особенное в развитии регионов страны.

Под образом жизни крестьянства понимается совокупность повседневной жизнедеятельности, сложившаяся в конкретных жизненных условиях, определяемая объективными и субъективными факторами, имеющая свои

Иван Егорович Ильин – кандидат философских наук, заведующий отделом социологии и межнациональных отношений Чувашского государственного института гуманитарных наук.

качественные и количественные, пространственные и временные измерения. Решающее значение в формировании того или иного образа жизни человека играет его повседневная трудовая деятельность, немалое значение – историческая практика и традиционное место в обществе, определяемые в конечном счете всей системой общественных отношений.

Земледельческий труд и жизнь в деревне порождают особую разновидность образа жизни людей – сельский образ жизни. Материальной основой сельского образа жизни служит, как правило, труд на земле, отдельное усадебное хозяйство сельской семьи, чаще всего мелкодисперсное сельское расселение. Его органическими чертами поэтому во все времена были не только зависимость от природных условий, но и известная самодостаточность, высокая устойчивость ко всяким потрясениям в обществе. Последним важным постулатом может служить утверждение об общинном характере образа жизни российских крестьян, обусловленном исторической спецификой евразийской страны и спецификой советского периода ее истории¹.

Либеральные реформы в России 1990-х гг. глубоко трансформировали социальную структуру населения. Американский историк С. Коэн пишет, что десятилетие реформ есть «процесс разграбления, обнищания, демодернизации и дестабилизации России, а заверения, что-де единственный выбор России – это выбор между «шоковой терапией» и «возвратом к коммунизму», есть не что иное, как ложь». Утрата социальной солидарности, социальное разобщение, которое усиливается, – один из социальных итогов последнего десятилетия².

Многочисленные эмпирические исследования, в том числе ретроспективные, выявляют следующие исторические тенденции. Чем выше уровень развития социума, тем ниже высота стратификации, и наоборот. Наибольшие уровни высоты стратификации отмечаются в самых отсталых обществах. По мере повышения уровня развития (прежде всего экономического) высота стратификации снижается. Другими словами, в самых отсталых обществах верх отделяет от социальных низов непреодолимая пропасть, в то время как в продвинутых обществах представители низших страт могут относиться к стоящей над ними элите гораздо спокойнее – если и не как к равным, то, во всяком случае, не считая их некими «небожителями»³.

В.В. Пациорковский считает, что при сохранении имеющихся сегодня тенденций к 2010 г. сформируется следующая социальная структура сельского населения страны: верхний слой среднего класса составит примерно до 5%, средний слой – 10–15%, нижний слой – 40–45%, переходные группы – 10–15%, бедные слои – 25–30%. В ближайший период снижение доли бедных будет зависеть главным образом от правильно выстроенной социальной политики и системы социальной защиты населения, проводимой государством. Связано это с тем, что к настоящему времени на селе уже практически сложилась новая социальная дифференциация. Население, что могло, все само делало. Сегодня и на ближайшую перспективу главные лимитирующие факторы, а именно низкий уровень оплаты труда (минимальная заработная

плата), пенсий (минимальная пенсия) и пособий (детские), слабо связаны с деятельностью населения⁴.

Изменения в социальной структуре отразились в материальном благосостоянии сельчан, в их образе жизни, в первую очередь в трудовой деятельности. В социологическом исследовании 2006 г. «Социокультурный портрет Чувашской Республики» 62,9% опрошенных сельчан отметили, что хотели бы создания новых рабочих мест, а 20,8% – усиления государственного контроля за экономикой.

В 2002 г. 40,5% опрошенных крестьян Чувашии ответили, что живут от зарплаты до зарплаты, денег с трудом хватает на питание, а 39% – на ежедневные расходы денег хватает, но покупка одежды вызывает трудности. В 2006 г. 24,8% опрошенных ответили, что денег не хватает на повседневные затраты, 26,1% – на повседневные затраты уходит вся зарплата, а 18,2% – на повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна. По мнению О.А. Никитиной, 75% семейного бюджета уходит на покупку продовольствия. В структуре питания населения Чувашской Республики по-прежнему продолжает превалировать тенденция к снижению потребления наиболее значимых продуктов с точки зрения рационального питания: мяса, рыбы и продуктов их переработки, фруктов, овощей, растительного масла, являющихся источниками незаменимых аминокислот, витаминов, микроэлементов. Уровень такого дефицита обусловлен только экономическими условиями⁵.

Итак, в 2002 г. 79,5% и 2006 г. 69,1% опрошенных считали, что они живут плохо, не имеют возможности для улучшения материального положения своей семьи.

В этом плане определенный научный интерес имеет точка зрения А.Н. Захарова, который рассмотрел стратификационную сторону новой социокультурной организации деревни. По его мнению, у социальной стратификации есть много оснований, но два среди них имеют важнейшее значение для его социально-созидательного потенциала: положение человека в социальной иерархии по таким объективным показателям, как общество и властные полномочия в системе управления; его субъективная самооценка (самоидентификация) своего положения в этой иерархии. При совпадении этих оснований стратификации человеку свойственны наивысший социально-созидательный потенциал, активность и конструктивная направленность на ее реализацию. В случае расхождения, а именно оно присуще сегодня деревне, – пассивность или установки на протест и деструктивная для сложившейся социальной организации активность⁶.

В 2006 г. 32,7% опрошенных сельчан Чувашии были готовы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека). Характерно, что среди молодежи таковых оказалось 36,9%, а среди пенсионеров 24,0% респондентов.

В XXI в. кардинальных позитивных изменений в сфере материального положения крестьянства Чувашии не произошло. В 2002 г. 72,5%, а в 2005 г.

62,5% опрошенных были не удовлетворены материальным положением, 58,3% – количеством свободного времени. Работой в целом были удовлетворены в 2002 г. 61,7%, в 2005 г. 52,1% опрошенных. Жизнь в целом были удовлетворены в 2002 г. 51,0%, а в 2006 г. 56,4% опрошенных сельчан. В 2006 г., прогнозируя свое будущее, 39,1% респондентов (49,4% молодежи, 33,0% пенсионеров) были уверены, а 19,1% (7,7% молодежи, 21,2% пенсионеров) не уверены в своем будущем.

Аграрные реформы, как считает П.П. Великий, отразились негативно больше всего на старшем поколении. Старший возраст, который не так давно привыкли называть почетная старость, заслуженный отдых, не избавляет людей от необходимости разделить вместе с теми, кто помоложе, общие трудности, искать пути выхода из кризисов, часто делиться с близкими своими скромными ресурсами.

Все они, исполнив какую-нибудь большую или маленькую социальную роль, со временем переходят в разряд пенсионеров и если не доводится продолжать работу в рамках своей профессии, встречаются с одинаковым набором жизненных проблем – состоянием собственного здоровья, настроения, взаимодействий с родными и близкими, средой обитания, властными органами⁷.

Аграрный труд сегодня характеризуется противоречиями, которые выступают не стимулом к динамическому развитию, а скорее причиной его постепенной деградации. Сохранение тяжелого, малооплачиваемого физического труда и соответствующей ему психологии поденщика не позволяет труду стать мерилом социального статуса крестьянина. В аграрной сфере до сих пор сохраняются виды труда, не требующие ни общеобразовательной, ни специальной профессиональной подготовки, в то время как количество образованной молодежи в избытке. В чувашской деревне большинство молодых людей получают среднее образование, соответственно все стремятся к высококвалифицированному труду, но, к сожалению, рынок труда в сельской местности слабый, нет достаточного количества рабочих мест для всех желающих.

В настоящее время именно выпускники сельских общеобразовательных школ являются основным резервом квалифицированных кадров для сельского хозяйства, гарантом благополучного существования многих и многих деревень и деревушек. Поэтому стоит задача формирования положительного отношения к сельским профессиям в целом, сельского хозяйства в отдельности, улучшения работы по социально-профессиональной ориентации учащихся, которая способствует оптимальному воспроизводству рабочей силы, является основой выбора профессии.

Социологическое исследование, проведенное нами в 2002 г., показало палитру предпочтений сельской молодежью Чувашии наиболее популярных профессий. Так, на первых трех позициях явные лидеры – предприниматель (35,1%), юрист (17,6%), экономист (13,5%), далее – инженер (9,5%), учитель (2,7%), врач (1,3%). Из числа опрошенных юношей и девушек никто не захотел

стать фермером, рабочим, что наводит на грустные размышления. При выборе профессии сельская молодежь преимущественно ориентируется на получение большой зарплаты (35,1%) и интересную работу (35,1%).

В XXI в. для получения хорошей работы 56,2% респондентов считают, что нужен «блат» (связи и знакомство), а 32,4% выделяют качественное образование. В людях сельская молодежь ценит следующие качества личности: справедливость, скромность, честность (46,0%), образованность, воспитанность (20,3%), взаимопомощь, отзывчивость (12,2%), трудолюбие (6,8%), самостоятельность, личную ответственность (6,8%), предприимчивость (5,4%) и т.д.

Для молодежи показатель «жить хорошо» означает: быть материально обеспеченным (66,2%), иметь хорошую семью и детей (62,2%), быть здоровым (47,3%), чтобы в стране не было войны (24,3%), иметь здоровых детей (20,3%), интересную работу (20,2%) и т.д.

И последний сюжет, характеризующий социальный и духовный облик современной сельской молодежи. Отвечая на вопрос о том, надеется ли сегодня достичь успеха в обществе благодаря честному, добросовестному труду, 29,7% респондентов выбрали отрицательный вариант.

Сегодня у сельской молодежи интерес к содержанию работы, ориентация на квалифицированный, интеллектуально насыщенный труд становятся доминирующими в системе трудовых интересов. Качественно меняется отношение к интеллектуальной насыщенности труда, преобладающей становится ориентация на умственный, нежели на простой физический труд. Работой меньше всего удовлетворены молодые труженики, занятые мало- и неквалифицированным ручным трудом. Их неудовлетворенность усугубляется тем, что многие из них имеют сравнительно высокое образование и поэтому рассматривают свой труд как сугубо временный этап жизни, вызванный отсутствием в деревне широких возможностей для получения профессионально-технического образования.

«По устоявшейся традиции молодежь манят общественное производство и огни больших городов, т.е. жизнь, далекая от насущных забот подворья. Свое положение в настоящий момент основная часть молодежи рассматривает как сугубо временное. Тем не менее реальность состоит в том, что многим из них просто предписано быть первым поколением новых крестьян – мелкотоварных производителей»⁸.

Однако молодежь, как наиболее мобильная социально-демографическая группа населения, не всегда реально представляет стоящие перед ней серьезные проблемы социально-экономического, психологического характера в условиях адаптационного периода.

Как отмечает В.П. Фоминых, основная беда современной молодежи заключается в наличии серьезных противоречий между явно завышенным уровнем притязаний в материальной сфере (желанием иметь высокую зарплату, собственный коттедж, дорогую иномарку, открыть свой бизнес и т.п.) и наличным уровнем трудолюбия, настойчивости, целеустремленности,

специальных знаний и способностей. Это расхождение между желаниями и личными возможностями оборачивается для многих стремлением к легкой жизни, доступом к материальным благам путем преступных действий. Доказательством этому служит прогрессирующая статистика уголовных преступлений на почве воровства. Основным контингентом в этом виде преступлений является неработающая молодежь, подростки⁹.

За годы реформ произошли опасные для будущего страны изменения в экономике, отразившиеся в повальном снижении уровня жизни людей. Экономические преобразования отвечают интересам не большинства населения, а узкой группы людей. Изменения в социальной структуре населения Чувашии повлекли за собой имущественное расслоение сельской общности, резко упал уровень жизни ее членов¹⁰.

Сегодня в ситуации обвального глубокого имущественного расслоения у сельских жителей растет экономическое отчуждение от сферы социально-культурного обслуживания, превращая для них многие, особенно наиболее качественные услуги в недоступные. Все это в первую очередь отражается в духовно-нравственных ориентациях отдельного человека, социума в целом.

И поэтому совершенно прав С.В. Полутин, высказывающий мнение о необходимости социологического подхода к проблеме обеспечения социального развития регионального молодежного субсоциума (РМС). Проведение государственной политики в отношении молодежи предполагает организацию информационно-социологического наблюдения (мониторинга) за функционированием РМС, обеспечивающего регулярную и многоаспектную оценку процессов, происходящих в молодежной среде¹¹.

Уровень социального и духовного развития села, отмечает Д.А. Дорш, во многом объясняется характером экономических отношений, и без активной социальной и культурной политики село не поднять. Многие чисто экономические проблемы сельской жизни порождены глубоким разрушением социальных и духовных основ сельского образа жизни¹².

Для успешного функционирования аграрного сектора в целом необходимо знать особенности духовного развития современного села, динамику и тенденции, определяющие развитие духовного мира различных категорий сельского населения. Выходцы из села постоянно пополняют состав жителей городов, привнося в них свои ценностные ориентации и установки, вследствие чего в социальную, идейную и нравственную жизнь общества вносятся определенные особенности.

Решение многих практических задач общества невозможно без конкретного и детального анализа общего и специфического в духовном развитии сельского населения, в функционировании основных институтов культуры на селе, без учета связи современного сельского хозяйства с промышленностью, образа жизни деревни и города.

При рассмотрении культуры необходимо помнить, что она имеет всеобъемлющий характер и разновидности материальной (включающей всю сферу материальной деятельности и ее результатов) и духовной (включающей

духовную деятельность и ее продукты). Обычно исследуются составляющие культуры: экологической, производственной, экономической, профессиональной; рынка, труда, быта, досуга; потребления, общения, демографического воспроизводства и т.д. А также материальные основания сельской культуры, в том числе духовной, поскольку в развитой стадии она может существовать, сохраняться и передаваться главным образом посредством материальных учреждений (клубов, театров, музеев и т.д.) и в материальной форме – книг, экспонатов, национальных парков и т.п.

В своем взаимодействии эти разновидности культуры, как отмечает В.И. Староверов, обуславливают формы общежития и образа жизни сельского населения, его социальную активность, а во взаимосвязи и совокупности их с материальными основаниями образуют *социокультурное* пространство деревни. От уровня развитости последнего зависит эффективность ее функционирования, которая характеризуется, с одной стороны, степенью гуманизации условий существования и развития самого сельского населения, с другой – вкладом его в благополучие и развитие общества в целом¹³.

Снижение уровня жизни большинства сельского населения, тяжелое материальное положение сказались на развитии духовно-нравственного кризиса в обществе, выразившемся в резком росте алкоголизма, наркомании, проституции, суицидов и преступности.

Материалы социологических исследований, проведенных нами в 2002 и 2005 гг., показывают обеспокоенность сельских жителей Чувашии распространением на селе социально опасных явлений (табл. 1).

Таблица 1

**Какое явление наиболее социально опасно
(вредит здоровью населения, препятствует развитию Чувашии и т.д.)?
(в % к опрошенным)**

Варианты	Все		В том числе			
			мужчины		женщины	
	2002 г.	2005 г.	2002 г.	2005 г.	2002 г.	2005 г.
Злоупотребление алкоголем	64,5	66,0	60,7	60,0	68,4	71,7
Злоупотребление наркотиками	26,4	38,5	25,5	38,7	27,2	38,4
Беспорядочная половая жизнь	13,3	14,9	13,0	14,0	13,7	15,7
Токсикомания	5,8	18,1	6,9	19,3	4,8	17,0
Курение	*	33,0	*	35,3	*	30,8
Затрудняюсь ответить	3,7	4,5	4,9	3,3	2,4	4,4

* Вариант не указан.

Специалисты считают, что основными причинами девиации являются прямое или опосредованное воздействия внешней социальной среды, детерминированной как внутренним началом, так и внешними причинами. Причиной девиации может быть как решение самого человека как акт свободной воли, так и врожденные или приобретенные психофизические аномалии.

Прямому социальному регулированию практически не поддается девиантное поведение, обусловленное внутренними факторами. Профилактика девиантности, сформированной социальными условиями, заключается в ликвидации или локализации действия основных внешних причин.

Деформация поведения последующих поколений во многом зависит от образа жизни и поведения предшествующего поколения людей. Слой населения, имеющий устойчивое девиантное поведение в сфере пьянства и алкоголизма, способен передать девиантные характеристики своим и другим детям, охваченным нездоровой атмосферой, вызываемой пьянством и алкоголизмом. Глобальными социальными причинами девиантности являются социальное неравенство, социальная несправедливость, социальная дестабилизация и деформированная стратификация общества¹⁴.

Социологи М.К. Горшков и Н.Е. Тихонова считают, что в сегодняшней России богатые, как и бедные, не изолированы от остального общества и пока продолжают «вариться в собственном котле». Возможно, это связано с тем, что их новое социальное положение имеет не очень большой «срок давности». Примечательно, что только у 40% населения среди их ближайшего окружения (родственников, соседей, друзей, знакомых) не оказалось представителей богатых слоев населения, а у каждого пятого в составе ближайшего окружения нашлись три и более богатых семьи. Учитывая, что речь идет о полярных группах общества, столь развитая система контактов между ними является еще одним свидетельством незавершенности процесса формирования жестких границ между различными социальными слоями.

Короткая дистанция в межличностном общении между полярными группами общества имеет как хорошие, так и плохие стороны. С одной стороны, тесные контакты представителей слоев населения, располагающих принципиально разными возможностями, помогают развитию межсемейных трансфертов, сетей взаимопомощи в среде самого населения, что в определенном смысле смягчает материальные последствия неэффективности государственной социальной политики. С другой стороны, они способствуют определенному усугублению социальной напряженности между этими слоями общества за счет постоянного сравнения бедными своих возможностей и образа жизни с возможностями и образом жизни богатых¹⁵.

Сельские социологи страны, участвовавшие в работе Всероссийского социологического конгресса в 2006 г., согласны с мнением П.П. Великого о том, что хотя уже прошло 15 лет с начала аграрной реформы, жизнь большинства сел и деревень до сих пор не перешла из стадии распада и застоя в стадию созидания. Состояние системы, длительное время

функционирующей без наступления позитивных результатов, может быть определено как кризис созидания. Именно в таком состоянии находится отечественное село¹⁶.

По материалам наших социологических исследований видно, что «западничество», или «американизм», как образ жизни россиянам пока не грозит. Так, в 2002 г. 78,0% опрошенных крестьян Чувашии хотели бы видеть Россию в будущем самобытной страной, похожей только на себя. В числе друзей России респонденты назвали Белоруссию (56,3%), Украину (18,6%), то есть 75% граждан российского полиэтнического региона солидарны с народами славянских государств.

Социологический анализ показывает коренные изменения в образе жизни крестьянства в конце XX – начале XXI вв. Сегодня наглядно видим два полярных образа жизни, которые присущи (свойственны) двум большим социальным группам сельского социума – бедным и богатым. К сожалению, снижение уровня жизни большинства селян в условиях реформирования различных сфер общества непосредственно сказалось в образе жизни определенной части населения современной деревни, в первую очередь в духовно-нравственной сфере.

Л и т е р а т у р а

¹ Руденко Л.И. Социальное содержание современных реформ на селе: проблемы жизнестойкости российского крестьянства (Очерки социологического исследования). Саратов, 1999. С. 8.

² См.: Симонян Р.Х. Реформы в России 1990-х годов: об аргументах «за» // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 114–122.

³ См.: Анурин В.Ф. От Москвы до самых окраин (социальное неравенство: региональный разрез) // Социология. 2005. № 3–4.

⁴ Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991–2001 гг. М., 2003. С. 333.

⁵ См.: Никитина О.А. Методология реализации стандартов качества жизни в современном социуме // Вестник Чувашского университета. 2006. № 5. С. 417–427.

⁶ Захаров А.Н. Либеральная трансформация российского агропромышленного комплекса: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2006. С. 35.

⁷ Великий П.П. Женское лицо русской деревни. Саратов, 2005. С. 3–4.

⁸ Пациорковский В.В. Указ. соч. С. 108.

⁹ Психология и духовно-нравственное здоровье российского общества: Материалы региональной науч.-практ. конф. / Под общ. ред. В.П. Фоминых. Чебоксары, 2004. С. 4.

¹⁰ См. подробнее: Ильин И.Е. Социальный портрет сельской Чувашии рубежа XX–XXI веков // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 46–54.

¹¹ См.: Полутин С.В. Региональный молодежный субсоциум как категория социологического анализа // Регионология. 2000. № 2. С. 289.

¹² Дорш Д.А. Управление социальными процессами на селе: диагностика и пути оптимизации: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 1994. С. 27.

¹³ Староверов В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 65.

¹⁴ См.: Корченков В.В. Социальное регулирование в сфере девиантного поведения (На примере пьянства и алкоголизма): Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2000.

¹⁵ Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 22.

¹⁶ *Великий П.П.* Российское село: кризис созидания // Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России»: В 16 т. М.: Альфа-М, 2006. Т. 16. С. 94.

I. E. I l y i n. A way of life of Chuvash peasantry as a subject of the sociological analysis.

The article is based on materials of the sociological researches carried out in the Russian Federation and its subjects. There is given an analysis of main components of a way of life of Chuvash agricultural population, a characteristic of a social portrait of separate demographic groups (youth, pensioners and women). The author shows the connection of two categories (“way of life”, “standard of living”) that have a special urgency in conditions of globalization of social and economic processes.

ЧГВ, 2006 г., № 1
© Т.В. Погодина,
© Н.Г. Стерхова

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА В РЫНОЧНЫХ УСЛОВИЯХ

В условиях рыночной экономики инновационная политика является определяющим инструментом в конкурентной борьбе, обеспечивающим условия для стабильного долгосрочного развития. Именно ей, формирующей основные направления специализации регионов, принадлежит ведущая роль в формировании их конкурентоспособности. Цель настоящей статьи – оценка уровня инновационного развития республик и областей Приволжского федерального округа (ПФО) за 1996–2004 гг. и определение основных направлений его повышения. Исходя из поставленной цели нами избраны следующие исследовательские задачи: выявить характерные черты развития регионов как инновационно-экономических систем; выделить особенности инновационного развития республик и областей ПФО в 1996–2004 гг.; рассчитать обобщающие показатели инновационного развития, включая экстенсивный, интенсивный и интегральный коэффициенты инновационной активности бизнеса и определить ключевые направления их повышения в ПФО; обозначить основные этапы осуществления инновационного мониторинга региона и осуществить рейтинговую оценку инновационной активности республик и областей ПФО за 1996–2004 гг.; конкретизировать сущность, основные направления и методы государственной инновационной политики, провести корреляционно-регрессивный анализ взаимосвязи между долей расходов государства на исследования и разработки в процентах к ВВП и числом созданных передовых производственных технологий.

Ключевые политические положения о необходимости перехода к инновационной экономике изложены в «Основах политики Российской

Татьяна Витальевна Погодина – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Чебоксарского кооперативного института.

Наталья Геннадьевна Стерхова – старший преподаватель Чебоксарского филиала Санкт-Петербургского инженерно-экономического университета.

Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу», утвержденных президентом России В.В. Путиным 30 марта 2002 г. В этом документе определено, что цель государственной политики в области развития науки и технологий – переход к инновационному пути развития на основе избранных приоритетов; фундаментальная наука – одна из стратегических составляющих развития общества; приоритеты фундаментальных исследований определяются самим научным сообществом; формирование национальной инновационной системы – неотъемлемая часть экономической политики государства.

Инновации в значительной степени определяют экономический рост предприятий региона, занятость населения и рост производительности труда, а также являются существенным фактором социально-экономического развития региона. Поэтому решение вопросов, связанных с созданием в регионе эффективных механизмов реализации инноваций, требует серьезного внимания и крайне важно в перспективе развития до 2025 г.

В современной России инновационный процесс превратился в решающий фактор экономической и политической жизни. Инновационная экономика – это неизбежный этап в обретении субъектами федерации их нового облика. Научно-технический прогресс, являясь ведущим фактором современного производства, осуществляется на трех уровнях, включая фундаментальные, прикладные исследования и опытно-конструкторские разработки. В совокупности эти уровни образуют инновации. На наш взгляд, инновация – это результат внедрения новшества, позволяющий получить положительный экономический эффект в виде нового или недостающего на рынке товара (услуги), либо уже известного товара с улучшенными характеристиками. Инновационная деятельность – это процесс, направленный на реализацию результатов законченных научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений в новый или усовершенствованный продукт, реализуемый на рынке, в новый или усовершенствованный технологический процесс, используемый в практической деятельности, а также связанные с этим дополнительные научные исследования и разработки.

Инновации могут выражаться и конкретизироваться в создании новых продуктов, технологий или в сфере управления. В современный период особенно повышается значимость технологических инноваций – конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде внедрения на рынке нового или усовершенствованного технологического процесса, способа производства (передачи) услуг, используемых в практической деятельности.

По нашему мнению, в совокупности стадии и этапы, необходимые для создания и производства новой техники, позволяющей удовлетворить возникшие или будущие потребности общества либо его элементарных ячеек, образуют инновационный цикл, включающий следующие стадии: зарождение, создание, использование и затухание (отмирание) инноваций. В свою очередь

совокупность инновационных циклов, рассматриваемых как непрерывно повторяющиеся акты, образует инновационный процесс.

Отметим, что категория «инновационный процесс» является более широкой, чем «научно-технический прогресс», поскольку отражает прогресс не только в сфере науки, техники и технологий, а в целом в общественной жизни и окружающей среде, включая культуру, искусство, социальную сферу, экологию, политику и пр.

Экономическое развитие страны может базироваться на трех источниках: на основе факторов производства (низший уровень, экстенсивный тип экономического роста); развитие на основе инвестиций (средний уровень, экстенсивно-интенсивный тип экономического роста); на основе инноваций (высший уровень, интенсивный тип экономического роста). Каждая страна одновременно использует все три источника развития. Как правило, один из них является преобладающим, что позволяет классифицировать страны не только по уровню, но и по качеству экономического роста. В современных условиях развития глобальной конкуренции приоритет должен быть отдан инновационному развитию, активизации инновационной деятельности в базовых наукоемких отраслях, являющихся двигателем устойчивого и ускоренного развития экономики.

Методологический подход к осуществлению рыночных преобразований в экономике страны требует теоретического переосмысления концепции функционирования региональных социально-экономических систем. Несмотря на различные толкования понятия «регион», все они имеют общий фундамент, определяемый экономико-территориальным делением страны. Мы считаем возможным и необходимым рассматривать регион шире, а именно как инновационно-экономическую категорию. Экономическая система региона это – неотъемлемая часть единой народнохозяйственной системы производительных сил и производственных отношений, имеющая сложные связи и взаимосвязи, обладающая сложными по форме и специфическими по содержанию экономическими и неэкономическими ресурсами; совокупность отношений между экономическими субъектами по поводу частичного или полного, временного или постоянного отчуждения или присоединения факторов производства, элементов инфраструктуры, требующихся для формирования спроса, предложения товаров и услуг и максимализации социально-экономического эффекта.

По факторам развития нами выделяются ресурсные, инвестиционные и инновационные экономические системы. Инновационная экономическая система региона это – система, в рамках которой реализуются отношения между экономическими субъектами по поводу территории проживания, воспроизводства новых или усовершенствованных продуктов, технологий, управленческих решений как объекта и как важнейшего условия процветания общества.

Регион необходимо рассматривать как формальную, сложно организованную систему, имеющую набор взаимосвязанных целей и задач, определенных потребностями населения, его отдельными социальными группами, хозяйствующими субъектами и государством, соблюдающую внешнюю фор-

му, правила поведения и действующую в пределах установленного порядка. Попытаемся обозначить эти общие черты, манипулируя которыми, жизнь создает – сознательно или бессознательно – конкретные регионы и конкретные их типы. При этом будем помнить, что речь идет о чертах и типах общественных регионов, основанных на разнообразии производительных сил общества.

1. Социальные черты. Регионы различаются по характеру и структуре собственности на производительные силы и производимые продукты. Субъектом региональной собственности выступает территориальная общность людей, объектом – территориальная граница региона, пространство внутри нее, территория, как особый ресурс, природно-ресурсные комплексы региона, комплексы жизненного обеспечения региона (производственная и социальная инфраструктура).

2. Технологические черты, включающие уровень развития орудий труда и технологий, их господствующий тип. Жизнь показала, что технологический уровень развития отдельных регионов заметно различается и оказывает существенное влияние на способность отдельных регионов адаптироваться в условиях рыночных отношений. Во второй половине 1990-х гг. научно-технический прогресс превратился в самостоятельный решающий фактор экономического развития стран и регионов.

3. Экономические черты. Устойчивое социально-экономическое развитие региона возможно лишь при обеспечении эквивалентного обмена продуктами труда (обмене «трудами»), общественной оценке данной эквивалентности с помощью и в рамках действия товарно-денежных отношений.

4. Культурные черты. Влияние культуры на формирование и функционирование региональной экономики трудно переоценить. Огромное значение для регионального развития имеет не только хозяйственная и техническая культуры, но и общий культурный тип человека и общества, культура идеологическая и социальных отношений. Недаром существуют понятия «Запад» и «Восток», «Север» и «Юг», «Центр» и «Периферия». Не случайно общества не желают расставаться с «архаичными» способами производства, отказываются воспринимать «передовые» или стараются их приспособить «под себя».

5. Институционально-политические черты. Речь идет о роли государства, региональных и местных органов управления и любых других общественных институтов в организации регионального хозяйствования, о роли политики.

6. Организационные черты. Регионы различаются по способу организации, месту и роли тех или иных организационных начал в системе регионального хозяйства. Частное и общественное, субъективное и объективное, центральное и периферийное – вот те начала, определяющие и реализующие специфику регионов. Здесь уместно вспомнить о степени открытости и закрытости регионов, динамичности их развития. Каждый регион демонстрирует то или иное сочетание и соотношение названных организационных начал и, соответственно, имеет тот или иной организационный характер.

7. Инновационные черты. Регионы различаются между собой по степени восприимчивости к нововведениям. Можно выделить инновационно-активные и инновационно-пассивные регионы. «Склонность» к инновациям оказывает существенное влияние на темпы и качество экономического развития отдельных стран и регионов.

Важную роль в обеспечении экономического, социального и экологического благосостояния играют инновации, которые выступают неотъемлемым условием, обеспечивающим устойчивое развитие общества, экономики и природной среды. Инновационное развитие это есть совокупность условий, факторов и методов, обеспечивающих постоянно возобновляемое воспроизводство новых товаров и услуг, технологий, эффективных управленческих решений во всех сферах и областях жизнедеятельности регионов и представляющих его субъектов.

Приволжский федеральный округ в межрайонном территориальном разделении труда выделяется продукцией следующих отраслей рыночной специализации: машиностроения, химической и нефтехимической промышленности, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности. Округ отличается низким уровнем обеспеченности минерально-сырьевыми ресурсами по сравнению с другими районами России. Исключение составляют запасы сырья для развития промышленности строительных материалов, лесные и водные ресурсы.

Наиболее инновационно-активными в Приволжском федеральном округе являются Нижегородская, Саратовская, Самарская области и Республика Татарстан, наименее инновационно-активными – Республики Марий Эл и Мордовия. Несколько лучше положение в Чувашской Республике, промышленные предприятия которой способны составить конкуренцию предприятиям других республик и областей округа.

Среди целей инновационной активности предприятий промышленности в округе преобладают: расширение ассортимента продукции и видов услуг; сохранение и расширение традиционных рынков сбыта; создание новых рынков сбыта в России; улучшение качества продукции, услуг.

Республики и области Приволжского федерального округа занимают достаточно устойчивые позиции в Российской Федерации по числу созданных и использованных передовых технологий. В создании и использовании передовых технологий в регионах ПФО за период 1997–2004 гг. можно выделить следующие особенности. Во-первых, по числу созданных передовых производственных технологий наблюдалась неустойчивая динамика: в 1998–1999 гг. – в сторону их снижения, а в 2000–2004 гг. – в направлении возрастания. То есть прослеживается цикличность в инновационном процессе. Во-вторых, по числу использованных передовых технологий наблюдается устойчивая тенденция к их увеличению, что характеризует ПФО как регион, в котором акцент сделан на последние стадии инновационного цикла – освоение производства, что ближе к варианту инновационного развития новых индустриальных стран. В-третьих, выделяются регионы, проявляющие

высокую активность в создании передовых технологий (Нижегородская и Самарская области, Удмуртская Республика). В-четвертых, в ряде регионов в последние два-три года полностью прекратилось создание передовых производственных технологий (Чувашская Республика, Кировская и Оренбургская области). Но эта тенденция компенсируется достаточно высоким уровнем использования, т.е. «импорта» передовых технологий. В перспективе будут активно развиваться те регионы, в которых будут не только использовать передовые технологии, но и создавать, осваивать их. Именно с этих позиций должна формироваться Концепция инновационного развития субъектов Приволжского федерального округа на период до 2010 г.

Большинство экономистов полагает, что человеческие трудовые ресурсы, а не капитал и природные богатства, в конечном счете, определяют характер и этапы экономического и социального развития любой страны и отдельно взятого региона. Особенно отчетливо это проявляется в сфере инноваций, поскольку именно люди являются носителями новых идей, знаний.

Коэффициент инновационной активности работников характеризует долю работников, занятых исследованиями и разработками, в их общей численности. Данные показывают, что лидером по инновационной активности занятых в Приволжском федеральном округе является Нижегородская область, у которой значение коэффициента инновационной активности занятых превышает среднероссийские показатели. Наиболее низкие показатели характерны для Оренбургской области – 0,1 % в 2000–2004 гг. Кроме того, низкие значения данного коэффициента отмечаются у ряда национальных республик – Чувашии, Удмуртии и Мордовии.

Стратегические задачи в области кадровой инновационной политики должны включать следующие направления: планирование карьеры работников с учетом специфики работы и личных качеств работника на каждой работе; переориентация деятельности службы занятости на «активно-поисковую», включающую нестандартное трудоустройство; формирование банка данных интеллектуального труда; развитие системы бесплатного образования по наиболее важным профессиям и специальностям, соответствующим стратегическим и инновационным направлениям развития региона; обеспечение упреждающей переподготовки квалифицированных кадров в соответствии с приоритетами инновационного развития региона и необходимости модернизации производства; разработку и утверждение методики предоставления органами региональной исполнительной власти и местного управления государственной поддержки предприятиям, обеспечивающим при прочих равных условиях создание дополнительных рабочих мест в инновационной сфере; выбор пилотных предприятий с высоким потенциалом инновационного роста для вхождения органов региональной исполнительной власти и местного управления в их уставный капитал с целью усиления их возможностей по привлечению финансирования в развитие данных предприятий и отдельных территорий, обеспечивающее создание новых рабочих мест; обобщение опыта пилотных предприятий, корректировка методик и инструкций, создание системы распространения передового опыта и т.д.

Для анализа инновационного предпринимательства мы исследовали показатели, характеризующие инновационную активность бизнеса в регионах Приволжского федерального округа. Одним из таких показателей мы предлагаем использовать экстенсивный коэффициент инновационной активности бизнеса ($K_{экс}$), который отражает долю предприятий, занимающихся исследованиями и разработками, в общем их числе (табл. 1):

$$K_{экс} = \frac{T_{ин} \times 100\%}{T_{сов}}, \quad (1)$$

где $T_{ин}$ – число предприятий, занимающихся исследованиями и разработками;

$T_{сов}$ – общее число предприятий и организаций.

Этот показатель можно рассчитать в целом по экономике, а также по ее отдельным отраслям и секторам.

Таблица 1

Экстенсивный коэффициент инновационной активности бизнеса в регионах Приволжского федерального округа в 1995–2004 гг., %¹

Регионы	Годы					Отклонение 2004 г. от 1995 г.
	1995	2001	2002	2003	2004	
Российская Федерация	0,18	0,12	0,11	0,10	0,09	-0,09
Республика Башкортостан	0,21	0,14	0,12	0,11	0,10	-0,11
Республика Марий Эл	0,13	0,10	0,08	0,08	0,07	-0,06
Республика Мордовия	0,09	0,08	0,08	0,08	0,07	-0,02
Республика Татарстан	0,28	0,19	0,16	0,14	0,12	-0,16
Удмуртская Республика	0,11	0,12	0,10	0,07	0,06	-0,05
Чувашская Республика	0,18	0,08	0,08	0,08	0,07	-0,11
Кировская область	0,11	0,07	0,07	0,07	0,06	-0,05
Нижегородская область	0,24	0,20	0,17	0,15	0,14	-0,10
Оренбургская область	0,06	0,05	0,05	0,05	0,04	-0,02
Пензенская область	0,17	0,14	0,12	0,10	0,11	-0,06
Пермская область	0,14	0,12	0,12	0,11	0,11	-0,03
Самарская область	0,15	0,08	0,07	0,06	0,06	-0,09
Саратовская область	0,16	0,13	0,12	0,11	0,10	-0,06
Ульяновская область	0,14	0,09	0,08	0,07	0,07	-0,07

Данные свидетельствуют, что во всех субъектах ПФО наблюдалось снижение числа инновационно-активных предприятий. В наибольшей степени этот процесс наблюдался в Республиках Татарстан (-0,16), Башкортостан (-0,11%), Нижегородской области (-0,10) и в Чувашской Республике (-0,11%).

Помимо экстенсивного коэффициента, мы предлагаем использовать интенсивный коэффициент инновационной активности бизнеса, который рассчитывается следующим образом:

$$K_{инт} = \frac{Q_{иннов} \times 100\%}{Q_{сов}}, \quad (2)$$

где $Q_{иннов}$ – объем инновационной продукции;
 $Q_{сов}$ – совокупный объем производства отрасли, или ВРП (если рассчитывается для экономики в целом).

Рассчитаем интенсивный коэффициент инновационной активности бизнеса в целом для экономики регионов Приволжского федерального округа (табл. 2).

Таблица 2

**Интенсивный коэффициент инновационной активности
бизнеса в регионах Приволжского федерального округа в 1998–2003 гг., %²**

Регионы	Годы			Отклонение 2003 г. от 1998 г.
	1998	2002	2003	
Российская Федерация	0,02	0,002		
Республика Башкортостан	0,97	2,57	1,26	0,29
Республика Марий Эл	0,04	0,53	0,74	0,70
Республика Мордовия	1,65	3,48	2,72	1,07
Республика Татарстан	10,06	4,89	9,17	-0,89
Удмуртская Республика	1,88	0,94	1,03	-0,84
Чувашская Республика	1,40	1,76	3,47	2,07
Кировская область	0,25	1,81	1,27	1,03
Нижегородская область	14,20	2,46	11,51	-2,70
Оренбургская область	0,03	0,78	0,17	0,14
Пензенская область	1,62	0,94	1,98	0,36
Пермская область	0,94	3,48	2,65	1,71
Самарская область	7,40	6,20	5,83	-1,57
Саратовская область	0,49	1,60	2,34	1,86
Ульяновская область	11,08	2,61	5,07	-6,01

Можно выделить следующие регионы с повышательным значением интенсивного коэффициента инновационной активности бизнеса: Республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Чувашия и области Кировская, Оренбургская, Саратовская, Пензенская и Пермская. В остальных регионах Приволжского федерального округа наблюдается снижение значения данного коэффициента в 2003 г. по сравнению с 1998 г.

Самое высокое значение интенсивного коэффициента инновационной активности бизнеса имело место в 1998 г. в Нижегородской области (14,2%), в 2002 г. – в Самарской области (6,2%) и в 2003 г. – снова в Нижегородской области (11,5%).

В качестве обобщающего показателя мы предлагаем использовать интегральный коэффициент инновационной активности бизнеса, который представляет собой произведение экстенсивного и интенсивного коэффициентов:

$$K_{интег} = \sqrt{K_{экт} \times K_{инт}} . \quad (3)$$

Рассчитаем интегральный коэффициент инновационной активности бизнеса для регионов Приволжского федерального округа в 1998–2003 гг. (табл. 3).

Таблица 3

**Интегральный коэффициент инновационной активности бизнеса
в регионах Приволжского федерального округа в 1998–2003 гг., %**

Регионы	Годы			Отклонение 2003 г. от 1998 г.
	1998	2002	2003	
Российская Федерация	0,39	0,33	...	...
Республика Башкортостан	0,44	0,35	0,33	-0,11
Республика Марий Эл	0,32	0,28	0,28	-0,04
Республика Мордовия	0,30	0,28	0,28	-0,02
Республика Татарстан	0,51	0,40	0,37	-0,14
Удмуртская Республика	0,35	0,32	0,26	- 0,09
Чувашская Республика	0,39	0,28	0,28	-0,11
Кировская область	0,32	0,26	0,26	- 0,06
Нижегородская область	0,46	0,41	0,39	- 0,07
Оренбургская область	0,22	0,22	0,22	-
Пензенская область	0,40	0,35	0,32	-0,08
Пермская область	0,36	0,35	0,33	- 0,03
Самарская область	0,36	0,26	0,24	- 0,12
Саратовская область	0,39	0,35	0,33	-0,06
Ульяновская область	0,35	0,28	0,26	-0,09

Результаты расчетов показали, что в целом во всех регионах Приволжского федерального округа отмечаются низкие значения интегрального коэффициента инновационной активности бизнеса. Несколько лучше положение в Нижегородской области и Республике Татарстан. К группе лидеров примыкают Республика Башкортостан, области Пермская, Саратовская и Пензенская. Средние показатели отмечаются у Республик Марий Эл, Мордовия и Чувашия. Низкие показатели оказались у Удмуртской Республики, Ульяновской, Кировской, Самарской и Оренбургской областей. Самарская область оказалась в данной группе преимущественно по низкому значению экстенсивного коэффициента инновационной активности бизнеса.

Для повышения инновационного потенциала бизнеса в регионах Приволжского федерального округа мы находим целесообразным: формирование финансово-промышленных групп на базе технически и кооперационно связанных промышленных предприятий, выпускающих продукцию, обеспеченную платежеспособным спросом и конкурентоспособную на внешнем и внутреннем рынках; создание холдингов, трастовых компаний и консорциумов в инновационно-приоритетных отраслях; поддержку малого и среднего инновационного предпринимательства, обеспечивающего гибкость производственной сферы, расширение ассортимента производимых товаров и ее быструю адаптацию к изменению платежеспособного спроса, создание новых рабочих мест и развитие конкуренции; развитие внутриреспубликанской кооперации (субконтрактации) в инновационной сфере; расширение практики проведения научно-технических выставок, научных семинаров, симпозиумов, ярмарок, презентаций различных проектов промышленного, научно-технического и инновационного развития; разработку и организацию при поддержке государства комплексных проектов с участием нескольких предприятий соседних регионов по инновационным направлениям.

Инновационный процесс превратился сегодня в решающий фактор экономической и политической жизни страны. Важной задачей становится обеспечение функционирования системы мониторинга и использования его результатов в процессе принятия управленческих решений.

В проведении инновационного мониторинга можно выделить следующие этапы:

1. Определение концепции инновационного мониторинга. Определяются его участники, состав показателей статистической отчетности и характеристик, включаемых в опросные анкеты, периодичность получения информации и способы ее обработки.

2. Формирование информационной базы. Происходит подготовка и заполнение формуляров, опросных анкет, характеризующих различные стороны деятельности региона (включая и инновационную), систематизация данных финансовой, статистической отчетности, расчет и анализ коэффициентов инновационной активности, агрегирование данных.

3. Аналитическая обработка полученной информации и формулирование выводов по результатам инновационного мониторинга. Определяются

наиболее значимые факторы, оказывающие влияние на инновационную деятельность региона и отдельных экономических субъектов, производятся расчеты параметров и коэффициентов в динамике, корреляционно-регрессионный анализ, по результатам исследования строятся графики, гистограммы и пр.

4. Обобщение и представление результатов мониторинга. Формируется и публикуется информационно-аналитическая информация, касающаяся инновационной деятельности региона.

Инновационный мониторинг может проводиться с помощью анкетных опросов и посредством ранжирования регионов на базе публикуемой экономико-статистической информации.

В России достаточно активно используются опросы руководителей и менеджеров предприятий и организаций. Так, в 2005 г. было проведено обследование промышленных предприятий, целью которого являлось выделение факторов, в наибольшей мере препятствующих инновациям. В целом все факторы были разбиты на три группы: экономические, производственные, другие факторы. К числу основных экономических факторов, препятствующих инновациям, были отнесены: недостаток собственных денежных средств; недостаток финансовой поддержки со стороны государства; низкий платежеспособный спрос на новые продукты; высокая стоимость нововведений; высокий экономический риск; длительные сроки окупаемости инноваций. Основные производственные факторы, препятствующие инновациям: низкий инновационный потенциал организации; недостаток квалифицированного персонала; недостаток информации о новых технологиях; недостаток информации о рынках сбыта; невосприимчивость организаций к нововведениям; недостаток возможностей для кооперирования с другими организациями, предприятиями и научными организациями и др.

Среди прочих факторов руководителями и менеджерами промышленных предприятий были названы: низкий спрос со стороны потребителей на инновационную продукцию; недостаточность законодательных и нормативно-правовых документов, регулирующих и стимулирующих инновационную деятельность; неразвитость инновационной инфраструктуры; неразвитость рынка технологий и др.

В итоге на долю экономических факторов пришлось 65%, производственных – 19,7%, другие причины отметили 15,3% респондентов³.

Опросно-анкетный метод инновационного мониторинга обладает одним существенным недостатком: на его результаты существенное влияние оказывает субъективный, человеческий фактор.

Для оценки уровня и эффективности инновационного развития региона нами предлагается рейтинговая оценка, основанная на использовании системы экономико-статистических показателей. Методика и показатели рейтинговой оценки инновационного развития региона представлены на рисунке, который составлен таким образом, чтобы осветить основные показатели экономического и социального характера. Все это в комплексе позволяет определить место, занимаемое регионом в масштабах страны,

макрорегиона, что очень важно учитывать при определении инновационности не только региона в целом, но и любого населенного пункта данного региона (рис. 1).

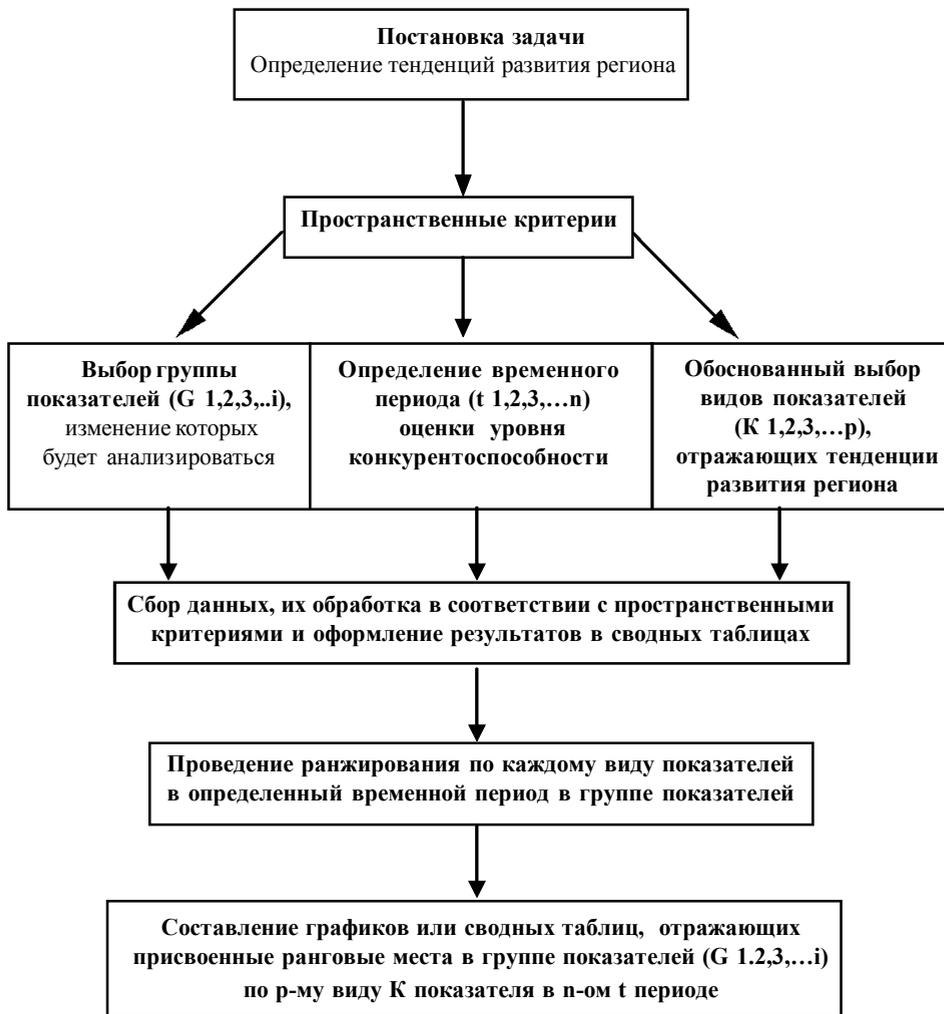

Рис. 1. Схема модели рангового метода оценки инновационного развития экономической системы региона.

Опираясь на существующую методику рейтинговой оценки, мы предлагаем использовать функциональную модель рейтинга инновационной активности и конкурентоспособности регионов:

$$R = 0,3 \times K1 + 0,2 \times K2 + 0,2 \times K3 + 0,3 \times K4, \quad (4)$$

где $K1$ – доля внутренних затрат на исследования и разработки к ВРП, %;

K2 – доля занятых исследованиями и разработками к общему числу занятых, %;

K3 – доля основных фондов исследований и разработок к их общей стоимости, %;

K4 – затраты на технологические инновации к ВРП, %.

Параметры 0,2–0,3 являются весовыми характеристиками, отражающими значимость экономико-статистических показателей, и в сумме составляют единицу.

На основании вышеназванных показателей были рассчитаны рейтинги инновационной активности и конкурентоспособности регионов Приволжского федерального округа за 1996–2004 гг. (табл. 4).

Таблица 4

**Рейтинговая оценка инновационной активности регионов
Приволжского федерального округа за 1996–2004 гг.**

Регионы	В среднем за		
	1996–1998 гг.	1999–2001 гг.	2002–2004 гг.
Российская Федерация	1,0463	1,1416	1,1935
Республика Башкортостан	0,6750	0,4846	0,5436
Республика Марий Эл	0,3934	0,7347	0,6830
Республика Мордовия	0,4881	0,5204	0,6049
Республика Татарстан	0,8470	1,0067	1,0284
Удмуртская Республика	0,4578	0,5115	0,3705
Чувашская Республика	0,3739	0,3674	0,3702
Кировская область	0,3681	0,4299	0,3523
Нижегородская область	2,6775	2,8049	2,9554
Оренбургская область	0,1567	0,1689	0,1059
Пензенская область	0,8751	1,0343	0,8598
Пермская область	1,0041	1,5316	1,0763
Самарская область	1,4733	1,8386	1,6969
Саратовская область	0,8226	0,7312	0,7813
Ульяновская область	1,0546	1,0526	1,0681

Проведенный комплексный анализ свидетельствует, что в 2002–2004 гг. не оказалось ни одного региона Приволжского федерального округа, в котором бы имело место повышение всех исследованных показателей по сравнению с 1999–2001 гг.

Анализ рейтингов инновационной активности и конкурентоспособности мы осуществили по двум направлениям: 1) по изменению его значения в динамике; 2) по уровню рейтинга.

По изменению рейтинга в динамике регионы Приволжского федерального округа можно разделить на следующие четыре группы: устойчиво растущие (повышение рейтинга в 1996–2004 гг.); неустойчивые, с положительной динамикой в 2002–2004 гг.; неустойчивые с отрицательной динамикой в 2002–2004 гг.; снижающие (снижение рейтинга в 1996–2004 гг.).

По уровню инновационной активности и конкурентоспособности в рамках ПФО можно выделить также четыре группы регионов: с высоким рейтингом (более 2,0 в 1996–2004 гг.); значение рейтинга выше среднероссийского (1,0 – 1,99); значение рейтинга ниже среднероссийского (0,50 – 0,99); низкий рейтинг (до 0,49).

Составим матрицу распределения регионов ПФО по уровню и темпам изменения рейтинга инновационной активности и конкурентоспособности (рис. 2).

Темпы изменения рейтинга	Уровень рейтинга			
	Высокий	Выше среднероссийского	Ниже среднероссийского	Низкий
Устойчиво растущие	I Нижегородская область	V Республика Татарстан	IX	XIII
Неустойчивые с положительной динамикой в 2000–2004 гг.	II	VI Самарская область	X Ульяновская область, Республика Мордовия, Республика Башкортостан, Саратовская область	XIV Чувашская Республика, Удмуртская Республика
Неустойчивые с отрицательной динамикой в 2000–2004 гг.	III	VII	XI Пермская область Республика Марий Эл	XV
Снижающие	IV	VIII	XII Пензенская область	XVI Кировская область, Оренбургская область

Рис. 2. Ранжирование республик и областей Приволжского федерального округа по темпам изменения и уровню рейтинга инновационной активности и конкурентоспособности в среднем за 1996–2004 гг.

Обобщая два названных показателя (значение рейтинга и темпы его изменения), мы выделили пять групп регионов в округе:

1. «Лидеры» (квадранты I–II), к которым относится только Нижегородская область. Отмечается высокое абсолютное значение рейтинга и устойчивые темпы его прироста, при сохранении которых имеются все предпосылки для сохранения статуса лидерства и в последующие годы.

2. «Потенциальные лидеры» (V–VI), куда вошли Республика Татарстан и Самарская область, характеризуются положительными темпами прироста рейтинга, а его абсолютное значение выше среднероссийского. При обеспечении высоких темпов инновационного развития эти регионы имеют реальные шансы перейти в группу реальных «Лидеров». Первые две группы образуют инновационное «ядро» округа.

3. «Развивающиеся» (IX, X, XIII, XIV). К этой группе относятся Ульяновская и Саратовская области, Республики Мордовия, Башкортостан, Чувашия и Удмуртия. У данных регионов достаточно высокие темпы прироста рейтинга инновационной активности и конкурентоспособности, хотя его абсолютное значение невысоко. При сохранении высоких темпов развития эти регионы могут обеспечить себе «место» в группе «Потенциальных лидеров». Особенно хорошие шансы у Республик Мордовия и Башкортостан. Данные регионы составляют группу «поддержки инновационного ядра».

4. «Неустойчивые» (III, IV, VII, VIII, XI): Республика Марий Эл и Пермская область. Данные регионы имеют невысокий уровень рейтинга инновационной активности и конкурентоспособности и неустойчивые темпы его динамики. Их развитие во многом обусловлено наличием благоприятного внешнего окружения и воздействия, в том числе и посредством формирования общей для Приволжского федерального округа стратегии инновационного развития.

5. «Спящие» (XII, XV, XVI). В эту группу вошли Пензенская, Кировская и Оренбургская области. У этих регионов наблюдалось снижение рейтинга инновационной активности и конкурентоспособности в 1999–2004 гг. по сравнению с 1996–1998 гг. Поэтому им крайне необходимо усилить свою инновационную активность, увеличивая долю занятых исследованиями и разработками, доли основных фондов исследований и разработок, внутренних затрат на инновации.

Последние две группы образуют группу «неиспользованных возможностей». Это – потенциал, инновационное будущее округа.

Приволжский федеральный округ, несмотря на значительную внутренне присущую ему дифференциацию, безусловно, имеет реальные шансы стать инновационным центром России. Для этого у него есть такие предпосылки, как наличие сильного и устойчивого инновационного ядра в виде экономически наиболее развитых регионов не только округа, но и России; наличие достаточно масштабной «группы поддержки» с высоким потенциалом роста инновационной активности и конкурентоспособности; преимущественная ориентация на поиск внутренних возможностей и выявление резервов.

Необходимость и целесообразность государственного регулирования инновационного процесса обусловлена тремя факторами: неустойчивым состоянием экономики Российской Федерации; недостатками механизма

рыночного саморегулирования нововведений, порождающими проблемы, которые не могут быть решены без участия государства; мотивационными факторами формирования государственных доходов. По нашему мнению, государственная инновационная политика должна представлять собой систему мер, способствующую увеличению инновационного потенциала всех экономических субъектов, интенсивному протеканию инновационных процессов в целях удовлетворения возрастающих общественных потребностей.

Нами был проведен корреляционно-регрессионный анализ на основе исследования линейной связи между долей расходов государства на исследования и разработки в процентах к ВВП и числом созданных передовых производственных технологий за 1995–2004 гг., что обеспечивает необходимую достоверность результатов исследования. Уравнение парной регрессии, выведенное с использованием метода наименьших квадратов, имеет вид:

$$Y = -208 + 879 \times X, \quad (5)$$

где Y – количество созданных передовых производственных технологий;
 X – доля расходов государства на исследования и разработки в % к ВВП.

Это означает, что каждое однопроцентное увеличение расходов государства на исследования и разработки ведет к увеличению числа созданных передовых производственных технологий на 879 единиц.

Реализация инновационной политики, учитывающей возможности и интересы всех субъектов инновационной деятельности, будет способствовать переустройству и подъему экономики России, повышению качества жизни населения.

Главными методами реализации инновационной политики являются: формирование институциональных и законодательных условий для позитивных изменений в инновационной сфере; государственная поддержка и стимулирование инвесторов, вкладывающих средства в наукоемкое, высокотехнологичное производство, а также организаций различных форм собственности (в период освоения ими инноваций) за счет введения определенных налоговых льгот, государственных гарантий, страхования и кредитов; совершенствование налоговой системы с целью создания выгодных условий для ведения инновационной деятельности всеми субъектами независимо от форм собственности и видов финансирования; внешнеэкономическая поддержка, предусматривающая создание условий для формирования совместных с иностранными партнерами организаций, обеспечение рекламы отечественных инноваций за рубежом, совершенствование выставочно-ярмарочной деятельности, вхождение в международные информационные системы для обмена информацией по инновационным проектам. Реализация инновационной политики, учитывающей возможности и интересы всех субъектов инновационной деятельности, будет способствовать переустройству и подъему экономики России, повышению качества жизни населения.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать следующие заключения.

Первое. Важную роль в обеспечении экономического, социального и экологического благосостояния играют инновации, которые выступают неотъемлемым условием устойчивого развития общества, экономики и природной среды. Инновационное развитие – это совокупность условий, факторов и методов, обеспечивающих постоянно возобновляемое воспроизводство новых товаров и услуг, технологий, эффективных управленческих решений во всех сферах и областях жизнедеятельности регионов и представляющих его субъектов.

Второе. Исследованы экономические показатели развития регионов ПФО с использованием экстенсивного, интенсивного и интегрального коэффициентов инновационной активности бизнеса. Наиболее высокие показатели отмечаются у Нижегородской области и Татарстана. В отстающих оказались Республики Марий Эл, Мордовия, Чувашская, Удмуртская, области Ульяновская, Кировская и Оренбургская. Полученные данные позволяют скорректировать процессы инновационного развития этих субъектов на дальнейшую перспективу.

Третье. Основной целью предложенной модели инновационного мониторинга является оценка инновационной активности и конкурентоспособности регионов с использованием системы статистических показателей. Осуществлена рейтинговая оценка инновационной активности и конкурентоспособности регионов ПФО за 1996–2004 гг., позволяющая показать существенные различия в социально-экономическом развитии и более точно определить основные направления их инновационного развития.

Четвертое. Выделены приоритеты государственной инновационной политики, способствующей увеличению инновационного потенциала всех экономических субъектов, интенсивному протеканию инновационных процессов в целях удовлетворения возрастающих общественных потребностей и повышению качества жизни населения.

Источники

¹ Подсчитано: Чувашская Республика и регионы Приволжского федерального округа. 2005: Стат. сборник / Госкомстат Чувашской Республики. Чебоксары, 2005. С. 144.

² Подсчитано: Там же. С. 79, 148.

³ Подсчитано: Российский статистический ежегодник, 2005: Стат. сб. / Росстат. М., 2006. С. 600.

T. V. P o g o d i n a, N. G. S t e r h o v a. Innovative development of region economics in market conditions.

In their article the authors present results of study of innovative and economic system in the regions of Privolzhskiy federal district for 1996-2004. With the use of extensive, intensive and integrated factors there is carried out a summary estimation of innovative business activity and developed a rating estimation of innovative development of regions with the use of statistic indicators. Also there is studied a system of state regulation of innovative process including methods, forms and the mechanism of its realization.

**ПАРЛАМЕНТСКИЙ КОНТРОЛЬ
ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО БЮДЖЕТА
ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ:
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ПРАКТИКА
РЕАЛИЗАЦИИ**

**ЧГВ, 2006 г., № 1
© М.В. Демидов**

Одной из актуальных тем на современном этапе функционирования государственных органов является место и роль каждого из них, особенно институтов контроля, в системе государственного управления. Парламентский контроль, будучи одной из форм осуществления государственного контроля, который проявляется в реализации государственно-властных полномочий законодательного органа за обеспечением соблюдения изданных им законов, призван защищать интересы всего населения страны. Таким образом, парламент должен обеспечить исполнение не только норм действующего законодательства, но и осуществлять контроль за деятельностью исполнительной власти.

Предназначение государства заключается в службе обществу, всему населению. В связи с этим одной из основных его задач является разумное управление общественными ресурсами – бюджетом, собственностью, природными запасами. Поэтому возникает вполне справедливый вопрос: кто и как от лица всего общества, от лица народа должен осуществлять контроль за деятельностью органов власти за расходованием бюджетных средств и распоряжением государственной собственностью.

В правовых государствах, со сложившимся гражданским обществом, эти функции выполняет парламент и специально созданные им независимые органы государственного финансового контроля. Такой контроль, осуществляемый этими органами, по сложившейся практике, принято называть внешним, так как он производится как бы извне по отношению к органам исполнительной власти.

Одним из проблемных вопросов в нынешних условиях является обеспечение реального функционирования системы внешнего государственного финансового контроля как на уровне Российской Федерации,

Михаил Васильевич Демидов – кандидат юридических наук, заместитель председателя Контрольно-счетной палаты Государственного Совета Чувашской Республики.

так и на уровне ее субъектов. Поэтому одной из задач данного исследования является анализ практики деятельности Государственного Совета Чувашской Республики и Контрольно-счетной палаты Государственного Совета Чувашской Республики по осуществлению контроля за исполнением республиканского бюджета и законодательства Чувашской Республики в этой сфере, а также в выработке конкретных рекомендаций по совершенствованию правовой основы осуществления внешнего государственного финансового контроля.

В силу ряда объективных причин органам законодательной власти непосредственно самим затруднительно осуществлять всеобъемлющий государственный финансовый контроль. Поэтому в Российской Федерации, как и в большинстве других стран, законодательным органам предоставлено право создавать специальные органы государственного финансового контроля – контрольно-счетные органы. Так, пункт 5 статьи 101 Конституции Российской Федерации гласит: «Для осуществления контроля за исполнением федерального бюджета Совет Федерации и Государственная Дума образуют Счетную палату, состав и порядок деятельности которой определяются федеральным законом»¹. Аналогичные положения предусмотрены в Конституциях (Уставах) субъектов Российской Федерации.

Для проведения внешнего государственного финансового контроля на федеральном уровне согласно Конституции Российской Федерации и Федеральному закону от 11 января 1995 г. № 64-ФЗ «О счетной палате Российской Федерации» была образована Счетная палата Российской Федерации. Однако внешний контроль за использованием финансовых ресурсов субъектов Федерации, в том числе средств, переданных органам местного самоуправления, остался вне сферы ее компетенции. Осознавая важность и актуальность решения этой проблемы, законодательные органы власти субъектов Российской Федерации с 1995 г. начали создавать собственные контрольно-счетные органы. Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации сложилась определенная система органов внешнего государственного финансового контроля субъектов Российской Федерации.

Бюджетный кодекс Российской Федерации, принятый 31 июля 1998 г. и вступивший в силу с 1 января 2000 г., установил вертикальное распределение компетенции между уровнями власти, закрепил трехуровневую структуру бюджетной системы Российской Федерации и основные принципы ее построения и функционирования. Он предоставил широкие бюджетные полномочия законодательным органам власти, установив, что они не только рассматривают и утверждают бюджет и отчет о его исполнении, но и осуществляют последующий контроль за исполнением бюджетов, а также формируют и определяют правовой статус органов, осуществляющих контроль за исполнением бюджетов соответствующих уровней бюджетной системы Российской Федерации.

По состоянию на 1 июля 2006 г. в Российской Федерации во всех ее субъектах, кроме Республики Мордовия, образованы и функционируют

контрольно-счетные органы. Развивается и внешний финансовый контроль на уровне муниципальных образований. Контрольно-счетные органы созданы почти в 700 городских округах и муниципальных районах².

Исходя из действующего бюджетного законодательства, с учетом современных тенденций в развитии внешнего государственного финансового контроля, контрольно-счетные органы в субъектах Федерации решают задачи: организации и осуществления контроля за своевременным исполнением доходных и расходных статей бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов; организации и осуществления контроля за соблюдением установленного порядка распоряжения государственной и муниципальной собственностью; определения эффективности, законности и целесообразности расходов государственных и муниципальных средств; финансовой экспертизы проектов законов, а также других нормативно-правовых актов органов государственной власти и органов местного самоуправления, предусматривающих расходы, покрываемые за счет средств бюджетов; анализа выявленных отклонений от установленных показателей бюджетов и подготовки предложений, направленных на совершенствование бюджетного процесса; контроля за своевременностью и законностью движения бюджетных средств и средств внебюджетных фондов в уполномоченных банках, коммерческих банках и иных финансово-кредитных учреждениях и др.

Действующая ныне Конституция Чувашской Республики (принята Государственным Советом Чувашской Республики 30 ноября 2000 г.) предусмотрела определенный порядок контроля со стороны законодательного органа за исполнительной властью в сфере использования республиканского бюджета Чувашской Республики. В соответствии с пунктами 6 и 28 части 1 статьи 80 Конституции к ведению Государственного Совета Чувашской Республики отнесены утверждение республиканского бюджета Чувашской Республики, отчета о его исполнении, а также осуществление контроля за соблюдением и исполнением законов Чувашской Республики, исполнением республиканского бюджета Чувашской Республики, соблюдением установленного порядка распоряжения собственностью Чувашской Республики³.

В то же время следует отметить, что данные конституционные положения не нашли своего раскрытия и детализации в других законодательных актах Чувашской Республики. Хотя и в статье 21 Закона Чувашской Республики от 23 июля 2001 г. «О Государственном Совете Чувашской Республики» прямо указывается на то, что Государственный Совет самостоятельно или через создаваемые им органы осуществляет контроль за исполнением республиканского бюджета Чувашской Республики⁴, но на настоящее время, практически, отсутствует конкретный правовой механизм непосредственного осуществления парламентом республики своих контрольных функций в области исполнения бюджета.

Важным конституционным инструментом парламентского контроля за исполнением республиканского бюджета является заслушивание отчета об

исполнении республиканского бюджета, представленного Президентом Чувашской Республики. Однако рассмотрение Государственным Советом Чувашской Республики каких-либо других отчетов о деятельности Кабинета Министров Чувашской Республики и министерств Чувашской Республики по реализации исполнения республиканского бюджета как в Конституции Чувашской Республики, так и в Законе Чувашской Республики от 30 апреля 2002 г. «О Кабинете Министров Чувашской Республики» не предусматривается.

В силу указанных причин для осуществления контроля за исполнением республиканского бюджета Чувашской Республики Государственному Совету Чувашской Республики в соответствии с частью 5 статьи 77 Конституции Чувашской Республики предоставлено право образовать Контрольно-счетную палату Государственного Совета Чувашской Республики, состав и порядок деятельности которой определяются законом Чувашской Республики⁵.

Законодательный орган Чувашской Республики в числе первых среди субъектов Российской Федерации публично заявил о необходимости создания органа внешнего государственного финансового контроля на уровне регионов. Еще до принятия Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации» Государственный Совет Чувашской Республики 16 декабря 1994 г. принял постановление «О Контрольно-счетной палате Государственного Совета Чувашской Республики». В этом документе подчеркивается, что для осуществления контроля за исполнением республиканского бюджета целесообразно создать Контрольно-счетную палату Государственного Совета Чувашской Республики⁶.

Правовой основой для образования контрольно-счетного органа в Чувашской Республике послужил Закон Чувашской Республики «О Контрольно-счетной палате Чувашской Республики», принятый 28 апреля 1995 г. Закон определил Контрольно-счетную палату Чувашской Республики как постоянно действующий орган государственного финансового контроля. В рамках задач, предусмотренных законодательством, ей предоставлялась организационная и функциональная независимость.

Перед Контрольно-счетной палатой ставились следующие основные задачи: организация и осуществление контроля за своевременным исполнением доходных и расходных статей республиканского бюджета и местных бюджетов, а также бюджетов республиканских внебюджетных фондов; определение эффективности и целесообразности расходов государственных средств и использования республиканской собственности; оценка обоснованности доходных и расходных статей проектов республиканского бюджета и бюджетов республиканских внебюджетных фондов; финансово-экономическая экспертиза проектов законов Чувашской Республики, а также нормативно-правовых актов органов государственной власти Чувашской Республики, предусматривающих расходы, покрываемые за счет республиканского бюджета, или влияющих на формирование и исполнение

республиканского бюджета и бюджетов республиканских внебюджетных фондов; анализ выявленных отклонений от установленных показателей республиканского бюджета и бюджетов республиканских внебюджетных фондов и подготовка предложений, направленных на их устранение, а также на совершенствование бюджетного процесса в целом; контроль за законностью и своевременностью движения средств республиканского бюджета Чувашской Республики и средств республиканских внебюджетных фондов в Национальном банке Чувашской Республики, уполномоченных банках и иных финансово-кредитных учреждениях Чувашской Республики⁷.

Однако сам контрольно-счетный орган республики образовался не сразу же после принятия указанного закона. Лишь спустя два года, 19 марта 1997 г., Государственный Совет Чувашской Республики принял постановление «Об образовании Контрольно-счетной группы Государственного Совета Чувашской Республики». Ее правовой статус определялся Временным положением «О Контрольно-счетной группе Государственного Совета Чувашской Республики»⁸.

Согласно Временному положению, Контрольно-счетная группа наделялась полномочиями контроля за исполнением республиканского бюджета Чувашской Республики, использованием средств внебюджетных и валютных фондов, законностью и своевременностью движения средств республиканского бюджета и средств республиканских внебюджетных и валютных фондов в Национальном банке Чувашской Республики, уполномоченных банках и иных финансово-кредитных учреждениях Чувашской Республики⁹. Она состояла из руководителя группы и двух аудиторов и входила в состав Государственного Совета Чувашской Республики в качестве его структурного подразделения.

Вскоре значительно расширяется правовой статус контрольно-счетного органа Чувашской Республики. Постановлением Государственного Совета Чувашской Республики от 25 апреля 1997 г. Контрольно-счетная группа Государственного Совета Чувашской Республики преобразуется в Контрольно-счетную палату Чувашской Республики и начинает осуществлять свою деятельность в объеме компетенции, определенной Законом Чувашской Республики «О Контрольно-счетной палате Чувашской Республики». В последующем, 21 июня 2001 г., принимается новый Закон Чувашской Республики «О Контрольно-счетной палате Государственного Совета Чувашской Республики», согласно которому Контрольно-счетная палата Государственного Совета Чувашской Республики является органом государственного финансового контроля и подотчетна Государственному Совету Чувашской Республики¹⁰.

Новый закон, исходя из действующего бюджетного законодательства с учетом современных тенденций в развитии внешнего государственного финансового контроля, в качестве основных задач Контрольно-счетной палаты определил: организацию и осуществление контроля за своевременным исполнением доходных и расходных статей республиканского бюджета и

бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов; организацию и осуществление контроля за соблюдением установленного порядка распоряжения республиканской собственностью; определение эффективности, законности и целесообразности расходов государственных средств; финансовую экспертизу проектов законов Чувашской Республики, а также нормативно-правовых актов органов государственной власти, предусматривающих расходы, покрываемые за счет средств республиканского бюджета; анализ выявленных отклонений от установленных показателей республиканского бюджета и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов и подготовку предложений, направленных на совершенствование бюджетного процесса; контроль за своевременностью и законностью движения средств республиканского бюджета и средств территориальных государственных внебюджетных фондов в уполномоченных банках, коммерческих банках и иных финансово-кредитных учреждениях Чувашской Республики; регулярное представление Государственному Совету Чувашской Республики информации о ходе исполнения республиканского бюджета и результатах проводимых контрольных мероприятий.

В процессе реализации этих задач Контрольно-счетная палата осуществляет экспертно-аналитическую, контрольную, информационную и иную деятельность, обеспечивает единую систему контроля за исполнением республиканского бюджета и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов Чувашской Республики и целевых бюджетных фондов.

С принятием нового закона о Контрольно-счетной палате несколько изменились ее структура и состав: численность работников палаты увеличилась с 7 до 12 чел. По состоянию на 1 января 2006 г. Контрольно-счетная палата Государственного Совета Чувашской Республики состояла из председателя палаты, его заместителя, троих аудиторов и работников аппарата.

В соответствии с Законом Чувашской Республики «О Контрольно-счетной палате Государственного Совета Чувашской Республики» для рассмотрения вопросов планирования и организации работы Контрольно-счетной палаты, методологии контрольно-ревизионной деятельности, отчетов и информационных сообщений, направляемых Государственному Совету Чувашской Республики, образован Совет Палаты. В его состав входят Председатель Палаты, заместитель Председателя Палаты и аудиторы. В работе Совета Палаты участвует Председатель или же представитель Комитета Государственного Совета Чувашской Республики по бюджетно-финансовым вопросам и экономической политике.

С первых дней своей деятельности Контрольно-счетная палата Государственного Совета Чувашской Республики стремилась к более полной реализации своей основной функции – обеспечению контрольной деятельности по исполнению республиканского бюджета. По мере ее становления, увеличения численности работников расширялись масштабы деятельности Контрольно-счетной палаты как в части количества и качества контрольных

мероприятий, так и в части объектов, охваченных проверками. При этом накапливался практический опыт организации и проведения контроля за исполнением республиканского бюджета, государственных внебюджетных фондов, использованием и управлением республиканской собственностью.

Значительным шагом вперед в повышении эффективности системы государственного финансового контроля, координации деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и укрепления сотрудничества между ними стало создание в конце 2000 г. Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации. Эта добровольная организация, членом которой является и Контрольно-счетная палата Государственного Совета Чувашской Республики, создана в результате свободного волеизъявления ее членов на основе общности интересов. Логическим продолжением этого курса стало подписание в январе 2002 г. в городе Уфе Декларации об образовании Приволжского отделения Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации, основной задачей которого стала организация взаимодействия федеральных и региональных органов государственного финансового контроля, с учетом наличия накопленного потенциала сотрудничества между ними.

В соответствии со статьей 265 Бюджетного кодекса Российской Федерации и статьей 82 Закона Чувашской Республики «О регулировании бюджетных правоотношений в Чувашской Республике» Государственный Совет Чувашской Республики осуществляет следующие формы финансового контроля за исполнением республиканского бюджета Чувашской Республики: предварительный контроль – в ходе обсуждения и утверждения проектов законов о республиканском бюджете Чувашской Республики на очередной финансовый год; текущий контроль – в ходе рассмотрения отдельных вопросов исполнения республиканского бюджета Чувашской Республики на заседаниях комитетов, комиссий, рабочих групп Государственного Совета Чувашской Республики, в ходе парламентских слушаний и в связи с депутатскими запросами; последующий контроль – в ходе рассмотрения и утверждения отчетов об исполнении республиканского бюджета Чувашской Республики¹¹.

В этих целях законодательному органу Чувашской Республики предоставлено право получать от Кабинета Министров Чувашской Республики необходимые сопроводительные материалы при утверждении бюджета, оперативную информацию об исполнении республиканского бюджета Чувашской Республики, утверждать либо не утверждать отчет об исполнении бюджета, а также выносить оценку деятельности органов исполнительной власти Чувашской Республики, исполняющих республиканский бюджет. В свою очередь органы исполнительной власти Чувашской Республики обязаны предоставлять всю информацию, необходимую для осуществления парламентского контроля, Государственному Совету в пределах его компетенции по бюджетным вопросам, установленной Конституцией Российской Федерации, Конституцией Чувашской Республики,

Бюджетным кодексом Российской Федерации, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и Чувашской Республики.

Важное значение для осуществления парламентского контроля в субъектах Российской Федерации имеют положения статьи 26.13 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». В соответствии с ней по проекту бюджета и проекту годового отчета об исполнении бюджета субъекта Российской Федерации должны проводиться публичные слушания¹².

В связи с этим Законом Чувашской Республики от 30 августа 2006 г. «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Чувашской Республики» закон о регулировании бюджетных правоотношений в Чувашской Республике дополнен специальным разделом о публичных слушаниях¹³. В нем предусматривается, что проекты республиканского бюджета и годового отчета об исполнении республиканского бюджета Чувашской Республики публикуются Государственным Советом Чувашской Республики не позднее чем за 20 дней до даты проведения публичных слушаний и при этом проект республиканского бюджета должен быть опубликован не позднее 10 октября текущего финансового года, а проект годового отчета об исполнении республиканского бюджета – не позднее 10 июля года, следующего за отчетным финансовым годом.

Профильный комитет, осуществляющий подготовку публичных слушаний, анализирует, обобщает представленные в Государственный Совет Чувашской Республики предложения граждан и дает об этом информацию на публичных слушаниях. Таким образом, впервые в истории Чувашии ее граждане на практике смогут реализовать свое право на участие в принятии решения законодательным органом республики по проекту республиканского бюджета и по годовому отчету об исполнении бюджета, а Государственный Совет Чувашской Республики – осуществлять функции предварительного и последующего контроля с учетом мнения и предложений населения республики.

Анализ практики деятельности комитетов Государственного Совета Чувашской Республики показывает, что они очень редко на своих заседаниях рассматривают вопросы, связанные с исполнением бюджета. Большой частью на их обсуждение выносятся проекты законов о республиканском бюджете на очередной финансовый год, о внесении изменений в принятые законы о республиканских бюджетах и об утверждении отчетов об исполнении республиканского бюджета. В этой ситуации основным, главным органом законодательного органа Чувашской Республики, реально осуществляющим все три вышеуказанные формы парламентского контроля за исполнением республиканского бюджета, является Контрольно-счетная палата Государственного Совета Чувашской Республики.

В рамках действующего законодательства Контрольно-счетная палата осуществляет предварительный финансовый контроль. Он проводится до

утверждения республиканского бюджета на очередной финансовый год, когда еще не проводятся какие-либо финансовые операции, связанные с ассигнованием бюджетных средств. Важной задачей Контрольно-счетной палаты на этой стадии контроля, как предусмотрено статьей 2 Закона Чувашской Республики «О Контрольно-счетной палате Государственного Совета Чувашской Республики», является оценка обоснованности доходных и расходных статей проекта республиканского бюджета Чувашской Республики на очередной финансовый год. Она осуществляется на этапе составления, рассмотрения и утверждения бюджета и направлена на то, чтобы предупредить неэффективное и нецелевое расходование бюджетных средств. Поэтому предварительный контроль призван еще на стадии прогнозов и контрольных показателей пресечь возможные нарушения действующего законодательства, нерационального и неэффективного использования средств, планируемых на очередной финансовый год.

Контрольно-счетная палата, реализуя свои полномочия по осуществлению предварительного контроля, проводит анализ и проверку обоснованности расходов республиканского бюджета, правильности представленных расчетов, полноты и достоверности указанных источников доходов, ожидаемых налоговых и неналоговых поступлений, возможности реального исполнения доходной и расходной частей бюджета. При осуществлении этих мероприятий ею широко используются экспертно-аналитические материалы, подготовленные на основе данных Министерства финансов Чувашской Республики, главных распорядителей средств республиканского бюджета, а также проведенных контрольных проверок правильности и эффективности использования бюджетных средств. К примеру, в 2005 г., как и в предыдущие годы, Контрольно-счетной палатой был проведен комплекс контрольных и экспертно-аналитических мероприятий в рамках предварительного контроля за формированием республиканского бюджета. Она осуществила анализ соответствия проекта закона «О республиканском бюджете Чувашской Республики на 2006 год» действующему бюджетному законодательству, провела оценку нормативной базы, регламентирующей порядок формирования законопроекта, и обоснованность расчетов параметров основных показателей прогноза бюджета.

По итогам проведенных контрольных и экспертно-аналитических мероприятий Контрольно-счетной палатой было подготовлено и направлено в Государственный Совет Чувашской Республики заключение на проект закона о республиканском бюджете Чувашской Республики на 2006 г. В нем, наряду с положительными моментами, характеризующими будущий бюджет республики, внимание депутатского корпуса было обращено на ряд имеющихся недостатков и противоречащих законодательству положений, которые содержались в представленном законопроекте. Так, в заключении указывалось, что часть 2 статьи 2 законопроекта, предоставляющая право Министерству финансов Чувашской Республики определять формы и виды государственных ценных бумаг, выпускаемых от имени Чувашской

Республики, условия их выпуска и обращения, противоречит статьям 2 и 8 Федерального закона от 29 июля 1998 г. «Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг», 104 и 114 Бюджетного кодекса Российской Федерации и 34 Закона Чувашской Республики «О регулировании бюджетных правоотношений в Чувашской Республике». В соответствии с ними такими полномочиями должен наделяться Кабинет Министров Чувашской Республики, а не Министерство финансов Чувашской Республики, которое призвано выполнять только функции эмитента ценных бумаг Чувашской Республики.

Также Контрольно-счетная палата отметила, что частью 2 статьи 56 законопроекта предлагается организацию исполнения требований актов судебных органов по искам к казне Чувашской Республики о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти Чувашской Республики или должностных лиц, за счет средств республиканского бюджета Чувашской Республики возложить на Министерство финансов Чувашской Республики в порядке, установленном Кабинетом Министров Чувашской Республики. Постановлением Кабинета Министров Чувашской Республики от 12 февраля 2004 г. № 32 утверждены Правила исполнения Министерством финансов Чувашской Республики судебных актов по искам к казне Чувашской Республики на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти Чувашской Республики либо должностных лиц органов государственной власти Чувашской Республики. В основу данного документа легли положения постановления Правительства Российской Федерации от 9 сентября 2002 г. № 666 «О порядке исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти».

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов о федеральном бюджете на 2003 г., на 2004 г. и на 2005 г. и Постановления Правительства Российской Федерации «О порядке исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти», в связи с жалобами граждан Э.Д. Жуховицкого, И.Г. Пойма, А.В. Понятовского, А.Е. Чеславского и ОАО «Хабаровскэнерго», часть первая статьи 122 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2003 год» в части, возлагающей на Правительство Российской Федерации полномочий по регламентации исполнения судебных решений по искам к Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти, признана не соответствующей Конституции Российской Федерации»¹⁴.

Аналогичные положения, которые противоречат указанному постановлению, содержались и в Правилах, утвержденных Кабинетом Министров Чувашской Республики. В связи с этим Контрольно-счетная палата предложила исключить часть 2 статьи 56 законопроекта. Приведенное заключение содержало и ряд других конструктивных предложений, направленных на устранение имеющихся в законопроекте противоречий с действующим законодательством.

Текущий контроль контрольно-счетного органа осуществляется путем оперативного вмешательства и организации контроля за операциями с бюджетными средствами главных распорядителей, распорядителей и получателей бюджетных средств, а также за соблюдением получателями бюджетных кредитов, инвестиций и государственных гарантий условий выделения, получения, целевого использования и возврата средств, утвержденных в законе о республиканском бюджете на очередной финансовый год. Контрольно-счетная палата при этом контролирует полноту и своевременность денежных поступлений, фактическое расходование бюджетных ассигнований в сравнении с законодательно утвержденными показателями республиканского бюджета, проводит их анализ, выявляет отклонения и нарушения, вносит предложения по их устранению.

В соответствии с требованиями бюджетного законодательства Чувашской Республики Контрольно-счетная палата ежеквартально по установленной форме представляет Государственному Совету Чувашской Республики оперативный отчет о ходе исполнения республиканского бюджета Чувашской Республики. В нем приводятся фактические данные о формировании доходов и произведенных расходах в сравнении с утвержденными законом о республиканском бюджете на текущий год показателями за истекший период, квартал, обращается внимание Государственного Совета Чувашской Республики на недопоступление налоговых и неналоговых доходов, финансирование и исполнение расходов бюджета ниже показателей, предусмотренных бюджетной росписью, рост остатков на счетах бюджетополучателей в течение года.

Однако, как показывает практика, ежеквартальные отчеты оперативного контроля за исполнением республиканского бюджета, представляемые Контрольно-счетной палатой, все еще осуществляются не на основании анализа и проверки первичных платежных документов по исполнению бюджета, исполнения текстовых статей закона о республиканском бюджете, принятых Кабинетом Министров Чувашской Республики нормативных правовых актов в целях его реализации. Одной из важных форм осуществления текущего контроля за исполнением республиканского бюджета является контрольно-ревизионная деятельность контрольно-счетного органа. Она предусматривает непосредственную организацию и проведение комплексных ревизий и тематических проверок по отдельным разделам и статьям республиканского бюджета. В ходе их осуществления на основе документального подтверждения законности финансово-хозяйственной деятельности,

достоверности бухгалтерского учета и финансовой отчетности определяется своевременность и полнота взаимных платежей проверяемого объекта и республиканского бюджета.

Контрольно-ревизионная функция Контрольно-счетной палаты Государственного Совета Чувашской Республики, являясь основным видом ее деятельности, осуществляется на плановой основе. Контрольно-счетная палата на основании предложений комитетов Государственного Совета Чувашской Республики составляет план проведения контрольных мероприятий на очередной календарный год, который утверждается постановлением Государственного Совета Чувашской Республики. В план включаются все проверки с указанием сроков их проведения и ответственных лиц за их своевременное исполнение.

Контрольные мероприятия реализуются, как правило, посредством проведения проверок с выходом на объект. Основным методом реализации этой функции Контрольно-счетной палаты является проведение проверок с целью определения законности и эффективности использования средств республиканского бюджета. Они осуществляются по всем направлениям деятельности Контрольно-счетной палаты в республиканских органах государственной власти, органах местного самоуправления, на предприятиях, в учреждениях, организациях вне зависимости от видов и форм собственности, получающих и использующих средства республиканского бюджета, использующих республиканскую собственность или управляющих им, а также имеющих предоставленные законодательством Чувашской Республики или республиканскими органами государственной власти налоговые и иные финансовые льготы и преимущества.

В соответствии с планами работ Контрольно-счетной палаты только за последние три года (2003–2005 гг.) в порядке осуществления контроля за исполнением республиканского бюджета было проведено 87 контрольных мероприятий, в ходе которых проверено 166 объектов. По итогам проведенных контрольных мероприятий Министерству финансов Чувашской Республики, главным распорядителям средств республиканского бюджета, иным участникам бюджетного процесса направлялись информационные письма для принятия мер к нарушителям бюджетной и финансовой дисциплины.

В целом за указанные годы финансовые нарушения, выявленные Контрольно-счетной палатой, оцениваются в сумме 198799,5 тыс. руб., в том числе объем нецелевого использования бюджетных средств составил 8129,8 тыс. руб., неэффективное и нерациональное использование – 131270,8 тыс. руб. По фактам нецелевого использования, на основании материалов контрольных мероприятий, Министерством финансов Чувашской Республики производились блокировки расходов получателям бюджетных средств.

При осуществлении текущего контроля за исполнением республиканского бюджета в центре внимания Контрольно-счетной палаты находятся вопросы осуществления государственных заимствований и управления

государственным долгом Чувашской Республики. В связи с этим проводился ряд контрольных мероприятий, посвященных этой тематике: проверка порядка формирования долговых обязательств Чувашской Республики и реализации Программы государственных заимствований Чувашской Республики (2004 г.), проверка механизма предоставления государственных гарантий, включенных в состав государственного внутреннего долга, в Министерстве торговли Чувашской Республики и Министерстве финансов Чувашской Республики и у получателей средств под гарантийные обязательства (2005 г.).

В соответствии со статьей 95 Бюджетного кодекса Российской Федерации в качестве источника финансирования дефицита бюджета субъекта Российской Федерации начиная с 1 января 2005 г. используются только внутренние государственные заимствования.

Государственные внутренние заимствования Чувашской Республики и выдача государственных гарантий другим заемщикам для привлечения кредитов (займов), согласно статье 32 Закона Чувашской Республики «О регулировании бюджетных правоотношений в Чувашской Республике», осуществляются в соответствии с Программой государственных заимствований и Перечнем гарантий, утверждаемых законом о республиканском бюджете Чувашской Республики на очередной финансовый год. От имени Чувашской Республики право государственных внутренних заимствований и выдачи государственных гарантий принадлежит Министерству финансов Чувашской Республики.

Вопросы осуществления государственных заимствований и управления государственным долгом Чувашской Республики регулируются, кроме Бюджетного кодекса Российской Федерации и Закона Чувашской Республики «О регулировании бюджетных правоотношений в Чувашской Республике», и рядом нормативных правовых актов Кабинета Министров Чувашской Республики и Министерства финансов Чувашской Республики. Так, постановлением Кабинета Министров Чувашской Республики от 25 февраля 2005 г. № 41 утверждена «Концепция управления государственным долгом и долговой политики Чувашской Республики». В ней подчеркивается, что управление государственным долгом Чувашской Республики является одним из важных компонентов системы управления общественными финансами и что качественное, эффективное управление долгом означает не только отсутствие просроченных долговых обязательств, но и, прежде всего, создание прозрачной системы управления с использованием четких процедур и механизмов и публичного раскрытия информации о долговой политике Чувашской Республики.

В Чувашской Республике процесс планирования государственного долга, включая условные обязательства, состоит из двух этапов. Во-первых, планирования расходов по погашению и обслуживанию действующих долговых обязательств и, во-вторых, планирования объемов вновь привлекаемых прямых и условных обязательств. Основной целью планирования, погашения и обслуживания уже имеющегося долга является оценка возможности его погашения за счет доходов бюджета в планируемом финансовом году.

Стратегия государственных заимствований Чувашской Республики определяется исходя из целей привлечения средств на покрытие дефицита бюджета, рефинансирование и инвестиционные цели. Объем средств, привлекаемых на покрытие дефицита бюджета, определяется превышением расходных обязательств бюджета над его доходами, которое в последующие месяцы финансового года компенсируется соответствующим превышением доходов бюджета над его расходами.

Государственные заимствования на инвестиционные цели в Чувашской Республике проводятся в соответствии с приоритетами инвестиционной политики. Допустимые объемы привлечения инвестиционных заимствований определяются исходя из ограничений федерального законодательства и долговой емкости бюджета. При определении сроков, на которые привлекаются инвестиционные заимствования, учитываются сроки реализации инвестиционных проектов, принятых к реализации.

В соответствии со статьей 34 Закона Чувашской Республики о регулировании бюджетных правоотношений обязательства по государственной гарантии признаются государственным долгом Чувашской Республики, а в соответствии со статьей 32 являются государственным заимствованием Чувашской Республики. Реально государственная гарантия становится государственным долгом только при ее регистрации в Государственной долговой книге Чувашской Республики, при этом расходы республиканского бюджета возникают при наступлении гарантийного случая.

В настоящее время предусмотрен следующий механизм рассмотрения и предоставления государственных гарантий Чувашской Республики: обращение в адрес Министерства экономического развития Чувашии организаций, желающих участвовать в конкурсе на получение государственной гарантии, о намерении получить гарантию с указанием ее предполагаемого размера; представление бизнес-плана с прилагаемыми к нему документами; Министерство экономического развития Чувашии на основе представленных документов готовит заключение по инвестиционному проекту; Совет по инвестиционной политике не позднее, чем в 2-недельный срок после подготовки заключения Министерством экономического развития Чувашии, принимает решение об одобрении инвестиционного проекта либо о нецелесообразности предоставления государственной гарантии; после принятия решения Советом, Министерство экономического развития Чувашии направляет претенденту и в Министерство финансов Чувашии копию протокола Совета по инвестиционной политике с принятым решением; на основании решения Совета по инвестиционной политике Министерство финансов Чувашии проводит проверку финансового состояния и залогового обеспечения претендента; при наличии положительного заключения Министерства финансов Чувашии Министерство экономического развития Чувашии готовит проект распоряжения Кабинета Министров Чувашской Республики о предоставлении претенденту государственной гарантии Чувашской Республики, в котором указываются размер государственной

гарантии и срок действия гарантии; на основании распоряжения Кабинета Министров Чувашской Республики претендент заключает с кредитором кредитный договор о предоставлении денежных средств для реализации инвестиционного проекта; Министерство финансов Чувашии на основании распоряжения Кабинета Министров Чувашской Республики заключает договор о предоставлении государственной гарантии Чувашской Республики. Одновременно он заключает с претендентом либо с третьими лицами договор залога.

Проведенные Контрольно-счетной палатой контрольные мероприятия показывают, что в ряде случаев не соблюдается процедура проведения конкурсного отбора претендентов на получение государственной гарантии. Так, в 2002 г. из 10 получателей государственных гарантий только по 2 претендентам было рассмотрено Министерством экономического развития Чувашии и 7 – Советом по инвестиционной политике. В 2003 г. из 12 претендентов на Совете была рассмотрена всего лишь одна организация, а в 2004 г., соответственно, из 7 на Совете принято решение по 3 обращениям о намерении получить государственную гарантию.

Анализ программ государственных внутренних заимствований и перечней предоставляемых государственных гарантий приводит к выводу, что, как правило, в течение отчетного финансового года сумма, на которую предоставляются государственные гарантии, не достигает утвержденного законом предельного объема. Так, на 2002 г. предельный объем был утвержден в размере 360000,0 тыс. руб., а предоставлено 12 гарантий на общую сумму 201407,7 тыс. руб.; на 2003 г., соответственно, 445000,0 тыс. руб., выданы 4 гарантии на сумму 111962,7 тыс. руб. и 2500,0 тыс. долларов США; на 2004 г. – 242000,0 тыс. руб., предоставлена одна гарантия на сумму 45000,0 тыс. руб. и на 2005 г. – 443900,0 тыс. руб., предоставлена одна гарантия на сумму 143900,0 тыс. руб.

Все государственные гарантии предоставляются на основании распоряжений Кабинета Министров Чувашской Республики и во исполнение законов о республиканском бюджете на соответствующий год. В некоторых случаях, как показывают материалы проверок Контрольно-счетной палаты, допускается выдача государственных гарантий при отрицательных результатах проверки финансового состояния получателя гарантии, не всегда соблюдаются требования по обеспечению залогом, имеющим высокую степень ликвидности. Отсутствие надлежащего оформления обеспечения исполнения обязательств по государственным гарантиям увеличивает риск Чувашской Республики по невозврату средств, полученных от кредиторов под государственную гарантию, затрудняет возможности гаранта, исполнившего обязательство за лицо, которому предоставлена гарантия, возместить сумму, уплаченную третьему лицу по государственной гарантии.

Анализ структуры долговых обязательств Чувашской Республики показывает, что долговые обязательства Чувашской Республики с каждым годом возрастают. Так, если по состоянию на 1 января 2004 г. они составляли 1720930,0 тыс. руб., то на 1 января 2006 г. – 2239336,0 тыс. руб. Госу-

дарственный долг в абсолютном выражении вырос на 518406,0 тыс. руб., или на 30,1%.

В 2006 г. предельный объем государственного долга Чувашской Республики по состоянию на 1 января 2007 г. прогнозируется в размере 4100000,0 тыс. руб., что составляет 49,0% от собственных доходов республиканского бюджета Чувашской Республики. В то же время планируемые предельные объемы государственного долга по отношению к объемам доходов республиканского бюджета за рассматриваемый период находились в пределах требований статьи 107 Бюджетного кодекса Российской Федерации, который определяет, что предельный объем государственного долга субъекта Российской Федерации не должен превышать объем доходов бюджета без учета финансовой помощи из бюджетов других уровней бюджетной системы Российской Федерации. Тем не менее, актуальной остается проблема необходимости совершенствования системы оценки и предупреждения негативного воздействия рисков, присутствующих в процессе управления государственным долгом.

Важным моментом в развитии контрольно-ревизионной деятельности контрольно-счетного органа Чувашии становится внедрение нового вида аудита – аудита эффективности расходования бюджетных средств. Он представляет собой проверку деятельности органов государственной власти и получателей государственных средств в целях определения эффективности использования ими государственных средств, полученных для выполнения возложенных на них функций и поставленных задач. В связи с этим в 2004–2005 гг. Контрольно-счетной палатой проведен ряд мероприятий по аудиту эффективности и рациональному использованию средств республиканского бюджета. По итогам всех проверок за эти годы из выявленной общей суммы допущенных нарушений в размере 189143,7 тыс. руб. доля неэффективного использования бюджетных средств составила 127500,8 тыс. руб., или 67,4%.

В соответствии с планом работы Контрольно-счетная палата осуществляла проверки целевого использования средств республиканского бюджета, выделенных на реализацию ряда республиканских целевых программ. Проведенные контрольные мероприятия показывают, что не обеспечивается в полном объеме финансирование всех мероприятий, предусмотренных республиканскими комплексными программами. В связи с этим Палата вносила предложения, чтобы при разработке проектов бюджетов республики ежегодно предусматривалось выделение отдельной строкой объемов финансирования по целевым республиканским программам в разрезе каждого главного распорядителя бюджетных средств. Контрольно-ревизионные мероприятия проводились и по другим направлениям деятельности Контрольно-счетной палаты, призванных обеспечить контроль за исполнением республиканского бюджета.

Бюджетный кодекс Российской Федерации (ст. 172), кроме контроля за исполнением бюджета, за представительными органами закрепляет также, до начала рассмотрения отчета об исполнении бюджета, проведение в

обязательном порядке внешней проверки указанного отчета. Она осуществляется соответствующими контрольными органами представительных органов власти.

Согласно статье 93 закона о регулировании бюджетных правоотношений в Чувашской Республике Контрольно-счетная палата, реализуя свои функции по осуществлению последующего контроля, проводит внешнюю проверку отчета об исполнении республиканского бюджета Чувашской Республики за отчетный финансовый год и готовит заключение по нему в течение 1,5 месяца после представления указанного отчета в Государственный Совет Чувашской Республики. Но, по сложившейся практике, сроки представления заключения Контрольно-счетной палате, как правило, устанавливаются не более чем 20–25 дней. В ходе его подготовки используются аналитические материалы, подготовленные Контрольно-счетной палатой на основе данных Министерства финансов Чувашской Республики, главных распорядителей средств республиканского бюджета, а также проведенных ею контрольных мероприятий эффективности правильности расходования бюджетных средств.

Целью проведения проверки является определение достоверности отчета об исполнении республиканского бюджета за отчетный финансовый год, своевременности и полноты поступления доходов и иных платежей в республиканский бюджет, фактического расходования средств бюджета по сравнению с показателями, утвержденными законом о республиканском бюджете по объему и структуре, а также оценка соответствия направления бюджетной политики, проводимой Кабинетом Министров Чувашской Республики, бюджетному посланию Президента Чувашской Республики и федеральной бюджетной политике.

При подготовке заключения на проект закона об исполнении республиканского бюджета за отчетный финансовый год Контрольно-счетная палата призвана решать такие важные задачи, как: установление отклонений отчетных показателей соответствующего периода от показателей, утвержденных законом о республиканском бюджете на текущий финансовый год и установленных сводной бюджетной росписью (и при этом проверять обоснованность фактов отклонений); проверка выполнения заданий по объему и структуре доходов республиканского бюджета, правильности учета и отражения в установленной отчетности данных об их поступлении; выяснение полноты, законности и целевого направления средств республиканского бюджета в ходе его пополнения; выявление резервов для увеличения поступлений доходов республиканского бюджета, предотвращение незаконных действий со средствами республиканского бюджета, пресечение их нецелевого использования и повышение эффективности их расходования; дача характеристики и оценки системе контроля за исполнением республиканского бюджета, проводимой Министерством финансов Чувашской Республики в соответствии с законом о бюджете и иным законодательством.

Информационно-аналитической базой для подготовки заключения на проект закона об исполнении республиканского бюджета служат, кроме

самого законопроекта с приложением соответствующих документов и материалов к нему, статистические данные о социально-экономическом положении Чувашской Республики, отчеты Управления федеральной налоговой службы по Чувашской Республике, Управления федерального казначейства по Чувашской Республике об объеме налоговых и неналоговых доходов, поступивших в республиканский бюджет, и объеме федеральных средств, полученных в доход республиканского бюджета в порядке бюджетного регулирования, финансовая, статистическая, бухгалтерская отчетность министерств Чувашской Республики и другие материалы.

Заключения Контрольно-счетной палаты содержат достаточно подробный и объективный анализ проектов законов об утверждении отчетов об исполнении республиканского бюджета за соответствующий финансовый год с указанием конкретных его недостатков и противоречий бюджетному законодательству. К примеру, в заключениях на законопроекты об утверждении отчетов об исполнении республиканских бюджетов за 2004 и 2005 гг. указывается, что представленные отчеты не в полной мере соответствуют структуре, которая применялась при утверждении законов о республиканском бюджете. Данное положение не согласуется с пунктом 2 статьи 88 закона о регулировании бюджетных правоотношений в Чувашской Республике, который требует составление отчета в соответствии с той же структурой и бюджетной классификацией, которые применялись при утверждении бюджета, и не дает возможности произвести полный и развернутый анализ исполнения расходов по источникам финансирования.

В этих заключениях Контрольно-счетной палаты также указывалось, что Министерством финансов Чувашской Республики в нарушение статьи 220 Бюджетного кодекса Российской Федерации после внесения изменений в закон о республиканском бюджете на 2004 г. не доведены до ряда министерств уведомления об изменении бюджетных ассигнований, не представлены сведения о реализации программ, финансирование которых было утверждено законом на 2004 г., на общую сумму 3357337,0 тыс. руб.

Отмечены случаи значительных недоосвоений средств республиканского бюджета, утвержденных на 2005 г., по отдельным целевым статьям. Так, на развитие сельскохозяйственного производства неиспользованными остались 19366,8 тыс. руб., приобретение автобусов для перевозки пассажиров – 22000,0 тыс. руб., субсидирование процентных ставок по привлеченным кредитам в российских кредитных организациях – 25521,1 тыс. руб. и на расходы, связанные с научным сопровождением инновационных проектов государственного значения, – 21147,0 тыс. руб. Причинами таких отклонений в исполнении расходной части бюджета стали, с одной стороны, недостаточно точно просчитанные показатели бюджетных заявок главных распорядителей средств бюджета, несвоевременное представление ими предложений по внесению изменений в закон о бюджете, а с другой – затягивание сроков предъявления к кассовому исполнению бюджета денежных обязательств получателей средств бюджета.

В то же время, как показывает практика, в реализации функций внешнего государственного финансового контроля Контрольно-счетной палатой много еще нерешенных проблем. К числу их можно отнести отсутствие четкой процедуры и механизма законодательного рассмотрения отчетов Контрольно-счетной палаты, а также принятия соответствующих мер по выявленным ею нарушениям бюджетного законодательства. Есть случаи, когда проекты законов и иных документов, подлежащие экспертизе, в Контрольно-счетную палату не направляются. По ряду проверок Контрольно-счетной палаты, когда выявлены существенные нарушения, не принимается должных мер по их устранению. Следовательно, не достигается конечный результат деятельности контрольно-счетного органа.

В данный момент, в условиях реальной правовой и социально-экономической ситуации в республике, Контрольно-счетная палата Государственного Совета Чувашской Республики стала органом, выявляющим и анализирующим правонарушения в области соблюдения бюджетного законодательства, а не органом, способным предотвратить или же устранить эти правонарушения.

Ныне действующая редакция закона о Контрольно-счетной палате не в полной мере регламентирует предусмотренные действующим федеральным законодательством полномочия органа государственного финансового контроля, который образуется законодательным органом государственной власти субъекта Российской Федерации. В связи с этим в настоящее время разработан и принят 22 сентября 2006 г. Государственным Советом Чувашской Республики в первом чтении проект нового закона о контрольно-счетном органе Чувашской Республики. Он предусматривает значительное расширение правового статуса Контрольно-счетной палаты. С его принятием контрольно-счетный орган приобретает статус юридического лица, обладающего организационной, функциональной и финансовой независимостью, поскольку предполагается, что средства на содержание Контрольно-счетной палаты будут предусмотрены в республиканском бюджете отдельной строкой.

В новом законе более подробно и шире будет регламентирована область действия контрольных полномочий Контрольно-счетной палаты. В то же время она не наделяется правом вносить представления и предписания в случаях выявления нарушений в финансово-хозяйственной и иной деятельности главных распорядителей, распорядителей, получателей средств республиканского бюджета, наносящих государству реальный ущерб и требующих в связи с этим безотлагательного вмешательства. Такие полномочия Контрольно-счетной палате необходимы для оперативного пресечения выявленных в ходе проверки фактов нарушений в финансово-хозяйственной деятельности.

Организация эффективного управления государственными финансами и материальными ресурсами и осуществление действенного контроля за их использованием во многом зависит от наличия в государстве единой Концепции государственного финансового контроля. Однако в Российской Федерации на сегодняшний день она отсутствует.

На сегодняшний день контрольно-счетные органы в субъектах Российской Федерации имеют разный правовой статус. Так, правотворчество о финансовом контроле осуществляется без учета целостности и правового единства бюджетной системы Российской Федерации. Подобная практика ведет к ограничению контроля по уровням бюджетной системы России, не обеспечивает координацию и прямой контроль органов государственной власти вышестоящего уровня бюджетной системы Российской Федерации над нижестоящей.

Другая не менее важная правовая проблема – отсутствие федерального законодательства ответственности за неисполнение представлений и предписаний контрольно-счетных органов (во многих субъектах Российской Федерации контрольно-счетные органы наделены такими полномочиями), а также за непредоставление информации по запросам контрольно-счетных органов, предоставление неполной или же недостоверной информации, а также за отказ от допуска на проверяемый объект без должного на то основания.

Таким образом, анализируя правовую основу и обобщая практику деятельности законодательного органа республики и его контрольно-счетного органа, можно сделать вывод, что: во-первых, необходима четкая единая концепция государственного финансового контроля, определяющая роль и место всех институтов контроля за использованием бюджетных средств и распоряжением государственной собственностью; во-вторых, необходимо законодательно закрепить общие принципы организации деятельности и взаимоотношения контрольно-счетного органа субъекта с федеральными и другими местными финансовыми, контрольно-ревизионными, надзорными, налоговыми, правоохранительными и другими контролирующими органами; в-третьих, нужно наделить Контрольно-счетную палату правом вносить представления и предписания в случаях выявления нарушений в финансово-хозяйственной и иной, связанной с ней, деятельности главных распорядителей, распорядителей, получателей средств республиканского бюджета, наносящих ущерб республике; в-четвертых, актуальными остаются вопросы законодательного укрепления правового статуса должностных лиц контрольно-счетного органа.

Литература и источники

¹ Конституция Российской Федерации: офиц. текст. М.: Издательство НОРМА, 2004. С. 55.

² *Степашин С.В.* Опора на регионы // Финансовый контроль. 2006. № 7. С. 80.

³ Конституция Чувашской Республики: офиц. текст. Чебоксары: ИПК «Чувашия», 2005. С. 32, 34.

⁴ Закон Чувашской Республики от 23 июля 2001 г. № 37 (в редакции от 02.06.2006) «О Государственном Совете Чувашской Республики» // Ведомости Государственного Совета Чувашской Республики. 2001. № 42. С. 35.

⁵ Конституция Чувашской Республики: офиц. текст. С. 31.

⁶ Постановление Государственного Совета Чувашской Республики от 16 декабря 1994 г. № 139 «О Контрольно-счетной палате Государственного Совета Чувашской Республики» // Ведомости Государственного Совета Чувашской Республики. 1995. № 4. С. 38.

⁷ Закон Чувашской Республики от 28 апреля 1995 г. № 8 «О Контрольно-счетной палате Государственного Совета Чувашской Республики» // Ведомости Государственного Совета Чувашской Республики. 1995. № 6. С. 5–6.

⁸ Постановление Государственного Совета Чувашской Республики от 19 марта 1997 г. № 626 «Об образовании Контрольно-счетной палаты Государственного Совета Чувашской Республики» // Ведомости Государственного Совета Чувашской Республики. 1997. № 17.

⁹ Там же. С. 22–24.

¹⁰ Закон Чувашской Республики от 21 июня 2001 г. № 22 (в редакции от 30.04.2002) «О Контрольно-счетной палате Государственного Совета Чувашской Республики» // Ведомости Государственного Совета Чувашской Республики. 2001. № 41.

¹¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (в редакции от 02.02.2006 № 19-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823; Закон Чувашской Республики от 23 июля 2001 г. № 36 (в редакции от 30.08.2006 № 41) «О регулировании бюджетных правоотношений в Чувашской Республике» // Ведомости Государственного Совета Чувашской Республики. 2001. № 43.

¹² Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (в редакции от 27.07.2006) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.

¹³ Закон Чувашской Республики от 30 августа 2006 г. № 41 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Чувашской Республики» // Ведомости Государственного Совета Чувашской Республики. 2006. № 71.

¹⁴ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14 июля 2005 года № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов о федеральном бюджете на 2003 год, на 2004 год и на 2005 год и постановления Правительства Российской Федерации «О порядке исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти» в связи с жалобами граждан Э.Д. Жуховицкого, И.Г. Пойма, А.В. Понятовского, А.Е. Чеславского и ОАО «Хабаровск-энерго» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30. Ст. 3199.

M. V. D e m i d o v. The parliamentary control of the Chuvash Republic budget implementation: legal basics, practice of realization.

The control of the Chuvash Republic budget implementation was exercised both by the committees of legislative body and by, a special body under the State Council of the Chuvash Republic. According to the current legislation it carries out the preliminary, current and subsequent control of the Chuvash republican budget being implemented. Chamber of control and count carries out above forms of control by means of thorough check ups and expertise measures as well as the critical analysis of the current budgetary legislation. By present time either at the level of the Russian Federation or its subjects there is no uniform concept of the state financial control that would determine a role and place of all institutes controlling the use of budgetary funds and management of state ownership.

**ПРОБЛЕМЫ ХРОНОТОПОЛОГИЧЕСКОЙ
СТРАТИФИКАЦИИ ЧУВАШСКО-
МОНГОЛЬСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ
ПАРАЛЛЕЛЕЙ И ИХ ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

**ЧГВ, 2006, № 1
© Н.И. Егоров**

Основная цель настоящей статьи – установление пространственно-временных параметров протобулгарско-монгольских этноязыковых контактов и идентификация древнейших археологических культур с прототюрками, протомонголами, а также с восточноиранскими племенами сакско-усуньского круга.

Как известно, исследователи алтайских языков в компаративно-контрастивном плане пришли к следующим основным выводам:

1) в монгольских языках имеется несколько (не менее трех) пластов тюркских заимствований;

2) несколько пластов монгольских заимствований имеется подобным образом в маньчжурском и эвенкийском;

3) в тунгусо-маньчжурских языках нет прямых древних заимствований из тюркских; тюркские слова всегда попадали в тунгусо-маньчжурские языки через посредство монгольских¹.

Более того, Г. Дёрфер однозначно и совершенно справедливо пишет, что «общая и алтайская лексика ни в одном конкретном случае не представляет древнего родства, все это лишь праязыковые заимствования»².

Обращаясь непосредственно к чувашско-монгольским лексическим параллелям, число которых, по еще далеко не полным подсчетам, достигает 3000 единиц, на данном этапе исследования проблемы можно выделить среди них по крайней мере два пласта взаимозаимствований: 1) тюркские заимствования в монгольских и 2) монгольские заимствования в тюркских (в том числе и в чувашском). Кроме того, в составе чувашско-монгольских лексических параллелей выявляются: 3) общие заимствования из иносистемных языков, а также 4) случайные совпадения, 5) некорректные чувашско-монгольские сближения (к сожалению, нередкие в алтаистических исследова-

Николай Иванович Егоров — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук.

дованиях) и, наконец, б) возможное общеалтайское наследие в чувашском (шире – в тюркских) и монгольских языках. Причем каждая из этих групп лексики представляет собой определенную совокупность достаточно разнородных по своему генезису материалов.

Каждый из перечисленных пластов чувашско-монгольских лексических параллелей требует особого рассмотрения.

Тюркские лексические заимствования в монгольских языках специалистами подразделяются по крайней мере на три основных диахронических пласта, отличающихся друг от друга специфическими особенностями тюркско-монгольских фонетических соответствий, а следовательно, – заимствованных из разных тюркских языков и диалектов.

Первый слой тюркских заимствований в монгольских языках условно датируется периодом до VIII в. н.э. и характеризуется определенной совокупностью фонетических особенностей, которые все вместе могут быть обнаружены только в прабулгарском, древнебулгарском (с учетом древнебулгарских заимствований в венгерском языке), среднебулгарском (с учетом данных языка эпиграфических памятников волжских булгар XIII–XIV вв., а также среднебулгарских заимствований в пермских и волжских финских языках) и современном чувашском. Дж. Клоусон предположительно относит их к языку племени табгач³, но А. Рона-Таш на основе разностороннего изучения соответствующего репрезентативного эмпирического материала по разработанной им методике доказал, что наиболее ранний пласт тюркских лексических заимствований в монгольских языках по всем параметрам соответствует языку протобулгар⁴. Аргументированная теория А. Рона-Таша была принята рядом отечественных и зарубежных специалистов по алтайским языкам, поэтому в данной работе мы придерживаемся именно этого положения.

Второй по времени пласт тюркских заимствований в древнемонгольском датируется периодом между VIII и XII вв. и определяется по фонетическим признакам, характерным для тюркских языков стандартного типа. Слова, относящиеся к этому периоду, по предположению специалистов, были заимствованы из какого-то одного северо-восточного тюркского языка, в котором имело место историческое развитие анлаутного *j*- в *j*-. Этот пласт тюркизмов в монгольском, естественно, не имеет прямого отношения к булгаро-чувашскому языку. Однако подавляющее большинство соответствующих тюркских слов или имеет прямое продолжение в чувашском, или же частью проникло в него в более поздние этапы исторического развития из среднекыпчакского (в XIII–XIV вв.) и татарского (начиная со второй половины XV в.) языков. Выявление и историческая интерпретация этих разновременных пластов чувашско-монгольских лексических параллелей представляет самостоятельную задачу.

Третий хронологический пласт тюркских лексических заимствований в монгольских языках, по мнению специалистов, проник из разных диалектов тюркских языков Восточного Туркестана в XII и XIII вв., в частности, из

древнеуйгурского. Значительная часть этого пласта тюркизмов монгольских языков также имеет соответствия в чувашском языке, причем часть из них представлена в закономерном для чувашского языка фонетическом облике и относится к исконному пласту лексики, а другая часть отмечена фонетическими особенностями стандартных тюркских языков и должна быть отнесена к разновременным заимствованиям из среднекыпчакского и татарского языков.

Тюркско-монгольские языковые взаимоотношения еще больше усилились в золотоордынский период, причем охватили и ареал распространения среднебулгарского языка – прямого и непосредственного предшественника современного чувашского. С одной стороны, монгольские племена, волею исторической судьбы оказавшиеся в самом центре тюркоязычного мира, довольно быстро начали ассимилироваться и восприняли язык окружающих тюркских племен и народностей. С другой стороны, в период своего возвышения монголы внесли множество слов в языки завоеванных и подчиненных ими тюркских народов. Такое положение вещей еще более усугубило и без того уже чрезвычайно сложные исторические взаимоотношения между тюркскими (в том числе и чувашским) и монгольскими языками.

Влияние тюркских языков на монгольские было достаточно интенсивным и в период монгольских завоеваний, и в последующее время, о чем красноречиво свидетельствует компаративное изучение лексики, например, таких основных письменных памятников монгольского языка, как «Мукаддимат ал-адаб», «Сокровенное сказание монголов», словарь Ибн Муханны и др.⁵ Основным источником тюркских лексических заимствований в этот период был среднекыпчакский, который к концу XIV в. стал официальным языком Золотой Орды⁶.

Среди тюркских лексических заимствований золотоордынской эпохи в монгольских языках также немало слов, генуинных с чувашскими. Причем в чувашской части они могут быть как исконными, так и заимствованными, последние, в свою очередь, подразделяются на среднекыпчакские (XIII – XIV вв.) и более поздние татарские (со второй половины XV в.).

Корректное, научно выверенное сепарирование всех возможных и доступных обоснованному определению диахронических и диатопических пластов тюркских лексических заимствований в монгольском и их по возможности полная инвентаризация применительно к чувашским соответствиям не только имеет принципиально важное значение для истории болгаро-чувашского языка, тюркологии и алтаистики в целом, но обещает широкий выход на историко-культурологические, политико-экономические и иные аспекты изучения исторических взаимоотношений между тюркскими (в том числе, в первую очередь, болгаро-чувашскими) и монгольскими народами.

Монгольские лексические заимствования в чувашском и, шире, тюркских языках не столь многочисленны, как тюркские в монгольских. Тем не менее выявление монголизмов чувашского языка является одной из актуальных задач при решении общей проблемы исторических взаимо-

отношений между этими языками. Определенная теоретическая и методологическая база в этом вопросе заложена А. Рона-Ташем, который вполне обоснованно относит наиболее ранние монгольские заимствования в чувашском к золотоордынскому периоду и квалифицирует их среднемонгольскими⁷.

Среднемонгольская по генезису лексика проникала в болгаро-чувашский язык через посредство среднекыпчакского (в XIII–XIV вв.) и татарского (условно – начиная со второй половины XV в., на самом деле – позднее). Перед чувашской исторической лексикологией стоит задача разработки надежных критериев для разграничения этих двух диахронических и диатопических пластов лексики среднемонгольского происхождения, а также для сепарирования среднемонгольских заимствований от всех других пластов чувашско-монгольских соответствий, в том числе, в первую очередь, от тюркских (включая протобулгарские) заимствований в монгольском.

Общие для чувашского и монгольского языков заимствования из иносистемных языков имеют чрезвычайно важное значение, так как могут помочь в установлении относительной хронологии и указать на направление интенсивных взаимозаимствований между исследуемыми языками, имевших место в весьма отдаленном прошлом. На современном уровне развития компаративистики можно с определенным основанием говорить об индоевропейских (индоиранских, восточноиранских, тохарских), китайских, персидских, арабских и других общих для тюркских и монгольских языков лексических заимствованиях, относящихся к самым разным периодам истории этих языков.

Вопрос о китайских лексических заимствованиях в монгольских языках весьма актуален, но он очень слабо разработан. Многие предполагаемые «китаизмы» тюркских языков получают совершенно иные интерпретации при обращении, скажем, к материалу индоевропейских языков. В чувашеведении проблема чувашско-китайских лексических параллелей была поднята в конце 50-х – начале 60-х гг. прошлого века И.Д. Кузнецовым⁸ и В.Ф. Каховским⁹, однако предпринятые ими лексические сближения оказались некорректными.

В настоящей работе предполагаемые китайские лексические заимствования, общие для тюркских и монгольских языков, особо не рассматриваются, однако при анализе конкретного лексического материала предложенные разными авторами китайские этимологии тюркских и монгольских слов по мере возможности будут учтены.

Что же касается общих для тюркских (в том числе и для чувашского) и монгольских языков новоперсидских и арабских лексических заимствований, то следует оговориться, что они проникали в среднемонгольский, а также в болгаро-чувашский языки относительно поздно, главным образом в золотоордынскую эпоху в основном через посредство среднекыпчакского языка.

Таким образом, выясняется, что общие среднеперсидские и арабские заимствования не отражают реальные исторические взаимоотношения между болгаро-чувашскими и монгольскими языками. Тем не менее этот пласт

лексики чувашского языка требует включения в корпус словаря чувашско-монгольских лексических схождений и специального объяснения во избежание дальнейших недоразумений у неискушенных в тонкостях исторического языкознания специалистов по смежным дисциплинам.

Случайные совпадения, в число которых попадает большинство так называемых изобразительных, оноματοпоэтических, отымитативных и междоментных слов, а также слова детской речи, в компаративные исследования обычно не включаются, однако для получения полной картины чувашско-монгольских лексических параллелей они также требуют специального освещения.

Некорректные межъязыковые (внутриалтайские и внешние) сближения, предпринятые в свое время разными авторами, также требуют критической оценки. К сожалению, в специальной литературе очень часто встречаются многочисленные поверхностные и не проверенные тюрко-монгольские и чувашско-монгольские лексические сближения. Особенно изобилуют ими работы основоположника ортодоксальной алтаистики Г.Й. Рамстедта. Так, например, в его «Исследованиях по корейской этимологии»¹⁰, по подсчетам А. Рона-Таша, объем некорректных этимологий составляет более 90% словаря.

Поэтому, чтобы получить реальную картину количественного и качественного соотношений между чувашским и монгольскими языками, некорректные сближения следовало бы полностью исключить из корпуса исследования, однако это вызвало бы недоуменные вопросы у читателей. Вместе с тем рассеянные по страницам многочисленных алтаистических публикаций такие сближения давно стали весьма популярными и кочуют из одного исследования в другое (например, предложенные в свое время Г.Й. Рамстедтом некорректные сближения регулярно встречаются в «Этимологическом словаре чувашского языка» М.Р. Федотова¹¹). Поэтому есть резон рассматривать встречающиеся в специальной литературе разного рода некорректные и сомнительные чувашско-монгольские лексические сближения отдельным списком и, разумеется, снабжать их необходимым критическим анализом.

И, наконец, кардинальный для алтаистики в целом вопрос об общем праязыковом наследии в чувашском (шире – тюркских) и монгольском языках останется открытым до тех пор, пока не будут выявлены все рассмотренные здесь случаи чувашско-монгольских лексических совпадений. Только после снятия всех этих диахронических и иных наслоений, общих для тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, а также некоторых других языков, если после всего этого останется определенное количество необъясненных совпадений, можно ставить вопрос об изначальном генетическом родстве языков, традиционно объединяемых в алтайскую семью.

По этому поводу, думаем, будет весьма уместным напоминание следующего высказывания А. Рона-Таша, заключающего его знаменитую статью «Общее наследие или заимствования?»: «Если алтайские языки

генетически родственны, то доказываются это не на основании соответствий, а вопреки соответствиям, приводимым до сих пор в пользу алтайской гипотезы. Важнейшей задачей в изучении алтайских языков является исследование исторических контактов в течение периода между началом второго тысячелетия до н.э. и началом второго тысячелетия н.э.»¹².

Для изучения истории столь ранних этапов тюркско-монгольских этноязыковых контактов наука практически не обладает необходимыми нарративными источниками. Наиболее ранние письменные памятники тюркских языков относятся лишь к VII–VIII вв. н.э., а монгольских – к XIII–XIV вв. Поэтому взоры компаративистов прежде всего должны быть направлены на поиски внешних связей тюркских и монгольских языков начиная, по крайней мере, с рубежа II–I тысячелетий до н.э., а также на комплексное изучение всех доступных экстралингвистических материалов – археологии, антропологии, этнографии и т.п.

Для изучения древнейших этапов тюркско-монгольских этноязыковых взаимоотношений и, прежде всего, прабулгарских (или протобулгарских) лексических заимствований в монгольском решающую роль играют так называемые индоевропейские по происхождению слова в алтайских языках. Ортодоксальная алтаистика с самого начала исходила из постулата об изначальном родстве традиционно объединяемых в алтайскую семью тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и не обращала должного внимания на возможные и очень вероятные случаи как внутриаалтайских, так и внешних заимствований.

Сторонники так называемого «приобретенного родства» алтайских языков прежде всего делали упор на внутриаалтайские взаимозаимствования и только изредка обращались к вероятным внешним заимствованиям для подтверждения своей теории. Обобщающих исследований по древнейшим общеалтайским заимствованиям из индосистемных языков, за исключением небольших журнальных статей, насколько нам известно, пока нет. Тем не менее даже первое приближение к этой архиважной и, вместе с тем, архитрудной для алтаистики в целом проблеме показывает, что между тюркскими (в том числе и чувашским) и монгольскими (шире – уралоалтайскими) языками выявляется значительное число общих индоевропейских (индоарийских и, вероятнее всего, восточноиранских) лексических заимствований, которые датируются очень древним временем (при самом осторожном подходе – рубежом II–I тысячелетий до н.э.). Судя по археологическим, антропологическим, историко-культурологическим и другим соображениям, наиболее ранние контакты между прототюрками и древними индоевропейцами (индоарийцами, индоиранцами, восточными иранцами, тохарами) имели место где-то в степях Западной Монголии еще до распада прототюркской общности на пратюркскую (огузскую, со стандартным *z*-языком) и протобулгарскую (огурскую, с диалектным *r*-языком)¹³.

Наличие в прамонгольском значительного числа тюркских заимствований с явно выраженным протобулгарским ротацизмом, в числе которых

особенно показательным представляется слово со значением «бык» (ср. прототюрк. **уькьз* «бык» = протобулг. **уькьр* → протомонг. **уькер* «крупный рогатый скот», «бык»; др.-булг. **уькьр* ~ **уькьр* → венг. *уькьр* «вол»; совр. чув. *vəgər* «бык» ← и.-е., ср.: авест. *ухьа-*, др.-инд. *uksā-*, тох. А *уькьдс*, тох. В *оксо* «бык», англ. *ox*, нем. *Ochse*, др.-в.-нем. *ohso* < и.-е. **ukso(n)* «бык») несомненно индоевропейского происхождения, раскрывает многие интересные стороны древнейшей этнолингвистической ситуации в центре Азии.

Историко-археологические материалы однозначно указывают, что скотоводческие традиции в древности в степной полосе Евразии распространялись с запада на восток. Становление кочевничества в центральноазиатском регионе происходило под влиянием ираноязычных скифо-сакско-усуньских племен на рубеже II–I тысячелетий до н.э.¹⁴ Надо полагать, что к этому времени интересующие нас названия быка, а также ряда других домашних животных были занесены скифо-сакскими племенами восточно-иранского круга в степи Восточной и Центральной Монголии (в ареал распространения так называемой «культуры херексуров») и, вероятно, многие из них уже успели проникнуть в прототюркский язык, ареал носителей которых мы склонны связывать с территорией культуры плиточных могил¹⁵.

Археологические исследования бронзового и раннего железного веков северной части Центральной Азии в пределах Монголии и Южного Забайкалья показали, что к эпохе поздней бронзы в этнокультурной ситуации на территории указанного региона произошли существенные изменения по сравнению с периодом раннего металла и к этому времени в степной и лесостепной зонах сформировались совершенно новые археологические культуры. В восточной части Монголии и Южном Забайкалье место селенгинско-даурской культуры заняла культура плиточных могил, а на территории монгольского варианта афанасьевской общности в Западной Монголии распространилась культура херексуров. Лишь в горно-таежных районах Хэнтэй-Чикойского нагорья сохранилась культура, получившая название хэнтэйской¹⁶.

В эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке образовались большие контактные зоны, где сосуществовали группы носителей культур плиточных могил и херексуров. Они простирались на многие сотни километров и охватывали огромные пространства. Согласно исследованиям археологов, это свидетельствует не об эпизодических проникновениях отдельных групп на соседние территории, а о крупномасштабных миграциях больших масс населения. В результате территориальные границы степных культур стали неустойчивы. Такие масштабные перемещения должны были иметь серьезные последствия¹⁷.

Антропологи давно пришли к выводу, что на востоке Монголии, в зоне распространения культуры плиточных могил, начиная по крайней мере с эпохи ранней бронзы обитали племена, принадлежащие к монголоидной расе, а на западе – европеоидной¹⁸. В.П. Алексеев на основе анализа краниологического материала пришел к выводу о распространении европеоидного населения в эпоху бронзы до центральных районов Монголии, включая все

западные регионы. Более того, В.П. Алексеев предполагает, что «в центральноазиатскую зону расселения представителей европеоидной расы можно будет включить и Внутреннюю Монголию»¹⁹ и что люди европеоидного облика могли существовать в центральных районах Монголии и до рубежа новой эры, и до IX в.²⁰

Установление действительных взаимоотношений между создателями и носителями древних археологических культур с современными этносами и этнолингвистическими общностями – задача архитрудная и почти неразрешимая однозначно, ибо археологические памятники дописьменной эпохи практически не содержат никаких свидетельств о языке их создателей. Тем не менее, опираясь на совокупность археологических и антропологических репрезентативных материалов, можно с достаточной степенью достоверности определить причастность данной археологической культуры к той или иной этнолингвистической общности.

Западная этнокультурная зона на территории Монголии, где в эпоху ранней бронзы распространяется культура херексуров, обнаруживает ближайшие аналогии в синхронных культурных комплексах не только Тувы, Алтая и Минусинской котловины, но и более удаленных западных и юго-западных областей. По мнению Н.Л. Членовой, культуры карасукского типа (к каковым относится и культура херексуров) восходят к культурам III–II тысячелетий до н.э. Ближнего и Среднего Востока (Двуречье, Иран), откуда и распространились в разные стороны, в том числе и на Восток через Афганистан и Синьцзян, откуда одна ветвь прошла на север (через Западную Монголию и Туву), достигнув Минусинской котловины, вторая ветвь – в Маньчжурию и Китай, где сыграла важную роль в формировании иньской и чжоуской культур²¹. По мнению Э.А. Новгородовой и некоторых других исследователей, карасукцы Западной Монголии и Южной Сибири обнаруживают ближайшее сходство со скотоводческими ираноязычными племенами, населявшими Восточный Туркестан, Афганистан, Памир и Среднюю Азию со II тысячелетия до н.э.²²

Аналогичный вывод был сделан антропологами, которые считают, что палеоантропологический материал из погребений доскифского времени на территории Западной Монголии и Западной Тувы «может быть включен в круг тех материалов, с помощью которых должна рассматриваться и решаться проблема происхождения памиро-ферганской расы»²³.

Есть серьезные основания считать создателей культуры херексуров носителями восточноиранских диалектов. Помимо их европеоидного антропологического облика, об этом свидетельствует весь комплекс специфических особенностей культуры херексуров, имеющий несомненно скифо-сакские истоки. В специальной литературе неоднократно отмечалась принадлежность создателей культуры херексуров к иранскому миру.

Создателей культуры плиточных могил, типичных монголоидов по своему антропологическому типу, специалисты обычно считают прямыми предками тюркских²⁴ или монгольских народов²⁵, но в последнее время монголоеды к этой гипотезе начали относиться скептически²⁶.

Однако более достоверной кажется генетическая связь монголов с создателями и носителями хэнтэйской культуры. Это предположение еще более усиливается, если учесть, что ареал, занятый таежными предками монголов до их продвижения в степи лишь в I тысячелетии н.э., занимал обширный горно-таежный регион в бассейне Амура от его верховий до среднего течения, включавший значительную часть Большого Хингана²⁷.

Итак, предположим, что носители культуры херексуров были восточными иранцами, культуры плиточных могил – прототюрками, а хэнтэйской культуры – протомонголами, и проверим эту гипотезу по совокупности доступных нам археологических, историко-культурологических, лингвистических и других материалов.

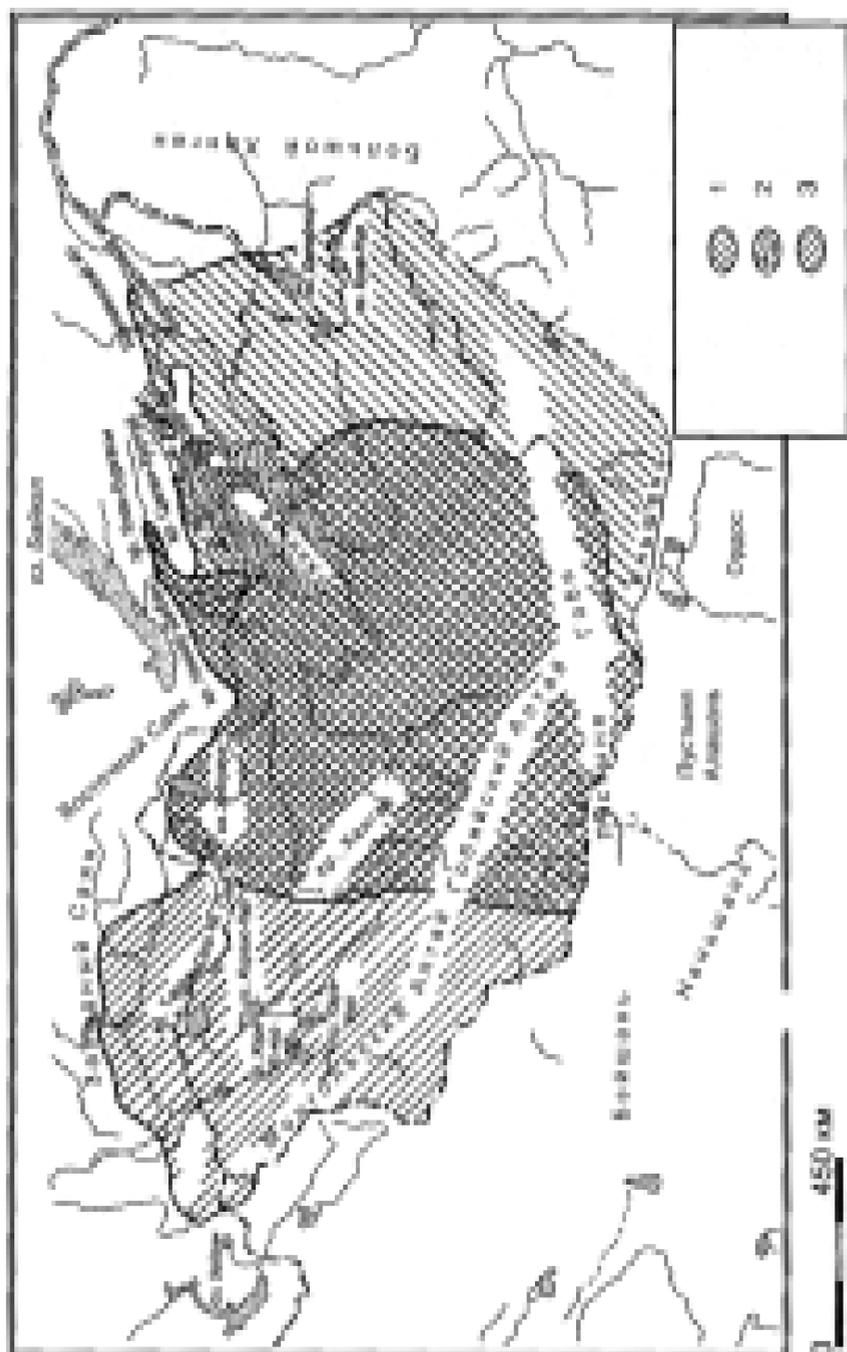
В эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке хозяйство носителей обеих степных культур – плиточных могил и херексуров – имело ярко выраженный скотоводческий характер. Поэтому жили они в одних и тех же ландшафтных зонах степей и лесостепей. Появление мигрантов со схожим типом хозяйственно-экономического уклада на территории автохтонного населения затрагивало его жизненно важные хозяйственные интересы.

Культурно-исторические процессы в Центральной Азии в эпоху бронзы были сопряжены с важными изменениями, происходившими в палеоэкономике степного населения, – сложением кочевого экстенсивного скотоводства, демографической ситуации – крупномасштабными миграциями больших масс населения в центральные районы Монголии с запада и в природно-климатической обстановке – общей аридизацией климата.

Аридизация климата в Центральной Азии, наступившая в конце II тысячелетия до н.э., в соответствии с таким фактором, как давление избытка населения на производительные силы в условиях производящего хозяйства, стала важной причиной миграции как носителей культуры плиточных могил, так и херексуров в поисках более благоприятных мест для обитания. При преимущественно кочевом скотоводческом хозяйстве были необходимы прежде всего хорошие пастбищные угодья, в результате чего и начались крупномасштабные встречные миграции носителей культур плиточных могил и херексуров по степям Монголии и Забайкалья.

В ходе крупномасштабных миграций носители культуры плиточных могил продвинулись на запад до Баян-Ульгэйского аймака в Западной Монголии, носители культур херексуров – на восток до Восточного аймака Монголии и Южной Бурятии. Таким образом, эти миграции носили встречный характер²⁹.

Крупномасштабные встречные миграции носителей культуры херексуров (восточных иранцев) и плиточных могил (прототюрков) по степным и лесостепным районам Монголии и Забайкалья неизбежно должны были привести к двусторонним контактам, смешению и взаимной ассимиляции двух разных этнических культур и языков. Археологи обычно датируют период массовых продвижений носителей культур плиточных могил и херексуров во встречных направлениях концом II – началом I тысячелетий до н.э., а более

**Культурные области Центральной Азии эпохи поздней бронзы и раннего железа:
 1 – культура плиточных могил, 2 – хэнтэйская, 3 – культура херекуров (По А.Д. Цыбиктарову²⁸).**

конкретно XI–IX вв. до н.э.³⁰

Со временем на обширной территории центральных районов Монголии устанавливаются отношения сосуществования между местным (носители культуры плиточных могил) и пришлым (носители культуры херексуров) населением, а затем начались и процессы этнического смешения групп, относящихся к разным антропологическим типам, а следовательно, и к разным языковым семьям.

Антропологи констатируют, что в конце бронзового века было положено начало формированию центральноазиатской разновидности расы континентальных монголоидов. Ведущим фактором этого процесса являлась метизация древней байкальской расы с европеоидами, которая сопровождалась постепенным уменьшением контрастности и формированием, «при явном преобладании монголоидного населения, смешанной по происхождению, но монголоидной по облику расы»³¹.

Однако культурно-историческая и этнолингвистическая ситуации в Центральной Азии в эпоху поздней бронзы и раннего железного века определялись не только носителями степных культур плиточных могил (прототюрками) и херексуров (восточными иранцами), но и таежным населением, оставившим хэнтэйскую культуру (протомонголами), во всяком случае, в южных районах Забайкалья и прилегающих областях Северной Монголии в пределах Хэнтэй-Чикойского нагорья³².

В природном отношении Забайкалье представляет собой контактную зону степей Центральной Азии и восточносибирской тайги. Поэтому по всей его территории степные и лесостепные пространства перемежаются с горно-таежными районами, вследствие чего степняки-скотоводы эпохи бронзы повсеместно жили по соседству с охотниками-рыболовами лесных горно-таежных районов – носителями хэнтэйской культуры, которые по своему жизненному укладу и особенностям материальной и духовной культуры представляли совершенно иной мир. Они составляли особую этнокультурную общность, ее представители жили не только на Хэнтэй-Чикойском нагорье, но и в глубинных районах Монголии, к примеру, в пределах таежной части горной системы Хангая³³. Надо полагать, в периоды аридизации климата степняки-скотоводы вторгались на исконные территории носителей хэнтэйской культуры и тем самым оттесняли их в горно-таежные регионы или же ассимилировали их в центральных и северных степных и лесостепных районах.

При сравнении культурных комплексов степного и таежного населения наряду с четко выраженными различиями прослеживаются и несомненно общие черты и «некоторая близость в материалах памятников степного и таежного населения Южного Забайкалья...»³⁴, что «объясняется, во-первых, общей древней подосновой, уходящей в неолитическую эпоху, а во-вторых, непрекращающимися культурными, хозяйственными и, вероятно, этническими связями»³⁵.

Весьма показательны в этом отношении неоднократно отмеченные

археологами факты заимствования хэнтэйцами некоторых культурных достижений носителей культуры плиточных могил. Исследователи чикойско-мензенских поселений отмечали появление бронзолитейного производства у лесного населения под влиянием степняков³⁶, а это находится в полном соответствии с тем фактом, что основная терминология, связанная с металлургией и металлообработкой в монгольских языках, имеет тюркское (вернее, прототюркское) происхождение.

В керамических коллекциях с памятников хэнтэйской культуры имеются фрагменты характерной для культуры плиточных могил гладкостенной керамики, украшенной валиками, и, что еще более показательно, триподов³⁷.

Хэнтэйцы получали от носителей культуры плиточных могил металл и изделия из него и, что весьма показательно, «время от времени домашних животных, кости которых изредка встречаются в позднебронзовых слоях поселений»³⁸. Вспомним, что животноводческая лексика в монгольских языках является тюркской (скорее – протобулгарской) по своему происхождению³⁹.

Уже эти приведенные данные свидетельствуют о прямых контактах степного и таежного населения, весьма мозаично заселявшего Южное Забайкалье в соответствии со спецификой ландшафтной ситуации. Четкого территориального разделения между регионами распространения культуры плиточных могил и хэнтэйской не существовало. По итогам исследований специалистов, «они сообразно направленности своей хозяйственной деятельности расселялись по территории края, постоянно перемежаясь друг с другом примерно так же, как это было в недавнем прошлом (в XIX – начале XX в.) в расселении бурят и эвенков в южных районах Забайкалья»⁴⁰.

Таким образом, культурные, хозяйственные и этнолингвистические контакты носителей культуры плиточных могил – степняков-скотоводов и хэнтэйской культуры – охотников-рыболовов таежной зоны обуславливались как социально-экономическими, так и природно-географическими факторами. Но контакты эти были односторонними: они прослеживаются только по материалам таежных поселений хэнтэйской культуры, в плиточных могилах такие свидетельства практически не обнаруживаются⁴¹.

Такое положение, опять-таки, находится в полном соответствии с лингвистическими данными: в монгольских языках выявлены сотни древнейших тюркских (протобулгарских) лексических заимствований, а в тюркских языках протомонгольские заимствования практически отсутствуют⁴².

По существующим ныне научным представлениям, этнические культуры Центральной Азии начинают проявляться лишь в позднем неолите. Накопленные исторической наукой факты свидетельствуют о том, что начиная по крайней мере с конца эпохи позднего неолита или начала эпохи ранней бронзы в степных и лесостепных районах Забайкалья и восточной Монголии, вплоть до Ордоса на юге, происходило становление и развитие прототюркских охотничье-рыболовецких племен, часть которых, очевидно, уже в это время

начала осваивать скотоводство. В последующем эти племена составили этническую основу носителей развитых скотоводческих культур бронзового и раннего железного веков – плиточных могил и исторических сюнну (хунну).

Выясняется, что культура плиточных могил начиная с конца II тысячелетия до н.э., а конкретнее – в пределах XII–IX вв. до н.э. – испытывала довольно мощное воздействие со стороны соседних цивилизаций, особенно западных и юго-западных, представляющих индоиранский (точнее – восточноиранский) этноязыковой мир.

Материалы археологических раскопок плиточных могил, херексуров, памятников горно-таежных районов Монголии и Южного Забайкалья и восстанавливаемые по ним события свидетельствуют о сложных исторических этнолингвокультурных процессах в Центральной Азии в конце бронзового и начале раннего железного века. В это время здесь взаимодействовали три основные этнолингвистические общности: индоиранская (восточноиранская), прототюркская и протомонгольская, представленные соответственно культурами херексуров и плиточных могил в степной и лесостепной зоне и хэнтэйской – в горно-таежных районах края. При этом, проживая в одной экологической нише, индоиранцы (восточные иранцы) и прототюрки взаимодействовали между собой весьма активно, что, в конечном итоге, привело к номадизации прототюрков. Об этом можно судить по целому ряду общетюркской животноводческой терминологии, имеющей индоевропейские истоки (ср.: пратюрк. **alalya* «лошадь, мерин»; **at* «лошадь»; **baran* «ягненок»; **buqa* «бык-производитель»; **buzayı* «теленок»; **euki* «коза»; **elgek* «осел»; **kdui* «коза»; **ykyz* «бык, вол»; **sariq* «овца»; **syt* «молоко»; **taj* «жеребенок»; **tāna* «теленок»; **tawar* «скот»; **tdkd* «козел, баран»; **toruy* «гнедой (только о масти лошади)»; **bjdn/*jygen* «узда» и др.⁴³

В обширных контактных зонах, образовавшихся в Центральной Монголии в результате крупномасштабных миграций носителей культуры херексуров с запада на восток и культуры плиточных могил с востока на запад, охвативших огромные пространства, простирающиеся на сотни километров, установились отношения сосуществования, а затем начались и процессы этнического смешения и языковой ассимиляции групп, относящихся к разным антропологическим типам и лингвистическим семьям, что хорошо прослеживается по археологическим и антропологическим материалам⁴⁴.

В результате в палеосибирском типе носителей культуры плиточных могил появляется европеоидная примесь. В эту эпоху было положено начало формированию центральноазиатской расы континентальных монголоидов, что подтверждается результатами антропологических исследований пяти черепов из плиточных могил Центральной Монголии (Увэр-Хангайский и Ара-Хангайский аймаки), характеризующихся особенностями центральноазиатской расы⁴⁵. Это является косвенным свидетельством происходивших здесь процессов языковых интерференций и ассимиляций.

В итоге перманентного процесса конвергенции двух разнотипных этнолингвистических популяций в контактной зоне сложились благоприятные

отношения для языковой ассимиляции. При достаточно интенсивных и длительных контактах двух языков неизбежно наступает период обоюдного или одностороннего двуязычия, причем последнее встречается наиболее часто (ср., например, широко распространенное татарско-чувакское или марийско-чувакское двуязычие в контактных зонах и, в то же время, очень незначительное развитие чувашско-татарского или чувашско-марийского двуязычия). Это связано с тем обстоятельством, что для общения между носителями двух разных языков вполне достаточно знания обоих языков хотя бы одним участником контакта. Длительное существование одностороннего двуязычия обычно приводит к полному вытеснению одного из языков общения в зоне постоянных контактов, в подтверждение чему можно привести немало фактов из недавней истории Чувашского Поволжья.

В конце бронзового и начале раннего железного века в контактных зонах центрального региона Монголии сложились все необходимые условия для развития иранско-тюркского (или тюркско-иранского) двуязычия, а также полной ассимиляции одного из этих языков другим. При двусторонних лингвистических контактах обычно выходит победителем язык наиболее многочисленного, или более продвинутого в культурном отношении, или добившегося политического господства народа. Какие реальные обстоятельства складывались в интересующие нас весьма отдаленные времена (три с лишним тысячи лет тому назад) – трудно судить. Но вся последующая история этноязыковой ситуации в аридной полосе Евразии показывает, что простиравшийся в свое время от Байкала до Дуная иранский язык в I тысячелетии н.э. почти повсеместно был вытеснен тюркским.

Причины этого уникального в своем роде явления не изучены, но нам кажется, что победе тюркского языка над иранскими в значительной мере способствовал его относительно простой и логичный агглютинативный строй (по сравнению, например, с флективными, агглютинативные языки усваиваются намного легче и быстрее).

Как бы то ни было, в любом случае есть достаточно веские основания предполагать, что в определенных зонах контактов ираноязычных носителей культуры херексуров и тюркоязычных носителей культуры плиточных могил в некоторых районах Центральной Монголии в конце бронзового и начале раннего железного века сложились достаточно благоприятные условия для ассимиляции некоторых восточноиранских диалектов пратюркскими. В результате наложения прототюркского диалекта на восточноиранский и полной ассимиляции последнего в некотором определенном регионе Центральной Монголии, очевидно, уже в период с XI по IX вв. до н.э., т.е. в эпоху наиболее активных контактов между носителями культуры плиточных могил, с одной стороны, и культурой херексуров, с другой, сложился новый самостоятельный диалект тюркского языка, который мы называем прото-булгарским или огурским. Одной из основных особенностей протобулгарского языка является так называемое явление ротацизма и ламбдацизма, которое, несмотря на многолетние усилия тюркологов и алтаистов, все еще не получило сколько-нибудь убедительного однозначного объяснения.

Относительно проблемы ротацизма А.М. Щербак отмечает: «Очевидно, мы имеем дело с собственно тюркским (т.е. внутритюркским. – *Н.Е.*) ротацизмом, главным образом с чувашским (точнее, с болгаро-чувашским. – *Н.Е.*), а также с некоторыми тюркскими (точнее, протобулгарскими. – *Н.Е.*) словами ротацирующего типа в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках»⁴⁶. Действительно, проблема ротацизма (как и параллельного с ним ламбдацизма) имеет собственно тюркский, точнее, протобулгарский (но не общеалтайский) характер.

Подобного рода кардинальные сдвиги в фонетической структуре языка, как переход праязыкового *z в r и *ʎ в l обычно происходит не спонтанно, а под воздействием внешних факторов – чаще всего при наложении одного языка на другой иносистемный. Поскольку болгаро-чувашско-монгольские корреляции ротацизма и ламбдацизма однозначно указывают на то, что процессы эти завершились уже в протобулгарскую эпоху, т.е. в бытность древних огузов в Центральной Азии, то логичнее всего связать их с проявлением артикуляционных особенностей того восточноиранского диалекта, который оказался в субстрате протобулгарского. Говоря иными словами, те восточные иранцы, которые волею судьбы сменили свой родной язык на тюркский, при освоении иноязычных слов встречающиеся в них звуки z и ʎ в определенных позициях произносили как r и l, т.е. в данном случае мы встречаемся с самым обыкновенным явлением, которое в лингвистической литературе принято называть акцентом.

Явление ротацизма и ламбдацизма развилось лишь в протобулгарском, который сформировался в контактной зоне в результате наложения стандартного прототюркского языка на восточноиранский субстрат, а оставшиеся на востоке Монголии носители культуры плиточных могил с ираноязычными носителями культуры херексуров в прямые и непосредственные контакты не вступали и сохранили праязыковые особенности в чистом виде.

Действительно, в восточных районах распространения культуры плиточных могил – в Восточном Забайкалье, Восточной Монголии и в восточной части Гоби херексуры отсутствуют, антропологический тип ее носителей не претерпел особых изменений⁴⁷.

Таким образом, последствия событий, происходивших в эпоху поздней бронзы и в начальный период раннего железного века в южнозабайкальских и монгольских степях, имели самое непосредственное отношение к формированию протобулгар.

Возвращаясь непосредственно к проблеме протобулгарско-монгольских контактов, следует отметить, что в эпоху бронзы и начала железного века контакты носителей культуры херексуров с таежным населением хэнтэйской культуры происходили, очевидно, эпизодически, по мере необходимости и глубоких последствий не имели. Антропологический тип таежного населения остался без особых изменений, что свидетельствует о редкости контактов с другими обитателями Южного Забайкалья и Северной Монголии. Протобулгарско-монгольские этнокультурные и языковые контакты, судя по целому

ряду историко-культурологических соображений, а также свидетельству лексических заимствований, происходили значительно позже.

К.А. Иностранцев считал монголов относительно молодым народом, появляющимся на исторической арене в XII–XIII вв. и заселившим территорию современной Монголии позднее тюрков⁴⁸.

По исследованиям В.С. Таскина, «... древние монгольские племена первоначально обитали в верхнем течении Амура и только позднее, а именно в первом веке н.э., появились в центральноазиатских степях... Сначала переселению монгольских племен на юг мешали тюркоязычные сюнну, господствовавшие в степных просторах, но с ослаблением сюнну продвижение монголов на юг стало приобретать все более широкие масштабы»⁴⁹.

«До начала X в., – пишет Л.Р. Кызласов, – всю территорию современных Монголии и Джунгарии, а также восточного Туркестана (ныне Синьцзян) заселяли тюркоязычные племена... Вторжение монголоязычных киданей в центральноазиатские степи, которое началось походом 924 г., привело к кардинальным изменениям на этнической карте Центральной Азии... Монголоязычные племена в древности – это обитатели лесов, занимавшиеся преимущественно рыболовством и охотой. Расселялись они в горно-таежной полосе между северо-восточной оконечностью Яблоневого хребта, по обеим сторонам Хингана и вплоть до северной оконечности Хэйлуңцзяна (в основном по рекам Шилке, Ингоде, Аргуни и бассейну Амура в его среднем и нижнем течении)»⁵⁰.

Инструментальные исследования артикуляторных навыков, собственных носителям современного монгольского языка, дали основание предположить, что монголы центральных аймаков МНР – тюрки по происхождению: артикуляционно-акустическая база современных халха-монголов представляет собой преобразованную не ранее XI в. артикуляционно-акустическую базу древних тюрков с тройным противопоставлением согласных звуков по степени мускульного напряжения речевого аппарата: сильные/слабые/сверхслабые⁵¹. Решение этого вопроса связано с изучением проблемы огуров, вернее – с выяснением взаимоотношений между огурами и огурами, с одной стороны, и между огурами и ойратами, с другой.

В последнее время появились достаточно веские основания для отождествления ухуаней китайских династических хроник с огурами, а сянби – с сабирами византийских исторических источников, но этот вопрос требует специального обоснования.

В целом же стоявшие за культурами плиточных могил, херексуров и хэнтэйской древние этнолингвокультурные общности разной расовой и языковой принадлежности определяли историческую, этнокультурную и лингвистическую ситуацию на обширных пространствах Центральной Азии от Байкала до Гоби и от Хингана до Монгольского и Российского Алтая в эпоху поздней бронзы и раннего железа. В это время в степях Монголии и Южного Забайкалья произошли существенные изменения в этнической и лингвистической ситуациях и зарождались новые этноязыковые образования.

Они имели принципиальный характер и кардинальным образом изменили культурно-историческую и этнолингвистическую ситуации в Центральной Азии.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие заключения:

1) в I тысячелетии до н.э. в степях Центральной Азии активно взаимодействовали по крайней мере три основные археологические культуры: херексуров (восточноиранская), плиточных могил (прототюркская) и хэнтэйская (протомонгольская);

2) не позднее середины I тысячелетия до н.э. в результате наслоения стандартного тюркского языка на восточноиранский субстрат на западной окраине ареала культуры плиточных могил сформировался новый тюркский язык болгаро-чувашского типа (протобулгарский, огурский) со специфическими признаками (ротацизм, лямбдацизм и др.);

3) начиная примерно с середины I тысячелетия до н.э. тюркский язык болгаро-чувашского типа (протобулгарский, огурский) начинает оказывать мощное воздействие на прамонгольский (в современных монгольских языках насчитывается более тысячи протобулгарских лексических заимствований); этот процесс особенно активизируется в сюннскую (хуннскую) эпоху; в эпоху возвышения монголов (на рубеже I–II тысячелетий н.э.) тюркизмы болгаро-чувашского типа начинают проникать в тунгусо-маньчжурские языки уже в монгольском фонетико-морфологическом облике;

4) после миграции основной массы протобулгар на Запад оставшаяся в Монголии часть огурского населения в X–XIII вв. вливается в состав монгольского народа (ойраты), что еще больше увеличивает долю протобулгарских заимствований в монгольском.

Таким образом, значительная материальная близость между тюркскими и монгольскими языками наиболее последовательно объясняется не праязыковым (алтайским) генетическим родством, а многовековыми интенсивными взаимосвязями, продолжающимися в контактных зонах вплоть до современности.

Л и т е р а т у р а

¹ Дёрфер Г. Базисная лексика и алтайская проблема // Вопросы языкознания. 1981. № 4. С. 43.

² Там же.

³ Clauson G. The earliest Turkish loan words in Mongolian // Central Asiatic Journal. Wiesbaden, 1959. Vol. IV. № 3; Clauson G. Turkish and Mongolian studies. London, 1961.

⁴ Рона-Таш А. Общее наследие или заимствования? (К проблеме общности алтайских языков) // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 31–42.

⁵ Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб.: ИЛИ РАН, 1997. С. 17–24, 190–198.

⁶ Григорьев А.П. Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник, 1977. М., 1981. С. 81–89.

⁷ Рона-Таш А. Алтайская теория и история среднемонгольских заимствований в чувашском языке // Чувашский язык: история и этимология. Чебоксары, 1987. С. 6–16. Рупа-

Tas A.: Az altaji nyelvrokonsbg vizsgblatbnak alapjai (A nyelvrokonsbg elmylete is a csuvas-mongol nyelvhiszony). Budapest, 1970. Kuzjpmongol eredetű jüvevenyszavak a csuvasban I – II // Nyelvhiszeti dolgzatok. Szeged, 1971–1972. С. 77–78; 1973–1974. С. 125–141. The Altaic theory the history of a middle Mongolian loan word in Chuvash // Researches in Altaic languages. Budapest, 1975. С. 201–211; The periodization and sources of Chuwash Linguistic history // Chuwash Studies. Budapest, 1982 (ВОН, 28). С. 66–134.

⁸ *Кузнецов И.Д.* О древних чувашско-китайских связях (В порядке постановки вопроса) // *Кузнецов И.Д.* Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960. С. 15–32.

⁹ *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963; *он же.* Происхождение чувашского народа: Основные этапы этнической истории. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965; *он же.* Происхождение чувашского народа / 3-е изд., перераб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003.

¹⁰ *Ramstedt G.J.* Studies in Korean Etymologi // *Mmoires de la Sociйtй Finno-Ougrienne.* Helsinki, 1949. Vol. 95.

¹¹ *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. Т. 1–2; *он же.* Этимологический словарь чувашского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2002.

¹² *Рона-Таш А.* Общее наследие или заимствования? (К проблеме общности алтайских языков). С. 45.

¹³ *Егоров Н.И., Егоров Э.Н.* Древнейшие индоевропейские (индоиранские и восточноиранские) лексические заимствования в пратюркском и проблемы ранних этапов этнолингвогенеза огуров (протобулгар) // *Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики.* 2000. № 3; 2001. № 1. С. 185–204; 2002. № 4. С. 140–154; *Егоров Н.И.* Древнейшие иранские языковые заимствования пратюркской эпохи в чувашском языке // *Урхи Наумё.* Чаваш чёлхеси Наум Андреевич Андреев 110 сул тултарнй май. Статьясен пуххи. Шупашкар: ЧПГАИ, 2002. С. 29–44.

¹⁴ *Марков Г.Е.* Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976. С. 15; *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников Центра Азии. М.: Наука, 1991. С. 283–293.

¹⁵ Об этих археологических культурах и взаимоотношениях между ними см.: *Цыбиктаров А.Д.* Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (Проблемы этнокультурной истории Монголии и Забайкалья середины II – первой половины I тыс. до н.э.) // *Археология, этнография и антропология Евразии.* Новосибирск, 2003. № 1. Там же литература вопроса.

¹⁶ *Новгородова Э.А.* Древняя Монголия. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1989.

¹⁷ *Цыбиктаров А.Д.* Указ. соч. С. 86.

¹⁸ *Мамонова Н.Н.* Древнее население Монголии по данным палеоантропологии // III Международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, 1979. Т. III. С. 207.

¹⁹ *Алексеев В.П.* Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955.

²⁰ *Алексеев В.П.* Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпоху неолита и бронзы // *Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока.* Новосибирск, 1961.

²¹ *Членова Н.Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. С. 12.

²² *Новгородова Э.А.* Ранний этап этногенеза народов Монголии (Конец III – I тыс. до н.э.) // *Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности.* М., 1981. С. 209–211; *Коновалов П.Б.* Древнейшие этнокультурные связи народов Центральной Азии // *Этнические и историко-культурные связи монгольских народов.* Улан-Удэ, 1983. С. 40.

²³ *Алексеев В.П.* Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии // *Бронзовый и железный век Сибири.* Новосибирск, 1974. С. 385.

²⁴ *Окладников А.П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Ч. III // *Материалы и исследования по археологии СССР.* М., 1955. № 43. Ч. III. С. 10; *он же.* Древнее население Сибири и его культура // *Народы Сибири.* М., Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 90–91; *Диков Н.Н.*

Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. С. 66–71; *Гумилев Л.Н.* Хунну: Средняя Азия в древние времена. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1960. С. 46–48; и др.

²⁵ *Коновалов П.Б.* Указ. соч. С. 41; *Новгородова Э.А.* Указ. соч. С. 211–212.

²⁶ *Нимаев Д.Д.* Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск: Наука, 1988. С. 40–49.

²⁷ *Кызласов Л.Р.* Ранние монголы // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975; *Кычанов Е.И.* Монголы в VI – первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980; *Нимаев Д.Д.* Указ. соч.

²⁸ *Цыбиктаров А.Д.* Указ. соч.

²⁹ *Там же.* С. 86–87.

³⁰ *Там же.* С. 90.

³¹ *Гохман И.И.* Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сб. МАЭ. Т. 36: Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л., 1980. С. 32–33; *Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д.* Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 237.

³² *Цыбиктаров А.Д.* Указ. соч. С. 93.

³³ *Там же.*

³⁴ *Там же.*

³⁵ *Он же.* Бурятия в древности. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. С. 73–76.

³⁶ *Он же.* Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа... С. 93.

³⁷ *Семина Л.В.* Керамика эпохи неолита и бронзы Юго-Западного Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск: Наука, 1985. С. 121–122; *она же.* Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. С. 12.

³⁸ *Цыбиктаров А.Д.* Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа... С. 94.

³⁹ *Щербак А.М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 82–172; *он же.* О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. М., 1966. № 3. С. 21–35; *Вайнштейн С.И.* Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго; сентябрь. 1973). Доклады советской делегации. М., 1973; *Рассадин В.И.* Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ, 1984.

⁴⁰ *Цыбиктаров А.Д.* Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа... С. 93.

⁴¹ *Там же.*

⁴² *Щербак А.М.* Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). С. 30–31.

⁴³ Подробнее см.: *Егоров Н.И., Егоров Э.Н.* Указ. соч.

⁴⁴ *Цыбиктаров А.Д.* Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа... С. 92, 94.

⁴⁵ *Тумэн Д.* Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 7–8, 15–16.

⁴⁶ *Щербак А.М.* Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). С. 47.

⁴⁷ *Тумэн Д.* Указ. соч. С. 7–8, 15–16.

⁴⁸ *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны. Л., 1926 (Труды тюркологического семинария Ленинградского института живых восточных языков. I). С. 93–94, 118.

⁴⁹ *Таскин В.С.* Китайские источники о древних тюркских и монгольских племенах // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. М., 1979. Ч. II. С. 450.

⁵⁰ *Кызласов Л.Р.* Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. С. 147–149.

⁵¹ *Селютин И.Я., Уртегешев Н.С., Рыжикова Т.Р.* Типы вокальных и консонантных систем в Западно-Сибирском регионе // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005. С. 9.

N. I. E g o r o v. Problems of chronotopological stratification of the Chuvash-Mongol lexical parallels and their historical interpretation.

In the article for the first time in the Chuvash linguistics there are covered the problems of the Proto-Bulgar and Mongol ethno-linguistic contacts that took place in steppes of Central (Inner, Middle) Asia in the first Millennium B.C. The author of the article connects prototurks with founders of tiled tomb culture, protomongols with founders of khentey culture and also considers that khereksur culture belongs to East-Iranian tribes of saksks-usun group. It is the author's opinion that separate chuvash-mongol language parallels, in particular rhotacism and lambdacism, prove that Turkic language of the Bulgar-Chuvash type has developed in East Mongolia not later than in the first Millenium B.C. The author considers that origin of the Proto-Bulgar language is caused by adstrat-substrat- superstrat mutual relations between East-Iranian languages and the standard Turkic language that stratified on it.

ЧГВ, 2006, № 1
© М.Г. Кондратьев

НИКОЛАЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ
АЛЕКСАНДРОВ

В истории культуры есть имена, по отношению к которым употребляется слово «первый». Это первопроходцы, совершившие в сфере своих занятий некие значительные шаги, которые до них никто не совершал, овладевшие искусством, которым никто не овладевал. Одним из таких личностей в истории современной музыкальной культуры чувашского народа должно быть названо имя Николая Александровича Александрова (1865–1896). Прожил он недолго, но успел войти в историю как первый чуваш, получивший музыкальное образование, автор и участник создания трудов, которыми пользовались поколения учеников, регентов. В силу неизученности истории образования и музыкальной культуры в Казанской губернии конца XIX столетия его имя ныне известно лишь немногим. Истинное значение деятельности Н.А. Александрова пока в полной мере никем не определялось, а собственно историки музыки не уделили ему отдельного внимания. Имя музыканта пока не попало даже в краеведческую летопись Мариинско-Посадского района Чувашии, его малой родины, впервые изданную в 1999 г.¹

Родился Николай Александров 6 декабря 1865 г. в д. Большое Яндуганово Чебоксарского уезда Казанской губернии [ныне Мариинско-Посадского района Чувашской Республики]. Начальное образование получил, видимо, в двухклассном начальном училище при Казанской учительской семинарии (И.Я. Яковлев называет его учеником работавшего там до 1881 г. А.В. Рекеева²). Несомненно, мальчик учился успешно и оказался хорошо подготовленным, ибо в 15 лет был принят в учительскую семинарию. Здесь Николай пробыл учеником четыре года (1880–1884). Способности юноши были замечены основателем и директором семинарии Н.И. Ильминским, о

Михаил Григорьевич Кондратьев – доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом искусствоведения Чувашского государственного института гуманитарных наук.

чем свидетельствует то, что по окончании курса Александров был оставлен в ней преподавателем. При семинарии действовало четыре начальных национальных школы: мордовская, вотская (удмуртская), черемисская (марийская) и чувашская; последней Николай Александров заведовал с 1884 г. Кроме того, уже в годы обучения выявилась его незаурядная музыкальная одаренность. Николай специализировался на хоровом пении и игре на скрипке, обучаясь в семинарии под руководством выдающегося дирижера-хоровика, музыковеда и скрипача С.В. Смоленского. Степан Васильевич доверил молодому чувашскому учителю воспитание слуха (преподавание сольфеджио) семинаристов в 1886 г. А с отъездом Смоленского в Москву (1889) Александров становится одним из непосредственных его преемников. Отныне в Казанской семинарии преподавание музыки велось, согласно отчетам того времени, Н.А. Александровым и Н.И. Суворовым, «из которых более всего преуспел первый»³. Чувашского учителя пригласили также преподавать в казанском Родионовском институте благородных девиц (скорее всего, по рекомендации Смоленского). Как превосходного специалиста-музыканта его знали и за пределами Казанской губернии – в Симбирске. Так, организуя временные педагогические курсы для учителей чувашских школ Ядринского уезда Казанской губернии, Иван Яковлевич Яковлев пишет попечителю учебного округа: «Для теоретических занятий церковным пением и обучения скрипичной игре я предполагал бы пригласить учителя начального чувашского училища при Казанской учительской семинарии Александрова, для ведения голосовых упражнений и спевков учителя пения Симбирской чувашской учительской школы Васильева»⁴. Видно, что казанского учителя Яковлев аттестует как знатока теории музыки и скрипача. Александров участвовал в работе этих курсов с 20 июля по 6 августа 1891 г.

Наиболее значительный вклад в культуру, внесенный Николаем Александровым – создание партитур «Хоровых церковных песнопений на чувашском языке». Эта работа была частью крупнейшего образовательного проекта Н.И. Ильминского: по его убеждению, в приобщении народов Поволжья к православной культуре пение было «влиятельнее и сильнее чтения»⁵. Один из выдающихся музыкантов Казани С.В. Смоленский вспоминал: «...Я работал вместе с ним [Ильминским], исполнив его приказ составить партитуры обиходов для каждого из инородческих племен. Работа эта заняла у меня много лет»⁶. Каждый национальный обиход создавался силами назначенных и руководимых им учителей из татар, марийцев, чувашей. Александров был привлечен к этой работе еще во время учебы. Уже в 1883 г. Смоленский докладывает Ильминскому, что партитуры на татарском языке готовы. «Такое же полное собрание всего готового материала на чувашском языке, – сообщает он, – есть в рукописи у воспитанника II класса Казанской учительской семинарии Николая Александрова, содержащей в себе пения из всенощного бдения, ... пения из литургии...»⁷.

От авторов «инородческих» партитур требовались музыкально-творческий дар, языковое чутье и серьезные познания в теории музыки, а

также в синтаксисе и просодии языков. Разумеется, они были и практиками-регентами, хорошо знали песнопения обихода, которые нужно было адаптировать для пения на языках, еще не имевших сколько-нибудь развитых письменно-литературных традиций (это касалось всех «инородческих» языков Поволжья, в том числе и татарского, поскольку Ильминский убедился в необходимости опираться на народный, а не арабизированный книжный язык исламской литературы). Технология работы подробно описана самим Смоленским: «Первоначально сравнивалось количество слов в той и другой редакции и затем самым тщательным образом исследовалось сравнительное расположение предложений и слов в предложениях. Затруднения, встречающиеся при этом сравнении, заключались главным образом в том, что основная мысль молитвы, поставленная в русском тексте в начале, или в конце, или, наконец, в середине, не приходилась в соответствующем месте в переводе татарском. Другое затруднение состояло в том, что иногда одно слово нашего текста требовало в татарском переводе употребления многих слов, часто даже целого предложения, и наоборот; ввиду законов музыкального ритма и заключительного каданса немало затруднений встречалось также и с ударениями в словах. При этом было принято за безусловное правило сохранить самым точным образом церковный напев – ритм и число периодов. Последнее обстоятельство (периоды) было особенно затруднительно... Опыт поверялся исполнением с фортепиано и затем отдельно хором мальчиков-учеников из татар. Последние иногда делали свои замечания, совершенно инстинктивно, вроде того, что «здесь неладно»; удивительнее всего то, что впоследствии, уже хорошо вслушавшись в переложение, приходилось убеждаться в безусловной верности этих замечаний...»⁸.

Изучая историю появления этих партитур, автор книги «Музыкальные культуры Среднего Поволжья: Становление профессионализма» А.Л. Маклыгин называет творчество С.В. Смоленского «новым видом музыкальной деятельности» в профессиональном искусстве, а самого Смоленского — «главным музыкальным переводчиком». Таким образом, его помощники-учителя (среди них один из первых Александров) – просто «музыкальные переводчики». «Этот труд Смоленского, напомним, – пишет Маклыгин, – в отчетах Переводческой комиссии официально значился весьма respectfully – “сочинение партитур”⁹». В изданиях песнопений обихода не было принято указывать имена лиц, обеспечивших тот или иной национальный вариант партитур (мы их знаем только из служебных отчетов Переводческой комиссии, а также из воспоминаний С.В. Смоленского и И.Я. Яковлева). Пытаясь точнее определить характер деятельности «музыкального переводчика», А.Л. Маклыгин указывает, что она находится «типологически между редактированием нотных текстов и «сочинением» музыки. <...> Исторически параллельной, но по сути далекой можно считать практику издания оперных клавиров с переводными текстами... Гораздо ближе по сути, но исторически отдаленнее к описываемой форме творческого труда... переводческая практика в древнерусской музыке, когда осуществлялась подтекстовка заим-

ствованных [византийских] песнопений»¹⁰. Однако, как бы ни называлась эта деятельность, ясно, что доступна она только настоящим специалистам. Святейший Синод, контролировавший работу музыкантов и в конце концов разрешивший публикации, строго следил за соблюдением канонов богослужения.

Александров в совершенстве овладел материалом церковного обихода и техникой переложений с переводом. И.Я. Яковлев, организовавший подобные переложения у себя в Симбирской школе, еще до появления изданий считал нужным познакомиться с опытом Александрова. В письме Ильминскому 17 августа 1886 г. он писал: «...Хорошо было бы, если бы Николай Александров приехал к нам в школу с своими переложениями для совместного просмотра и пожил бы у нас недели с две»¹¹. После же выхода в свет первого издания «Хоровых церковных песнопений на чувашском языке» Иван Яковлевич всячески содействует его распространению, он просит Ильминского прислать в Симбирск «еще 30 экземпляров чувашской партитуры». Полученные 50 экземпляров издания им были розданы «приезжим учителям»¹².

В отчетах Переводческой комиссии Православного миссионерского общества в Казани отмечалось, что «спрос на эти книги чрезвычайно велик»¹³. «Хоровые церковные песнопения на чувашском языке», изданные в первый раз литографическим способом тиражом 300 экземпляров (1887), в дальнейшем выходили в наборе десятикратно большими тиражами – по 3000 экземпляров (в 1893–1894, 1898–1900, 1904, 1910 гг.). Переиздание 1910 г. представляет собой том в 169 страниц, включающий партитуры Литургии, молебного пения, венчания и панихиды (I раздел), Всенощного бдения (II раздел) и Пений великопостных и пасхальных (III раздел). Последний раздел «Добавление» включает в себя сочинения современных композиторов¹⁴. Всего в пяти изданиях вышло не менее десяти тысяч экземпляров этих партитур (данные о тиражах известны не во всех случаях).

Вскоре Николай Александров уже самостоятельно выполнил и поручение совета Родионовского института благородных девиц составить курс, который содержал бы весь круг церковных песнопений, был бы переложен на 4 женских голоса применительно к голосовым силам женского учебного заведения. Задача была значительно легче, поскольку здесь не требовалось перевода. «Пособие, одобренное Св. Синодом, вышло в Казани в 1890 г. в виде хоровых партитур в количестве 1200 экземпляров», – пишет историк музыкального образования¹⁵.

Творческая натура вела Николая Александрова к расширению круга деятельности. Он одним из первых записывал на ноты мелодии чувашских народных песен. Его рукописный сборник экспонировался на Казанской научно-промышленной выставке в 1890 г. На стендах были выставлены и сборники русских народных песен, составленные знаменитыми музыкантами Н.А. Римским-Корсаковым, Ю.Н. Мельгуновым, Н.Е. Пальчиковым¹⁶. Внимательное изучение рукописи чувашского учителя подтверждает тонкость его му-

зыкального слуха и технические навыки, позволяющие точно записать оригинальную мелодию, не укладывающуюся в обычные тактовые деления. Примером может служить свадебная песня, распространенная, согласно примечанию, в Цивильском и Чебоксарском уездах Казанской губернии. В этих местах ее поют и в XXI веке. Нотация XIX столетия практически полностью совпадает с современной записью из Мариинско-Посадского района Чувашии:

а) Свадебная песня в записи Н.А. Александрова.

The image shows a musical score for a wedding song, consisting of four staves of music. The notation is in a single system with four staves, all using a treble clef. The melody is written on the top staff, and the accompaniment is written on the three lower staves. The music is in a simple, folk-like style with a clear rhythmic pattern.

б) Ее же вариант в современной записи. Песни средненизовых чувашей (Чебоксары, 1993). № 118. с. Бичурино Мариинско-Посадского района.

The image shows a modern musical score for the same wedding song. It consists of six staves of music. The tempo is marked as $\text{♩} = 200$. The score includes lyrics in Chuvash and Russian. The Chuvash lyrics are: "Ар - ча ук - си - вал - ла пус, ар - ча ук - си - вал - ла пус, Ал - ла пу - са па - ма - сан, ар - ча пар - са я - мвст - пяр, а я я на я я, ар - ча пар - са я - мвст - пяр." The Russian lyrics are: "Ар - ча ук - си - вал - ла пус, ар - ча ук - си - вал - ла пус, Ал - ла пу - са па - ма - сан, ар - ча пар - са я - мвст - пяр, а я я на я я, ар - ча пар - са я - мвст - пяр." The score includes various musical notations such as clefs, time signatures, and notes.

Как к специалисту по чувашскому языку и фольклору, способному помочь при подготовке к изданию чувашских текстов, к Н.А. Александрову обращался и В.К. Магницкий – историк и этнолог, сам превосходный знаток

чувашиской народной культуры. В Предисловии к переизданию очерка автора XVIII в. Магницкий написал: «Чувашиские фразы и отдельные слова с дословным переводом их на русский язык, по нашей просьбе, вписаны в подстрочных примечаниях учителем Чувашиской пригготовительной школы при Казанской учительской семинарии, чувашином Сотниковского прихода Чебоксарского уезда Казанской губ[ернии] Н.А. Александровым, которому и приносим искреннюю благодарность»¹⁷.

Успешные опыты музыкально-«переводческой», фольклористической работы, общение с выдающимися представителями казанской научной и творческой интеллигенции подтолкнули молодого чувашиского учителя к выступлению и на литературном поприще. Так, на страницах газеты «Волжский вестник» появился его рассказ «Качи сювы (Чувашиская легенда)». Опубликован он был в 1894 г., 6 декабря. Случайно или нет – день литературного дебюта Николая Александрова совпал с днем его рождения...

Прожил начинающий литератор после этого немногим более года. К сожалению, неизвестны ни его дальнейшие планы, ни причины столь ранней смерти. Но он успел состояться и был признан как «музыкальный переводчик» и регент – из чувашией, первым поднявшийся до уровня профессионала в своем деле, фольклорист, литератор, учитель, один из талантливейших выходцев из чувашиского народа.

Источники и литература

¹ Мариинско-Посадская сторона — новь и старина: Летопись района. Чебоксары: Чуваши. кн. изд-во, 1999. 150 с.

² Яковлев И. Я. Моя жизнь: Воспоминания. М.: Республика, 1997. С. 364.

³ Маклыгин А.Л. Музыкальные культуры Среднего Поволжья: Становление профессионализма. Казань, 2000. С. 90.

⁴ Яковлев И.Я. С думой о народном просвещении: Из переписки. Чебоксары, 1998. Ч. 2. С. 123.

⁵ Письма Николая Ивановича Ильминского. Казань, 1895 [на обл. 1898]. С. 115.

⁶ Смоленский С.В. Воспоминания: Казань, Москва, Петербург / Госуд. ЦММК им. М.И. Глинки. Подг. текста, вст. ст., коммент. Н.И. Кабановой; науч. ред. М.П. Рахманова. М.: Языки славянской культуры, 2002. 688 с. (Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. IV.) С. 179.

⁷ Там же. С. 527.

⁸ Там же. С. 526.

⁹ Маклыгин А.Л. Указ. соч. С. 100. Добавим, что из тех отчетов в XX в. определение «сочинение» перешло в труды историков культуры, не знакомых с тонкостями труда музыкантов, что стало причиной некоторых недоразумений.

¹⁰ Там же.

¹¹ Яковлев И.Я. Письма. Чебоксары: Чуваши. кн. изд-во, 1985. С. 120.

¹² Там же. С. 122.

¹³ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани. С 1 октября 1897 года по 4 октября 1898 года. Казань, 1898. С. 10.

¹⁴ См.: Хоровые церковные песнопения на чувашиском языке. Вып. I, II, III. Литургия, молебное пение, венчания и панихида. Всенощное бдение. Песнопения великопостные и пасхальные. Казань: Типолитография Имп. ун-та, 1910 [на титуле 1909].

¹⁵ *Булгаков В.Д.* Хоровое пение в начальных и средних учебных заведениях Казани в конце XIX – начале XX столетия // Из истории музыкальной культуры и образования в Казани. Казань, 1993. С. 33–34.

¹⁶ *Иванов-Ехвет А.И.* Музы ищут приют: К истории дореволюционных русско-чувашских культурных взаимосвязей: Музыка. Театр. Чебоксары, 1987. С. 96.

¹⁷ О чувашах. Этнографический очерк неизвестного автора XVIII столетия. С предисловием В.К. Магницкого. Казань, 1888.

M. G. Kondratyev. Nikolay Aleksandrovich Aleksandrov (1865–1896).

In present article for the first time there are ascertained forms and scope of musical activities of Nikolay Aleksandrovich Aleksandrov (1865-1896), a known representative of the galaxy of Chuvash teachers of a last third of XIX century and a pupil of S.V. Smolenskiy. The collected data and analysis of the level of his musical qualification allow us to name N.A. Aleksandrov the first professional among Chuvash musicians.

ЧГВ, 2006 г., № 1

© Л.Н. Гумилев, Т.А. Крюкова,
М.Ф. Хван

КИТАЙСКИЕ ПИСЬМЕНА
НА ЧУВАШСКОЙ РУБАХЕ

Изучение одежды, как одного из элементов материальной культуры народа, представляет значительный интерес для исследователя. Анализ отдельных этнографических памятников может быть плодотворным, принимая во внимание принадлежность одежды к числу устойчивых этнических признаков. При внимательном рассмотрении и сопоставлении отдельных ее частей и форм можно обнаружить нередко интересные детали, указывающие на древние исторические связи, этнические особенности и культурное взаимодействие племен и народов.

В этом отношении богатый материал содержит орнаментация народной одежды. В формах, композиционных приемах и архитектонике орнамента сохраняются следы былых исторических связей, консервируется и застывает этническая специфика отдельных народов. Богатая орнаментация чувашской вышитой одежды, в особенности женской, дает ценный материал для исследования в этом плане. При изучении чувашской вышивки отдельные авторы, отмечая ее красочность и художественные достоинства, указывают на то, что эстетическая сторона искусства вышивки сосуществует с рядом других ее особенностей, выходящих за рамки чистой декоративности.

Вещевые памятники чувашской одежды являются интересными и плодотворными для историко-этнографических исследований. Так, тщательная фиксация закономерностей в локализации вышивки на отдельных предметах дает исследователю материал для изучения пережитков древней идеологии чувашей, позволяет нередко прочесть своеобразные символические знаки, отмечающие отличия пола, возраста, семейного положения носителя.

Лев Николаевич Гумилев (1912–1992) – доктор исторических наук, доктор географических наук.

Татьяна Александровна Крюкова (1905–1978) – кандидат исторических наук.

Михаил Федорович Хван (1904–1978) – лингвист-синолог, специалист в области китайской филологии.

Путем сопоставления отдельных элементов чувашской бытовой вышивки с орнаментом других народов может производиться проверка этногенетических^{1*} проблем и гипотез. Такая проверка исторических связей материалами этнографии, в частности, сопоставлениями элементов материальной культуры разных народов, имеет право на существование. Однако в каждом конкретном случае этнографические источники должны быть тщательно проверены и подкреплены данными других, смежных наук, оперирующих материалом более ранних исторических периодов (археологии, истории, лингвистики).

Предлагаемый очерк является попыткой дать анализ одного из вещевых памятников – чувашской рубахи XVIII в. – на основании данных этнографии, лингвистики и истории и представляет собой коллективное исследование трех авторов.

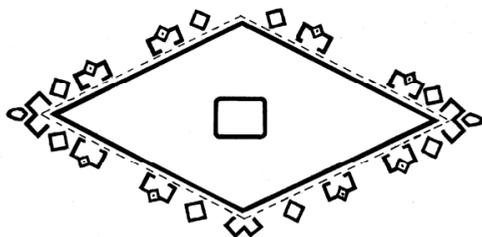
Упомянутая рубаха находится в коллекциях по чувашам Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде [Санкт-Петербурге] и числится за № 94–I. Коллекционная опись содержит в себе весьма краткие сведения о ней, а именно: «Женская свадебная рубаха». Данные о месте бытования и приобретения отсутствуют. На основании сравнительного изучения удалось установить, что данный экземпляр одежды, наряду с несколькими другими рубахами из коллекций Краеведческого музея Чувашской АССР и Государственного музея Татарской АССР, относится к числу наиболее архаичных этнографических предметов по чувашам. Все эти памятники могут быть датированы XVIII в., а по своей архитектонике, композиции и технике вышивки они (как более ранние) стоят несколько особняком среди чувашской женской плечевой одежды более поздней датировки. Особенностью их является богатая орнаментация верхней части рубахи: на груди, плечах, спине; весьма мелкая вышивка, составляющая сложные орнаментальные фигуры, исполненная темно-красным окрашенным мореной шелком, располагается между нашивками. Нашивки эти (красного или темно-зеленого цвета^{2*}) являются неким скелетом вышивки, подчеркивающим ее архитектуру. Вышивка располагается внутри этих геометрических фигур. Употребление такого рода шелковой домотканой тесьмы для орнаментации предметов чувашской одежды является характерным для наиболее ранних дошедших до нас этнографических памятников. Рубаха из коллекций Государственного музея этнографии народов СССР (см. рис. 1 и 2) является свадебной, как мы уже упоминали. Это также представляет значительный интерес, поскольку в коллекциях музеев свадебной (специальной) рубахи невесты больше не имеется; не отражена специфика чувашской свадебной одежды и в литературе. Однако на основании сопоставлений орнамента рубахи с орнаментом других свадебных предметов – свадебных подушек, свадебных платков и т. п. – мы можем судить об этой специфике. Сходство вышивки рубахи – в отношении архитектоники, техники, композиции – с образцами орнаментированных свадебных предметов говорит не только о древности этой вышивки, но и о специфических особенностях

свадебных предметов. Даже расположение вышивки на рубахе углом (сзади – на спине и спереди – на груди) невольно заставляет провести аналогию с обычаем завязывания свадебного платка на шее в виде воротника, с треугольником на спине. В этнографической литературе имеется публикация данного памятника. Рубаха, с соответствующей иллюстрацией, описана в монографии об изобразительном искусстве чувашей¹. Однако в задачи авторов этой работы не входил анализ памятника и интерпретация его в историческом плане. Это является целью настоящего исследования.

Чувашская вышивка на свадебном наряде невесты XVIII в. представляет интерес не только для узкого круга этнографов-специалистов, но и для китаистов. Прежде всего, обращает внимание исследователя орнамент вышивки своей оригинальной композицией с загадочными рисунками, напоминающими древнекитайские иероглифы.

Основной орнамент свадебной рубахи по своей конфигурации имеет ромбовидную форму женского платка, узоры которого нашиты шелковой тесьмой красного цвета и прострочены зеленой ниткой. Вокруг этого большого ромба расположен бордюр, вышитый шелковыми нитками двух цветов – красного и зеленого. Бордюр напоминает цепь, увешанную амулетами².

Развернутый контур вышивки

Так получаются два треугольника – спереди и сзади, причем узоры на груди и на спине резко отличаются друг от друга. Здесь нет ритмического повтора одного и того же мотива, характерного для обычного декоративного орнамента, а есть определенные символически значимые рисунки. Если развернем ромб и уберем контурные линии окаймления, то мы увидим три рисунка, симметрично расположенных на груди, на плечах и на спине.

Общая композиция вышивки:

Рассмотрим каждый рисунок в отдельности.

На груди имеется рисунок:

На плечах – рисунок:

На спине – рисунок:

Все эти рисунки похожи на стилизованные древнекитайские иероглифы и помимо функции чисто декоративных элементов, очевидно, выполняли роль магических символов. Эти рисунки передавались из поколения в поколение как образцы декоративных узоров для свадебного наряда новобрачной. По-видимому, ко времени изготовления были давно забыты первоначальные значения этих символов, но все та же древняя вышивка представлялась чувашским девушкам неотъемлемой частью свадебного обряда^{4*}.

Эти символические рисунки по начертанию и по значению очень близки к древнейшим иероглифам – пиктограммам Иньской эпохи³.

В те времена еще употреблялись архаические варианты пиктограмм в своей девственной первобытности и еще не успели стать достоянием ученых⁴.

Приступая к анализу этих символов, прежде всего, мы разберем рисунки в нагрудной вышивке.

Символический знак – составной. Верхний знак изображает лук со стрелой, а нижний – ромб с чертой несколько напоминает иероглиф **中** ЧЖУН – центр, середина.

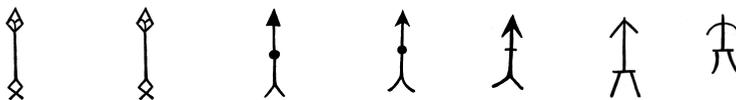
Изображение лука и стрелы встречается в древнекитайских памятниках Иньской и ранней Чжоуской династии⁵. Эти знаки в различных вариантах имеются в словаре «ШОВЭНЬ»⁶.

Сначала проанализируем каждый знак в отдельности.

Иероглиф ГУН – лук; дугообразный, изогнутый, как ключ, символизирует силу, мощь. Из древних вариантов известны такие:

Иероглиф 矢 ШИ – стрела, имел много архаических вариантов⁷:

В биномиальном сочетании (из 2-х знаков) 弓矢 ГУНШИ означает: лук и стрелы, они в древности жаловались юношам как атрибуты звания воина и как право на участие в походе (в войне).

Есть составной иероглиф 引 – ИНЬ натягивать лук, тянуть, тащить; вовлекать, вести.

Изображение лука со стрелой в виде синтетического знака (часто с рукой) встречается в надписях древних памятников⁸.

Позже выделился сложносоставной иероглиф в 2-х вариантах: со стрелой 𠄎 (身矢) и с рукой 𠄎 (身射). ШЭ – стрельба, стрелять.

Стрела фигурирует в иероглифе 夷. И – название древнего племени варваров, появившихся еще в до-Иньскую эпоху. Этот иероглиф зафиксирован в архаических вариантах⁹:

По мнению китайских ученых – это изображение обвязанной стрелы, т.е. возвратной стрелы со шнуром, применявшейся на охоте варварами «И». Некоторые же синологи усматривают здесь изображение лука со стрелой, а иные – человека, вооруженного луком¹⁰. Для нашей темы это несущественно. Важно то, что варвары знали, как их обозначали цивилизованные шанцы. Они перенимали у шанцев именно те знаки, которые импонировали их духу и кочевому быту, и начертания которых ими легко усваивались. К ним относились знаки, изображавшие разного рода оружие, утварь и т.п.^{5*}

Эти знаки употреблялись в сношениях с врагами и союзниками (при заключении договоров), а у себя – для культмагических, информационных и других целей.

Знак с изображением лука и стрелы обозначал также воина и мужчину вообще. Так, в нагрудной вышивке знак 𠄎 выражал символику мужского

пола. Это значение подтверждается и этнографическими данными некоторых народов Азии и Поволжья¹¹. В биномиальном сочетании и второй знак требует дешифровки.

Если это иероглиф ЧЖУН – центр, середина, то получится слово: ШЭЧЖУН – попасть в цель (центр мишени). Однако здесь возможны и другие значения¹².

Если же первый знак – символ мужского пола, то вероятнее всего второй знак выражает символику женского пола. И, действительно, знак имеет поразительное сходство с древними вариантами иероглифа НЮЙ – женщина, девица; дочь.

Стрела, помимо атрибутивного значения оружия воина, присущего мужчине, очевидно, связана с фаллической символикой. Любопытно, что в корейском фольклоре слово КАЧЖУГЧИМ «кожаный укол» (буквально – «кожаная игла») обозначает penis. Выражение: «принять кожаный укол» значит иметь связь с мужчиной (любовником).

Лук и стрелы фигурируют также в свадебных обрядах у монголов и бурят. Интересные свидетельства имеются в статье К.В. Вяткиной «Монголы Монгольской Народной Республики» («Восточно-Азиатский этнографический сборник». М.–Л., 1960). Она пишет: У халха-монголов «жених едет к невесте, вооруженный луком и стрелами, в сопровождении четырех мужчин-родственников» (с. 209). «Перед тем как забрать невесту, жених должен выстрелить из лука и сказать иорол» (с. 209). В подавляющем большинстве свадебных обрядов лук и стрела выступают как символы заключения брака, оформления отцовского права.

При выполнении свадебных обрядов жених приезжает в дом невесты обязательно вооруженный луком и стрелой. Во многих обрядах он характеризуется как мужчина «люся и марала без промаха стреляющий» (баиты) или «пеструю косулю (горось) без промаха добывающий» (барга). При приближении невесты к дому жениха последний выходит к ней навстречу со стрелой или же из юрты жениха ей высылают навстречу стрелу (баиты). Стреле часто говорят специальные благопожелания.

У бурят ранее стрелохранилище (*хэгэнык*) являлось необходимой принадлежностью свадебных обрядов. Его должна была обязательно

привозить невеста с собой. В него вкладывали стрелы и везли вместе с приданым в дом жениха. Когда свадебный поезд приезжал к жениху, то главный распорядитель (*ухтомжи*) первый входил в юрту жениха, вносил *хэгэнык* и произносил такого рода благопожелание: «Полный стрел *хэгэнык* привезли, полный подол детей принесли». *Хэгэнык* вместе со стрелами [ставился]^{6*} в изголовье кровати новобрачных. В дальнейшем вместо *хэгэнык* во время свадьбы перед невестой несли одну стрелу (*утхэ*). Слово *утхэ* обозначает род, корень, происхождение. Известный бурятский собиратель старины Хангалов отмечает, «что у унгинских бурят, если жениха на свадьбе не было и свадьбу приходилось справлять без него, что у бурят иногда случалось, то невеста, идя под шалью, в правой руке держала стрелу, которая заменяла жениха» (с. 229).

Таким образом, у монголов и бурят стрела имеет двойственное значение: 1) как оружие, атрибут мужчины-воина и охотника; 2) фаллическое значение. В противоположность этому, у бурят «даллага» и «хэгэнык» символизируют женское начало какместилище стрел («подол детей»), чрево (матери). Эти варианты, по-видимому, были известны и варварам Иньской эпохи¹³. Таким образом, можно предполагать, что в нагрудной вышивке свадебной рубахи, переданной по традиции чувашам их предками, рисунок

 выражает символику пола: – мужчина, муж; юноша, жених, возлюбленный; – женщина, жена, девушка, невеста, любимая¹⁴.

Теперь перейдем к разбору остальных рисунков вышивки. На плечах повторяется тот же знак мужской символики – лук со стрелой, что и на груди. Однако между ними есть чуть заметная разница. На груди стрела вставлена в тетиву лука и готова к выстрелу, тогда как на плечах она просто лежит на луке, но направлена на центр большого ромба (на шею невесты): . Эта незначительная разница, как мы увидим дальше, будет иметь значение при дешифровке текста. Остается разгадать последний знак на спине , несколько напоминающий иероглиф ШАНЬ – гора¹⁵.

Чтобы точнее выяснить символику этого знака, необходимо привлечь к анализу узоры бордюра^{7*}, окружающего большой ромб главной вышивки в виде ожерелья. Здесь имеются три основных узора наподобие амулетов:

- 1) на груди и на спине по 4 узора,
- 2) на груди только один и на каждом плече по одному узору,
- 3) на груди, на спине и на плечах, всюду по две розетки.

Узор несколько напоминает иероглиф ЦЮЙ – яма,местище, пропасть, а также похож на ВА, (ЯО) – впадина, падь; впальный, вогнутый (в противоположность иероглифу-антониму бугор, насыпь, кочка; выпуклый, выдаваться, выпячиваться). Оба иероглифа и выражает символику женского начала.

Узор передает^{8*} пластический образ женских грудей и выражает семантику материнства. Этот знак соответствует иероглифу МУ – мать¹⁶. На спине этого узора нет. Видно, нельзя изображать женские груди на спине^{9*}.

Узор в виде звездообразной розетки, по-видимому, изображает тоже женскую грудь^{10*}, т.е. дополняет символику женского пола¹⁷. Ромбовидные розетки соответствуют выше женскому символу . Таким образом, все эти декоративные элементы бордюра дополняют главный ромб, как бы комментируют «текст» вышивки, более того общий контур – ромб, сам по себе уже выражает символику женского пола .

Теперь обратимся к неизвестному символу на спине рубахи . Если с этого знака мы снимаем среднюю черту, то обнаружим сходство знака с узорами и . Все три знака в одинаковой степени выражают символику женского пола, а снятая нами черта , как тот же знак стрелы – символику мужского пола.

Здесь мы имеем сплетение двух знаков, т.е. слияние обоих символов – мужского пола с женским , смысл которого станет ясным при анализе иероглифа – прототипа, послужившего образцом для данной структуры знака^{11*}. Таким иероглифом может быть НЭЙ – нутро, недра, чрево; внутри, внутренний¹⁸.

Рассмотрим несколько архаических вариантов данного иероглифа: . Согласно трактовке китайских ученых, здесь дан пластический образ семантики нутра – чрева , во внутрь которого вводится нечто острое   (цзяньтоу дунси 尖頭東西). Оно выде-

лилось и приобрело значение иероглифа λ ЖУ – входить, вводить (во внутрь). Если мы перевернем эти варианты иероглифа ∇ НЭЙ и рядом поставим дешифрованный знак, то убедимся в их сходстве по семантике и по структуре:

Кроме того, в бордюре над^{12*} узором \square есть «кулон» (острием вниз) в виде наконечника стрелы ∇ , направленный во внутрь узора \square . Это лишний раз подтверждает правильность нашей^{13*} дешифровки знака.

Знак на спине рубахи ∇ символизирует акт супружеской любви.

Таким образом, мы проанализировали все узоры вышивки и теперь попытаемся составить примерный текст. Повествование начинается со знака

\rightarrow (на плечах), потом переходит к знаку \rightarrow (на груди) и кончается знаком ∇ (на спине). Текст гласит: «Он (жених, возлюбленный) стремится к ней (стрела положена на лук и нацелена к центру большого ромба)

\rightarrow \square . Он и она встретились \rightarrow . Он жаждет ее любви (стрела натянута на тетиву). И они слились ∇ (стрела попала в цель)».

Такое повествовательное письмо типично женское. Оно выполняет и магическую функцию, т.е. выражает исполнение желания девушки. Подобные вышивки свойственны девушкам многих бесписьменных народов¹⁹.

И, наконец, остались нераскрытыми еще две детали, которые играют существенную роль в разгадке смысла текста вышивки.

Во всех розетках – в ромбиках и звездочках – имеются скрещенные черточки (полоски нашивки) в виде андреевского креста (буквы «X»). Причем одна черточка красная, а другая – зеленая.

Здесь сочетание двух цветов – красного и зеленого – не случайное. Согласно символике цветов, у многих народов Азии красный цвет символизирует девушку-невесту, а зеленый – юношу-жениха. Вот почему во всей вышивке рубахи невесты основные полосы (тесемки узоров) красные, а нитки, которыми прострочены они, – зеленые²⁰. Скрещение же двух черт в

виде андреевского креста символизирует взаимную любовь и неразрывные брачные узы²¹.

Таким образом, символика цветов и скрещенных черт подтверждают дешифрованный нами текст женского письма главной вышивки (большого ромба)^{14*}.

Прочтение и датировка М.Ф. Хваном надписи на рубашке чувашской невесты, опубликованной Т.А. Крюковой, является той деталью, которая, будучи введена в научный оборот, позволяет решить некоторые весьма важные, но до сих пор спорные вопросы. В 1945 г. Отто Мэнчен-Хелфен²² подверг критике вывод К.А. Иностранцева²³ об идентичности основного ядра европейских гуннов с центрально-азиатскими хунну и, следовательно, отрицал миграцию хуннов на запад. Его исторические аргументы оспорены автором этой работы²⁴, но оставался нерешенным вопрос о несходстве традиций искусства Ордоса и Поволжья, что по мнению О. Мэнчен-Хелфена исключало наличие в этих областях единого культурно-этнического субстрата. Собственно говоря, этот негативный довод не может считаться действительным, т.к. редкие находки предметов искусства в Ордосе, датируемые III–I вв. до н.э., в Венгрии и на Волге, относящиеся к IV–V вв. н.э., могут принадлежать не самим хуннам, а подчиненным ими племенам, но, тем не менее, прямой традиции, связывающей искусство Ордоса и Чахара с искусством Поволжья, до сих пор не было обнаружено. Единственным исключением была находка на Каталаунском поле гуннской чаши, напоминавшей иньские жертвенные сосуды «ю»²⁵, но вещь могла попасть к хуннам путем обмена и эта находка вопроса не решала. Открытие Т.А. Крюковой и анализ М.Ф. Хвана устраняют последнее сомнение, высказанное американским историком, так как форма знаков орнамента восходит к пиктограммам иньского времени (II тыс. до н.э.), что исключает возможность позднейшего заимствования. Это подтверждает мнение В.В. Бартольда²⁶, что чуваша являются прямыми потомками европейских гуннов, в свою очередь связанных этнически и культурно с центрально-азиатскими хунну. Но еще более важно то, что хунны восприняли не развитую китайскую письменность, а древнюю. В эпоху расцвета хуннской державы (III в. до н.э. – I в. н.э.) хунны получали большое количество китайских товаров, но не заимствовали китайской культуры, чуждой их быту и психическому складу. Единственное сведение о хуннской письменности, которая до нас не дошла, указывает на ее индийское происхождение²⁷. Предметы искусства, приписываемые хуннам, носят следы скифских, иранских и даже эллинских влияний²⁸, и китайская надпись выпадает из общего представления о хуннской культуре. Но это противоречие кажущееся, так как все сказанное относится к поздней эпохе, когда хуннская культура сложилась и обособилась от китайской. Знаки орнамента были заимствованы еще в то время, когда пропасть вражды и отчуждения еще не легла между обоими народами. Археологическими исследованиями установлено, что во II тыс. до н.э. существовала интенсивная торговля северного Китая с южной Сибирью, через посредство обитателей Хэбея и Маньчжурии.

В Сибирь ввозили олово и бронзу, в Китай – нефрит и меха, валютой служила раковина-каури²⁹. В это время предки хуннов обитали по соседству с Китаем, к югу от пустыни Гоби³⁰. Они принимали участие в междоусобных войнах китайских племен. К ним бежал последний представитель династии Ся, Шунвэй, побежденный племенем Шан (Инь)³¹. Он и его сторонники смешались с охотниками и рыбаками, обитавшими в современной Внутренней Монголии, вследствие чего культура этих районов, датируемая II тыс. до н.э., носит много инфильтраций северо-китайской неолитической культуры³².

Культурный контакт предков хуннов с древнейшими китайцами продолжался до XI в. Воинственное племя Чжоу разрушило царство Инь и оттеснило предков хуннов на север от Гоби³³. С этого времени пути китайского и хуннского народов разошлись. В чжоускую эпоху в Китае была проведена реформа письменности, и иероглифы по форме своей утратили сходство с пиктограммами. Зеркало эпохи Цинь из шестого Пазырыкского кургана³⁴, датируемое IV–III вв., снабжено иероглифом Шань Цзю-гора в современном написании. На первый взгляд это свидетельствует о том, что проникновение иероглифики в кочевую среду продолжалось. Но это китайская вещь, а следов подражания китайскому искусству в огромном количестве алтайских находок местного изготовления незаметно.

Итак, публикуемый орнамент оказывается памятником былой связи и соседства предков чувашей с предками китайцев. Он символизирует грандиозный путь древней культурной традиции, носителем которой является чувашский народ.

В заключение нам хотелось бы отметить, что опыт сотрудничества разных специалистов, например, этнографа, филолога, историка, в исследовании предметов народного творчества древних времен, дает положительные результаты. Подобный опыт коллективного труда открывает некоторые возможности для дальнейшего изучения памятников культуры древних народов, которые до сих пор не раскрыты или полностью не освещены.

Использованная литература

¹ Никитин Г.А., Крюкова Т.А. Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары, 1960.

² По мнению специалистов по этнографии Поволжья, вышивка тесьмой древнее, чем вышивка нитками.

³ Шанское государство в древнем Китае, известное под именем династии Инь

殷

, существовало во второй половине II тысячелетия до н.э.

⁴ Так называемый стиль письма «ГУЧЖОУ» (古 籀), т. е. древнечжоуский,

обнаруженный на бронзе, на костях, на каменных гонгах и на разных жертвенных сосудах, представляет собой ИНЬСКОЕ письмо, перешедшее в наследство чжоусцам. Позднейшие письмена ЧЖОУ, как и ЧЖУАНЬ, подверглись значительной обработке писцов и ученых.

⁵ Период западной династии ЧЖОУ ок. XI–IX в. до н.э.

⁶ Сюй Шэнь (составитель). «ШОВЭНЬ» (說文). Толковый словарь древнекитайской письменности, изданный в I в. н.э. при Ханьской династии. Лучшее издание с комментариями Дуань Юй-цзя (1735–1815 гг.) называется «ШОВЭНЬ ЦЗЕЦЗЫЧЖУ», напечатано при Цинской династии.

⁷ См.: Юе Ци (約 紉). «ЦЗЫ ЮАНЬ» (字 源) – «Истоки знаков» или «Происхождение иероглифов». Шанхай, 1953. С. 171–172.

⁸ См.: например: кубок ЦЗЮЕВЭНЬ (爵 文), треножник ЮЙФАНДИН (鬯 方 鼎) в знак покорения страны, большой котел для жертвенных яств МЫНЬШЭЯНЬ (門 射 虘) в ознаменование обстрела ворот (при штурме города), жертвенный сосуд ЦЗИНДУНЬ (靜 敦) в память умиротворения. «ШОВЭНЬ, ГУЧЖОУБУ» (說文 古 籀 補), добавление к «ШОВЭНЬ», древнечжоуские письма, ксилограф. Глава V . С. 9 правая.

⁹ См.: Юе Ци. «ЦЗЫ ЮАНЬ». С. 177.

¹⁰ «Древнее начертание: человек, вооруженный луком – восточные дикари, сходно с древнеготским skiatha, aqecher. Скиф. сака...». Полладий и Попов. Китайско-русский словарь. Пекин, 1888. С. 247.

¹¹ У чувашей лук со стрелами употреблялся в свадебном обряде. Согласно описанию чувашского этнографа середины XIX в. С.М. Михайлова, младший дружка надевал на плечо лук, к бедру подвешивал стрелу. Перед выездом со двора невесты в самый торжественный момент он при всеобщем внимании выпускал стрелу из натянутого лука (С.М. Михайлов. Чувашская свадьба // Казанские губернские ведомости. 1852. № 46). И другие народы Поволжья употребляли свадебный колчан со стрелами, который несли дружки жениха.

¹² Прототип иероглифа 中 ЧЖУН мало подходит к знаку 𠄎, потому что он имел^{15*} такие древние варианты:

Здесь центр изображен в виде кружка, фланги (правое и левое крыло войск), в виде знамен, флажков. См., например, хвалебные надписи в жертвенном сосуде СУНДУНЬ (頌 敦) и треножнике СУНДИН (頌 鼎). «ШОВЭНЬ ГУЧЖОУБУ». Гл. I. С. 4 правая.

¹³ См.: «ШОВЭНЬ ГУЧЖОУБУ». Гл. XII. С. 4 правая – 6 правая. По традиционному толкованию китайских ученых, в древнем обществе мужчина занимал высокое, а женщина – низкое положение (как рабыня). Поэтому женщина изображалась в виде фигуры, стоящей на коленях с покорно сложенными руками. См.: Юе Ци, ЦЗЫ ЮАНЬ. С. 44. Некоторые начертания соответствуют именно этому толкованию. Например:

См.: «ШОВЭНЬ ГУЧЖОУБУ». Гл. XII. С. 4 правая.

¹⁴ Весьма интересно привести данные чувашской терминологии, подтверждающие предположение о наличии в орнаментации чувашских рубах символики пола – «мужского» и «женского» узора. В своей работе «Чувашская вышивка» (Рукопись, хранящаяся в архиве ЧНИИ. С. 13) Г.А. Никитин приводит сообщение М.С. Спиридонова, согласно которому на поздних экземплярах женской одежды встречаются нашивки, носящие общее название «күлелек». При этом ромбовидная нашивка на левой стороне груди называется «хёр күлелек», т. е. девичий

«кўпелек», а на правой – наклонные полосы – «ар кўпелек», т.е. мужской «кўпелек». Сам термин «кўпелек» в настоящее время утратил свое значение^{16*}.

¹⁵ Древние варианты иероглифа 山 ШАНЬ – гора, не подходят по значению и начертанию к данному узору 山

См.: «ШОВЭНЬ ГУЧЖОУБУ». Гл. IX. С. 4 правая и левая.

¹⁶ В древних вариантах иероглифа 母 МУ – мать, изображалась женщина с грудями в виде двух точек.

Примечание: Верхние черточки ˘ ˘ изображают женские головные украшения.

См.: «ШОВЭНЬ ГУЧЖОУБУ». Гл. I. С. 4 правая.

¹⁷ Нагрудная вышивка у чувашей в более поздних образцах одежды многообразна. На рубахах замужних женщин обычной специфической формой являются парные розетки «кёскё» – ромбовидные, звездообразные и т.п. Розетки эти, соответствующие строению женской груди, как бы подчеркивают ее зрелость. Это предположение подтверждается образцами нагрудных вышивок с тремя и двумя парами розеток. Г.А. Никитину, наряду с утратившим свое значение термином «кёскё», удалось записать для обозначения их термин «чёчё карти», т.е. ограда груди^{17*}. Аналоги этому мы находим и у марийцев (чыз ороп)^{18*}.

Символика пола в свадебной одежде встречается и у других народов Поволжья. В этом отношении интересно привести аналогию, касающуюся марийской мужской свадебной рубахи, вышивка подола которой имеет фаллическое значение.

¹⁸ См.: Юе Ци. ЦЗЫ ЮАНЬ. С. 127–128.

Заслуживает внимания также семантическая связь между китайскими словами: НЮЙ – женщина и НЭЙ – нутро, чрево, внутренний. Причем, НЭЙ имеет двойкий смысл, как «внутренний» вообще и «женский», «потайной», «скрытый»; напр[имер] «внутренние покои – женская половина». Примеры: 內人 НЭЙЖЭНЬ – жена (моя)^{19*}, в древн[ости] наложницы правителя; 內子 НЭЙЦЗЫ – жена. Ср[авни] корейские слова: 안 АН – нутро, чрево; внутренний; 안혜 АНХЭ – супруга (Ваша, Его); японские: 奥 ОКУ – внутренний, глубокий, потайной, скрытый, сокровенный; 奥様 ОКУСАМА, ОКУСАН – супруга (Ваша, Его), барыня^{20*}.

¹⁹ Иохельсон В. в своей статье «Essay on the grammar of the Yakagir language by W.J. Jochelson», American Anthropologist, vol. 7, № 2, 1905, приводит материал, данный С. Шаргородским в «Землеведении», т. II, 1895, об юкагирских письменах (С. 135–148): «Письмена одульских девушек носят исключительно характер любовных объяснений, передачи взаимных отношений, существующих между молодыми людьми различных полов. В отличие от мужского производственного письма, женские письмена могут повествовать о сложных переживаниях при помощи немногих условных схем... Возможно, что шитье и украшение одежды сказались на орнаментальном стиле женского письма... Элементы письма одулок настолько условны, что для понимания текста недостаточно одно воображение и как чтение, так и написание требует уже известных навыков и знания стандартизованных символов, закрепленных некоторой традицией».

²⁰ У корейцев посылка женихом в дом невесты т[ак] н[азываемое] «нанче», запечатанной шкатулки с рисом и шелковыми нитками, переплетающимися друг с другом, служила брачным

документом. Рис был символом плодородия и благоденствия, шелковые нитки обозначали неразрывные узы, а две иголки с продетыми нитками – жениха (зеленая нитка) и невесту (красная нитка), которые должны были дружно «шить» совместную жизнь. Развод был возможен лишь после того, как нитки разрывались и каждая сторона брала свою иголку. (См. *Хван М.Ф.* Идеография (Курс дальневосточной письменности) / Под редакцией и с предисловием проф. Ю.К. Щуцкого. Изд. ЛВИ и ЛИФЛИ. Л., 1936. (Дополнение к введению, схема этапов развития письма – оптико-символические средства). Такая же символика цветов наблюдается и в свадебных обрядах монголов. Так, например, у барга-бурят зеленый цвет в соответствии с семантикой китайского слова 青 ЦИН выражает значения – юность, молодость,

а в символике пола – молодой человек, жених, зять (ср. кит. 青年 ЦИННЯНЬ – букв[ально]

зеленые годы, годы юности, молодость, молодежь; молодой человек, юноша). Об этом говорят материалы К.В. Вяткиной. Когда девушка-невеста подходит к дому жениха, то происходит продолжительный^{21*} диалог. В конце диалога со стороны невесты отвечают: «Являющийся ценностью из всех быстробегущих зеленый конь, из всех сильных самый драгоценный цвет молодости, желание исполняющий Чандомани, из всех основ важных шестью драгоценностями полностью овладев, сделавшись зятем, в юрту войдет»^{22*}. (*Вяткина К.В.* Указ. соч. С. 225). Чандоман означает сокровище, драгоценности, реликвии.

²¹ В женском письме одулок знак из скрещенных черт символизирует объятия и взаимную любовь. X (См. *Иохельсон В.* Указ. соч. и *Шаргородский С.* Землеведение. Т. II. СПб. 1895. С. 135).

²² *Otto Menschen-Helfen.* Huns and Hsiung-Nu // *Byzantium*, XVII. Baltimore, 1945. P. 222–243.

²³ *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны. Л., 1926.

²⁴ *Гумилев Л.Н.* Ото Мэнчен-Хелфен и хуннская проблема. ВДИ, печатается^{23*}.

²⁵ *Takats Z.* Catalaunischen Hunnenfund und seine ostasiatischen Verbindungen. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, t. V, s. 143–173. Budapest, 1955.

²⁶ *Hall D.G.E.* A History of South-East Asia. London, 1955. P. 24–26.

²⁷ *Barthold W.W.* 12 Vorlesungen über die Geschichte der Tŷken Mittelasiens. Berlin, 1935. S. 30–31.

²⁸ Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л., 1925. С. 26, 30–31.

²⁹ *Окладников А.П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.-Л., 1955. Ч. III. С. 200–202.

³⁰ *Гумилев Л.Н.* Становление хуннов. Рукопись^{24*}.

³¹ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т. I. С. 40.

³² *Окладников А.П.* Новые данные по древнейшей истории Внутренней Монголии // ВДИ. 1951. № 4. С. 173.

³³ *Гумилев Л.Н.* Динлинская проблема // Известная ВГО. 1959. Т. 91. С. 19; *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 147; *McGovern W.* The early empires of Central Asia. London, 1939. P. 91; *Cordier H.* Histoire generale de la Chine. Paris, 1920. I. P. 205.

³⁴ *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. Л., 1953. С. 144.

Археографические примечания

Печатается по тексту машинописной рукописи, хранящейся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Объем сочинения – 18 листов формата А-4. В верхней части первого листа поставлены два канцелярских штампа научного архива института. Оттиск первой: «Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР. Отд. II, ед. хр. 1980 (7942)». Оттиск второй: «Кн. поступ. № 10. Инв. № 4401». Чуть ниже дан гриф учреждения: «Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР». Под ним указаны выходные сведения издания, где предполагалась публикация рукописи: «Вып. XXIII. Ученые записки. 1963». Названные элементы отделены от остального текста сплошной линией. Под ней даны фамилия, имя и отчество авторов, название рукописи и ее текст. Восьмая страница рукописи склеена из пяти листов бумаги формата А-4 разной величины. На оборотной стороне 14 листа сочинения чернилами сделана помета следующего содержания: «Не потерять! Это добавка к рукописи Крюковой, Хван и Гумилева». Далее следует подпись: И. Кузнецов. Дата пометы отсутствует. В единицу хранения вложены: 2 фотографии женской рубахи на фотобумаге формата 21430,5 см; 115 фотоснимков иероглифов и элементов вышивки рубахи на фотобумаге разного формата – 242 см и более. Фотоснимки выполнены с графических рисунков и содержат 1, 2 и более иероглифов или фрагментов узоров вышивок. За исключением трех снимков, все они вложены в конверты. На снимках сделаны цифровые пометы, указывающие соответственно на номер страницы рукописи и графического изображения (рисунка).

^{1*} При правке слово «этнографических» переправлено на: «этногенетических».

^{2*} До правки словосочетание «красного или темно-зеленого цвета» было дано без скобок.

^{3*} При правке слово «фото» исправлено на «рис.».

^{4*} До правки данное предложение звучало следующим образом: «Уже давно забыты первоначальные значения этих символов, но все та же древняя вышивка до сих пор представляется чувашским девушкам неотъемлемой частью свадебного обряда. Далее в рукописи следует предложение: «Видно, так принято вышивать, иначе брачные узы, – как они верят, – могут быть непрочными». Второе предложение при правке вычеркнуто.

^{5*} До правки предложение звучало следующим образом: «К ним отнесли разные рода оружие, утварь и т.п.».

^{6*} В рукописи опечатка. Правильно: ставился.

^{7*} В рукописи первоначально было дано словосочетание: «окаймления бордюра». При правке первое слово было стерто.

^{8*} Перед данным словом в рукописи присутствует словосочетание: «похожий на греческую букву «омега» ω». Оно при правке вычеркнуто.

^{9*} Следующие два предложения в текст внесены при правке: «На спине этого узора нет. Видно, нельзя изображать женские груди на спине».

^{10*} При правке словосочетание «соски грудей» исправлены на: «тоже женскую грудь».

^{11*} До правки данное предложение звучало следующим образом: «Здесь мы имеем сплетение двух знаков, т. е. слияние обоих символов – мужского с женским полом , смысл которого станет ясным при анализе иероглифа-прототипа, послужившего образцом для данной структуры знака».

^{12*} Словосочетание «в бордюре» вставлено при правке.

^{13*} Данное слово вписано при правке.

^{14*} До правки данное предложение звучало следующим образом: «Таким образом, символика цветов и скрещенных черт тоже комментируют дешифрованный нами текст женского письма главной вышивки (большого ромба)».

^{15*} При правке перед данным словом вставлено следующее словосочетание: «мало подходит к знаку потому что он».

^{16*} Рукопись Г.А. Никитина «Чувашская вышивка. (Этнографический очерк.)» на 73 машинописных страницах хранится в НА ЧГИГН: Отд. III. Ед. хр. 10. Инв. № 103. Сведения о «*кўпелек*», «*сёр кўпелек*» и «*ар кўпелек*» излагаются на 13 и 14 страницах. См.: НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 10. Л. 41, 42. Фотографии к рукописи составляют отдельный том: Отд. VIII.

Рис. 1. Женская свадебная рубаша XVIII в. Вид спереди.

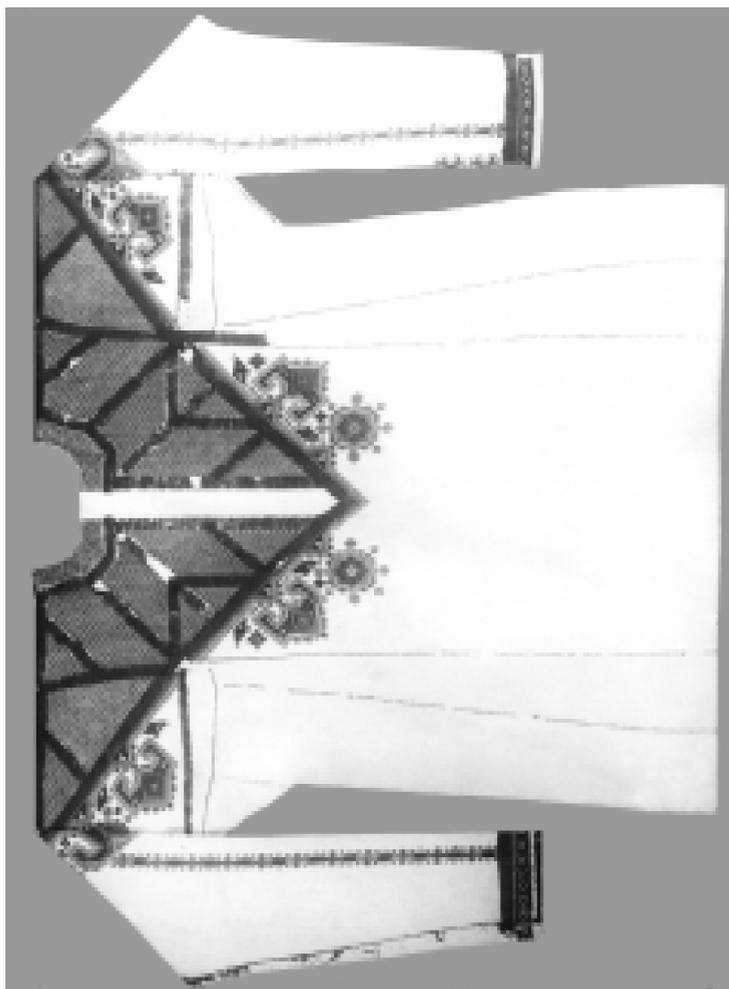

Рис. 2. Женская свадебная рубаха XVIII в. Вид сзади.

Ед. хр. 88. Инв. № 512. Переработанный текст рукописи лег в основу книги-альбома на чувашском и русском языках «Чувашское народное изобразительное искусство» (Чебоксары: Чуваш, кн. изд-во, 1960. 167 с.), вышедшей под авторством Г.А. Никитина и Т. А. Крюковой. Автор рукописи – Г. А. Никитин – погиб в блокадном Ленинграде в годы Великой Отечественной войны. Ее доводку и публикацию осуществила вдова исследователя, этнограф и искусствовед Т.А. Крюкова.

^{17*} Речь идет о рукописи Г.А. Никитина «Чувашская вышивка». Информация о «жэскэ» изложена на 10 и 11 страницах. См.: НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 10. Инв. № 103. Л. 38, 39.

^{18*} Словосочетание в скобках «чыз ороп» вставлено при правке.

^{19*} После слова «жена» при правке в скобках вписано местоимение «моя».

^{20*} Данное слово вписано при правке.

^{21*} Данное слово вписано при правке.

^{22*} До правки текст был дан в следующей редакции: «Со стороны жениха ее не пускают.

Со стороны девушки отвечают: «Являющийся ценностью из всех быстробегающих зеленый конь, из всех сильных самый драгоценный цвет молодости, желание исполняющий Чандомани, из всех основ важных 6 драгоценностей заимев, сделавшись зятем, войдет полностью» // *Вяткина К.В.* Монголы Монгольской Народной Республики. Гл. «Свадебные обряды у барга-бурят». Рукопись. С. 124. Чандомани означает сокровище, драгоценности, реликвии».

^{23*} Надо полагать, здесь речь идет о следующей публикации: *Гумилев Л.Н.* Некоторые вопросы истории хуннов // *Вестник древней истории.* 1960. № 4. С. 120–125.

^{24*} Первоначально ссылка была дана в следующей редакции: «*Гумилев Л.Н.* Становление хуннов. Сборник отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Печатается». Названная тематика в научном наследии ученого представлена рядом опубликованных трудов: *Гумилев Л.Н.* Хунну. М., 1960; *он же.* Хунну в Китае. Три века войны Китая со степными народами III–IV вв. М.: «Наука», 1974; и др.

* * *

Текст печатается в авторской редакции. Отдельные его элементы, для лучшего их визуального восприятия, редколлегия сочла необходимым выделить курсивом. Авторские редакция и пунктуация сохранены. Пропуски знаков препинаний, опечатки исправлялись без оговорок в примечаниях. Слова, введенные при редактировании, заключены в квадратные скобки. В квадратных скобках даны и части сокращенных авторами слов, восстановленные редактором. Арабскими цифрами со звездочками отмечены археографические примечания редколлегии.

Краткая справка о рукописи Л.Н. Гумилева, Т.А. Крюковой и М.Ф. Хвана «Китайские письма на чувашской рубахе»*

Рукопись «Китайские письма на чувашской рубахе» – плод творческого сотрудничества историка и географа Л.Н. Гумилева, этнографа и искусствоведа Т.А. Крюковой и лингвиста-синолога М.Ф. Хвана. Она была создана ими в 1959 г. Вступительную часть созданного труда под названием «Азиатский исток традиций чувашского народного искусства» кандидат исторических наук Л.Н. Гумилев опубликовал на страницах газеты «Советская Чувашия» от 18 августа 1959 г. В статье сообщалось, что в скором времени созданная работа будет опубликована в научной печати. Судя по хранящейся в НА ЧГИГН рукописи, публикация должна была осуществиться в 23 выпуске «Ученых записок» (Чебоксары, 1963). Но она не состоялась. В условиях ухудшения дипломатических отношений между СССР и КНР выход в свет трудов по «китайской тематике» в стране был приостановлен. На долгие годы путь рукописи к научной аудитории был закрыт. На стержневые положения рукописи «Китайские письма на чувашской рубахе» ссылался в своей монографии «Происхождение чувашского народа» (Чебоксары, 1963. С. 139–141) известный чувашский ученый В.Ф. Каховский. Но книга, как

* Рукопись имеет и второе название: «Китайские письма на чувашской вышивке».

исследование, отражавшее чувашско-китайские культурные параллели, была изъята из продажи и уничтожена. (Уцелели лишь единичные экземпляры издания.) Повторный его выпуск 1965 г. увидел свет без раздела, где был освещен данный сюжет. 12 января 1996 г. газета «Советская Чувашия» вторично опубликовала вступительную часть данной рукописи под прежним же названием: «Азиатский исток традиций чувашского народного искусства». От первого своего аналога статья отличается лишь несколькими предложениями текста. Под ней указан автор: «Л. Гумилев, кандидат исторических наук». В том же году с некоторыми сокращениями рукопись Л.Н. Гумилева, Т.А. Крюковой и М.Ф. Хван «Китайские письма на чувашской вышивке» была опубликована в трех номерах газеты «Советская Чувашия»: от 26 января, от 31 января и от 1 февраля профессором П.В. Денисовым. Исследователи – дети Времени. Не все им подвластно. Чувашский государственный институт гуманитарных наук, хотя и с большим запозданием, вводит в научный оборот полный текст созданной еще в середине прошлого столетия рукописи.

Вклад Л.Н. Гумилева, М.Ф. Хван и Т.А. Крюковой в развитие гуманитарной науки Чувашии не исчерпывается данным очерком. В 1960 г. увидел свет объемное сочинение Н.Я. Бичурина (Иакинфа) «Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии» (Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1960. 758 с). Составителями названного труда стали Л.Н. Гумилев и М.Ф. Хван. Перу Л.Н. Гумилева в данном издании принадлежат Предисловие («Географические работы Н.Я. Бичурина в Центральном государственном архиве Татарской АССР») и часть Послесловия («Китайская хронологическая терминология в трудах Н.Я. Бичурина на фоне всемирной истории»). М.Ф. Хван выполнены следующие составляющие Послесловия: «Китайские географические названия в трудах Н.Я. Бичурина» и «Словарь китайских географических терминов». Укажем также, что история предков чувашей прямо или опосредованно получила отражение в ряде трудов Л.Н. Гумилева по тюркской тематике. Т.А. Крюкова – одна из организаторов отдела этнографии Поволжья и Приуралья в Государственном музее этнографии народов СССР, участница десятков этнографических экспедиций, состоявшихся в данном регионе, соавтор книги-альбома «Чувашское народное изобразительное искусство» (Чебоксары: Чуваш, кн. изд-во, 1960. 167 с).

L. N. G u m i l e v, T. A. K r y u k o v a, M. F. H v a n. The Chinese letters on the Chuvash shirt.

The present sketch is a result of creative cooperation of three known scientists – the historian and geographer L.N. Gumilev, the ethnographer and arts critic T.A. Kryukova and linguist-sinologist M.F. Hvan. Though being written in 1959, it reached wide scientific audience, due to some political circumstances, only after a lapse of several decades. The article is of great interest as an experience of decoding embroidery patterns on the Chuvash bride shirt of XVIII century on the basis of stylized ancient Chinese hieroglyphs. The shirt is kept in the State museum of ethnography (St.-Petersburg). The authors consider that the ornament of the Chuvash embroidery subjected to the scientific analysis is a monument significative of former contacts of Chuvash and Chinese ancestors.

Рукопись Л.Н. Гумилева, Т.А. Крюковой и М.Ф. Хван «Китайские письма на чувашской рубахе» к печати подготовлена Г.А. Николаевым.

ЧГВ, 2006 г., №1

© **В.М. Михайлов**. Рец. на: **В.Н. Клементьев. Козловка: Исторический очерк**. Чебоксары, 1997. 240 с.

Книга кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Чувашского государственного института гуманитарных наук В.Н. Клементьева является составной частью серии научно-популярных работ о городах Чувашии. Она представляет собой обзор исторических процессов в г. Козловке как своеобразной социально-территориальной общности, обеспечивающей пространственную организацию жизнедеятельности людей начиная с палеолитических стоянок первобытных племен в крае вплоть до конца XX в.

История города с момента возникновения первых поселений прослеживается автором в связи с процессом хозяйственного освоения территории. Значительное место в очерке уделено характеристике производительных сил и производства региона. Подробно анализируется аграрный сектор, занятия населения, большое внимание уделено изучению несельскохозяйственной деятельности и развитию индустриальной промышленности. Особенности экономических факторов локального развития населенного пункта рассматриваются в неразрывном единстве со всей совокупностью связей и отношений, которые господствовали в стране на каждом исторически конкретном отрезке времени.

Изложению исторического материала в очерке предшествует краткая характеристика природы края, которая выступает важнейшим фактором социального развития людей. Автор, стремясь к энциклопедическому охвату темы, вполне квалифицированно оценивает геологию, рельеф и климат территории, описывает застройку, а также место населенного пункта в системе коммуникаций северо-западной части Чувашии. Вместе с тем, определяя происхождение названия города, он, подробно разобрав гипотезы о возникновении данного топонима, к сожалению, не определился относительно их научной достоверности, предоставив читателю самому сделать выбор в пользу той или иной версии.

Несмотря на то, что хронологические рамки очерка охватывают тысячелетия многомерного процесса социального освоения территории, автор, выделив несколько сквозных сюжетов, обеспечил композиционное единство всей книги. Фабулами, составившими проблемный стержень работы, стали вопросы заселения района, его хозяйственного освоения, общественно-политические процессы и социальное развитие основных групп населения. Благодаря комплексному подходу, ему удалось избежать опасности сведения объемного исторического пространства к плоской проекции отдельных его характеристик.

Ключевым сюжетом очерка является проблема обретения данным регионом статуса территории Русского государства. Исследовав ее на примере с. Беловолжского, с середины

Владимир Михайлович Михайлов – кандидат исторических наук, профессор кафедры философии и политологии Чебоксарского филиала Нижегородской академии МВД РФ.

XVI в. ставшего центром русской колонизации северо-восточной части Чувашии, В.Н. Клементьев делает обоснованное предположение о том, что освоение данной территории русскими началось до того, как она была присоединена к Московскому государству, и осуществлялось оно пленниками, посаженными казанскими феодалами на чувашскую землю еще до падения Казани, часть которых после ликвидации Казанского ханства не пожелала возвращаться на свою историческую родину. Автор, освещая процесс возникновения и развития русских поселений, не только прослеживает происхождение их жителей, но и делает интересные наблюдения об их занятиях, нравах, обычаях, оценивает их социальную структуру. Вместе с тем, отмечая со второй половины XVI в. формирование в Чувашии особой территории, где селились выходцы из центральных районов Московского государства, он рассматривает монастырско-помещичью колонизацию Чувашского Поволжья как результат целенаправленной политики российского правительства по закреплению своих позиций на присоединенных землях.

Центральное место в работе занимает показ влияния географических и исторических предпосылок на процесс обретения населенным пунктом Козловка своего современного экономического и административного положения. Особое внимание в работе уделено характеристике весьма колоритной и влиятельной социальной группы местных помещиков. Несмотря на малочисленность, эта привилегированная категория населения в течение долгого времени определяла жизнь всей округи. Выделяясь материальным достатком и образованностью, помещики не только были безжалостными крепостниками-эксплуататорами, но и способствовали развитию сельского хозяйства, светской культуры, освоению и распространению новых знаний, просвещению народа. Через судьбы таких помещичьих родов, как Есиповы, Карпеки, Леонтьевы, Арцыбышевы, Лобачевские и Жомини, в книге прослеживается история волжского дворянства.

Не обойдены вниманием и представители торгово-промышленного сословия. На примере купцов Забродиных, Аглашкиных, Матвеевских, Вериных, Волчковых и других показана роль предпринимательского капитала в превращении обычной русской деревни Козловка в один из торговых центров Чувашии.

Большой интерес представляют исторические портреты местных жителей, внесших значительный вклад в социально-экономическое и культурное развитие территории. Яркие, многогранные образы помещиков и купцов, созданные автором без идеологической предвзятости, позволяют оценить их реальную роль в становлении этого населенного пункта.

Важное место в очерке занимают страницы, освещающие жизнь крестьян. Автор отмечает даже самые незначительные изменения в занятиях, экономическом и правовом статусе этой самой многочисленной категории населения Беловолжской волости. В очерке подробно освещается процесс реализации в округе крестьянской реформы 1861 г., столыпинских преобразований, а также советской политики массовой коллективизации сельского хозяйства в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. При этом он не только освещает реальную картину их хода, но и высказывает собственные суждения по этому поводу, которые, впрочем, соответствуют в целом устоявшейся в отечественной исторической науке точке зрения. Вместе с тем необходимо отметить некоторые погрешности, связанные с оценкой процесса массовой коллективизации в Козловском районе. На наш взгляд, они основываются на механическом перенесении теории насильственной коллективизации крестьянских хозяйств в Советском Союзе на данный регион Чувашии. Автор, справедливо увязывая процесс массовой коллективизации с процессом ликвидации кулачества как класса, не вполне корректно отождествляет эти два явления, характеризуя их как насильственные действия, осуществлявшиеся в обстановке чрезмерного административного давления вопреки принципу добровольности. Однако убедительные свидетельства насильственного вовлечения крестьян в коллективные хозяйства в очерке отсутствуют. Приведенные им факты репрессий правового, политического и экономического характера имеют отношение только к той зажиточной части сельского населения, которая лишь формально принадлежала к сословию крестьян. Тогда как в отношении массовой коллекти-

визации правильнее было бы писать в аспекте нарушения принципа добровольности при вовлечении трудящихся крестьян в колхозы, действительно создававшиеся в обстановке строгого администрирования, а не о насилии.

К достоинствам рецензируемой работы следует отнести очевидное стремление автора к исторической объективности. Возможно, те, кто ищет в историческом прошлом страны подтверждение своим нынешним политическим пристрастиям, сочтут подобную позицию несвоевременной и не согласятся с ней, однако нам она представляется единственно возможной, позволяющей интерпретировать события и явления истории не произвольно, в угоду модным ныне псевдонаучным теориям, а в интересах постижения научной истины, базирующейся на проверенных методах сбора, анализа и толкования исторических фактов.

В полной мере верность принципам историзма и научного подхода к освещаемым вопросам автор проявил при толковании ключевых периодов советского этапа истории Козловки. Освещая социально-экономическое развитие региона в годы первых пятилеток, он отразил влияние коллективизации и индустриализации на процесс ускоренной урбанизации Козловки, ярко продемонстрировал патриотизм и ударный труд советских людей накануне и в годы Великой Отечественной войны.

Детальному анализу подвергнут в очерке ход социально-экономического развития Козловки в послевоенный период. Четко обозначены процессы, обусловившие превращение рабочего поселка в небольшой город с развитой промышленностью, образовательными, культурными и социально-бытовыми учреждениями, современными коммуникациями. Поименно названы горожане, своим трудом создававшие промышленность и социальную инфраструктуру населенного пункта, выдающиеся деятели науки, просвещения и медицины, герои войны и труда, прославившие город, в котором родились или долгое время проживали.

Очерк явился результатом изучения большого комплекса опубликованных и архивных материалов. К достоинствам рецензируемой работы относится стремление В.Н. Клементьева воздать должное своим предшественникам, много сделавшим в освещении отдельных страниц истории Козловки. Доказательством тому служит широкое использование им лучших страниц их творческого наследия. Вместе с тем источниковую основу работы составляют архивные документы, отражающие специфику и уникальность исторического процесса. Обширные выдержки из источников, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, многочисленные статистические таблицы, хорошо иллюстрируя его наблюдения, позволяют разносторонне оценить исторические явления. Представляют интерес содержательные Приложения и постраничные примечания.

Настроение неразрывной связи между прошлым и настоящим создают оригинальные рисунки и фотографии, сопровождающие текст. Извлеченные из частных коллекций и архивов фотографии и рисунки археологических находок, картографические изображения населенных пунктов, индивидуальные и групповые портреты известных военачальников, героев войны, общественных деятелей и деятелей культуры, предпринимателей и простых работников, архитектурных памятников и панорам городской застройки, получив в очерке свое второе рождение, наглядно демонстрируют реальность исторического пространства. Тем большую досаду вызывают выявленные рецензентом опечатки в надписи под фотографией военноморского планера Г-И, названного автором очерков самолетом У-2. Недоразумением является и некорректная фотография Героя Советского Союза А.Г. Тухланова, запечатленного на ней с двумя орденами Отечественной войны, награжденного на самом деле орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского и Красной Звезды.

Обширные сведения о людях и событиях превращают вышедший в свет исторический очерк в энциклопедический справочник, полезный как для школьников и учителей, студентов и преподавателей, так и для всей широкой читательской аудитории, проявляющей интерес к историей родного края. Работа, без сомнения, займет достойное место в историографии, обозначив определенный рубеж в краеведческих изысканиях.

В чувашской историографии имеются значительные работы, посвященные исследованию жизненного пути и творческой лаборатории ярких представителей исторической науки. К ним, например, относятся труды П.Г. Григорьева о С.М. Михайлове, П.В. Денисова о Н.Я. Бичурине, В.Д. Димитриева о Н.В. Никольском и С.М. Михайлове. В этот достойный ряд с уверенностью можно поставить и книгу Ю.В. Гусарова.

В монографии автор скрупулезно прослеживает основные жизненные перипетии русского ученого и писателя Николая Сергеевича Арцыбышева (1773–1841) – уроженца сельца Мамино Цивильского уезда Казанской губернии. Потомок старинного дворянского рода имел все основания для гордости своими предками, в разных званиях и должностях честно служившими Отечеству. Не случайно герой повествования не отделял историю России от истории своей семьи и тщательно фиксировал все упоминания о своих родственниках в источниках и литературе. Судьба не была благосклонной к Арцыбышеву: он рано потерял отца, а затем и мать, но, благодаря усилиям родственников, получил в Петербурге неплохое воспитание и образование в пансионе Н. Бамани. Драматично сложилась его военная служба, поскольку она пришлась на время перемен, связанных с кончиной Екатерины II и началом царствования Павла I. Обстоятельства сложились таким образом, что вместо перспективной офицерской карьеры он оказался уволенным со службы за незначительное прегрешение. Но совершенно справедливо Ю.В. Гусаров вспоминает по этому случаю известное присловье «Не было бы счастья, да несчастье помогло»: именно конец военной карьеры Арцыбышева положил начало его становлению как писателя и историка. Даже удачная попытка восстановиться на службе не сумела усилить его интерес к военной карьере в условиях правления Павла I. Меньше чем через год он вышел в отставку и стал одним из активных деятелей культурной и научной жизни Казани.

В двух разделах книги Ю.В. Гусаров увлекательно повествует о насыщенной и разнообразной культурной жизни Казани начала XIX века. В этот период здесь действовал кружок, объединявший любителей литературы и искусства. Близкие отношения у Арцыбышева сложились с видными литераторами Г.П. Каменевым, И.И. Чернявским и С.А. Моско- тильниковым, с первым из которых он учился в пансионе Вюльфинга в Казани. Здесь, на литературных вечерах, проходивших в доме его старинного знакомого, «обсуждались литературные опыты участников кружка, завязывались научные дискуссии, изучалась теория литературы и красноречие» (с. 35). В Казани Арцыбышев стал прилежно изучать основы различных философских школ, и ближе по духу ему были труды радикального крыла европейского Просвещения в лице французской философии, в частности Ш.Л. Монтескье и Э.Б. Кондильяка. Изложенный материал позволил Ю.В. Гусарову сделать справедливый вывод о том, что литературное окружение Арцыбышева сформировало его творческое лицо и художественные интересы (с. 39).

Довольно тесно казанские литераторы были связаны с коллегами из Петербурга, вступив в столичное Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (ВОЛСНХ). Подробно разбирается в книге литературный опыт героя повествования, его стихотворные и прозаические произведения. Ю.В. Гусаров суров, но справедлив: он отмечает, что Арцыбышев остался дилетантом-писателем «третьего порядка», но его творчество, как и соратников по ВОЛСНХ, стало одним из связующих звеньев между поэзией XVIII и XIX вв.

Иван Иванович Б о й к о – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом чувашской энциклопедии Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Основная часть книги посвящена Арцыбышеву-историку, в качестве которого он и известен в большей степени. Безусловным достоинством монографии является не просто описание творческих достижений ученого, но и попытка проникнуть в психологические основы исследовательских изысканий Арцыбышева. Автор склоняется к мысли, что непосредственным толчком к систематическим занятиям Н.С. Арцыбышева историей стал его спор с И.И. Чернявским о проблемах истории, состоявшийся в Казани в 1802 г. (с. 53). Нет оснований не верить этому, но Ю.В. Гусаров своим анализом убедительно доказывает, что этот шаг был сделан им на основе всего интеллектуального и духовного развития.

Арцыбышев был убежден, что автором исследований по российской истории может стать только русский ученый, не по книгам знающий язык, дух и традиции своего народа. Утверждение, безусловно, часто повторяемое, но далеко не бесспорное: нередко очень важен взгляд человека со стороны. Но это к слову. Удивительно другое, а именно то, что человек, имеющий опыт и дар литературного сочинительства, в исторических штудиях склоняется к изучению источников, то есть к источниковедению – материи даже для большинства историков сухой и малоинтересной, но не для профессионалов своего дела. Тогда же им была поставлена задача огромной важности и трудоемкости – создание комбинированного свода русских летописей и других источников по истории России с древнейших времен до середины XVIII в. Ю.В. Гусаров, вслед за А.Г. Кузьминым, считает, что Арцыбышев не является «чистым» представителем «скептической школы», он последователь критического (шлёцеровского) направления в русской историографии, заложившего основы научного изучения источников. Эту позицию автор доказывает, приводя конкретные примеры различного отношения руководителя «скептической школы» М.Т. Каченовского и Арцыбышева к спорным историческим фактам, методологическим подходам.

Творческая деятельность Арцыбышева как историка связана с родовым именем, куда он переехал из Казани до 1806 г. Здесь были созданы такие труды, как «О первобытной России и ее жителях», «Приступ к повести о русских», «Повествование о России», «Замечания на «Историю государства Российского» и др. Основное внимание Ю.В. Гусаров уделяет разбору именно названных произведений. Не вдаваясь в подробности его анализа, квалифицированного и детального, отмечу лишь отдельные моменты. Рассказывая об истории создания первой исторической книги Арцыбышева «О первобытной России и ее жителях», автор устраняет бытовавшую до его труда ошибку библиографов, считавших, что первое издание данного сочинения, выпущенное в 1808 г., было уничтожено из-за большого количества типографских опечаток. Ю.В. Гусаров выявил, что это обстоятельство не так, поскольку количество ошибок не было столь значительным, и дело могло быть исправлено простым приложением списка поправок в конце книги. Причина была серьезнее, и она крылась в необходимости доработки книги, поскольку автору стал известен новый источник – Лаврентьевская летопись. Ю.В. Гусаров предполагает, что все это было сделано по настоянию самого Арцыбышева. Новое, исправленное издание вышло в 1809 г. Делом же всей жизни историка автор называет четырехтомный труд Арцыбышева «Повествование о России».

Сама выдающаяся идея «представить читателям точное...повествование одних соединенных, сличенных, примечаниями объясненных и иностранными источниками дополненных российских летописей» показывает какой огромный труд возложил на себя Арцыбышев. Понимали это и современники ученого. Ю.В. Гусаров цитирует слова историка и археолога Ф.И. Круга, утверждавшего, что подобная задача требует в одном лице соединения таких качеств, как прекрасного владения языком прежних эпох, осведомленности в летописях Европы и Азии, в которых речь идет об истории России, знания всех прежних исследований русских летописей и комментариев к ним. Кроме того, «надобно быть мыслителем и иметь особенный дар соображения», а все это редко совмещается в одном лице (с. 97). Но такой труд появился. Ю.В. Гусаров особо подчеркивает, что эта работа, призванная стать настольной книгой для специалистов и преподавателей, стала ответом на заказ времени, поскольку в начале XIX в. русская историография не располагала обобщающими историческими трудами, а академическое издание летописей находилось в начальном состоянии. Труд, проделанный Арцыбышевым, огромен, и автор исследования не только неоднократно подчеркивает этот факт, но и конкретно показывает, в чем же заключалась сложность и масштабность выполненного исследования. Ю.В. Гусаров вместе с тем отмечает, что публикация источников проведена без

нарушений требований источниковедения и археографии начала XIX в., но он специально оговаривает, что сегодня подобную вольность к документам при их публикации невозможно и представить. Автор рассказывает о непростою пути книги Арцыбышева к читателю, неоднократных доработках рукописи, многолетних поисках издательства. При жизни были изданы первые два тома, а третий вышел в 1843 г., уже после смерти автора. Укоренилось мнение, что четвертый, завершающий, том «Повествования о России» не был опубликован, но Ю.В. Гусаров показал, что седьмая и восьмая книги, составляющие четвертый том, были отпечатаны в середине 1850-х годов, однако издавались по отдельности, а восьмая книга по неизвестным причинам оказалась набранной не до конца. В целом же труд Арцыбышева получил заслуженное признание у специалистов, и его материалы не потеряли своей ценности до сегодняшнего дня.

Значительное место Ю.В. Гусаров уделит полемике Арцыбышева вокруг «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. В книге детально описываются позиции «цивильского затворника» в отношении этого труда, причины и обстоятельства появления его знаменитых «Замечаний на «Историю государства Российского», впервые опубликованных в 1822–1823 гг. в «Казанском вестнике». В целом Ю.В. Гусаров считает, что Арцыбышевым был исправлен ряд фактических неточностей Карамзина, высказаны оригинальные суждения по отдельным вопросам отечественной истории. Особое внимание обращает на постановку проблемы политической ангажированности историка. К сожалению, этот вопрос остается актуальным до сего дня. В то же время Ю.В. Гусаров справедливо подчеркивает, что Арцыбышев не сумел оценить литературного и общественного значения труда Карамзина. Но время все расставило по своим местам, и сегодня имена этих историков мирно соседствуют в отечественной историографии, занимая свои ниши.

Заметное место в книге Ю.В. Гусарова отведено показу роли Арцыбышева в развитии народного образования Чувашии на постах почетного смотрителя вначале Ядринского малого народного, а затем уездных училищ в Ядрине и Чебоксарах. Он был также одним из инициаторов открытия уездного училища в Цивильске, и, как показал Ю.В. Гусаров, его непосредственными стараниями под здание училища был пожертвован дом с хозяйственными постройками. Впоследствии он неоднократно бывал здесь, делал пожертвования, интересовался школьными делами.

К достоинствам рецензируемого исследования я бы отнес стремление автора подробно рассказать об окружении главного героя на всех этапах его жизни, о характере и привязанностях Арцыбышева, о его личной и общественной жизни и т.п. Словом, книга оказывается источником по изучению среды обитания «типичного» землевладельца российской глубинки в первой половине XIX в. При этом в дотошности и скрупулезности подбора и «откапывания» фактов Ю.В. Гусаров схож с героем своего повествования.

В заключение отмечу, что книгу просто приятно и увлекательно читать. Язык ее удачно сочетает научность и живость повествования. Где, например, можно еще встретить описание помещицкой усадьбы с интересными подробностями, в которых объясняются причины строительства крутых и неудобных лестниц на второй этаж, наличие ульев с пчелами у входных дверей домов и т.п.? Уверен, что историография Чувашии пополнилась достойной исследовательской работой в столь редком для нас жанре.

ЧГВ, 2006 г., №1

© **Е.П. Погодин**. Рец. на: **Н.П. Лигенко «Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века»**. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. 432 с.

В последнее десятилетие в исторической, экономической, философской, юридической, психологической, социологической науках и

Евгений Петрович Погодин – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой информационно-экскурсионной деятельности филиала Санкт-Петербургского инженерно-экономического университета в Чебоксарах.

культурологии заметно оживилось изучение феномена российского предпринимательства, учеными ведется большая работа по восстановлению потерянных связей с прошлым. Создан даже диссертационный совет по специальности 08.00.05 (предпринимательство). Правда, опубликованные труды и защищенные диссертации в этой области знания в основном ограничиваются региональными и национальными рамками; работ общероссийского масштаба сравнительно меньше.

Несмотря на значительный размах исследовательских изысканий, история купеческого сословия России нуждается в конкретно-исторических материалах (по возможности массового характера), отражающих всю громадную полиэтничную территорию Российской империи. В этом плане рецензируемая монография кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН Н.П. Лигенко вносит существенный вклад в исследование истории российского купечества, и потребность в появлении подобного труда сомнений не вызывает.

Структура книги, включающая Предисловие, четыре главы, Заключение и Приложения, представляется логичной и адекватной теме исследования; правда, названия глав и параграфов, хотя и правомерные, но стереотипные.

В рамках одной монографии всесторонне и исчерпывающе изучить все проблемы истории купечества Удмуртии капиталистического периода не представляется возможным, поэтому тематика рецензируемой книги ограничивается такими первоочередными социально-демографическими, экономическими и общественными проблемами, как: формирование условий для предпринимательской деятельности, параметры количественного развития купеческого сословия, факторы движения гильдейских капиталов, характеристика количественных показателей купеческой семьи, купеческое промышленное и торговое предпринимательство, благотворительность, купеческие династии. Эти проблемы, безусловно, первоочередные, ибо без наличия достаточно надежных данных об этих основополагающих аспектах купеческой жизни изучение вопросов более высокого порядка вряд ли может быть успешным. Но в целом тематика монографии актуальная, важная, хотя отчасти и традиционна по методам, целям и источникам исследования. В ней собран богатый фактический материал, проанализированы отдельные демографические и социально-экономические процессы, их взаимодействие друг с другом и с различными сферами общественной жизни.

Перечисленные вопросы в монографии изучаются в масштабе четырех уездов Вятской губернии – Глазовского, Елабужского, Малмыжского и Сарапульского (в границы современной Удмуртской Республики вошла основная часть территорий указанных уездов). Такое географическое ограничение предмета изучения правомерно обусловлено достаточно широкими хронологическими рамками второй половины XIX – начала XX вв., когда купечество Удмуртии, как и все российское купечество, вступило в новую, капиталистическую эру.

Для решения поставленных задач автором использовались разнообразные источники из фондов семи центральных и региональных архивов, многие из которых впервые введены в научный оборот. Особенно ценными являются архивные сведения о процессе формирования купеческого сословия, его истоках и количественном развитии.

Хотя рецензируемое исследование регионального плана, но оно построено на выявлении общих и особенных процессов в демографическом и социально-экономическом развитии купеческого предпринимательского слоя региона, смежных районов и страны в целом. Автор учитывает основные научные труды отечественных историков, опубликованные в последние годы по теме исследования, а также использует актуальные методологические (историософские и философские) принципы и методические приемы. Среди них – сравнительно-исторический, системно-структурный, социологический, историко-генетический, историко-статистический, картографический и др. Текстовый материал книги удачно дополняет большое количество фотографий и копий архивных документов, объективно отражающих историю купечества Удмуртии.

В целом работа отличается исследовательским подходом, содержит новый, свежий материал, ценные наблюдения об особенностях демографического развития, о торгово-промышленной, предпринимательской и благотворительной деятельности купцов на территории

Удмуртии. Самое же существенное в монографии Н.П. Лигенко – прекрасная характеристика развития наиболее крупных купеческих династий на территории Удмуртского края в исторической динамике. В книге можно найти индивидуальные портреты наиболее известных купцов той поры, среди которых были действительно колоритные личности всероссийского и международного масштабов (Стахеевы, Ушковы, Александровы и др.). Правда, на мой взгляд, автор несколько увлекается изложением биографий купцов в ущерб выявлению закономерностей и особенностей развития отечественного предпринимательства. Не удалось избежать также схематизма и односторонних оценок в характеристике индивидуальных портретов купцов: как правило, они выглядят несколько парадно.

В Предисловии автор кратко характеризует «возрастную планку российского купечества» с X по XX вв., разбирая понятия «купец», «гость», «посадский тяглец», «предприниматель». Возможно, в этом экскурсе монографии, посвященной истории купцов Удмуртии, не хватает еще одного родственного понятия – «гезик».

В первой главе «Социально-демографическая характеристика купеческого сословия Удмуртии второй половины XIX – начала XX в.» кратко характеризуются условия для предпринимательской деятельности, параметры количественного развития купеческого сословия, основные факторы движения капиталов, количественные показатели купеческой семьи.

Во второй главе «Промышленность – одна из основных сфер предпринимательской деятельности купечества» дается краткий очерк развития промышленности во второй половине XIX – начале XX в., анализируются сословная принадлежность владельцев промышленных предприятий и организационно-правовые формы купеческой предпринимательской деятельности: товарищества (полные, на вере, на паях) и акционерные общества в Вятско-Камском регионе; прослеживается история наиболее крупных купеческих династий, имевших большое влияние на общественно-экономическую жизнь не только Удмуртского края, но и страны.

В третьей главе «Торговля как сфера предпринимательской деятельности купечества. Виды и формы торговли» изучаются периодическая (ярмарки, торжки, базары) и стационарная (лавки, магазины, конторы, биржи и пр.) сферы рынка.

Другой важной стороной общественной деятельности купечества, рассмотренной в четвертой главе монографии Н.П. Лигенко, является благотворительная деятельность. Здесь прежде всего анализируются разные точки зрения на сами понятия «благотворительность», «меценатство», «филантропия» и обосновывается собственное авторское видение теоретических проблем благотворительности. Но в основном эта тема излагается традиционно: речь идет о наиболее крупных купеческих династиях городов Вятско-Камского края, отличившихся особенно большими акциями благотворительности. На наш взгляд, следовало уделить больше внимания теоретическим проблемам благотворительности, таким, как концептуальные, практические и духовные аспекты; благотворительность в России как социальный институт: история и развитие; законодательство о благотворительности и реальная повседневность; цели и виды благотворительности в российском обществе второй половины XIX – начала XX вв.; механизм принятия и реализации пожертвований; обмен опытом и мнениями среди практиков: общественных, государственных и церковных деятелей; доведение информации о ситуации в обществе и о пожеланиях работающих в этой сфере до представителей законодательной власти и общественности; реконструкция национального опыта благотворительности; благотворительность в народном образовании и ее роль в трансформации российского общества; опыт развития фондов местных сообществ в России; специфические функции форм благотворительности; купеческий патронаж и общественное сознание и т.д.

В Заключении делается вывод, что купеческое сословие Удмуртии складывалось преимущественно за счет местного населения. Автор выделяет четыре этапа в эволюционном развитии местного купеческого сословия. В основном выводы книги достоверны, корректно сформулированы основные научные результаты проведенного исследования.

В Приложениях даны списки купцов за 1870 и 1900 гг., списки товариществ: торговых домов (товариществ полных и на вере) и акционерных обществ; данные о частной земельной собственности купцов, о промышленных заведениях; сведения о правах торговли, этические нормы («Кодекс предпринимателя»), извлечения из Устава торгового. Наиболее ценными являются табл. 4–10 из Приложения II, отражающие состояние ярмарок, базаров, торжков и

объемы хлеба, закупленного владельческими конторами. Под каждой из таблиц монографии указаны источники.

При общей положительной оценке монография не лишена, на наш взгляд, некоторых упущений.

Историографический обзор литературы достаточно традиционен, без углубленного анализа достижений историков, решенных и нерешенных проблем и вопросов. Здесь, на с. 8, автор сетует на то, что в отечественной культурологии остается практически неизученной купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. с вопросами о ее составе, быте, укладе, воспитании и образовании. Внимательное знакомство с литературой по истории российского купечества убеждает в том, что данный вывод Н.П. Лигенко можно оспорить, так как по затронутой проблеме опубликованы научные статьи, монографии, защищены диссертации¹.

Для глубокого и полноценного научного анализа желательна оценка достоверности и предвзятости источников; описание методики исторической критики использованных документов вообще отсутствует. Правда, источниковедческий анализ ряда документов, используемых автором, проведен другими историками, поэтому и нет нужды повторно воспроизводить его в монографии. Анализ важной группы первичных источников – мемуаров, дневников современников событий и эпистолярного наследия отечественных и зарубежных предпринимателей XIX–XX вв. – остался за рамками исследования.

Отсутствие в монографии Н.П. Лигенко сравнительных массовых данных о развитии купеческого сословия Вятско-Камского региона на конец XVIII – 50-е гг. XIX в. (демографическом поведении, торговой и промышленной деятельности купцов) ощутимо колеблют общие выводы автора о том, что в указанный период в эволюционном развитии купеческого сословия определяющим фактором являлась торговая деятельность купечества, что этот период связан только с первоначальным накоплением капитала, сопровождавшимся выходом его владельцев преимущественно из крестьянского либо мещанского сословий с приобретением гильдейского свидетельства; что социальную среду формирования купечества в дореформенный период в подавляющем большинстве составляли крестьяне (с. 308, 315–316). По сути, подобные выводы просто постулируются или в лучшем случае иллюстрируются данными о размахе периодической торговли и социальной мобильностью отдельных купеческих фамилий.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Н.П. Лигенко в своей монографии характеристику количественных показателей купеческих семей (Глава 1, § 4) основывает только на данных по г. Сарапулу и поселкам Ижевского и Воткинского заводов по состоянию лишь на 1897 год, т.е. фактически игнорируется необходимость исторического подхода.

Совершенно обойдены автором такие актуальные проблемы, как купеческое предпринимательство в финансовой сфере, сервисное предпринимательство (сфера услуг), сельскохозяйственные занятия купцов, взаимоотношения между купцами и наемными рабочими.

В работе, посвященной ведущей социальной группе капиталистической России, не может не прозвучать и тема, связанная с изучением общественного сознания. В рецензируемой монографии нет отдельного параграфа, посвященного проблеме менталитета предпринимательского класса, особенно философии, духовному миру удмуртских купцов. Обращает на себя внимание опыт изучения российскими специалистами такого направления в изучении сознания российских предпринимателей, как рассмотрение религиозно-нравственного типа; речь идет в первую очередь о православном типе сознания, его исконных приоритетах, определяющих национальный тип хозяйствования. Правда, автор через биографии отдельных купеческих династий, в том числе купцов-раскольников, доносит до читателя определенные ценностные ориентации купечества Удмуртии.

Такой интересный аспект купеческой темы, как власть и купечество, достойный отдельного раздела в монографии, также не получил должного освещения. Здесь следовало рассмотреть участие представителей купечества в выборных органах городского и земского самоуправления, состав городского общественного управления, в значительной степени определявший характер и направление деятельности общественных органов. Было бы интересно узнать о результатах избирательных кампаний по выборам в городские думы, о распределении недвижимой собственности в городах по сословиям, о взаимодействии с властью, земством, дворянством и партнерами, о работе в Государственной думе и пр. К сожалению, изучение этой важной темы ограничилось упоминаниями об участии отдельных представителей купеческих династий в работе органов самоуправления городов Удмуртии.

В сравнительно небольшой главе, посвященной изучению благотворительной деятельности купечества, автор ограничивается простым пересказом фактов и привычными оценками. Пока это в основном эскизные наброски, но они ориентируют на более глубокую разработку одного из популярных сюжетов о купечестве. К сожалению, в данной главе оказались не упомянутыми некоторые вопросы, заслуживающие внимания. В частности, в конце XIX в. в России началось движение по открытию детских приютов им. великой княжны Ольги Константиновны («ольгинских детских приютов трудолюбия»). Нам представляется, что подобное движение было и на территории Удмуртии.

В дальнейшем, надо надеяться, сюжеты, оставшиеся нераскрытыми, будут освещены.

Книга выиграла бы, если в ней нашлось место для отдельного описания библиографии, Списка использованных автором архивных фондов и дел, Указателей именного и географических названий, которые существенно помогли бы читателям ориентироваться в большом объеме информации, преподнесенной читателю.

Конечно, применительно к рецензируемой работе возможны и другие замечания, ибо нет предела совершенству. Однако в целом, несмотря на отмеченные упущения, монография Н.П. Лигенко очень нужна как для профессиональных историков, так и для краеведов-любителей: «удмуртский опыт» может оказаться полезным исследователям других республик и областей, подготавливающим аналогичные издания. Она создает хорошую основу для дальнейшего научного изучения непростой истории купечества России, и хочется надеяться, что рецензируемая монография будет не последней на избранном автором «тернистом пути».

Л и т е р а т у р а

¹ *Гончаров Ю.М.* Сибирская купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (По материалам компьютерной базы данных купеческих семей Томской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997; *он же.* Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. М., 1999; *он же.* Быт купечества Сибири второй половины XIX – начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 21–26; *Судакова О.Н.* Культура русского купечества (20-е гг. XVIII – начало 60-х гг. XIX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998; *Брянцев М.В.* Культура русского купечества. Воспитание и образование. Брянск, 1999; *Обухова Г.И.* Воспитание и профессиональная подготовка сыновей в купеческой среде Вятской губернии в конце XVIII – 70-х гг. XIX вв. // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв. Материалы Международной научной конференции: Екатеринбург, 29 ноября – 2 декабря 1999 г. С. 135–237; и др.

ЧГВ, 2006 г., №1

© **Габор Берекци.** Рец. на: **Юдит Дмитриева.** **Чувашские народные названия дикорастущих растений** // *Studies in Linguistics of the Volga Region.* Vol. 1. Debrecen, 2001. 212 p.

Рецензируемая работа увидела свет в качестве первого тома новой серии, выходящей на английском, русском, немецком и венгерском языках. Мы рады приветствовать эту серию, так как она своими результатами обогащает ареальные исследования и, помимо тюркских языков данного края, проливает свет и на прошлое многих финно-угорских языков, в том числе и венгерского, а кроме того, предоставляет много ценных данных и для русского языка. Из Введения к книге Андраша Рона-Таша на английском языке становится ясно, что данная серия дает возможность публиковаться не только лингвистам, но и историкам и этнографам.

Монография Юдит Дмитриевой (Юдит Салонтаи) это, с точки зрения методики, строго выдержанная работа. Материал исследования взят из 17-томного Чувашско-латинско-русского

Габор Берекци – доктор филологических наук, профессор, в настоящее время преподает в университете Удины (Италия).

словаря Н.И. Ашмарина. Вместе с названиями грибов автор рассматривает около 350 видов растений, но это означает намного больше слов, т.к. одно растение, к примеру, может иметь целый ряд диалектных названий.

Ю. Дмитриева названия деревьев и трав рассматривает по группам, в зависимости от их этимологической принадлежности, в такой последовательности: 1. Пратюркского происхождения; 2. Булгаро-тюркско-чувацкого происхождения, т.е. фитонимы внутреннего образования; 3. Заимствования: а) кыпчакские (татарские, башкирские); б) финно-угорские (марийские, удмуртские, мордовские); в) индоевропейские (русские, иранские).

В этимологической группировке названий деревьев и трав есть небольшое расхождение, но это не имеет принципиального значения.

В случае названий трав автор после кыпчакских заимствований приводит названия русского и финно-угорского происхождения и только после них рассматривает персидские и монгольские заимствования, попавшие в чувашский через посредство татарского языка. С практической точки зрения это нормально, однако с лингвистической точки зрения эти слова должны были рассматриваться под отдельным подзаголовком. Для чувашского языка они являются такими же татарскими заимствованиями, как и изначальные кыпчакские слова.

В отношении татарских заимствований хочется упомянуть, что я все еще не считаю правильным использование знака *п*. Он соответствует знаку p фонетической транскрипции Сетяля. В казанско-татарском языке много веков тому назад произошло звукоизменение $\text{p} > \text{p}$, значит, использование знака *п* вводит в заблуждение. Однако здесь Дмитриева ни при чем, т.к. данный знак общеизвестен в тюркологии, он встречается даже в работах известнейших тюркологов.

Автором в одинаковой мере использована как российская, так и западная специальная литература по теме, в том числе и венгерская. Встречающиеся в монографии толкования слов служат ценным материалом к этимологическому словарю языков всего Волжско-Камского ареала. Чтобы показать, какими новыми результатами обогащает этимологические исследования рассматриваемая работа, я, будучи исследователем марийского языка, продемонстрирую на основе марийского несколько характерных примеров. Со своей стороны, при возможности, буду уточнять установки Дмитриевой.

Автор занимает правильную позицию, считая чув. *palan* «калина» словом татарского происхождения (ср. тат. *palan*) (33–34). Однако употребляющееся в большинстве марийских диалектов *polan* «гж» может быть только чувашским заимствованием. Это значит, что в чувашском данное слово должно было существовать еще до заимствования его из татарского языка. Возможно, что в чувашском под воздействием татарского изначальный фонетический облик слова подвергся некоторым изменениям. Это могло происходить и в случае мар. *polan* «гж» (Веке СК И).

Название мар. диал. *p[ɛ]lm[ɔ]h* (букв. «рябиновая ель») можем объяснить только на основе книги Дмитриевой. Чув. *pile'ь хоргк ирг'ь* «гж» буквально означает «ель с корой рябины» (38).

Мар. *pire* «волк» М. Ряснен (ТЛИ 53) считает словом татарского происхождения, однако оно не может произойти из тат. *byre* (в марийском из *ь* не развивается *i*). Из приведенных Ю. Дмитриевой фитонимов во многих имеется слово *pir* «волк», к примеру, *pir py'iam* «волчье лыко» (46–47) (ср. мар. *pir wond* «гж»). На основе всего этого мы вправе предполагать, что когда-то в чувашском самостоятельно существовало слово *pir* со значением «волк», которое потом перешло и в марийский язык.

Во многих соседних с чувашским языком марийских диалектах название крапивы *poukalδ'ь*, производное от *poukaltem* «щиплет, жжет». Марийское слово, по всей видимости, результат внутреннего образования, т.к. таким же образованием является и чув. *vulturen* «крапива». Помимо этого во многих более отдаленных тюркских языках встречается название крапивы, образованное подобным образом (50–51).

Ю. Дмитриева среди марийских заимствований чувашского перечисляет слова *pelet*, *pelet'ь*, *pilet'ь* «цветок». Формы *pelet'ь*, *pilet'ь* несомненно являются заимствованием мар. КН *peledδ'ь*. Марийское слово – производное от *peledδm* «цвести». В современном марийском

языке в настоящее время не имеется соответствия существительного *pelet*. По-видимому, чувашский язык хранит уже потерянное марийским слово.

Можно еще продолжить перечисление, но и этого достаточно для того, чтобы показать ценность монографии Ю. Дмитриевой.

Автор рассматривает и структуру фитонимов: имеются односложные, производные и составные. Эта глава для этимолога полезна выявлением и расшифровкой калек. Она имеет определенный интерес и для представителей других наук, потому что автор затрагивает и вопросы маркеров годности, характерных свойств, несъедобности, пола и возраста растений. Кроме того, отдельная глава посвящена распространению двусложных названий. Она различает собственно чувашские, региональные и универсальные модели.

В третьей главе работы Дмитриевой рассматриваются названия грибов (всего 10 с.). В отличие от названий деревьев и трав 67 миконимов (названий грибов) не требует особого рассмотрения. Встречаются среди них русские заимствования, само название гриб чув. *kɛmpa* тоже древнерусского происхождения (*g/lba*), которое, как общеизвестно, из болгаро-тюркского перешло и в прапермский язык. Небезынтересно, что подобно названиям деревьев и трав среди них в чувашском не находим кыпчакских или финно-угорских заимствований.

Автор чувашские названия грибов классифицирует по 7 группам мотивации. Ими являются: 1) цвет; 2) какое-либо свойство (вкус, запах); 3) то, под каким деревом растет; 4) название животного (*laʎa kɛmpɪ*, букв. «лошадиный гриб»); 5) название растения (*nraʎ kɛmpɪ* букв. «рожь-гриб»); 6) типичная внешняя черта (*kɛtra kɛmpɪ* «кудрявый гриб»); 7) Место произрастания (*navus kɛmpɪ* букв. «навозный гриб»).

Если среди чувашских названий грибов и не имеется других заимствований, кроме русских, мы можем быть уверены, что в языках региона обнаруживаются многочисленные кальки. К примеру, только что приведенное чув. *navus kɛmpɪ* в марийском тоже фигурирует как навозный гриб (*ʎирпо ηgo*), а марийской параллелью чув. *nraʎ kɛmpɪ* является *kindlwo ηgo* «зерновой гриб».

В конце книги находим чувашско-русско-латинский список названий трав.

В завершение могу сказать, что качественная работа Ю. Дмитриевой содержит ценные данные для лучшего познания словарного фонда языков Волжско-Камского ареала. Со строгой методичностью она раскрывает нам сложные взаимоотношения языков. Было бы неплохо, если бы автор нас порадовал сходной монографией, скажем, по чувашским названиям животных.

Монография и внешним оформлением вызывает симпатию.

Примечание

¹ NyK 100. Budapest, 2003, 358–360 p.

ЧГВ, 2006 г., №1

© В.Н. Холопова. Рец. на: М.Г. Кондратьев. Степан Максимов: Время. Творчество. Масштаб личности. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2002. 334 с.

Доктор искусствоведения Михаил Григорьевич Кондратьев хорошо известен как фундаментальный исследователь актуальных аспектов музыковедения. Его заслугой является разработка большого комплекса теоретических проблем, раскрывающих богатство и оригинальность чувашской народной музыки. Здесь ему принадлежит и опубликованная книга «О ритме чувашской народной песни» (Москва, 1990), и

Валентина Николаевна Холопова – доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой междисциплинарных специализаций музыковедов Московской государственной консерватории.

научный комментарий к солидным нотным публикациям чувашской песни¹, и многие десятки научных статей на ту же тему². Исследовательский подход М.Г. Кондратьева отличает не только доскональное знание конкретного музыкального и этнографического материала, но и передовые методы анализа этого материала. В результате культура чувашского народа рассматривается не как замкнутое в себе явление, а как одна из культур мира, со своими неповторимыми чертами. Особенности эти исследователь устанавливает, применяя методы, существующие в мировой музыкальной науке, с учетом теорий древности и современности, Запада и Востока. Рассмотрение музыкальной культуры чувашского народа в системе глобального художественного опыта – высокая заслуга данного ученого.

Новая книга М.Г. Кондратьева «Степан Максимов. Время. Творчество. Масштаб личности» (Чебоксары, 2002) – труд и нового типа для ее автора, и в то же время закономерно вытекающий из всей его предыдущей научной деятельности. Он продолжает линию его исследований, благодаря всемерной преданности автора интересам чувашской культуры, академическим знаниям в этой области и научной точности в любой своей профессиональной работе. Но этот труд, благодаря сосредоточению его на одной фигуре выдающегося чувашского музыканта Степана Максимова, а также краеведческому направлению, делает достоянием всеобщего внимания целый пласт культуры из истории Чувашии. М.Г. Кондратьев поднимает и анализирует факты не только из биографии С. Максимова, но и множества людей, встречавшихся на его пути, вызывая из забвения и небытия образы музыкальных деятелей, исполнительские коллективы, программы звучавших некогда концертов, практику записей и обработок народных чувашских песен, усилия отдельных музыкантов по развитию музыкального образования, человеческие судьбы, страсти, интересы.

Конечно, главным результатом монографии М.Г. Кондратьева является раскрытие значения в отечественной культуре ее главного героя, основоположника чувашской профессиональной музыки Степана Максимовича Максимова (1892–1951). Оказалось, что автор книги в свое время окончил и Чебоксарскую музыкальную школу им. С.М. Максимова, и Чебоксарское музыкальное училище, основанное тем же музыкантом. Начав с уточнения даты рождения Максимова, Кондратьев последовательно, шаг за шагом проследил все этапы его жизни и творческой деятельности, приведя множество неизвестного ранее документального материала, фотоиллюстраций, а также нотных образцов.

Этапами показа жизни и творчества Максимова по годам стали 17 глав книги, с Предисловием, Заключением и Приложением, содержащим списки музыкальных произведений, научных трудов, как и имен предков и потомков С.М. Максимова. Со страниц книги встает многообразно одаренный музыкант, одержимый желанием сделать для культуры все возможное, наделенный упорством и энтузиазмом, умением достигать высоких задач, но подрезанный в 1937 г. ссылкой на 10 лет, после которой он едва смог оправиться и проработать еще несколько лет.

Среди значительных фактов книги назову следующие: образование в Чувашской школе симфонического оркестра (1911–1912), показ отрывков оперы «Жизнь за царя» (1913), самые первые записи народных чувашских песен, первое композиторское сочинение (Максимова), преобразование усилиями Максимова музыкальной школы в Чувашский музыкальный техникум (1929), исполнение хоровой композиции «Алран кайми аки-сухи» на ответственных концертах, также и в присутствии И.В. Сталина (1929 и 1936), обучение в Московской консерватории, общение с крупнейшими педагогами-теоретиками, исполнение произведений Максимова во Франции (1934), изучение книг чувашского музыканта выдающимися западными специалистами в этой области знаний Белой Бартоком и Золтаном Кодаем («сборник песен родственного нам народа»), первый опыт чувашской инструментальной музыки (1933), арест Максимова (1937), его участие в лагерном оркестре, освобождение (1947), замалчивание как композитора, посмертная официальная реабилитация в 1955 г.

Крупная монография М.Г. Кондратьева «Степан Максимов. Время. Творчество. Масштаб личности» – настоящая творческая «реабилитация» С.М. Максимова как видного отечественного музыканта и деятеля, поскольку его выдающиеся заслуги перед культурой здесь впервые показаны в полном, собранном виде. Вместе с раскрытием значения Максимова раскрыт и большой пласт отечественной культуры.

Примечания

¹ Песни низовых чувашей. Кн. 1, 2. / Сост. *М.Г. Кондратьев*. Чебоксары, 1981. 144 с.; 1982. 176 с.; Песни средненизовых чувашей / Сост. *М.Г. Кондратьев*. Чебоксары, 1993. 336 с.

² *Кондратьев М.Г.* К вопросу о типологии чувашской музыки // *Чувашское искусство*. Вып. 70 / ЧНИИ. Чебоксары, 1976. С. 53–73; *он же*. Метроритмическое строение чувашских народных песен // *Советская музыка*. 1976. № 3. С. 115–117; Многослоговой стих низовых чувашей в его взаимодействии с музыкальной формой // *О чувашском искусстве / Труды ЧНИИ*. Вып. 75. Чебоксары, 1977. С. 3–37; *он же*. К проблеме типологии ритма // *Советская музыка*. 1983. № 7. С. 89–94; и др.

ЧГВ, 2006 г., №1

© **Г.А. Комарова**. Рец. на: **В.В. Николаев, Г.Н. Иванов-Орков, В.П. Иванов. Чувашский костюм от древности до современности**. Москва–Чебоксары–Оренбург. 2002. 400 стр., илл.

Научно-художественное издание «Чувашский костюм от древности до современности» представляет собой первую, наиболее полную публикацию по народному костюму чувашей начиная с XVIII в. и до наших дней.

Особенность издания в том, что в него включены уникальные коллекции этого яркого и оригинального проявления чувашской культуры. Костюмы выявлялись не только в Чувашской Республике, но и в регионах Российской Федерации, где чуваша проживают компактными группами не одну сотню лет: в Татарстане, Башкортостане, Оренбургской, Самарской, Саратовской и Ульяновской областях.

Главной целью своей работы авторы определили показ чувашского костюма как выразительного художественного ансамбля и значительного исторического памятника. Для этого был решен ряд задач: выявлены, исследованы и сфотографированы в музеях страны и в специальных экспедициях по Поволжско-Приуральскому региону ценные костюмные коллекции; осуществлена систематизация разнообразных типов костюма, раскрыты их форма и образное содержание; выявлены в музейно-архивных собраниях и опубликованы старинные фотографии чувашского костюма, рисунки и картины; показано, как живет и чувствует себя народный костюм сегодня, каковы современные тенденции его развития.

Архитектоника издания продумана весьма тщательно. Книга состоит из 11 разделов, а именно:

1. История и эволюция; 2. Естественность и совершенство; 3. Костюм верховых чувашей; 4. Костюм средненизовых чувашей; 5. Костюм низовых чувашей; 6. Костюм чувашей диаспоры; 7. Современный костюм; 8. Чувашский костюм в зарубежных музеях; 9. Аннотированный научный каталог; 10. Терминологический словарь; 11. Расширенное резюме на английском языке.

В каждом разделе рассматриваются орнаментированные одеяния, головные уборы, украшения, а также характерные ансамбли костюмов – женских, девичьих, мужских, свадебных.

Все разделы, включая Приложения, выполнены на трех языках (чувашском, русском, английском), что расширяет круг читателей и позволяет знакомить зарубежную общественность с чувашской культурой.

Авторы имеют значительный опыт исследований в области народной культуры. Руководитель проекта, В.В. Николаев, – действительный член Российской академии естественных наук, доктор технических наук, признанный исследователь древней истории чувашей, инициатор создания высокохудожественных трудов по проблемам этнической истории и культуры. Г.Н. Иванов-Орков занимается изучением костюма более 25 лет, является основателем коллекции

Галина Александровна Комарова – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

народного искусства в Чувашском государственном художественном музее. Научный руководитель проекта, В.П. Иванов, – известный ученый-этнограф, доктор исторических наук, научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Необходимо особо отметить тот факт, что издание осуществлено не за счет бюджета Чувашской Республики, а исключительно на средства некоммерческой организации – Фонда историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова (зарегистрированного в г. Москве в 2001 г.), основателями и руководителями которого являются двое из авторов – В.В. Николаев и В.П. Иванов.

Высокий научно-теоретический и художественный уровень придало книге участие в качестве консультантов известных ученых – доктора искусствоведения, заслуженного деятеля искусств Российской Федерации А.А. Трофимова (г. Чебоксары), профессора искусствоведения Мэри Б.Келли (Нью-Йорк, США), кандидата искусствоведения, заслуженного работника культуры Российской Федерации Л.М. Лойко (Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург), этнографа, кандидата исторических наук И.Г. Петрова (г. Уфа).

Издание – не простой фотоальбом, подобно большинству отечественных книг по народному искусству и костюму. Концепция универсальной книги, используемая в нем, позволяет сочетать качественный альбомно-иллюстративный ряд и оригинальный текст, основанный на строгой научности.

Тема костюма раскрывается комплексно – на стыке этнологии, истории, археологии; особое внимание уделено искусствоведческим аспектам. Представлен не ряд отдельных произведений-шедевров, а цельный ансамбль костюма. Рассматриваются история, символика и художественно-образные особенности костюма, приемы исполнения у разных этнографических и территориальных групп чувашей.

Книга посвящена тому, что принято называть «костюм» – преимущественно праздничным женским нарядам, которые ярче отражают идеалы народа и более выразительны в художественном отношении. Они являются не столько предметами быта, сколько ценнейшей частью чувашской национальной и общемировой культуры, подлинными произведениями искусства.

Не только в прошлом, но и сегодня чувашский народный костюм продолжает играть роль самого выразительного национального символа. Однако он до сих пор оставался почти «terra incognita» для специалистов и массового читателя. О нем пока еще не опубликовано ни одной специальной работы. Данное издание восполняет этот недостаток и позволяет получить ясное представление о художественно-историческом значении чувашского костюма. Можно утверждать, что таким образом воплотились в жизнь идеи, вынашиваемые многими поколениями ученых, деятелей отечественной культуры и науки.

В книге показаны только подлинные костюмы XVII–XX вв. из 20 музеев России – Санкт-Петербурга, Казани, Уфы, Саратова, Ульяновска, Самары, Оренбурга, Чувашии, а также Финляндии и США. Включены материалы экспедиций авторов по Чувашии, Башкортостану, Татарстану, Пензенской, Оренбургской, Самарской, Саратовской, Ульяновской областям. Широко представлены шедевры народного искусства: орнаментированные рубахи, украшения из серебра и бисера, вышитые аксессуары. Особую ценность изданию придает публикация полных костюмных комплексов-ансамблей (некоторые из них состоят из 15–20 предметов), с показом способов их одевания и ношения. Представлены произведения живописи и графики, а также редчайшие старинные фотографии, отражающие тему костюма. Собранные в издании с достаточной полнотой материалы позволяют проследить региональные особенности костюма и развитие его образа в течение нескольких веков.

В издании использованы музейные экспонаты или предметы, сохранившиеся в народной среде: костюмы (полные комплекты), ценные в художественном отношении принадлежности и аксессуары (головные уборы, украшения, подвески), а также фрагменты изделий и орнамента. Большинство из этих уникальных памятников публикуется впервые.

Одной из своих задач авторы книги поставили показ единства традиционных костюмов и человека, поэтому впервые чувашские костюмы представлены на живых моделях. Это подчеркивает конструктивность форм и объемов, их пропорции и выразительность, а также органичную взаимосвязь всех элементов. Происходит своеобразное слияние естественной

человеческой красоты с совершенством художественно-эстетического и конструктивного образа традиционного костюма.

Исследование выполнено на основе уникальных архивных источников, музейных коллекций и красочных иллюстраций, полученных в ходе специальных студийных и экспедиционных фотосъемок. Особую информативную ценность придает книге богатый словарно-справочный аппарат с русско-английским аннотированным каталогом. Текст написан в увлекательной и доступной широкому кругу читателей форме.

Таким образом, научно-художественное издание «Чувашский костюм от древности до современности» является принципиально новым, глубоко содержательным, уникальным исследованием по народному искусству. Его вполне можно считать пионерской в своей области работой. Книга имеет как научное, так и общекультурное и практическое значение. Большинство материалов атрибутировано, введено в научный оборот и представлено широкой публике впервые. Используются только подлинные костюмы и экспонаты, отличающиеся высокой историко-художественной ценностью, являющиеся особо значимыми памятниками отечественной культуры.

С учетом возросшего в современном российском обществе интереса к культурному наследию и народному искусству данное издание имеет крайне актуальный характер. Собранные, систематизированные и представленные в красочных иллюстрациях шедевры из музейных коллекций России и зарубежья могут быть применены в научной, педагогической и практической работе. Книга уже широко используется в изучении курса народного искусства студентами вузов, художниками-прикладниками и модельерами в создании современного костюма, в том числе и для концертных организаций и фольклорных коллективов в различных регионах России.

Особая значимость данного издания состоит в том, что на примере разнообразных костюмов чувашей, расселенных в регионах России и впитавших все лучшее из традиционного искусства русского, татарского, башкирского, марийского, мордовского народов, в книге раскрывается живой процесс взаимообогащения национальных культур. Это подтверждает, что народы Поволжья и Приуралья располагают многовековым культурным потенциалом для мирного и гармоничного межэтнического взаимодействия и в наши дни. Прошедшие с большим успехом в 2004–2006 гг. выставки цветных постеров (50Ч70 см) с иллюстрациями из данной книги-альбома способствуют развитию межрегиональных культурных связей в Российской Федерации.

В ходе семинаров, организованных авторами совместно с Национальной библиотекой Чувашской Республики в Татарстане, Башкортостане, Пензенской, Самарской, Ульяновской и Саратовской областях, были проведены презентации книги.

Данный труд уже вносит большой вклад в сохранение культурного и исторического наследия народов, становится своеобразной моделью для подготовки аналогичных изданий в областях и национальных республиках России. Выпущенный в 2005 г. фотоальбом «Народный костюм Пензенской губернии» полностью повторяет концепцию, структуру и формат книги «Чувашский костюм». Один из его авторов, Г.Н. Иванов-Орков, был приглашен пензенским издателем для составления «чувашской» главы, а В.П. Иванов стал одним из научных консультантов этого фотоальбома.

«Чувашский костюм» издан в 2002 г. тиражом 10 тыс. экз. на русском, чувашском и английском языках, отпечатан в типографии в Финляндии, имеет альбомный формат, содержит 420 полноцветных иллюстраций. Высокое качество полиграфии и изысканность оформления ставят ее в один ряд с лучшими произведениями книжного искусства.

Книга получила широкое общественное признание в Российской Федерации. В 2003 г. она стала лауреатом всероссийского конкурса Ассоциации книгоиздателей России «Лучшие книги года», в октябре 2003 г. прошла успешную презентацию на 4 стендах Международной Франкфуртской книжной ярмарки. Авторской группой получены десятки отзывов из федеральных и региональных музеев, библиотек, издательств, средств массовой информации, с высокой оценкой его значимости и новизны.

Совершенно заслуженно авторы издания «Чувашский костюм: от древности до современности» были удостоены в июне 2006 г. знака высокого общественного признания – Государственной премии Чувашской Республики за 2005 г. в области литературы и искусства.

Данная монография – оригинальное фундаментальное исследование по искусствоведению, религиоведению и этнологии, блестяще выполненное путем сравнительного (сопоставительного) анализа чувашских языческих и дунайскоболгарских надгробных памятников XVIII–XX вв. На историческую общность надгробий этих народов впервые, в 1929 г., обратили внимание Т.С. Пассек и Б.А. Латынин. Они указали на ряд общих признаков антропоморфных надгробий язычников-чувашей и дунайских болгар и сделали вывод о том, что «эти параллели будут означать не только типологически связанные факты, но и являться звеньями одного генетического рода»¹. Известный чувашский этнолог доктор исторических наук, профессор П.В. Денисов в своей монографии «Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей» (Чебоксары, 1969. С. 93–97, рис. 22) привел ряд новых аргументов в подтверждение выводов Т.С. Пассек и Б.А. Латынина, провел сопоставительный анализ трех чувашских надгробий с четырьмя дунайскоболгарскими. Т.С. Пассек, Б.А. Латынин, П.В. Денисов не ставили цели искусствоведческого анализа сравниваемых надгробий.

Возможность проведения глубокого сравнительного искусствоведческого, религиоведческого, этнологического и философского исследования надгробий чувашей – потомков тюркоязычных волжских болгар – и ославянившихся дунайских болгар появилась лишь к концу XX в. Надгробия всех областей Болгарии исследовались чешским ученым К. Шкорпилом и болгарскими этнологами и искусствоведами Н. Райновым, В. Захариевым, А. Васильевым, П. Петровым, Р. Сефтерским, Х. Вакарелским, С. Генчевым, Р. Дражевой, К. Моравеновым, И. Любеновой, И. Генчевой, Д. Овчаровым в течение всего XX в. (но они не проводили сравнений с чувашскими надгробиями). Надгробия чувашей-язычников впервые исследованы в 80–90-х гг. XX в. в основном доктором искусствоведения А.А. Трофимовым: результаты исследования изложены в ряде статей и в замечательной, богато иллюстрированной цветными фотоснимками монографии «Чувашская народная культовая скульптура» (Чебоксары, 1993). Им в искусствоведческо-этнологическом плане исследованы все ставшие известными чувашские языческие надгробия. Однако он не преследовал цели сравнительного анализа чувашских надгробий с дунайскоболгарскими и лишь на с. 220–223 приводит рисунки болгарских надгробий.

Во «Введении» своей монографии Ю.А. Трофимов, определяя проблематику, цели и задачи искусствоведческого сравнительного исследования чувашских и болгарских надгробий, исходит из того, что народная монументальная культовая скульптура, благодаря своей природе и специфике, целостно сохранила следы древних представлений и миропонимания, что каноны, живущие в скульптурной пластике тысячелетиями и существующие по сей день, глубокие традиции двух родственных народов позволяют, с одной стороны, искать истоки сложившихся своеобразных форм монументального искусства, а с другой – ставить проблемы их художественной целостности и общности.

Указывая, что сопоставительное исследование произведений народной монументальной культовой пластики как болгарскими, так и чувашскими учеными проведено недостаточно (фактически почти что не проведено), методы исследования не выработаны, автор считает, что решение стоящих перед ним проблем требует не только кропотливого сравнения фактического материала, но и выработки новой методологии, «исходящей как из самих произведений, так и из миропонимания наших древних предков, синтеза религий» (с. 4). Решение проблем мо-

Василий Димитриевич Димитриев – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения и архивоведения Чувашского государственного университета.

жет открыть в эволюции искусства источники новых тем, художественных образов и философских мыслей.

Поставленные цели и задачи исследования автором полностью выполнены в четырех главах монографии. В главе I «Наука о народной монументальной культовой скульптуре: исследования, памятники и ареалы их распространения» обстоятельно и компетентно проанализирована литература, выяснены территория расположения сравнительно исследуемых памятников, обстоятельства их выявления и изучения. Анализ показывает, что в Болгарии «процесс проникновения в тайны композиционных приемов, образной системы, технических способов создания произведений культовой скульптуры начался намного раньше, чем в Чувашии», т.е. этот процесс фактически шел в течение всего XX в., особенно усиленно – в 70-х–90-х гг. В Чувашии он интенсивно происходил в 80 – начале 90-х гг. XX в. «Однако в сравнительном исследовании памятников двух народов – чувашей и дунайских болгар, выявлении их исторической общности и художественной целостности сделаны лишь незначительные шаги» (с. 51). Как уже указывалось, монография и посвящена решению этой важнейшей задачи.

Глава II – «Народная монументальная культовая скульптура: понятие, антропоморфизм, синкретизм, полиобразность». В ней на огромном фактическом материале, как и во всех главах, с приведением рисунков используемых памятников, доказывается, что дунайскоболгарские виды культовой скульптуры – «памятник», «крест», «кукла», чувашские «юпа», «палк», «салам калакё» (дощечка приветствия) до VII в. н.э. для болгаро-сувар Северного Кавказа были общими. Эти надгробия различаются понятиями «временные» и «вечные». В XVIII–XIX вв. первые создавались из дерева, вторые – из дерева, камня, мрамора, металла. Уход аспаруховых болгар на Дунай, серебряных болгар – в Волго-Камье в конце VII в. привел к разобщению болгарской культовой скульптуры не только территориально, но и в условиях ее эволюции. Монументальное культовое искусство дунайских болгар развивалось в условиях ассимиляции болгарского языка славянским и относительно ранней их христианизации, а в Волжской Болгарии, позднее в Чувашии, в XVIII–XIX вв. среди чувашской диаспоры – в традициях древней языческой (народной) веры, не испытывая влияния ни ислама, ни православия. Несмотря на разобщенность, все определяющие признаки и в смысловом, и в искусствоведческом качествах надгробия двух ареалов их распространения сохранили. Автор доказывает, что в прошлом намогильный памятник существовал в связи с природной средой, с верхними и земными богами, являлся предком семьи и рода, посредником между всевышним и людьми, выступал осью Мироздания, моделью Вселенной. В то же время он являлся скульптурой – произведением искусства, воплощающим образ конкретного человека, нес в себе и функцию архитектуры.

В данной главе особенно глубоко исследованы и аргументированы вопросы антропоморфизма, синкретизма и полиобразности всех видов надгробий Дунайской Болгарии и Чувашии, наследницы Волжской Болгарии.

Анализ фактического материала главы III – «Народная «временная» культовая скульптура: канон, композиция, структура, образ» и главы IV – «Народная «вечная» культовая скульптура: канон, композиция, структура, образ», безусловно, квалифицированно, с высокой компетентностью проведенный со смысловым (в языкознании: семантическим или семиологическим) и искусствоведческим подходом, позволил сделать автору следующие выводы:

1) Хотя пути развития дунайскоболгарской и чувашской скульптуры различны, но их сущность, смысловое значение и основные признаки совпадают, имея определенные расхождения в частностях. Так, чувашские скульптуры характеризуются наличием богатых формами эдикул, а «на болгарских их всего несколько, и назначение у них иное» (с. 132).

2) «Принципы формообразования культовой скульптуры как у дунайских болгар, так и у чувашей исходят из древних представлений о Вселенной со светилами, небесными водами и культа предков» (с. 131). Как у первых, так и у вторых антропоморфная скульптура представлена в вечной скульптуре четырьмя типами.

3) «Композиция продиктована торсом человека и растущего дерева. Порою оба объединяются в единое целое. В построении немалое место занимают элементы одеяния и украшений, орнаментальные мотивы и текст надписей, знаки религии, атрибуты профессии и т.д.» (с. 131).

4) «В изображениях главное место отведено симметрии. Монументализм достигается простыми художественными средствами и символами. В технических приемах преобладают схематизм, условность и большие размеры» (с. 131).

5) Канон служил не тормозом, а движущей силой развития культовой скульптуры обоих народов. «Именно его мощная энергия стала оплотом сохранения древних форм культовой скульптуры до наших дней» (с. 131).

6) Чувашский фактический материал свидетельствует, что сооружение *юпа* символизирует сотворение Мироздания, что процесс водружения *юпа* «начинается с разжигания огня, поднятия флага, установки монеты, зажигания свечей, исполнения речитативного гимна-молитвы в честь богов и предков. Все это сопровождается огнепоклонством, возлиянием хмельного напитка *сáра* (пиво), угощением, музыкой, пением, танцами» (131).

7) Во взаимоотношениях материалов культовой скульптуры – дерева и камня – у дунайских болгар и чувашей в XVIII–XX вв. имелось много общего, но немало и особенного. Есть все основания считать, что у болгаро-сувар на Северном Кавказе, у дунайских болгар и волжских болгар (чувашей) до XVIII в. надгробия были исключительно деревянными и потому не сохранились.

Глубокое и всестороннее сравнительное историческое, искусствоведческое, в то же время религиозное и этнологическое исследование дунайскоболгарской и чувашской культовой скульптуры автором монографии проведено впервые на богатейшем фактическом материале. Им сделаны обоснованные выводы о бытовании и развитии болгарской культовой скульптуры за полторы тысячи лет на Северном Кавказе, в Дунайской Болгарии, Волжской Болгарии и Чувашском крае. Исследуя ареалы распространения памятников на Балканах и Волжско-Уральском регионе, автор обнаружил однотипные произведения, проследил параллели в композиционной трактовке, художественных образах и содержании; выявил способы моделирования объемной формы, технические приемы обработки материалов, одинаковые детали и элементы; определил даты создания памятников, среду их возникновения, воззрение мастера, уклад жизни общества и ту идеологию, в атмосфере которой создавалось произведение; выяснил природу канона, систему образов, следы синкретизма и антропоморфности. Все это позволило автору сделать выводы об исторической общности (конкретно – северокавказской общности болгаро-сувар), предшествовавшей двум исследуемым ареалам, художественной целостности культового искусства дунайских и волжских болгар (чувашей).

Открытия автора монографии обогатили и российское, и болгарское искусствоведение. Монография внесла новые веские аргументы в обоснование теории болгаро-чувашской этнической преемственности.

По содержанию исследуемой в монографии темы у меня замечаний нет. Имеются два замечания по высказываниям автора не по теме монографии. На с. 13 автор заявляет, что «представителями далеких потомков болгаро-сувар выступают чуваша и казанские татары». В действительности потомками болгаро-сувар являются только чуваша. Тюркоязычные татары вторглись в Восточную Европу в составе войска монгольского хана Бату в 1236 г., а родственные им западные кыпчаки (половцы) – в середине XI в. Единый кочевой татарский народ сформировался в Золотой Орде в XIV – начале XV вв. путем объединения татар и западных кыпчаков. Оседлые болгары и кочевые татаро-кыпчаки в этническом процессе не вступали в контакты. В начале XV в. начался процесс оседания части татар. В 1438–1445 гг. образовалось Казанское ханство. В ханстве, затем в XVI–XVIII вв. татары ассимилировали почти всех левобережных чувашей Казанского уезда.

На с. 132 автор заявляет: «В настоящем исследовании мы не пытались проникнуть в эпоху зарождения антропоморфных надгробий и отыскать их прародину в географическом пространстве Евразии». Тем не менее он категорически заявляет, что древнеболгарская, позднее чувашская религия – зороастризм, что болгаро-чувашская культовая скульптура – зороастрийская. Зороастризм оказал заметное влияние на чувашские языческие верования, но в их основе лежат древнетюркские представления и обрядность, что доказано профессором П.В. Денисовым в двух научных статьях². Ю.А. Трофимов считает, что чувашское «юпа» от древнеиндийского «уйра» (с. 55). В.Г. Егоров и М.Р. Федотов в своих «Этимологических словарях

чувацкого языка» утверждают, что чувашское *юпа* соответствует монгольскому *овоо*, бурятскому *обоо*³.

Тема монографии Ю.А. Трофимова для науки актуальна, она исследована впервые на основе богатого достоверного фактического материала, результаты исследования – новизна в искусствознании. Автор в совершенстве владеет методом сравнительно-исторического искусствоведческого анализа, для исследования темы он выработал, можно сказать, оригинальную методологию. Все обобщения и выводы аргументированы глубоким сопоставительным анализом памятников культовой скульптуры. В исследовании этой отрасли искусства автор ввел ряд понятий и терминов (см. с. 134–135). Монография написана безупречным, четким языком.

Л и т е р а т у р а

¹ *Passek Latynin. Sur la question des «Kamennye baby». II. Les Joba Tschuvaches/ Eurasia Septentrionalis, IV. Helsinki, 1929.*

² *Денисов П.В. Древнетюркские черты в религиозных верованиях чувашей // Вопросы истории Чувашии периода феодализма и капитализма. Чебоксары, 1979. С. 109–131; он же. Древнетюркские элементы в религиозно-мифологических представлениях чувашей // Вопросы традиционной и современной культуры и быта чувашского народа. Чебоксары, 1985. С. 39–59.*

³ *Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. из-во, 1964. С. 349; Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуман. наук, 1986. Т. 2. С–Я. С. 488.*

ЧГВ, 2006 г., №1

© **Е.В. Касимов**. Рец. на: **Община в аграрной революции: Документы сельского схода о земельных отношениях в национальной деревне Поволжья (1918–1922)** / Сост. А.А. Иванов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2005. 372 с. (История и культура народов Марий Эл в документальных памятниках).

В течение многих столетий община являла собой основу жизни российского крестьянства, в значительной степени определяя трудовую деятельность и быт жителей деревни. В переломные моменты отечественной истории роль общины, как коллективного организма, возрастала многократно. Между тем документы общинных органов самоуправления – сельских сходов, относящиеся к первым годам Советской власти, с точки зрения источниковедческой практики разработаны очень слабо. Особенно это касается источников, отражающих повседневную сторону бытия сельского мира, его внутренние проблемы, не связанные с политическими и общеэкономическими требованиями. Да, в многочисленных сборниках документов, как общесоюзных, так и региональных, вышедших за последние восемьдесят лет, опубликовано немало приговоров, наказов и других документов сельского схода послереволюционного времени. Но поскольку доминантой при отборе документов являлся показ «триумфального шествия Советской власти», то они, фактически, не отражали «как перераспределение земельной собственности повлияло на систему жизнедеятельности общины, как аграрная революция проявилась на самом низовом уровне»¹.

С целью ликвидации данного пробела и был подготовлен рецензируемый сборник документов. Он представляет собой публикацию сплошных массивов письменного наследия традиционных сельских сообществ о земельных отношениях (приговоры, протоколы, постановления) из фондов низовых органов государственного управления – исполкомов волостных и уездных советов – архивных учреждений Республики Марий Эл и Чувашской Республики.

Евгений Витальевич Касимов – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Составителем проведена огромная работа по выявлению, расшифровке, археографической обработке источников. Подавляющее большинство из 219 включенных в сборник документов публикуется впервые по рукописным подлинникам, а к числу ранее опубликованных источников относятся материалы, выявленные А.А. Ивановым для сборника «Первая советская весна в деревне. Крестьянство Марийского края и земельный вопрос в 1918 г.»². Следует подчеркнуть, что рецензируемое издание отличается строгим соблюдением правил археографии, предъявляемых к публикации источников.

Приведенные в издании документы, несомненно, будут востребованы исследователями аграрной истории Среднего Поволжья. В них, прежде всего, раскрывается механизм разного рода земельных переделов – коренных, частных, по отдельным видам угодий. Документы позволяют выявить размеры земельных наделов и сельскохозяйственных угодий, периодичность и принципы переделов общинной земли. Кроме того, в материалах сельского схода нашли отражение такие явления и процессы в сфере землепользования, как перераспределение земель бывшего «нетрудового» фонда (помещичьих, церковных и др.), лишение права на землепользование и предоставление надела, отношение крестьян-общинников к приемным лицам и неприписным однодеревенцам, разграничение смежных с соседними селениями земельных владений, образование новых и расширение старых населенных пунктов.

Структура сборника хорошо продумана, в ее основе лежит территориально-хронологический принцип представления материала. В первый раздел включены документы сельского схода о земельных отношениях в деревне Марийской автономной области, во второй – аналогичные документы по Чебоксарскому уезду Чувашской автономной области. Внутри разделов выделено по пять глав, каждая из которых объединяет документы одного года, начиная с 1918 г. и заканчивая 1922 г. Во всех главах первого раздела документы представляются последовательно по Козьмодемьянскому, Краснококшайскому и Сернурскому кантонам.

Сборник документов снабжен обширным Введением, посвященным проблемам изучения документации сельского схода периода аграрной революции в России. В нем дана квалифицированная оценка использования источников общинного происхождения в историографии, особенностей формирования комплекса материалов низового уровня правотворчества сельского населения, степени сохранности общинной документации. Несомненным достоинством вводной статьи является кропотливый анализ формуляров документов сельского схода периода революций, проведенный составителем сборника в сопоставлении с формулярами приговоров дореволюционного времени. В то же время данный анализ занял половину всего объема Введения, в результате чего вне рамок сборника осталась оценка содержательных ресурсов общинной документации. Впрочем, эта оценка дана А.А. Ивановым в его более ранних работах³, и желание составителя представить новый исследовательский материал вполне понятно.

Публикация источников сопровождается профессионально выполненными комментариями, в которых в основном раскрывается содержание упоминаемых в тексте документов нормативных актов советского правительства. Кроме того, научно-справочный аппарат издания дополняется археографическим Предисловием, географическим Указателем, списками сокращений и использованных источников, перечнем опубликованных документов. Правда, структура последнего вызывает некоторые вопросы, поскольку документы в перечне приводятся с соблюдением хронологии, а не в том порядке, в каком они опубликованы в сборнике.

Рецензируемый сборник документов можно, несомненно, использовать в учебном процессе или при написании краеведческих работ, но все-таки он главным образом предназначен для историков-профессионалов. Высокий научный уровень подготовки издания – лучшее тому подтверждение.

Л и т е р а т у р а

¹ Община в аграрной революции: Документы сельского схода о земельных отношениях в национальной деревне Поволжья (1918–1922) / Сост. А.А. Иванов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т. 2005. С. 8.

² Первая советская весна в деревне. Крестьянство Марийского края и земельный вопрос в 1918 г. Документы и материалы / Сост., науч. ред., предисл., коммент. А.А. Иванова. Йошкар-Ола, 2002. 410 с.

³ *Иванов А.А.* Аграрная революция и общинное землепользование в деревне Мордовии (К вопросу об информативных возможностях документации сельского схода) // Вестник Мордовского университета. Саранск, 2002. № 1–2; *он же.* Источники по аграрной революции в Марийском крае // Первая советская весна в деревне. С. 21–57.

ЧГВ, 2006 г., №1

© **Л.И. Никонова.** Рец. на: **В.П. Иванов.** Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чуваш. кн. из-во, 2005. 383 с.

Во всем мире, в том числе и в России, наблюдается повышение интереса к проблемам народонаселения, к вопросам миграций этнических групп и их расселений в новых странах и регионах. Исследование исторической динамики численности и ареалов расселения российских этносов, выявление причин и факторов, обуславливающих эти изменения, являются важным и приоритетным направлением современной этнологической науки и смежных с ней дисциплин – этнической географии и этнической демографии. Вопросы динамики численности, особенности формирования этнотерритории и ареалов расселения чувашского народа – пятого по численности этноса России – не были еще предметом специального и обобщающего исследования. Поэтому актуальность темы монографии В.П. Иванова не вызывает сомнений, тем более, если иметь в виду наличие у чувашского этноса многочисленных диаспоризованных групп во многих регионах России. Цель своего исследования автор сформулировал внятно и емко: пространственно-временная и численная характеристика чувашского народа.

Рецензируемая работа имеет новаторский характер, так как в ней впервые целостно, комплексно и в исторической последовательности исследованы особенности территориального размещения и динамики численности чувашского этноса на пространстве всей страны и в масштабных хронологических рамках – с VIII в. по начало XXI в.

Особенность рассматриваемой работы заключается в его комплексном характере, в использовании различных методов исследования: сравнительно-исторического, историко-хронологического, статистического и этносоциологического. Монография В.П. Иванова опирается на обширный и разноплановый материал. Основной источниковой базой работы являются архивные и опубликованные статистические материалы, прежде всего данные 10 ревизий, осуществленных с 1719 по 1856 гг., сведения переписей населения 1897, 1920, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 и 2002 гг. Кроме того, в исследовании весьма широко привлечены материалы различных этнографических и этносоциологических экспедиций, осуществленных также и за пределами Чувашской Республики. Автором впервые предпринята попытка систематизации собранного материала методом картографирования.

Работа хорошо структурирована по проблемно-хронологическому принципу, состоит из Введения, пяти глав, Заключения, Приложения и всех необходимых для полноценного научного издания атрибутов.

Во «Введении» четко обосновывается актуальность, научная и практическая значимость работы, убедительно аргументируется выбор объекта и предмета исследования, определяются цель и 7 основных задач, которые нашли достаточно полное решение в книге.

Людмила Ивановна Никонова – доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом археологии и этнографии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Хронологические рамки исследования охватывают весьма продолжительный исторический период – со времен существования Волжской Болгарии вплоть до наших дней. Территориальные рамки работы также масштабны и предусматривают изучение всего чувашского этноса, т.е. как той его части, что расселена в Чувашии, так и тех его групп, что проживают в других регионах России.

В.П. Иванов прав в том, что на сегодня исследований исторической динамики численности и ареалов расселения народов, действительно, немного, что в Волго-Уральском регионе сравнительно хорошо изучены в этом плане, пожалуй, только казанские татары, башкиры и мордва. Четко сформулированные во «Введении» цели и задачи исследования убеждают в его актуальности, оригинальности и новизне. Автор точно определяет также практическую значимость своей работы, совершенно справедливо указывая на то, что ее материалы и выводы могут быть использованы и в деятельности органов власти не только Чувашии, но и других регионов России в процессе реализации государственной национальной политики.

Первая глава диссертации посвящена обстоятельному рассмотрению теоретико-методологических подходов к изучению исторической динамики расселения и численности чувашского этноса. Автор подробно останавливается на рассмотрении проблематики исследования и ее терминологических аспектов, убедительно обосновывает правомерность использования термина «диаспора» (хотя бы в условной форме) применительно к индигенным народам России, имеющим свои автономные республики. Также подробно рассмотрены и обсуждены автором применяемые им в работе основные термины и понятия: «историческая родина», «метрополия», «этническая граница», «этническая территория», «внутренняя и внешняя диаспора», «этническая группа», «этнотерриториальная, этноареальная и этнодисперсная группы» и т.д. Выводы по данному разделу носят обоснованный характер. В.П. Иванов высказывает не только свое мнение, а приводит и корректно комментирует взгляды других довольно известных ученых (напр., В.А. Тишкова, М.Н. Губогло и др.).

Следует особо отметить, что автор весьма удачно и совершенно уместно поместил в этой же главе раздел об этноисторическом контексте темы, который в научно выдержанной форме и не без некоторого эмоционального налета вводит читателя в проблематику монографии и как бы расставляет основные исторические «вешки» изменениям расселения и численности чувашей в разные эпохи. Здесь много интересного, поучительного, но немало и такого, с чем не всегда можно согласиться. Это нормально, поскольку единых оценок на этногенетические явления нет и быть не может.

О высоком уровне научно-теоретической подготовки и эрудиции соискателя свидетельствует квалифицированное освещение историографии проблемы. Сделана удачная в целом попытка верно и по достоинству оценить вклад разных исследователей в изучение проблематики исследования, корректно указано и на недостатки в отдельных трудах. Важно, что автор подробно рассмотрел также работы исследователей соседних народов (Р.Г. Кузеева, Д.М. Исхакова и др.).

Дополнительную весомость работе придает наличие в ней специально выделенного раздела о природно-географических аспектах проблемы. Примечательно, что сделана попытка рассмотреть данный вопрос в масштабе Поволжья и Приуралья. Автор правильно отмечает, что в основном все этнотерриториальные группы чувашей расселены в достаточно сходных природно-географических условиях, что способствовало культивированию у них и на новых местах проживания традиционных занятий и промыслов (с. 52–55).

Во второй главе исследуются весьма сложные вопросы этногенеза и ранних расселений чувашей (до середины XVI в.). В.П. Иванов, критически используя источники и специальную литературу, в основном убедительно освещает этническую историю чувашей, обоснованно доказывает историческую обусловленность их современного расселения и формирования конфигурации их этнической территории. По многим вопросам он дает свое, оригинальное толкование. В частности, любопытно и убедительно обоснован автором с опорой на археологические исследования (напр., С.А. Плетневой) тезиса о четырехкратной миграции болгаро-суварских племен с юга в Волго-Камье.

Отдельный параграф (§ 2) посвящен одному из наименее изученных периодов истории чувашского этноса, да и не только чувашского, но и других народов региона, – миграции булгаро-чувашей в золотоордынскую эпоху и этническим процессам в начале XIII – первой четверти XV вв. Широкий круг привлеченного материала позволил автору подробно проанализировать причины, факторы и направления территориальных сдвигов предков чувашей.

На основе большого фактического материала достоверно изучены автором особенности расселения и этнических процессов у чувашей в период Казанского ханства и присоединения Чувашского края к России (§ 3). Здесь глубоко и подробно анализируются вопросы этногенетического соотношения этнонимов «луговые и горные черемисы», «горные люди», «чуваш», «булгары», «татары», «бесермяне», «арские чуваш», «ясачные чуваш» и др.

В третьей главе рассматривается малоизученная проблема динамики расселения и численности чувашей в Российской империи во второй половине XVI – начале XX вв. В § 1 на основе анализа новых данных определены важнейшие факторы и особенности формирования этнотерритории чувашей и участия их в колонизации слабозаселенных земель в Поволжье и Приуралья в XVI–XVIII вв. Согласно обоснованным выводам автора, благодаря вхождению в состав России в XVI–XVIII вв. чувашаи почти три в раза увеличили территорию своего расселения, заселив юго-восточную Чувашию, регионы Закамья, Симбирского, Самарского краев и Приуралья.

Детальный анализ территориального размещения и изменений численности чувашей в XIX – начале XX вв. привел автора к достоверному выводу, что в этот период у чувашей (как и у других народов Волго-Уралья) наблюдался устойчивый прирост их численности, что свидетельствует о необоснованности появлявшихся в публикациях начала XX в. утверждений о «вымирании», «вырождении» чувашского этноса.

К безусловным заслугам В.П. Иванова следует отнести тот факт, что он не ограничился только сугубо расселенческо-демографическими аспектами. Так, в третьей главе два параграфа специально посвящены исследованию роли миграций в формировании этногеографических, этнотерриториальных и этноконфессиональных групп чувашского народа (§3), а также конфессионального фактора в этнодемографических, миграционных и этноидентификационных процессах (§ 4). Аргументированно сформулирован вывод о формировании этнографических групп чувашей именно в ходе миграционных перемещений в XIII–XV вв. (*средненизовые*), XIV–XVII вв. (*верховые*), XVI–XVIII (*низовые*). Что касается доказательств, приведенных автором относительно отатаривания немалого числа чувашей, по крайней мере в XVIII–XIX вв., и замедления из-за этого темпов их прироста, то они в целом представляются убедительными.

В четвертой главе «Расселение и численность чувашского этноса в XX в.» на основе всей совокупности достоверных источников и статистических данных исследованы и сделаны аргументированные выводы по проблемам образования и становления Чувашской Республики как национально-административной территории чувашского народа (§ 1), динамики численности и территориальной структуры чувашей как в «метрополии» – Чувашской Республике (§ 2), так и в других регионах Российской Федерации (§ 3). Особое внимание обращено автором в отдельном параграфе (§ 4) и на анализ изменения этнической идентичности чувашей в современных условиях и его влияния на их этнодемографические параметры (на примере межнациональной брачности и этноязыковых процессов).

В данной главе дана широкая и сбалансированная панорама территориально-демографического движения чувашского этноса в XX столетии в масштабе всей страны, выявлены факторы и причины миграционной подвижности чувашей отдельно в довоенный, послевоенный и современный периоды истории. Проанализировав огромный массив данных, автор доказательно утверждает, что в автономии темпы прироста чувашей исторически всегда были ниже, чем в диаспоре, из-за их постоянного миграционного вымывания. В то же время, указывает В.П. Иванов, в последнее десятилетие XX в. впервые было отмечено, наоборот, резкое уменьшение уже диаспорной части этноса. Принципиальное значение имеет констатация в работе того, что процесс уменьшения численности чувашей, выявившийся в начале XXI в., вероятнее всего, действительно, получит дальнейшее развитие прежде всего в связи с устойчивой тенденцией обрусения городских чувашей через участвовавшие национально-

смешанные браки и изменением этнической идентичности по причине смены культурно-языковых ориентаций во втором-третьем поколениях горожан.

В главе пятой, подведя итоги исследования, В.П.Иванов отмечает ряд принципиально важных особенностей динамики расселенческо-демографических процессов у чувашей и обозначает современные тенденции в этой сфере. При этом доказательно обосновывается жесткая взаимоуязванность и взаимообусловленность этноисторических, расселенческих и этнодемографических процессов. Установлено несколько основных исторических этапов и важнейших факторов, дана им детальная и развернутая характеристика. Разбивка этапов и факторов исследуемых процессов представляется убедительной, более чем подробная характеристика каждого из них вносит в исследование дополнительную ясность и аргументированность. В «Заклчении» автор весьма емко и сжато прослеживает историческую динамику численности чувашей за XVIII – начало XXI вв. и, сопоставляя ее с данными и по другим народам Волго-Уралья, выявляет проявившуюся к сегодняшнему дню тенденцию к деэтнизации, которую в значительной мере он связывает с глобализацией культур и сменой этнической идентичности урбанизированной части и этносов.

Глубокое, многоаспектное исследование темы позволило автору заявить ряд своих оригинальных выводов и концептуальных утверждений, ввести в научное обращение большой, ранее не публиковавшийся материал. Об обширности статистического и иного материала, которым В.П. Иванов располагает, можно лишь догадываться. Автора отличает реалистичность, взвешенность и аргументированность анализа, уважительное отношение к мнению других исследователей. Уровень монографии свидетельствует об уверенном владении автором методологией и методами исследовательской работы. Безусловно, исследование В.П. Иванова имеет большое научно-практическое значение.

Отмечая сильные стороны работы, ее насыщенность материалом, точность и тонкость анализа, хорошую литературную форму, приходится в то же время указывать и на наличие в ней некоторых недочетов.

На наш взгляд, следовало бы полнее характеризовать заселение чувашами Сибири. Остается все же неясным, в каком контексте употребляются и по каким критериям различаются между собой термины «болгары» и «булгары» применительно к средневековой истории чувашей. По нашему мнению, автор несколько преувеличивает фактор исламизации чувашей. Данный вопрос, судя по работам казанских авторов, все-таки не лишен определенной дискуссионности.

Однако сделанные замечания не снижают ценности работы В.П. Иванова. В ней сконцентрированы результаты многолетних изысканий автора, и она представляет собой оригинальное исследование, отличается новизной и вносит существенный вклад в этнографию и этнологию, историческую науку вообще, является примером удачного междисциплинарного исследования, которое будет интересно и полезно широкому кругу ученых – историкам, демографам, социологам, географам и прочим специалистам-гуманитариям.

ЧГВ, 2006 г., №1

© Г.С. Широкалова. Рец. на: И.Е. Ильин. *Аграрная реформа в России на рубеже XX–XXI вв.* Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2005. 344 с.

За последнее пятнадцатилетие в аграрном секторе России произошли кардинальные изменения, еще не получившие комплексной оценки с позиций междисциплинарного подхода. В этой связи монография, автор которой владеет социологическими, экономическими и политическими инструментами анализа, заслуживает самого пристального внимания.

Галина Сергеевна Широкалова – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии.

Многообразие мнений о современных аграрных преобразованиях потребовало от автора особо внимательного отношения к социальным фактам. Проанализировав большинство значимых публикаций, как по аграрной, так и смежной тематике, он сумел найти в них как аргументы в пользу своей позиции, так и контраргументы для дискуссии с оппонентами.

Логичен план книги. Первая глава – «Теоретико-методологические основы историко-социологического анализа концептуальных моделей аграрного реформирования России» – посвящена содержательному рассмотрению понятийного и методологического аппарата исследования с опорой как на работы признанных классиков аграрной науки: А.В. Чайнова, А.Н. Энгельгардта и др., так и современных авторов. Мы солидарны с выводом И.Е. Ильина о том, что к современному этапу развития России вполне применима данная П.А. Сорокиным характеристика цивилизационного кризиса на уровне экономической, социокультурной системы. Его важнейшими признаками являются: экономическое обнищание на уровне всей нации, замена экономики «дальнего действия» на экономику немедленной выгоды или обыкновенный грабеж, резкое социальное расслоение, рост внутренних беспорядков, рост преступности, душевных болезней и суицида, кризис института семьи (с. 18). Именно в рамках этой системы координат становятся ясны механизмы процессов, происходящих в российской деревне и в обществе в целом.

Вторая глава – «Община и менталитет российского крестьянства как детерминанты аграрного реформирования страны» – состоит из двух параграфов. В первом – «Сельская община и объективные особенности аграрного реформирования России» – методологически совершенно верен посыл исследователя, что невозможно найти модель аграрного реформирования, не базирующуюся на предшествующем опыте (с. 50). Поэтому совершенно логична авторская оценка истории сельской общины и поиск причин неизбежности ее существования в условиях России.

Во втором параграфе – «Менталитет крестьянства: историческая ретроспектива, тенденции и перспективы», – подводя итог анализу многочисленной литературы о соотношении понятий «национальный характер», «менталитет народа», «духовный склад», И.Е. Ильин отмечает, что недостатком исследования проблем национального сознания, самосознания и русского национального характера всегда были умозрительный характер исследований и недостаток эмпирического материала (с. 70). И хотя проведение специальных исследований на эту тему не входило в задачу автора, ряд социальных фактов заставляет задуматься над условиями формирования сельского социума для следующих поколений. Например, эскизы к портрету тех наций, которые проживают на территории республики, весьма отличаются от самооценки, которую дают эти нации самим себе, что свидетельствует о возможных «точках роста» межнациональной напряженности (с. 74–75).

Глава третья – «Объективные условия и субъективные факторы аграрных преобразований в полиэтническом регионе (На примере Чувашской Республики)» – вводит в научный оборот богатейший статистический и эмпирический материал. Представление о происходящих в России процессах зачастую подменяют информацией, полученной на одном из исследовательских полей. Но специфика национальных образований столь существенна, что требует особой детализировки исследования. Только через «калейдоскоп» региональных особенностей возможно выявление общих для России закономерностей. И в этом дополнительная ценность монографии И.Е. Ильина.

В параграфе – «Содержание и механизмы реализации аграрной реформы в Чувашской Республике» – рассмотрены такие вопросы, как тенденции и динамика изменения материально-технической базы сельского хозяйства; демографические проблемы села; фермерские и личные подсобные хозяйства; земельная реформа. Материал по каждому из них собран столь основательный, что мог бы стать самостоятельным параграфом.

В данной главе основной упор сделан на анализ республиканских данных, в том числе на материалы авторских исследований. Мне, как социологу-аграрнику, особенно были интересны сравнения оценок сельских жителей Чувашии и Нижегородчины. Зная, какое большое внимание уделяется в республике сельскому хозяйству, в том числе через финансирование не только сельхозпроизводства, но и социальной сферы, было очень важно получить подтверждение этого через мнение селян. Конечно, в одном отдельно взятом регионе невозможно построить

рай, когда рушится вокруг мир. Но то, что доля оценивающих свое положение как критическое, меньше на два десятка процентов, говорит само за себя (с. 245). Большой пессимизм присущ нижегородцам и при оценке положения своего предприятия (с. 287, 342).

Самостоятельную ценность имеют 5 Приложений. Сведенные в единые таблицы данные собственного исследования в сравнении с результатами, полученными по схожей методике в других регионах, дают читателю возможность самостоятельной интерпретации и оценки информации.

Оригинальный научный труд отличается тем, что в нем содержатся утверждения, с которыми хочется подискутировать. Назову несколько из них, не имеющих принципиального значения для высокой оценки монографии И.Е. Ильина, и высказанных им, скорее, в пылу полемики. Но поскольку молодые ученые с трудом могут найти адекватный материал о советском времени, хочется предостеречь их от односторонних оценок прошлого страны. Цитирую: «Многие предложения по решению аграрно-крестьянского вопроса попадали под гнет политической цензуры и идеологического единомыслия. Аграрная наука вырабатывалась на партийных съездах и пленумах, а наука занималась ее интерпретацией и разработкой путей реализации партийных установок» (с. 34).

Приведу лишь одно свидетельство, уточняющее практику разработки решений съездов, пленумов КПСС. А.И. Шевельков (Коломна) в процессе подготовки докторской диссертации, изучая в недавно открытых архивах ЦК КПСС процесс разработки постановлений Пленумов ЦК КПСС, пришел к выводу, что выносимые на них вопросы изучались и готовились около трех лет.

Действительно, в силу закрытости архивов мы порой имели и имеем весьма превратное мнение о механизмах подготовки и реализации государственных решений, а, видя несоответствие планируемого выполненному, критикуем власть с гуманистических позиций. В этом и плюс, и минус социальной роли ученого сообщества.

Стремление подняться над реальностью проявилось и в позиции автора, четко сформулированной им в начале второй главы: «Сегодня нужна Аграрная программа, основанная на реалиях деревни, на знании глубинных процессов, происходящих в ней, на отечественных и мировых тенденциях развития сельского хозяйства. Словом, в основу программы должен быть положен объективный научный подход без расчета на то, какие силы ею воспользуются. Целью ее должно быть действительное возрождение отечественной деревни, подъем сельского хозяйства, а на его основе – улучшение жизни сельского населения, повышение благосостояния крестьян» (с. 43).

По нашему мнению, не может быть Аграрной программы, подходящей для каждой партии, для каждой политической силы. Для доказательства возьмем данные Счетной палаты об увеличении цен на электроэнергию за 2000–2005 гг., приняв тарифы для промышленности за 100%. То, что для сельского жителя тарифы пока самые низкие, не должно вводить в заблуждение: будущее села зависит не от лампочки в избе пенсионерки, а от энергооборуженности сельхозпроизводства. Ясно, что те 3% электроэнергии, которые потребляет АПК, не главный источник доходов и расходов РАО ЕЭС. Повышение тарифов – это показатель целенаправленного уничтожения села.

Сегодня вряд ли кто-то из российских политиков посмеет процитировать Г. Спенсера: лучшее, что могут сделать вдовы и сироты – это умереть. Однако проводить такую политику в жизнь желающих и сегодня немало: стоит только посмотреть результаты голосования фракций в Государственной думе. Да и сам автор справедливо напоминает, что в 90-х годах XX века действия правительства в деревне напоминали политику социал-дарвинизма (с. 77).

Но ведь и мировые тенденции отнюдь не однонаправлены, и причины этого заданы не только объективными факторами, но и «сцеплением» субъективных обстоятельств. Процесс глобализации способствовал формированию мировой аграрно-продовольственной системы. Ее внутренняя противоречивость проявляется в том, что, с одной стороны, она способствует росту эффективности и уровня продовольственного обеспечения населения всего мира, с другой – вызывает взаимозависимость стран, находящихся на разном уровне социально-экономического развития. Все это ведет к обострению отношений между ними по вопросам внешней торговли, вывоза капитала, государственной продовольственной политики и др. Транснациональные компании разоряют и подчиняют себе производителей в странах с более

высокой себестоимостью продукции, тем самым укрепляя позиции свои и наиболее развитых стран мира. Этот процесс грозит и России после вступления в ВТО.

Усиление вмешательства государства в АПК в развитых странах, выведение его за рамки рыночных отношений было вызвано такими объективными причинами, как: зависимость сельского хозяйства от природных факторов, более медленные темпы роста сельхозпроизводства по сравнению с промышленностью, ускоряющимся сокращением доли сельского населения. Таким образом, государственное вмешательство – это результат естественноисторического процесса развития общества, с одной стороны, и объективно необходимый фактор социализации этого процесса в целях стабилизации общества, с другой. К сожалению, правительство России выбрало другой путь.

Конечно, не все проблемы современного состояния АПК в России нашли должное освещение в рецензируемой работе. Невелик и ее тираж (всего 500 экз.), но для тех, кто хочет разобраться в политических, экономических, социальных процессах, которые сопровождают революционные преобразования в важнейшей сфере народного хозяйства, обеспечивающей продовольственную, а значит национальную, безопасность страны, знакомство с книгой И.Е. Ильина будет полезным.

«Любой стране немислимо жить без крестьянства, а такой стране, как Россия, – невозможно» (с. 76). Эта фраза может быть девизом исследования. Книга И.Е. Ильина пронизана сочувствием крестьянам, верой, что социальные факты, став достоянием научной и широкой общественности, окажут влияние на корректировку аграрной политики, помогут выжить чувашской деревне, выполняющей функции не только обеспечения продовольственной безопасности, но и сохранения национальной культуры, образа жизни, менталитета народа. Монографическая по характеру, эта книга, несомненно, станет событием в научной жизни не только социологов, но и историков, этнологов, политологов.

ЧГВ, 2006 г., №1

© **И.И. Бойко**. Рец. на: **И.Е. Ильин. Аграрная реформа в полиэтническом регионе России (Социологический анализ)**. Чебоксары: Чувашкинигоиздат, 2005. 228 с.

Исследование И.Е. Ильина посвящено важной проблеме, имеющей не только большое научное, но и значительное прикладное значение. Реформирование аграрного сектора российской экономики проходит напряженно, болезненно и чувствительно для миллионов российских граждан. В Чувашии доля сельского населения является одной из самых больших в России, поэтому сюжеты, анализируемые в очередной монографии известного чувашского социолога, для республики весьма актуальны. В то же время отметим, что автор не ограничивается материалами Чувашской Республики. Эмпирической базой рецензируемой книги являются не только собственные исследования автора, проводимые в течение четверти века, но и умело применяемые сравнительные данные коллег из различных научных центров страны (Москва, Нижний Новгород, Саратов, Новосибирск и др.), соседних республик, материалы статистических органов. Наличие огромной фактологической базы, ее объективный и всесторонний анализ, аргументированные выводы и обоснованные рекомендации выводят рецензируемую работу за рамки регионального уровня. Безусловно, что она будет интересна и полезна как научным работникам, так и практикам-управленцам во многих регионах России.

И.Е. Ильин последовательно рассматривает такие вопросы, как содержание и механизмы реализации аграрной реформы в условиях Чувашии, уровень и образ жизни сельского населения, особенности управления социальной сферой на селе, практику социальной и национальной политики в республике. Он солидарен с теми учеными и практиками, которые убеждены, что неолиберальные реформы стали серьезным испытанием для многонациональной российской деревни, приведшими не только к серьезному снижению уровня производства

сельскохозяйственной продукции, но и сказавшимися самым губительным образом на разрушение традиционного крестьянского уклада, заметной утрате процесса воспроизводства духовно-нравственных ориентиров. Анализируя материалы различных опросов сельского населения Чувашии, сопоставляя с данными других исследований, автор приходит к концептуально важному выводу о том, что подъем деревни, выход из кризиса крестьяне связывают преимущественно не с проблемой собственности на землю, а с разнообразием хозяйственных форм, в основном коллективных.

Материалы, характеризующие различные стороны уровня и образа жизни сельского населения Чувашской Республики, дают автору основание утверждать, что в республике до сего дня актуальными остаются вопросы поиска оптимальных механизмов социальной адаптации, органичных и естественных для общества, а моральный климат в значительной мере определяется социальной эффективностью реформ. Следует отметить, что позиция автора основывается на объективном анализе, он не стремится «нагнетать» ситуацию, писать только о трудностях и нерешенных проблемах. В книге отмечены и некоторые позитивные сдвиги, характерные для уровня и образа жизни сельских жителей республики в начале XXI столетия, предложены пути их закрепления и расширения.

Рассматривая состояние и тенденции развития социальной сферы села, практику управленческих решений в этой отрасли, автор основное внимание уделяет вопросам жилья, медицинского и культурного обслуживания населения, школьного и профессионального образования. И.Е. Ильин обращает внимание на положительный потенциал республиканской программы «Социальное развитие села в Чувашской Республике на период до 2010 года», важность научного, в частности, социологического анализа для осуществления более эффективной практики ее реализации. Исследователь справедливо отмечает, что в национальной республике все (или почти все) экономические, социальные, политические и т.д. проблемы имеют этническую окраску. В условиях общества, переживающего значительные трансформационные перемены, этот фактор может играть дестабилизирующую роль, быть источником конфликтогенности, напряженности. В связи с этим большое значение приобретает региональная социальная и национальная политика, анализу которой посвящен один из разделов монографии. Задача научного работника в этих условиях – выявление истинных причин латентного напряжения или открытых конфликтов, внешне несущих признаки этнического противостояния. И.Е. Ильин приводит материалы социологических исследований, проведенных в Чувашии и других регионах страны, и на основе их анализа приходит к выводу, что в полиэтнических регионах большое внимание власти и различных общественных структур должно быть уделено разработке и поддержке механизмов политического и социального диалога, а государственная политика должна обеспечивать условия для полноправного социального и национально-культурного развития всех народов и этнических групп. Опыт Чувашии убеждает, что внимательное и профессиональное отношение к этим проблемам позволяет сформировать межэтническое понимание, политическую и социальную стабильность.

В целом отмечу, что И.Е. Ильин написал интересное исследование, которое будет со вниманием воспринято читателями, среди которых будут не только лица, имеющие отношение к науке, но и работники управления, культуры, социальной сферы. Хотя автор и очерчивает свой труд рамками социологии, уверен, что он вышел за эти пределы и носит междисциплинарный характер, что повышает познавательную и практическую ценность монографии.

ЧГВ, 2006, №1

© А.Ю. Жуков. Аннотация на книгу: Роберт П. Джераси «Окно на Восток: национальная и имперская самобытность в царской России в завершающий период ее истории» (Geraci, Robert P. *Window on the East: national and imperial identities in late tsarist Russia* / Robert P. Geraci – Ithaca, London: Cornell University Press, 2001).

Книга американского историка Роберта П. Джераси «Окно на Восток: национальная и имперская самобытность в царской России на завершающем этапе ее истории» была опубликована в издательстве Корнеллского университета (Cornell University Press) в 2001 г. В работе исследуется один из критических аспектов в истории России конца XIX – начала XX вв. – осознание этнического разнообразия империи и попытки его уменьшить путем создания единой русской нации. Автор фокусирует свое внимание на противоречиях в педагогике, в религиозной, политической сферах, в образовательной деятельности, которые показывают, каким образом русские XIX и начала XX вв. видели культурные последствия продвижения своей страны «на Восток».

Труд Роберта П. Джераси начинается с Введения. Оно включает в себя вступительную часть, достаточно подробный историографический обзор, список сокращений, а также карты Российской империи и Казанской губернии. Основная часть состоит из девяти глав, затем следует Заключение, а также прилагается библиография.

Первая глава книги («Русское правление и этническое разнообразие на Средней Волге») содержит необходимую информацию по географической и этнографической обстановке в Среднем Поволжье. Здесь представлен также исторический очерк об административных и культурных мерах, применявшихся для взаимного сближения народов региона с XVI до начала XIX в. В следующих двух главах («Николай Ильминский и возрождение русских православных миссий», «Противопоставление ислама») обсуждается появление в XIX в. новых планов русификации в Казанской губернии при участии православной церкви. Показывается, каким образом ученые Казанской богословской академии повлияли на фундаментальный сдвиг во взглядах церкви на религиозное обращение, которое раньше рассматривалось как механический процесс, а теперь скорее как процесс психологический и даже интеллектуальный. Во второй главе внимание обращается на Николая Ильминского, ориенталиста, миссионера, но не священнослужителя, который разработал педагогическую методику для миссий, основывающуюся на использовании родного языка и представителей местного населения с целью сохранить общины, которые уже номинально были христианскими. В третьей главе речь идет об усилиях миссионеров, направленных на мусульман, в частности, рассматривается деятельность профессора Казанской богословской академии Евфимия Малова, который имел достаточно полемичные планы в отношении ислама. Также здесь сравниваются и противопоставляются взгляды на мусульман Малова и Ильминского и выясняется политическое влияние каждого. В четвертой главе («Школьное обучение среди национальных меньшинств») исследуется участие

Алексей Юрьевич Жуков – старший преподаватель кафедры источниковедения и архивоведения Чувашского государственного университета.

школ в культурной ассимиляции. Сравниваются две совершенно разные, создававшие друг другу конкуренцию, педагогические системы для нерусских, созданные в Казани в конце XIX в.: религиозные школы Ильминского для православных христиан и сеть школ для мусульман, в которых основное внимание уделялось преподаванию русского языка как основы для русификации. Пятая и шестая главы («Казанский университет, общественная жизнь и политика региональной этнографии», «Иван Смирнов и дело Мултана») посвящены научному и любительскому исследованию народов Поволжья, в частности в связи с деятельностью Казанского университета. В пятой главе показано, каким образом этнография и близкие ей дисциплины археология и лингвистика стали частью новой общественной жизни провинциальной России в период проведения Великих Реформ. Эти дисциплины были тесно связаны с религиозными и педагогическими усилиями, направленными на русификацию национальных меньшинств, и ими часто занимались одни и те же люди. Особое внимание здесь обращается на три момента: применение эволюционизма в русской этнографии; место мусульманских народов в местных исследованиях; противоречия по поводу археологических объектов, послужившие началом межэтнического соперничества. В шестой главе разбирается дело Мултана – на шумевший судебный процесс, связанный с человеческим жертвоприношением; здесь же подчеркивается роль, сыгранная на этом процессе профессором Казанского университета И.Н. Смирновым. Это позволяет, во-первых, показать те эмоции, которые вызвала в обществе идея о миссии русских нести цивилизацию «примитивным» народам, а во-вторых, продемонстрировать применение, в т.ч. и неверное, западной антропологической теории в России.

В седьмой и восьмой главах («Система Ильминского в осаде», «Окно, стена или зеркало?») анализируются различные последствия трансформации темы культурной ассимиляции в Казанской губернии. Эта трансформация была вызвана политическим кризисом в России начала XX в. Утверждается, что в последние годы царизма русское общество совершило сдвиг вправо, к национальной исключительности. В седьмой главе описана борьба между миссионерской системой Ильминского и растущим числом русских, которые критиковали ее за недостаточный патриотизм и за те преимущества, которые она давала священникам и учителям, выходцам из меньшинств, по отношению к их русским коллегам. В этой главе указывается также на изменения в понимании системы Ильминского даже людьми, применявшими ее на практике. Отмечается роль, которую эта система сыграла в развитии самобытности меньшинств. В восьмой главе дается сравнительная характеристика взглядов русских из религиозной, педагогической, академической и административной среды в отношении религиозной реформы и культурной секуляризации среди поволжских татар, а отсюда и по поводу того, что такое русская самобытность, как должны строиться русско-мусульманские отношения, и каково будущее империи. И, наконец, девятая глава («Николай Катанов: «инородец» в Российской Академии») посвящена исследованию трудной и противоречивой деятельности Николая Катанова, лингвиста Казанского университета, который был выходцем из Сибири и имел нерусское происхождение.

ОРЛОВ ВИТАЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

(К 50-летию со дня рождения)

21 февраля 2006 г. исполнилось 50 лет со дня

рождения историка, известного исследователя социально-экономической истории Чувашии второй половины XIX–XX вв., кандидата исторических наук, докторанта кафедры истории Московского автодорожного института (Государственного технического университета) Виталия Владимировича Орлова.

В.В. Орлов родился в д. Малые Ямаши Ядринского района Чувашской АССР. Окончив в 1971 г. Большебагишскую восьмилетнюю школу, вступающий во взрослую жизнь юноша решил продолжить свое образование в Канашском педагогическом училище. В выбранном учебном заведении обучался с 1971 по 1975 гг. Получив на руки диплом педагога, молодой учитель начальных классов 1 сентября 1975 г. впервые переступил порог Кильдишевской восьмилетней школы Ядринского района и встретился со своими первыми учениками. В 1976–1978 гг. проходил воинскую службу в рядах Вооруженных Сил СССР.

Демобилизовавшись из армии, в 1978 г. В.В. Орлов поступил в Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. Еще студентом активно занимался научно-исследовательской работой, был председателем студенческого научного общества. Премудростям исследовательского поиска учился у профессоров и преподавателей ведущего вуза Чувашии: И.Д. Кузнецова, В.Ф. Каховского, П.В. Денисова, Т.С. Сергеева, В.Г. Шаркова, А.П. Даниловой и др. На пятом курсе параллельно с обучением в университете по совместительству работал заведующим архивохранилищем Центрального государственного архива Чувашской АССР. В 1984 г. был направлен в Архивное управление при Совете Министров Чувашской АССР старшим инспектором. С апреля 1985 г. В.В. Орлов стал работать младшим научным сотрудником отдела истории Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук). Здесь молодой исследователь был включен в творческую группу по подготовке второго выпуска истории Чувашской областной организации КПСС: разрабатывал вопросы партийного руководства промышленностью, сельским хозяйством, образованием, наукой и культурой Чувашии в 1970–1980-е гг., принимал участие в подготовке материалов для многотомной хроники «Культурная жизнь СССР».

В декабре 1988 г. В.В. Орлов поступил в очную аспирантуру Института истории СССР АН СССР. Здесь выполнил и успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Социально-экономические проблемы подготовки рабочих кадров в профтехучилищах Чувашии в 1971–1985 гг.». В своей работе он всесторонне осветил вопросы экономики профессионального

образования, уделив особое внимание освещению проблем финансирования данной системы образования, проанализировал основные тенденции в развитии материально-технической базы учебных заведений, изучил состояние учебно-воспитательной работы в них, дал сравнительный анализ деятельности системы профессионально-технического образования Чувашии и автономных республик и областей Волго-Вятского экономического района.

После возвращения в Чебоксары В.В. Орлов трудился в отделе истории Чувашии гуманитарного института (до 1998 г.) и в других вузах республики. Разработал ряд проблемных вопросов по истории Чувашии XIX–XX вв. В частности, им были исследованы основные тенденции в становлении деловой элиты Чувашии во второй половине XIX – начале XX вв., проанализированы основные направления деятельности городских общественных банков Чувашии в пореформенное время. Творческая удача автора – подготовка и издание книги о жизни и хозяйственной деятельности самого видного чувашского купца и промышленника П.Е. Ефремова. В декабре 2003 г. В.В. Орлов был зачислен в очную докторантуру Московского автомобильного института. На сегодня им опубликовано более 30 научных трудов. Основная тематика его научных изысканий последних лет – общественно-политическая и социально-экономическая история Чувашии XX столетия. В.В. Орлов принимал и принимает активное участие в работе научных форумов самого разного уровня – международных, всероссийских и региональных.

Основные научные труды

Изучение подготовки рабочих в профтехучилищах автономных республик Среднего Поволжья в годы развитого социализма // Подготовка и воспитание кадров рабочего класса автономных республик РСФСР в условиях развитого социализма. Чебоксары, 1983. С. 107–118. В соавторстве.

Некоторые вопросы руководства Чувашской областной партийной организации развитием сельского хозяйства в 1971–1980 годах // Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Чебоксары, 1987. С. 78 – 89.

Подготовка и воспитание квалифицированных рабочих кадров в системе профтехобразования Чувашской АССР в годы девятой пятилетки (1971–1975 гг.) // Проблемы истории промышленности и рабочего класса Чувашии. Чебоксары, 1988. С. 68–86.

Партийное руководство индустриальным развитием Чувашской АССР в 1971–1980 гг. // Проблемы истории промышленности и рабочего класса Чувашии. Чебоксары, 1988. С. 87–106.

Развитие технического творчества учащихся профтехучилищ Чувашской АССР в 1971–1980 гг. // Социальная активность рабочей молодежи автономных республик РСФСР. Чебоксары, 1988. С. 105–108.

Организационно-партийная работа в Чувашской областной организации КПСС в 1971–1975 гг. // Вопросы истории Чувашской областной организации КПСС. Чебоксары, 1989. С. 3–15.

Марксистско-ленинское и экономическое образование трудящихся Чувашии в годы десятой пятилетки // Вопросы истории Чувашской областной организации КПСС. Чебоксары, 1989. С. 16–27.

Развитие народного образования и науки Чувашской АССР // Чувашской АССР – 70 лет. Чебоксары, 1990. С. 83–106.

Источники и использование средств на профессионально-техническое образование в Чувашской АССР в 70-е – середине 80-х годов // Из истории Чувашии советского периода. Чебоксары, 1991. С. 124–138.

П.Е.Ефремов: легенды и действительность. Чебоксары, 1997. 212 с.

Деловая элита Чувашии в конце XIX – начале XX вв. // Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития. Материалы научной конференции. Чебоксары, 23–24 июня 1997 г. Чебоксары, 1998. С. 188–211.

Городские общественные банки Чувашии во второй половине XIX – начале XX вв. // Поволжье в системе Всероссийского рынка: история и современность. Материалы научной конференции. Чебоксары, 5–6 октября 1999 г. Чебоксары, 2000. С. 122–139.

Профессиональное образование Чувашии в XX веке: основные проблемы и итоги развития // Исследования истории Чувашии и чувашского народа. Вып. 2. Чебоксары, 2001. С. 149–193.

Социально-экономическое развитие Чувашии в XX веке: основные задачи и итоги изучения. Рукопись депонирована в ИНИОН. М., 2004. 98 с.

Высшее образование в полиэтнокультурной среде в XX веке: основные проблемы и итоги развития (На примере Чувашии) // Российская история XX века: проблемы науки и образования. Материалы научной конференции. 15–16 сентября 2004 года. М., 2004. С. 72–74.

Советская власть и крестьянство в 1920-е гг. (На примере Чувашии) // Научные труды Международной научно-практической конференции ученых МАДИ (ГТУ), МСХА, ЛНАУ. 15–16 июня 2005 года. Москва–Луганск, 2005. Т. 3. С. 22–28.

Социально-экономическое развитие Чувашии в 1941–1945 гг. // Тыл в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Материалы Региональной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне (21–22 апреля 2005 г.). Чебоксары, 2005. С. 63–75.

Крестьянство и власть в 1920-е годы (На примере Чувашии) // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. Материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Чебоксары, 19–21 мая 2005 г.). М., 2005. С. 510–517.

Печатные труды В.Д. Дмитриева по вопросам истории Чувашии советского периода // Служение истории. Сборник научных статей. Чебоксары, 2006. С. 98–116.

Малоизвестные страницы из истории чувашско-марийских этнотерриториальных споров 1920-х годов // Вестник Чувашского университета. Чебоксары, 2006. № 3. С. 21–29.

Экономическая политика Советского государства и региональная практика во второй половине XX века (На примере ВВЭР) // Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века. Сборник трудов Международной научной конференции. Москва, 24–25 ноября 2004 г. М., 2006. С. 205–214.

Г.А. Николаев.

НИКОЛАЕВ ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

(К 50-летию со дня рождения)

28 июня 2006 г. исполнилось 50 лет со дня

рождения известного исследователя истории Чувашской Республики и Среднего Поволжья кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника отдела истории Чувашского государственного института гуманитарных наук Геннадия Алексеевича Николаева.

Г.А. Николаев родился в д. Ньюшкасы Янтиковского района Чувашской Республики. В 1973 г. закончил Алдиаровскую среднюю школу, работал разнорабочим, грузчиком, слесарем-инструментальщиком на предприятиях Чебоксар, параллельно учился на вечернем отделении факультета электрификации промышленности Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. В 1974–1976 г. служил в рядах Советской Армии. После демобилизации некоторое время работал разъездным стрелком в Казани.

Прирожденная любовь к прошлому, истории, старине вполне закономерно привели Г.А. Николаева в 1978 г. на историческое отделение историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. С первого курса любознательный студент проявлял интерес к научно-исследовательской работе. Его наставниками в этой сфере студенческой жизни в разные годы были опытные преподаватели – кандидаты исторических наук, доценты В.Н. Любимов и И.И. Демидова.

В 1983 г. Г.А. Николаев с отличием окончил университет и был направлен на работу в Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук) на должность младшего научного сотрудника отдела истории. Практически сразу же ему было поручено важное и ответственное дело – в качестве соавтора подготовить научно-

популярную книгу об истории одного из старейших городов Чувашии – Цивильска. С трудным заданием молодой специалист блестяще справился в самые короткие сроки – уже в 1987 г. Чувашское книжное издательство выпустило в свет исторический очерк о Цивильске тиражом 5000 экз. Не менее удачным в научной карьере начинающего историка оказалось участие в работе над коллективной монографией «Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии» (Чебоксары, 1989. Ч.1), для которой Г.А. Николаев совместно с профессором И.Д. Кузнецовым подготовили главу о состоянии сельского хозяйства и крестьянства Чувашии в конце XIX – начале XX вв.

В 1980-х гг. Г.А. Николаев вел кропотливую работу по изучению истории Чувашии периода Первой мировой войны. Результат вылился в ряд статей по этой малоизученной теме. Обладая высокой потребностью самовыражения, Геннадий Алексеевич всегда высказывал собственное четкое мнение по рассматриваемым вопросам.

В 1986 – 1989 гг. Г.А. Николаев обучался в очной целевой аспирантуре Института истории СССР АН СССР (Москва). Здесь благотворное влияние на формирование Г.А. Николаева как исследователя оказала сложившаяся творческая атмосфера в секторе империализма, в составе которого он оказался. В Институте истории молодой аспирант вскоре завоевал симпатии и уважение, привлекая к себе скромностью, искренностью и трудолюбием. Научным наставником начинающего исследователя стал известный ученый, крупный специалист по истории дореволюционной истории доктор исторических наук Авенир Павлович Корелин. Под его руководством Г.А. Николаев подготовил и в январе 1994 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Многонациональная деревня Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX в.: Социально-экономический аспект (По материалам Казанской и Симбирской губерний)». Впервые в историографии он провел сравнительный анализ хозяйств русских, татарских, чувашских, марийских, мордовских и удмуртских крестьян, что позволило выявить общие черты и национальные особенности в аграрной эволюции Среднего Поволжья.

После завершения учебы в аспирантуре Г.А. Николаев возвращается в Чувашский научно-исследовательский институт, с которым связана почти вся его дальнейшая творческая жизнь и где он сформировался как ученый, и в 1993 г. назначается заведующим отделом истории.

Г.А. Николаев стоял у истоков перестроечного, нелегкого, этапа развития чувашской национальной исторической науки, начало которому положила конференция «История Чувашии: проблемы и задачи изучения» (30 сентября – 1 октября 1993 г., организованная им в ранге нового заведующего отделом истории ЧНИИ). Целью научного совещания стала объективная оценка изученности истории чувашского народа, выявление в ней «белых пятен», заострение внимания ученых на мало- и неизученных проблемах.

Г.А. Николаев не только активно занимается научной деятельностью, но и много сил уделяет организационной работе. Особенно хорошо удаются ему предприятия большого размаха. В частности, он был организатором, активным участником и подлинной душой научных конференций по истории предпринимательства Среднего Поволжья (1997, 1999, 2001) по проблемам аграрной истории и исторической науки, которые получили благожелательные отзывы среди специалистов.

Сохранение научных традиций – лейтмотив и источниковедческих работ Г.А. Николаева о чувашском просветителе И.Я. Яковлеве и известном чувашском историке, профессоре И.Д. Кузнецове. Именно благодаря его стараниям в ЧГИГН были созданы серийные издания «Исследования по истории Чувашии и чувашского народа» и «История Чувашии в лицах». Г.А. Николаев стоит на передовых позициях в науке и требователен к содержанию всех публикаций отдела истории. Достойное место, занимаемое отделом истории в ЧГИГН и вообще в чувашской исторической науке, – результат большой работы Г.А. Николаева на посту заведующего отделом истории в 1993–2001 гг.

С целью написания докторской диссертации Г.А. Николаев в 2001–2004 гг. проходил докторантуру при Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова. С 2005 г. он работает в должности ведущего научного сотрудника Чувашского государственного института гуманитарных наук.

К настоящему времени перу Г.А. Николаева принадлежат более 70 научных публикаций по истории сельского хозяйства и крестьянства Среднего Поволжья конца XIX – начала XX вв.,

сельской общины, Первой мировой войны, истории городов, межнациональных отношений и этнопсихологии. Специалист по аграрной истории Среднего Поволжья конца XIX – начала XX вв., Г.А. Николаев обладает замечательными качествами подлинного ученого – прекрасным знанием источников, особенно статистических, в совершенстве владеет разнообразными методами исследования, в том числе математическими. Он умело сочетает серьезное исследование с ярким, образным изложением: является редактором ряда научных трудов.

Г.А. Николаев много делает для упрочения контактов с историками Республики Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Башкирии, Татарстана, Самары, Арзамаса, Москвы и других научных центров, серьезно и внушительно представляя собой современную чувашскую национальную историческую науку. Он участник III Международного исторического и X Международного конгрессов финно-угроведов (Йошкар-Ола, 2004, 2005), Всероссийских симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы (Вологда, 2000; Калуга, 2002; Орел, 2004; Тула, 2006), V–VIII межрегиональных конференций историков-аграрников Среднего Поволжья и многих других научных сессий, конференций, симпозиумов; его доклады и сообщения отличаются содержательностью и основательностью.

Основные научные труды

Изменение производительных сил в сельском хозяйстве Чувашии в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Чувашия в годы первой мировой войны. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 3–24.

Продовольственное положение Чувашии в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Вопросы истории Чувашии периода капитализма. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 48–68.

Крестьянское хозяйство на территории Чувашии в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Социально-экономическое развитие Чувашии в период капитализма. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 56–72.

Организация помощи семьям солдат и беженцам в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 5–18.

Гражданск. Исторический очерк. Чебоксары, 1987. 158 с. В соавторстве.

Разорение чувашской деревни в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Вопросы истории Чувашии XIX – начала XX в. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 49–67.

Новое о привлечении к работам на нужды обороны мелкой промышленности Чувашии в годы первой мировой войны // Проблемы истории промышленности и рабочего класса Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. 36–50.

Многонациональное крестьянство Среднего Поволжья конца XIX – начала XX в. в дореволюционной исторической литературе // Исследования по истории дореволюционной Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 110–123.

Разложение многонационального крестьянства Симбирской губернии в начале XX в. (По материалам подворной переписи 1910–1911 гг.) // Исследования по истории дореволюционной Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 124–143.

Сельское хозяйство и крестьянство Чувашии в конце XIX–XX веков // Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Чебоксары, 1989. Ч. 1. С. 12–43. В соавторстве.

Сельское народонаселение Казанской и Симбирской губерний в конце XIX – начале XX веков // Состав и положение населения Чувашии в XVIII – начале XX веков. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 74–96.

Надельное землевладение в средневоложской многонациональной деревне в начале XX века (На примере Симбирской губернии) // Исследования по дореволюционной истории Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 113–147.

Профессор Иван Данилович Кузнецов и его воспоминания “Как это было” // Из истории аграрных отношений Чувашии и Среднего Поволжья. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. С. 3–13.

Земельные отношения в Среднем Поволжье в начале XX в.: некоторые особенности // Из истории аграрных отношений Чувашии и Среднего Поволжья. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. С. 38–54.

Социальное расслоение многонационального крестьянства Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX в. // Вестник Чувашского университета. 1996. № 1. С. 3–12.

Надельное землевладение многонационального крестьянства Казанской губернии в конце XIX – XX в. // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1997. Вып. 1. С. 78–129.

Столыпинская аграрная реформа в Чувашии: итоги и задачи изучения // Аграрный сектор экономики Чувашии в XX в.: преобразования, проблемы и перспективы развития. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1997. С. 5–27.

Предприимчивые люди средневожской многонациональной деревни в конце XIX – начале XX в. (По материалам Казанской и Симбирской губерний) // Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития: Материалы научной конференции. Чебоксары, 23–24 июня 1997 г. Чебоксары, 1998. С. 148–166.

Заметки о чувашско-русских взаимоотношениях в средневожской деревне на рубеже XIX–XX столетий // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1999. С. 38–52.

Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. Сборник документов. М.: Наука, 1998. 388 с. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 4. С. 250–254 (Рецензия).

Рыночные реалии второй половины XIX – начала XX столетий и крестьянская община чувашей (По материалам Казанской и Симбирской губерний) // Поволжье в системе всероссийского рынка: история и современность: Материалы научной конференции. Чебоксары, 5 – 6 октября 1999 г. Чебоксары, 2000. С. 81–103.

“Чувашская натура” в воспоминаниях И.Я. Яковлева: некоторые размышления и источниковедческие заметки // И.Я. Яковлев и проблемы яковлеведения. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2001. С. 19–41.

Цензовая промышленность Чувашии в годы первой мировой войны: работа на оборону // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2001. Вып. 2. С. 43–68.

Этнический и конфессиональный компоненты в повседневной жизни средневожской деревни второй половины XIX – начала XX столетий: к постановке проблемы // Христианизация народов Среднего Поволжья и ее историческое значение: Материалы региональной научной конференции. Йошкар-Ола, 23–24 ноября 2000 г. Йошкар-Ола, 2001. С. 90–105.

Средневожское зажиточное чувашское крестьянство второй половины XIX – начала XX в. в глазах соплеменников-современников // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда: ВГПУ, издательство “Русь”, 2001. С. 247–254.

Крестьянское животноводство Среднего Поволжья рубежа XIX–XX столетий в этническом измерении // Вопросы российской и всемирной истории. Материалы межвузовской V научно-практической конференции “Дискуссионные вопросы российской истории в вузовском и школьном курсах”. Арзамас: АГПИ, 2002. С. 245–249.

Полевое хозяйство крестьян Среднего Поволжья на рубеже XIX–XX столетий: национальный аспект (По материалам Казанской и Симбирской губерний) // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: Сб. материалов VI региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 22–23 ноября 2001 г.). Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИ, 2002. С. 209–224.

Эволюция средневожской деревни рубежа XIX–XX вв. в этническом измерении: общие контуры процесса // Вестник Самарской государственной экономической академии, 2003. Специальный выпуск. Проблемы экономической истории России и ее регионов: современный взгляд. С. 61–68.

Поземельная община народов Среднего Поволжья в начале XX века: типы, модификации и структура // Вестник Чувашского университета. 2003. № 1. С. 115–131.

Сложная община Среднего Поволжья на рубеже XIX–XX вв.: основные модификации // Землевладение и землепользование в России (Социально-правовые аспекты): Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2003. С. 201–210.

Опыт применения материалов земских обследований конца XIX – начала XX в. для оценки качества земельных угодий национальных групп крестьянства Среднего Поволжья // Россия сельская. XIX – начало XX века. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 148–162.

Внутренняя жизнь чувашской крестьянской общины Среднего Поволжья рубежа XIX – XX столетий: свидетельство современника // Марийский археографический вестник. 2004. Вып. 14. С. 159–175.

Крестьянство Среднего Поволжья в противостоянии с властью (1906–1917): социально-психологический аспект. Крестьянство и власть Среднего Поволжья: материалы VII межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Саранск, 21–23 мая 2003 г.). Саранск, 2004. С. 499–505.

Социально-психологический аспект межэтнических взаимоотношений в средневожской деревне второй половины XIX – начала XX вв. // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. С. 230–235.

Богатство и богатые люди в представлениях средневожского чувашского крестьянства второй половины XIX – начала XX века // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 43–52.

Средневожская деревня рубежа XIX – XX веков в зеркале этнического национализма // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: Материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Чебоксары, 19–21 мая 2005 г.). М.: ИНИОН РАН РФ, 2005. С. 461–470.

Национальное и конфессиональное «Я» в повседневной жизни средневожской деревни рубежа XIX–XX веков // Этнографическое обозрение. 2005. № 6. С. 105–113.

Ежегодные переделы пахотных угодий в средневожской поземельной общине второй половины XIX – начала XX вв. в фокусе рационального и иррационального начал в ее жизнедеятельности: к постановке проблемы // Марийский археографический вестник. 2006. № 16. С. 28–43.

Естественное движение сельского населения Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX в. в этническом измерении: к постановке проблемы // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века: Сб. статей Всероссийской научной конференции историков (Чебоксары, 15–16 июня 2006 г.). М.: ИНИОН РАН РФ, 2006. С. 471–476.

Экономический строй крестьянских хозяйств Среднего Поволжья рубежа XIX–XX веков: этнокультурные и локальные особенности // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. Материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орел: ОГУ, изд-во «Орловская правда», 2006. С. 308–316.

Е.П. Погодин.

КРАСНОВ ПЕТР СТЕПАНОВИЧ

(К 50-летию со дня рождения)

Министру культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела республики, известному государственному и общественному деятелю Чувашии, кандидату философских наук Краснову Петру Степановичу исполнилось 50 лет.

Родился он 10 июля 1956 г. в д. Малые Кошелеи Комсомольского района Чувашской АССР. В 1978 г. окончил Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова по специальности «физика» и был направлен в Пермскую область, где работал учителем в сельской средней школе Чернушинского района. По возвращении в Чебоксары в 1979–1982 гг. трудился

на Чебоксарском заводе промышленных тракторов на должностях инженера-механика и социолога. Имея твердую решимость посвятить себя науке, в 1982 г. он поступает в очную аспирантуру Института социологии АН СССР, еще до окончания которой, в 1985 г., успешно защищает кандидатскую диссертацию.

Молодой и перспективный ученый, в 1985 г. назначается на должность старшего научного сотрудника отдела социально-экономических исследований Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики Чувашской АССР (ныне – Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН). Именно здесь он, делая первые серьезные шаги на научном поприще, за короткое время обрел признание коллег как высокопрофессиональный социолог и смелый публицист. В стенах института П.С. Красновым был написан цикл работ по социальным проблемам молодежи. В 1989 г. у него выходит в свет написанная в соавторстве книга «Беседы с начинающим социологом». Всего им опубликовано более 30 научных трудов.

Следует заметить, что П.С. Краснов всегда стремился к получению новых знаний. Уже работая на высоких государственных должностях и отойдя от непосредственной научно-исследовательской деятельности, в 1997 г. он заканчивает Санкт-Петербургский государственный технический университет по специальности «экономист-менеджер».

Приход П.С. Краснова в науку совпал с так называемой перестройкой. Отличающийся от природы активной общественной позицией, нежеланием мириться с любой несправедливостью, он логично становится одним из самых деятельных и энергичных участников бурных политических процессов в Чувашии конца 1980 – начала 1990-х гг. На прошедших в 1990 г. выборах в Верховный Совет Чувашской Республики П.С. Краснов избирается его депутатом, в 1991–1993 гг. работает председателем парламентской Комиссии по средствам массовой информации, связям с общественными организациями и движениями, изучению общественного мнения. С этого времени начинается его успешная карьера как государственного и политического деятеля. В 1993–1994 гг. он работает заместителем министра культуры и межнациональных отношений, а в 1994–1996 гг. – министром информации и печати Чувашской Республики.

На государственной службе П.С. Краснов показал себя как руководитель нового поколения, энергично применяющий в своей деятельности инновационные подходы к решению стратегических задач по приумножению и развитию социально-культурного и информационного потенциала Чувашии. В 1996 г. он выдвигается на очередную высокую должность – на пост руководителя Администрации Президента – заместителя Председателя Кабинета Министров Чувашской Республики.

П.С. Краснов – один из тех политиков, кто реально участвовал в формировании в республике нового политического ландшафта. В 2000 г. он избирается председателем Политсовета Чувашской региональной организации партии «Единство» (ныне – «Единая Россия»). Набравшего большой политической опыт и знания в сфере государственного управления П.С. Краснова вновь приглашают в правительство республики. В 2002–2004 гг. он работает в должности заместителя Председателя Кабинета Министров – министра социальной политики Чувашской Республики.

П.С. Краснов также один из немногих политиков Чувашии, кто за последние без малого пятнадцать лет оказался на высоте своего времени и кто был всегда востребован и властью, и обществом. В мае 2004 г. П.С. Краснов назначается министром культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела. При этом одновременно до сентября 2005 г. он исполнял обязанности руководителя Администрации Президента Чувашской Республики. Остается добавить, что в настоящее время П.С. Краснов является единственным из числа региональных руководителей культуры, кто входил в состав коллегии Министерства культуры и массовых коммуникаций России.

П.С. Краснов – член Союза журналистов России. Он по праву входит в это творческое сообщество, так как начиная с конца бурных 1980-х гг. практически по сей день активно выступает в СМИ, является автором многочисленных газетных статей и очерков, охотно дает интервью по самым злободневным проблемам жизни республики. Значительная часть этих публикаций, объединенных темой «Человек – государство – власть», вошла в книгу П.С. Крас-

нова под красноречивым названием «Власть слова», вышедшей в свет в 2006 г. в Чувашском книжном издательстве.

Лауреат премии Союза журналистов Чувашии им. С.В. Эльгера и Союза журналистов России.

Основные научные труды

Духовные потребности молодежи рабочих общежитий // Вопросы совершенствования подготовки кадров в народном хозяйстве Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 54–61.

Культурно-воспитательная работа как фактор организации содержательного досуга трудящейся молодежи // Вопросы совершенствования социалистического образа жизни. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 45–53.

Проблемы организации быта трудящейся молодежи // Социально-экономические проблемы использования трудовых ресурсов. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 46–51.

Вопросы совершенствования идейно-воспитательной работы в трудовых коллективах // Социально-экономические факторы повышения эффективности труда в народном хозяйстве Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 34–46.

Вопросы стимулирования трудовой активности рабочих промышленности Чувашской АССР в условиях ускорения социально-экономического развития // Социально-экономические проблемы труда в Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 67–80.

Некоторые методологические проблемы активизации человеческого фактора на производстве // Социально-экономические проблемы совершенствования человеческого фактора. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 20–35.

Некоторые социальные аспекты перехода на рыночные отношения в экономике // Проблемы развития народного хозяйства в условиях экономической самостоятельности. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 53–73.

Беседы с начинающим социологом. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 120 с. В соавторстве.

Структура свободного времени городского населения Чувашской АССР // Социально-экономические проблемы образа жизни советских людей. Сб. статей/ ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 23–42.

Некоторые социальные аспекты выборов народных депутатов СССР и ЧАССР // Там же. С. 124–135.

Власть слова: Анализ. Полемика. Прогноз. Сборник статей, очерков, интервью. Чебоксары: Союз журналистов Чувашии, 2006. 263 с.

В.П. Иванов.

ДЕМИДОВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

(К 50-летию со дня рождения)

16

августа 2006 г. исполнилось 50 лет Михаилу Васильевичу Демидову – кандидату юридических наук, правоведа, специалисту в области конституционного и финансового права, а также по вопросам государственного строительства, заместителю председателя Контрольно-счетной палаты Государственного Совета Чувашской Республики.

М.В. Демидов родился 16 августа 1956 г. в д. Арзаматово Маринско-Посадского района Чувашской АССР. В 1981 г. окончил историко-филологический, а в 1995 г. – юридический факультеты Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. В 1987–1991 гг. учился в заочной аспирантуре Института государства и права РАН. Под руководством заслуженного юриста Российской Федерации профессора Н.Г. Старовойтова выполнил и в

1992 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Роль депутатов местных Советов в осуществлении местного самоуправления».

Свою трудовую деятельность М.В. Демидов начал с профессии фрезеровщика на Чебоксарском заводе специнструментов и технологической оснастки в 1973 г. После службы в Советской Армии и учебы в Чувашском госуниверситете с 1979 по 1981 гг. работал председателем профкома Чувашского госуниверситета. С 1981 по 1994 гг. и с 2003 г. в органах государственной власти Чувашской Республики: инструктор организационного отдела, помощник Председателя Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, Управляющий Делами Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, заместитель заведующего отделом Секретариата Верховного Совета Чувашской ССР, заместитель министра юстиции Чувашской Республики; в настоящее время является заместителем председателя Контрольно-счетной палаты Государственного Совета Чувашской Республики.

Начиная с 1980-х гг. М.В. Демидов свою государственную службу активно совмещает с научно-преподавательской деятельностью. Основным направлением его научных интересов является исследование вопросов государственного строительства, деятельности депутатов и функционирования системы местного самоуправления. В последние годы ряд его научных трудов посвящен правовым основам обеспечения парламентского контроля, прежде всего в области внешнего государственного финансового в Чувашской Республике и в России в целом. В них ставится ряд проблемных задач, связанных с необходимостью установления единых правовых, методологических основ деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации исходя из целостности и правового единства бюджетной системы Российской Федерации.

М.В. Демидовым опубликовано более 20 научных работ. Он выступал с докладами на научных конференциях в Чебоксарах, Москве, Йошкар-Оле и других городах.

М.В. Демидов принимает активное участие в общественной жизни республики. С момента создания в 1994 г. для экспертно-аналитического обеспечения законопроектной и иной нормотворческой работы Государственного Совета Чувашской Республики Экспертного совета по вопросам законодательства был его членом, а с 2002 по 2006 гг. – председателем Экспертного совета. С 1999 г. по настоящее время он – член Квалификационной комиссии по приему экзаменов у лиц, желающих получить лицензию на право осуществления нотариальной деятельности в Чувашской Республике.

Имеет классный чин советника юстиции I класса.

Основные научные труды

Советы Чувашской АССР и народные депутаты в борьбе за экономию и бережливость в 1981–1983 годах // Вопросы истории советского строительства в Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 89–95.

Деятельность Советов народных депутатов Чувашской АССР по социально-культурному обслуживанию населения в 1976–1984 годах // Культурное строительство в Чувашской АССР на этапе развитого социализма. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 41–58.

Депутатская группа на производстве // Заботы депутата. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. С. 43–52.

Депутат – общественный и государственный деятель // Депутат – доверенный народа. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1986. С. 21–33.

Ими гордится Чувашия / Сост. М.В. Демидов, А.В. Выйкин. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. 300 с.

Повышение социально-политической активности депутатов – важный фактор обеспечения самоуправления народа // Социально-экономические проблемы совершенствования человеческого фактора. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 36–43.

Народный депутат – организатор самоуправления граждан в избирательном округе // Социально-политические проблемы образа жизни советских людей. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 114–123.

Депутат в Совете и формирование местного бюджета // Проблемы развития народного хозяйства в условиях экономической самостоятельности. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 120–128.

Конституционные и иные законодательные основы участия народного депутата в осуществлении местного самоуправления (1970–1990 гг.) // Из истории Чувашии советского периода. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 139–151.

Практика Чувашской Республики и некоторые проблемы совершенствования законодательства в сфере межнациональных отношений // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1993. № 4. С. 39–42.

Контрольно-счетная палата Государственного Совета Чувашской Республики. Чебоксары: Издательская группа «СВ-Пресс», 2003. 17 с.

Роль законодательных органов государственной власти в осуществлении государственного финансового контроля // Гуманитарно-экономические проблемы современного общества: доклады научно-практической конференции. Чебоксары, 2004. С. 25–27.

Бюджетное законодательство Чувашской Республики и некоторые вопросы его совершенствования // Гуманитарно-экономические проблемы современного общества: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Чебоксары, 11 февраля 2006 года. Чебоксары: Издательский дом «Пигас», 2006. С. 255–262.

Парламентский контроль в современной России // Становление и развитие парламентаризма в России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 30–31 марта 2006 г. Чебоксары, 2006. С. 31–37.

В.М. Михайлов.

ГАВРИЛОВА ЛЮДМИЛА МИХАЙЛОВНА

(К 50-летию со дня рождения)

Одной из научных сотрудников всемирно известного музейного учреждения России – Оружейной палаты Музеев Московского Кремля – доктору исторических наук Людмиле Михайловне Гавриловой исполнилось 50 лет.

Уроженка с. Юваново (д. Сюльдикасы) Ядринского района Чувашской Республики, Людмила родилась 20 октября 1956 г. в учительской семье. Ее отец Михаил Яковлевич Гаврилов, выпускник историко-филологического факультета Чувашского пединститута, после учительствования на «малой родине» был переведен в «космическое село» Шоршелы Мариинско-Посадского района на должность директора средней школы. Будучи сам историком, он вложил любовь и уважение к старине и в своих детей.

Мечта стать историком привела Людмилу на исторический факультет Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Успешно сдав вступительные экзамены, она оказалась в сентябре 1973 г. на заветной студенческой скамье. Людмила долго засиживалась за учебниками, штудировала труды маститых ученых, занималась в научном кружке, выступала на студенческих научных конференциях с докладами. В составе всего факультета выезжала на осенние уборочные работы в село.

По окончании с отличием Чувашского государственного университета по специальности «Историк. Преподаватель истории и обществоведения» в 1978 г. Л.М. Гаврилова стала старшим научным сотрудником, заведующей Музея космонавтики в с. Шоршелах.

В декабре 1980 г. Людмила поступила в очную аспирантуру при кафедре истории СССР дореволюционного периода Ленинградского государственного университета (ЛГУ). В эти годы она без усталости занималась в Государственной публичной библиотеке, в архивах Москвы и Ленинграда, собирала материалы для написания кандидатской диссертации. Людмила Михайловна стала ученицей известного историка, профессора ЛГУ А.Л. Шапира. Под его руководством к концу учебы в аспирантуре состоялась защита кандидатской диссертации

Л.М. Гавриловой, посвященной изучению проблем официальной историографии второй половины XVIII в. и трудам Екатерины II по истории России. Для того времени тема исследования была новаторской и необычной в постановке научной проблемы. Личность Екатерины II и ее роль в истории России в советской историографии практически не рассматривались. Наряду с английским языком, Л.М.Гавриловой пришлось овладевать и французским, чтобы изучать источники на французском языке. Решением специализированного совета при Ленинградском государственном университете от 28 декабря 1983 г. ей была присуждена ученая степень кандидата исторических наук.

В течение пяти лет – с 1984 по 1989 гг. – Л.М. Гаврилова работала старшим научным сотрудником Чувашского научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР, где разрабатывала темы «История города Чебоксар в XVIII–XIX вв.» и «Интеллигенция дореволюционной Чувашии». Созданные в эти годы ее труды увидели свет на страницах сборников научных статей института. Эти публикации стали ее весомым вкладом в чувашскую историографию.

С 1996 г. Л.М. Гаврилова проживает в Москве и трудится в Музеях Московского Кремля. Она продолжила свои научные изыскания, над которыми работала еще в Санкт-Петербургском университете. В 1996 г. в издательстве Чувашского госуниверситета вышла монография Л.М. Гавриловой «Екатерина II в отечественной историографии», где она «сделала попытку восполнить существующий пробел о роли Екатерины II в отечественной историографии, ее месте в ней и влиянии исторических трудов императрицы на развитие исторической мысли России». Книга рассчитана на историков и всех, кто интересуется историей государства Российского. Автор монографии считает, что «концепция отечественной истории Екатерины II еще долго служила охранительной историографии для защиты самодержавия и крепостного права. Вплоть до проведения крепостной реформы 1861 г. ее идеи были актуальными и востребованными в дворянской исторической литературе».

В 2000 г. наша землячка порадовала научную общественность еще одной солидной работой – монографией в 256 страниц «Русская историческая мысль и медальерное искусство в эпоху Екатерины II». Книга, изданная в Санкт-Петербурге, представляет собой первый опыт комплексного изучения русской историографии во второй половине XVIII в. и отражения ее концепций в медальерном искусстве. В работе проанализирован вклад М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова и Екатерины II в становление медальерного искусства: историческая медаль рассматривается как историографический источник. В книге введены в научный оборот материалы, собранные автором в музеях и архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Казани. Она представляет интерес для историков, искусствоведов и читателей, увлеченных отечественной историей и культурой.

Названная монография легла в основу докторской диссертации Л.М. Гавриловой, которая была успешно защищена ею в Санкт-Петербурге в начале 2001 г. В июле она была утверждена Президиумом ВАК Российской Федерации. Примечательно, что диссертация написана по труднейшей отрасли исторической науки – по специальности 07.00.09 – «Историография, источниковедение и методы исторического исследования».

СOLIDНЫЙ опыт работы в Чувашии, статус кандидата исторических наук позволили Л.М. Гавриловой почти сразу занять в Музеях Кремля должность заведующей сектором нумизматики и стать хранителем одной из наиболее многочисленных кремлевских коллекций – собрания орденов и медалей. Продолжая активную научную работу, защитив докторскую диссертацию, ей удалось стать одной из первых обладателей степени доктора наук в Музеях Московского Кремля. Являясь заинтересованным и инициативным исследователем, Л.М. Гаврилова активно участвует в научной жизни, протекающей как в стенах музея, так и за его пределами, входит в состав Ученых советов нескольких научных организаций Москвы, выступает с докладами на научных конференциях и симпозиумах, авторитетно участвует в ежегодных Международных нумизматических конференциях. Своими докладами, статьями, книгами и каталогами Л.М.Гаврилова вносит заметный вклад в изучение и популяризацию коллекции орденов и медалей – одной из ценнейших коллекций Оружейной палаты. Впервые за последние десятилетия Людмила Михайловна представила высокое историко-

культурное значение кремлевского собрания орденов и медалей, опубликовав его выдающиеся памятники и ярко продемонстрировав их на многих временных экспозициях в стране и за рубежом.

Л.М. Гаврилова продолжает поддерживать творческие контакты с учеными «альма-матер», интересуется делами Музея космонавтики в с. Шоршелы.

Основные научные труды

Политика «просвещенного абсолютизма» в России во второй половине XVIII века (Советская историография вопроса) // Вестник ЛГУ. 1983. № 20. С. 15–23.

Идеи «просвещенного абсолютизма» в русской официальной историографии второй половины XVIII века (Сочинения Екатерины II по истории России): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1983.

«Антидот» и теория «официальной народности» (Из истории русской дворянской историографии XVIII в.) // Наука и культура России XVIII в. Л., 1984. С. 248–258.

Интеллигенция Чувашии в первой половине XIX века // Исследования по истории Чувашии дооктябрьского периода. Чебоксары, 1985. С. 31–52.

Подготовка кадров интеллигенции Чувашии в учебных заведениях Казани во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Чувашии периода капитализма. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 3–29.

М.В. Ломоносов в русской историографии XVIII века // История СССР. 1986. № 6. С. 87–95. В соавторстве.

Учителя средней и начальной школ Чувашии во второй половине XIX – начале XX вв. // Социально-экономическое развитие Чувашии в период капитализма. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 32–55.

Чиновничество и духовенство Чувашии в XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Чувашии XIX – начала XX в. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 4–20.

Земская интеллигенция Чувашии во второй половине XIX – начале XX в. (Врачи, ветеринары, агрономы) // Там же. С. 21 – 48.

Застройка города Чебоксар в XVIII – первой половине XIX вв. // Вопросы истории и этнографии города. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 22–45.

Промышленность и торговля в г. Чебоксарах в XVIII – первой половине XIX в. // Проблемы истории промышленности и рабочего класса Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 3–25.

Технические кадры интеллигенции Чувашии во второй половине XIX – начале XX в. // Там же. С. 26–35.

Источники «Записок касательно российской истории» Екатерины II // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1989. Т. XX. С. 164–174.

Административная роль Чебоксар в XVIII – первой половине XIX в. // Исследования по истории дореволюционной Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 17–34.

Формирование органов управления и городского «самоуправления» в Чебоксарах в период капитализма // Там же. С. 99–109.

Социальный состав и положение населения Чебоксар в XVIII – первой половине XIX веков // Состав и положение населения Чувашии в XVIII – начале XX веков. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 3–15.

Состав и положение населения Чебоксар в период капитализма // Там же. С. 64–73.

Промышленность, транспорт, торговля Чебоксар во второй половине XIX – начале XX века // Исследования по дореволюционной истории Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 98–112.

Екатерина II в русской историографии. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 1996. 120 с.

Развитие горного дела в эпоху Екатерины II. СПб.: «ГАЛАРТ», 2000. 174 с. В соавторстве.

Русская историческая мысль и медальерное искусство в эпоху Екатерины II. СПб.: РИЦ СПб. гос. горного ин-та им. Г.В. Плеханова, 2000. 256 с.

История России в проектах медалей Екатерины II // Нумизматический сборник, № 7. М.: Московское нумизматическое общество, 2000. С. 35–41.

Екатерина II – автор проектов медалей на события древней русской истории // Нумизматика на рубеже веков. Труды Государственного исторического музея. Вып. 125. М., 2001. С. 343–357.

Князь Щербатов и русское медальерное искусство // Девятая всероссийская нумизматическая конференция / Государственный Эрмитаж. СПб., 2001. С. 257–260.

Роль императрицы Екатерины II в развитии русского медальерного искусства // Филимоновские чтения. Вып. 2. М.: Московский Кремль, 2004. С. 210–230.

Ордена императорской России в собрании Оружейной палаты // Польза. Честь. Слава. Награды России. Каталог выставки музея-заповедника «Московский Кремль». М., 2004. С. 12–36.

Европейские ордена в России. Конец XVII – начало XX века. Из собраний Музеев Московского Кремля и Государственного исторического музея. М.: Арт-Родник, 2007. 340 с. В соавторстве.

Т.С. Сергеев.

ТАЙМАСОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ

(К 50-летию со дня рождения)

Таймасов Леонид Александрович родился 15 ноября 1956 г. в д. Большие Яуши Вурнарского района Чувашской Республики. После окончания средней школы (1973 г.), освоив рабочие профессии, трудился в литейном цехе Уральского вагоноремонтного завода (г. Нижний Тагил Свердловской области) и на Чебоксарском заводе электроисполнительных механизмов (ЗЭИМ). Осенью 1975 г. был призван в ряды Вооруженных Сил СССР. Служил в Карелии, защищал воздушные рубежи Родины.

В декабре 1977 г., демобилизовавшись из армии, Л.А. Таймасов поступил на подготовительное отделение Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Успешно выдержав выпускные экзамены, стал студентом историко-филологического факультета названного вуза. В годы учебы студент Л.А. Таймасов занимал активную жизненную позицию: был отличником учебы, комсомольским и профсоюзным активистом, занимался спортивной борьбой. Ежегодно во время летних каникул выезжал в составе студенческих строительных отрядов на возведение народнохозяйственных объектов Чувашской Республики. Еще во время учебы стал проявлять интерес к истории и этнографии народов Среднего Поволжья. Мастерству научно-исследовательской работы учился у ведущих историков Чувашии: профессоров И.Д. Кузнецова, В.Ф. Каховского, П.В. Денисова, В.Д. Дмитриева.

После окончания университета (1983 г.) молодой специалист был направлен в Большеяушскую среднюю школу Вурнарского района учителем истории и обществоведения. Вскоре был назначен организатором внеклассной и внешкольной работы. В целях улучшения воспитательной работы, учитывая желание самих учащихся, организовал в школе кружок художников-оформителей, агитбригаду и секцию спортивной борьбы. Под его руководством проводилась большая краеведческая работа. Через три года ему было доверено руководство средней школой.

В 1987 г. профессор П.В. Денисов предложил Л.А. Таймасову поступить в заочную аспирантуру Чувашского государственного университета для работы под его научным руководством над кандидатской диссертацией. Темой научного исследования была избрана история христианизации чувашского народа в первой половине XIX в. Профессор П.В. Денисов, будучи признанным специалистом по религии чувашского народа, превосходно зная источники и литературу по данной проблематике, оказывал большую методическую помощь своему аспиранту. Во время школьных каникул Л.А. Таймасов неоднократно выезжал в архивы и библиотеки Москвы, Ленинграда, Казани, Ульяновска. В октябре 1989 г. начинающий исследователь получил приглашение перейти на работу в качестве ассистента на кафедру истории СССР Чувашского государственного университета. В Чебоксарах Л.А. Таймасов завер-

шил оформление своей кандидатской диссертации на тему «Миссионерско-идеологическая деятельность православной церкви и противощерковное движение чувашского народа в первой половине XIX в.». Выполненная работа была успешно защищена 10 октября 1991 г. в специализированном совете при Самарском государственном педагогическом институте по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

После защиты кандидатской диссертации молодой ученый продолжал активно работать по сбору и систематизации материалов по истории христианизации народов Среднего Поволжья и Приуралья. В октябре 2004 г. Л.А. Таймасов в региональном диссертационном совете при Чувашском государственном университете успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начале XX в.».

На кафедре археологии, этнографии и региональной истории Л.А. Таймасов прошел путь от ассистента до профессора. Он ведет лекционные и семинарские занятия по курсам «История Чувашии», «Отечественная история», по дисциплинам специализации: «История религии народов Среднего Поволжья», «Этнография народов Среднего Поволжья и Приуралья». Под его научным руководством выполняются аттестационные и дипломные работы студентов, проводятся диссертационные исследования аспирантов и соискателей по актуальным историко-этнографическим темам.

Л.А. Таймасов постоянно стремится повышать свою квалификацию: он проходил научную стажировку в Санкт-Петербургском, Венском (Австрия), Хоккайдском университетах (Саппоро, Япония). Ведет плодотворную научно-исследовательскую работу. Его научные проекты неоднократно становились победителями международных (Финляндия, Австрия, Япония) и российских конкурсов. Будучи ученым секретарем регионального диссертационного совета ДМ. 212.301.05 по защите докторских диссертаций: специальности 07.00.02 – Отечественная история и 07.00.07 – этнография, этнология и антропология с 1999 г., он вносит значительную лепту в подготовку научно-исследовательских кадров для всего Волго-Вятского региона.

Л.А. Таймасов – автор более 80 научных и учебно-методических трудов, в том числе 2 монографий, 5 учебных пособий, посвященных различным вопросам истории и культуры народов Среднего Поволжья. Некоторые его статьи опубликованы в центральных российских и зарубежных изданиях. Он – участник ряда международных научных форумов (Финляндия, Австрия, Япония). С результатами своих исследовательских поисков неоднократно знакомил своих коллег на всероссийских и региональных конференциях и семинарах (Москва, Санкт-Петербург, Йошкар-Ола, Чебоксары, Саранск, Казань, Омск и др.).

За время работы в университете Л.А. Таймасов выполнял большую административную и общественную работу. С 1998 по 2000 г. работал деканом исторического факультета. В 1996–1997 гг. был ответственным секретарем приемной комиссии университета. На сегодня профессор Л.А. Таймасов находится в расцвете творческих сил и полон исследовательских замыслов.

Основные научные труды

Христианское просвещение чувашского населения Казанской и Симбирской губерний в первой половине XIX в. // Состав и положение населения Чувашии в XVIII – начале XX веков. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 49–63.

Христианизация чувашского народа в первой половине XIX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. 144 с.

Церковноприходские школы в Чувашии во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья. Чебоксары: Изд-во Чувашского гос. ун-та, 1997. С. 182–189.

О хозяйственно-экономической деятельности православной церкви в Чувашии в эпоху капитализма // Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития: Материалы научной конференции. Чебоксары, 23–24 июня 1997 г. Чебоксары, 1998. С. 136–147.

Отражение динамики религиозных верований чувашей во второй половине XIX – начале XX вв. в «Известиях по Казанской епархии» // Средства массовой информации России:

История и современность. Материалы Всероссийской научной конференции. Чебоксары: Изд-во Чувашского гос. ун-та, 1999. С. 117–129.

Этноконфессиональная ситуация в Чувашии во второй половине XIX – начале XX вв. // III конгресс этнографов и антропологов России. М.: Институт этнологии РАН, 1999. С. 324–325.

Роль христианизации в утверждении власти царизма в Среднем Поволжье // Abstrakts. VI ICCEES WORLD CONGRESS. Tampere, Finland 29 juli – 3 august 2000. Tampere, 2000. S. 423–424.

К этнической истории чувашского народа: савиры (сувары) на Северном Кавказе во II–VIII вв. // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 2001. Вып. 2. С. 7–33.

Христианское просвещение горных марийцев в первой половине XIX в. // Горные марийцы на рубеже веков. Материалы научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 2001. С. 109–118.

Деформация образа верховного Бога в религии народов Среднего Поволжья // Христианизация народов Среднего Поволжья и ее историческое значение: Материалы региональной научной конференции. Йошкар-Ола, 23–24 ноября 2000 года. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2001. С. 36–56.

Из истории основания первого миссионерского инородческого монастыря в Среднем Поволжье // Марийский археографический вестник. 2001. № 11. С. 153–159.

К истории христианского просвещения народов Среднего Поволжья. «Краткий катехизис» – первая книга на чувашском языке // Вестник Чувашского университета. 2001. № 1–2. С. 41–49.

Новые документы о деятельности религиозной секты «Кугу сорта» в 80-х годах XIX в. // Марийский археографический вестник. 2002. № 12. С. 152–157.

Опыты христианского просвещения нерусского крестьянства Среднего Поволжья в первой половине XIX века // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: Сборник материалов VI региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИ, 2002. С. 127–136.

Казанский архиепископ Арсений о православии в Чувашском крае: извлечение из отчета в Синод за 1901 г. // Весна народов: этнополитическая история Волго-Уральского региона. Slavic Research Center, Sapporo. Hokkaido University, 2002. С. 122–150.

Православная миссия в Среднем Поволжье накануне буржуазных реформ XIX в.: поиск путей выхода из кризиса // Волжские земли в истории и культуре России. Материалы региональной научной конференции (Чебоксары, 20–21 июня 2003 г.). М.: Вуз и школа, 2003. С. 40–47.

Миссионерское просветительство в Казанском крае в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Регионология. 2003. № 3. С. 259–273.

Этноконфессиональная ситуация в Казанской епархии накануне буржуазных реформ // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Slavic Research Center Hokkaido University, Sapporo, Japan, 2003. С. 106–136.

Переводческая деятельность Казанского комитета Российского Библейского общества в 1818–1826 гг. по неопубликованным архивным документам // Информационные ресурсы Архивного фонда Чувашской Республики как фактор общественного развития: Материалы межрегиональной научной конференции 18 марта 2003 г. Чебоксары, 2003. С. 63–74.

Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары, 2004. 524 с.

Нерусские монастыри Казанского края: ориентиры конфессионального обновления (вторая половина XIX века) // Acta Slavica Japonica. Tomus XXI. 2004. The Slavic Research Center, Hokkaido University, Japan. С. 88–114.

Межконфессиональные отношения на начальном этапе христианизации народов Казанского края (вторая половина XVI–XVII вв.) // Die Geschichte Russlands in 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Hg. Von Andreas Kappeler. Berlin, 2004. (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 63.) S. 322–341.

К истории православного миссионерства в Среднем Поволжье: утверждение идей христианского просвещения в Казанской епархии в конце XVIII – начале XX века // Волжские

земли в истории и культуре России: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 10-летию создания Российского гуманитарного научного фонда, 8–11 июня 2004 г. Саранск, 2004. Ч. 1. С. 119–122.

Этнорелигиозные отношения в Казанском крае во второй половине XVI–XVII вв. // Служение истории: Сб. ст. Чебоксары, 2005. С. 153–183.

Этнорелигиозные движения среди крещеных народов Волго-Камья во второй половине XIX – начале XX века // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. Материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Чебоксары, 19–21 мая 2005 г.). М.: ИНИОН РАН РФ, 2005. С. 452–461.

Языческое моление марийцев при деревне Курсола Царевококшайского уезда 1901 г. // Марийский археографический вестник. 2006. № 16. С. 145–150.

Этносоциальные аспекты основания первого чувашского православного монастыря // Вестник Российского государственного социального университета. Чебоксарский филиал. 2006. №1. С. 144–152.

Вопросы церковно-монастырского землевладения в трудах И.Д. Кузнецова // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века: Сборник статей Всероссийской научной конференции историков (Чебоксары, 15–16 июня 2006 г.). М.: ИНИОН РАН РФ, 2006. С. 131–142.

Г.А. Николаев.

ЛЕВИТСКАЯ ЛИЯ СЕРГЕЕВНА

(К 75-летию со дня рождения)

23

ноября 2006 г. исполнилось семьдесят пять лет известному тюркологу, специалисту по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков, истории и этимологии чувашского языка, Лие Сергеевне Левитской.

Лия Сергеевна родилась в Москве, в 1948 г. поступила на филологический факультет Московского государственного университета и была одной из наиболее талантливых учениц основоположника отечественной школы тюркологии советского периода, члена-корреспондента АН СССР Н.К. Дмитриева (1898–1954). После окончания университета Л.С. Левитская работала сотрудником редакции газеты «Туркменская искра» (1953–1955), затем в отделе востоковедения научной библиотеки им. А.М. Горького при МГУ (1956–1958). С 1958 по 1989 г. – научный сотрудник сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР. Окончила аспирантуру под руководством видного финно-угроведа и тюрколога, действительного члена АН СССР Б.А. Серебrenникова (1915–1989). В 1966 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Историческая фонетика чувашского языка».

В своих исследованиях по чувашскому языку Л.С. Левитская разрабатывала проблемы этимологии, исторической грамматики и лексикологии. В ее монографии «Историческая морфология чувашского языка» (М., 1976) впервые в чувашском языкознании предлагается история форм словоизменения и словообразования, дается убедительная интерпретация происхождения многих грамматических формантов с широким привлечением сравнительных данных из других тюркских языков, а также с учетом материала диалектов и основных говоров чувашского языка (внешняя реконструкция), применяется и сопоставительный анализ семантически близких структурных моделей (основа + аффикс) и отдельных аффиксов в чувашском и тюркских, в чувашском и финно-угорских языках. Примечателен общий вывод автора: «... Для нас несомненно одно, что морфологическая система чувашского языка (тюркская в своей основе) складывалась в результате длительного взаимодействия с типологически близкими языками, родственными и неродственными (...) Недостаточно изученной остается и «чувашская предыстория», т.е. формирование болгарских диалектов в период общетюркской общности и взаимодействие с другими языками алтайского (и даже азиатского) ареала» (с. 185).

С самых начальных этапов подготовки «Этимологического словаря тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы)» Э.В. Севортыном, членом-корреспондентом

Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu) Л.С. Левитская принимала участие в работе, а после смерти автора фактически возглавила группу ЭСТЯ (с 1980 г.). В томах словаря, вышедших с того времени (на буквы «Д, Ж, Й» – 1989, два выпуска на буквы «К, Ц» – 1997, 2000, на буквы «Л, М, Н, П, С» – 2003), ею написано не менее 60% словарных статей.

Она также является одним из авторов фундаментального монографического исследования «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» в шести томах (т. 1 «Фонетика» – 1984, т. 3 «Морфология» – 1988, т. 4 «Лексика» – 1997, т. 5 «Региональные реконструкции» – 2002, т. 6 «Прагматический язык – основа. Картина мира прагматика» – 2006). Л.С. Левитская с 1989 г. находится на пенсии, но принимает участие в работе Отдела урал-алтайских языков Института языкознания РАН по грантам. Под научным руководством Л.С. Левитской было защищено несколько кандидатских диссертаций, ее аспиранты-ученики – А.В. Дыбо, О.А. Мудрак, Ю. Дмитриева, Е.А. Лебедева (Анисимова) – продолжают направление ее исследований и в своих сравнительно-исторических и этимологических штудиях активно используют материал чувашского языка.

Л.С. Левитская пользуется заслуженным авторитетом среди российских и зарубежных тюркологов.

Основные научные труды по чувашскому языку

О чувашских именных основах с конечными *ă, ě* // Ученые записки ЧНИИ. Филологический сборник, посвященный 85-летию профессора В.Г. Егорова. Чебоксары, 1965. Вып. 28. С. 32–38.

Заметки о чувашском консонантизме // Там же. С. 39–42.

Заметки о фонетике чувашских говоров // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1966. Вып. 4. С. 182–185.

Историческая фонетика чувашского языка. Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1966. 26 с.

Заметки о чувашско-татарских связях // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1967. Вып. 34. С. 140–144.

Общетюркские L и R в чувашском языке // Там же. С. 135–152.

Лексикологические заметки // Филология. Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1970. Вып. 46. С. 265–268.

Василий Георгиевич Егоров (к 90-летию со дня рождения) // Советская тюркология. 1970. № 2. С. 142–143.

Н.И. Ашмарин и тюркское языкознание // Н.И. Ашмарин – основоположник чувашского языкознания. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1971. С. 21–27.

Новый вклад в чувашскую историческую лексикологию (Рец. на «Этимологический словарь чувашского языка» В.Г. Егорова) // Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971. С. 301–304.

Чувашские этимологии // Советская тюркология. 1974. № 2. С. 80–84.

Чувашские этимологии // Советская тюркология. 1976. № 3. С. 89–92.

Историческая морфология чувашского языка. М., 1976. 206 с.

Чувашский язык // БСЭ. 3-е изд. М., 1978. Т. 29. С. 245.

Чувашские этимологии // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1980. Вып. 97. С. 58–60.

Об этимологическом словаре отдельного тюркского языка // Исследования по этимологии чувашского языка: Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1981. С. 128–133.

Имеются ли в чувашском языке огузские элементы? // Chuvash Studies. Budapest, 1982. P. 97–103.

О нескольких тюркизмах марийского словаря // Nyelvtudományi Közlemények, 85. 1983. P. 87–390.

Эрванд Владимирович Севортян и тюркская историческая лексикология // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. С. 93–101. В соавторстве.

Приложения

Письма В.Г. Егорова¹ (1880–1974) Л.С. Левитской

Добрейшая Лия Сергеевна!

Спасибо Вам большое за письмо с материалами для моего этимологического словаря чув.яз. Письмо Ваше сильно растрогало меня, даже привело в умиление. Особенно трогательно было здесь то, что Вы, как бы даже чужой для нас человек, находясь далеко от нас, неожиданно для меня прислали письмо с 26-ю словарными статьями – на пяти листах, тогда как свои местные научные работники, кровно заинтересованные в словаре, несмотря на частые напоминания им, чтобы сообщали мне, если им попадется материал, имеющий отношение к этимологии чувашских слов, – могли дать только одно слово. И это произошло случайно. Раз, приходя в научно-исследовательский институт, я застал одного сотрудника за чтением книги Филина² «Образование языка восточных славян», и он мне указал на 171 стр., где трактовалось о прародине чувашского хмеля. Из Ваших материалов я с благодарностью использовал около 20 слов, остальные имелись у меня.

Словарь свой давно закончил, еще в декабре представил в Чувашгиз. В январе он поступил в распоряжение редактора В.И. Котлеева³, который вот уже четвертый месяц редактирует его, на днях закончит. Он главное внимание обращает на техническую сторону. Если у меня, например, литература расположена по языкам: азерб., алт., казах., и др., то редактор располагает ее по алфавиту авторов. Если у меня имеются словарные статьи с глаголами возвратной или повелительной формы, то он их устраняет (при наличии, конечно, невозвратной формы) и т.п. В словаре 2500 слов. Многие слова остались без указания этимологии их, с указанием только этимологически родственных слов. В Чебоксарах тюркологической литературы очень мало, трудно работать. Те, которые ждут от меня полноценного этимологического словаря, возможно, сильно разочаруются в нем. По этой причине я словарю дал скромное название «Материалы для этимологического словаря чувашского языка». Приходится утешать себя только тем, что авторы этимологических словарей по другим тюркским языкам все же найдут в нем кое-какой материал из области чувашского языка. Например, в одном месте весьма обстоятельной работы Л.А. Покровской⁴ «Термины родства в тюркских языках» чувствуется отсутствие данных из области чувашского языка. Людмила Александровна пишет: «Совершенно исключительным фактом по линии семантики термина *cu/лil* в тюркских языках является его значение, засвидетельствованное в языке чувлымских тюрков: «*сингним* – брат моего мужа, моложе его, сын старшего брата моего мужа» (Дульзон). В отличие от всех других тюркских языков этот термин обозначает здесь младшего родственника не женского, а мужского пола, и не по крови, а по браку» (с. 33). Мне кажется, что здесь вполне уместно было бы привести этимологически родственное тюркскому *cu/лil* чувашское слово *шайнкӓлӓм*, ныне бытуемое в диалектах, а в литературном языке сократившееся в *шӓллӓм* «мой младший брат».⁵ Это дало бы автору возможность уверенно утверждать, что термин *cu/лil* и его фонетические варианты в тюркских языках означают младших родственников и женского, и мужского пола (не только по крови, но и по браку). Таким образом, приобщение чувашских данных сообщило бы трактуемому вопросу некоторую полноту и законченность.

Если у Вас, Лия Сергеевна, будут в Чебоксарах какие-либо поручения, пишите, с удовольствием выполню своевременно. Привет Л.А. Покровской и А.А. Кокляновой⁶.

Благодарный Вам В. Егоров.

5/X 64.

Дорогая, добрейшая Лия Сергеевна!

Очень и очень извиняюсь перед Вами за долгое молчание. Все время занят был словарем⁷, и при этом одни неприятности, связанные и с листажом, и с тиражом, и с печатанием и пр. и пр. Предполагалось печатать в Чебоксарах, но местная типография отказалась печатать, ссылаясь на то, что у них нет ручного набора, а только машинный. Чувашское книжное издательство договорилось с Казанским комбинатом печати и рукопись отослало туда. В Казани выяснилось, что у них нет арабского шрифта, – и мне с помощью одной неопытной наборщицы в Чебоксарской

типографии пришлось четыре дня набирать отдельные арабские и персидские слова (около 300). Наборщица держала верстатку, а я указывал ей нужные литеры и харакеты. Некоторых литер совсем не оказалось в кассе, их заменяли имеющимися или набирали арабские и персидские слова русскими литерами... В Казани последний раз прожил более трех недель: с 7 ч. утра до 4 ч. веч., раздавал 5–6 наборщикам араб. и персидские слова, они вставляли их в соответствующие места набора. Они часто дорогой же от меня к своему месту теряли харакеты или ставили вниз головкой. Большие ошибки делали и в наборе греческих слов. Держал также и корректуру. Измучился вконец. Вернулся из Казани только вчера: привез для проверки «к печати» первые 10 листов набора словаря (всего 22 листа). Через 3–4 дня опять повезу эти 10 листов...

Спасибо большое Вам, Лия Сергеевна, за слово «кемик», я его использовал. Я рад, что Вы как мой добрый гений продолжаете помогать мне и предупреждаете от ошибок. Русское спасибо Вам также за книгу Н.К. Дмитриева⁸ о Корше. Случилось так, я выписал эту книгу в Казанской научной библиотеке в читальный зал, просмотрел ее, сделал кое-какие пометки у себя, чтобы потом некоторые места выписать. Прихожу домой, на столе уже лежало письмо от жены, где она между прочим сообщает, что «Лия Сергеевна прислала книгу: «Н.К. Дмитриев. Ф.Е. Корш»...

Я очень извиняюсь перед Вами, Лия Сергеевна, что обременил Вас тогда разными поручениями. Я получил тогда в тот день бумагу из бухгалтерии и, нисколько не обдумав, поспешил к Вам в Институт, но Вас не было, я попросил В.И. Котлева передать Вам... Почему-то я представлял тогда, что вы к 10 авг. вернетесь в Чебоксары. После я раскаялся, но было уже поздно.

Анастасия Марковна⁹ сердечно Вас благодарит за Ваше любезное обещание показать ей достопримечательности Москвы. При первой представившейся возможности она не преминет воспользоваться Вашей добротой.

Благодарные Вам В. и А. Егоровы.

6/X 64.

Дорогая Лия Сергеевна!

Пишу из Казани. Опять неприятности. У Комбината печати пока нет бумаги для печатания словаря. Больше двух недель живу в ожидании поступления бумаги.

Из Чебоксар жена сообщает, что поступило приглашение в Москву на 25 декабря. Но не придется выехать, чувствую неважно, сильный упадок сил: температура 35,5–35,8.

Об интересующем Вас слове *шүшү* могу сказать следующее. *Шүшү* иначе *сүхү* (от слова *сүхе* «тонкий») – это тонкие лепешки: их крошат в суп вместо гренок. Раньше ими также поминали покойников. Имели они жертвенное значение, т.е. приносились ли в жертву богам, – не мог узнать, хотя спрашивал многих. На моей родине совсем не знают их ни в форме *шүшү*, ни в форме *сүхү* (быв. Цивильск. уезд., Яниково-Шоркир. вол.). Мне приходилось слышать, что в старое время в некоторых районах Чувашии в качестве жертвенного приношения богам в большом употреблении были *юсманы*. Юсманы – это, по-видимому, тонкие пшеничные лепешечки диаметром не более 1–1½ сантиметра. Их приносили в жертву по преимуществу низшим божествам. У меня долго хранились записки одного из воспитанников бывш. Казанского Чувашия педтехникума (уроженца бывш. Чистопольского уезда Казанск. губ., селения не помню), записанные им по моему заданию на своей родине в 1923–24 гг. В этих записках тщательным образом было указано, какому божеству, в каких случаях, какое количество *юсманов* нужно приносить в жертву. Я долго искал эти записки у себя в Чебоксарах, но не нашел, не нашел их также и здесь – в старой казанской квартире. Наравне с юсманами в старое время чуваша своим божествам приносили в жертву миниатюрные утки и гуси из теста. На моей памяти (в конце 80-х годов и 90-х годах) такие гуси и утки из теста продавались на всех чувашских базарах. Им(и) спекулировали некоторые казанские булочники. Таким образом, по мере своего обеднения чувашский народ прежние дорогие жертвы божествам (как лошадь, бык, овца, гусь, утка) стал заменять искусственными, более дешевыми жертвами.

Ваш кофе, Лия Сергеевна, ваш рис в целости, они ждут Вашего возвращения в Чебоксары.

Сердечный привет от меня Э.Р. Тенишеву¹⁰, Л.А. Покровской и А.А. Кокляновой.

С глубоким уважением благодарный Вам В. Егоров.

8/ХІІ 64.

Р.С. Долг свой постараюсь вернуть при первой возможности. Я давно просил А.Е. Горшкова¹¹ сделать это, по-видимому, он за это время не был в Москве.

В.Е.

Дорогая Лия Сергеевна!

Очень извиняюсь перед Вами, что отвечаю с большим опозданием. Прежде всего спасибо Вам большое за «Лингвистический словарь Пражской школы» Вахека. Это весьма нужная и полезная книга, особенно для меня. Я сильно отстал от современности: структуральной лингвистикой совсем не интересовался. Теперь придется позаниматься ею.

В настоящее время мы вместе с Горшковым готовим ко 2-му изданию мой «Русско-чувашский словарь». В городе ничего особенного не слышно. Больших новостей нет. По выходным дням большое оживление бывает на Волге. Много народу отправляется на пароходе и на лодках на левую сторону Волги. Там они каются, купаются, отдыхают до 9 и 10 ч. вечера. В иные дни на улицах можно встретить также толпой расхаживающих экскурсантов с туристического парохода с рейсом Москва – Астрахань или Москва – Ростов-на-Дону и обратно...

Мы с старухой никуда не ездили. Она, впрочем, недели 4–5 домовничала в Казани в квартире дочери, которая отдыхала в «Золотых песках» в Болгарии. Мы с ней часто и с приятностью вспоминаем Вас и с нетерпением ждем Вашего приезда в наш богоспасаемый град Чебоксары. Город наш продолжает расти, за лето выстроили много новых больших домов...

Сотрудники Чувашск. научно-исследов. института яз. и Педагогич. института шлют Вам сердечный привет.

С глубоким уважением к Вам

В. и А. Егоровы.

28/VII 65.

Дорогая Лия Сергеевна!

Мы, научные работники Чувашии, очень рады были получить от Вас приятную весточку, что Вы закончили свою диссертацию и что Вас оформили на работу. Будем с нетерпением ждать Вашей диссертации. Надо было Вам сразу прислать ее без всяких предварительных переговоров. Наши все рады ознакомиться с ней. Вы наша общая любимица. Вы всех победили своей скромностью, исключительной трудоспособностью и строго научным подходом к обсуждаемым вопросам. Здесь Вас долго ждали и даже забронировали было номер в гостинице (это уже зря, можно было остановиться прямо у нас, уделили бы комнату на любой срок).

Что касается отзывов на Вашу работу, то первый отзыв оформили от сектора языка научно-исслед. инст., а второй – от секторов чув. и русского языков пединститута. Ведь многие работники института (Михайлов¹², Уськин¹³, Павлов¹⁴ и др.) бывшие аспиранты Инст[итута] языкознания.

На днях из Казахстана получили для отзыва докторск. диссертацию В.А. Исангалиевой «Тюрск. глаголы с основами, заимствов. из русск. яз.». 1966 г.

Сердечный Вам привет от наших научных работников и Анастасии Марковны и Вашей мамаше от меня и Насти.

С глубоким уважением к Вам и Вашей мамаше В. Егоров.

19/III 66.

Дорогая Лия Сергеевна!

Спасибо Вам большое за письмо и за то, что не забываете чебоксарских товарищей. Мы в свою очередь тоже часто вспоминаем Вас, сильно скучаем по Вас и с нетерпением ждем Вашего долгосрочного приезда в командировку к нам в Чебоксары. Мы все очень привыкли к Вам и полюбили Вас и Вашу искренность, простоту и отсутствие фальши.

Новости чебоксарские Вы, наверное, знаете. У нас теперь Университет – это крупнейшее наше достижение в советскую эпоху. В 1887 году, когда я начинал учиться, у нас в Чувашии были одни только начальные земские школы и те только в селах, где были церкви. Не было ни

одной даже средней школы. В нашем приходе приходская школа обслуживала 13 деревень, и в 7 деревнях тогда не было ни одного грамотного человека. Во всей Чувашии тогда были только два двухклассных училища Министерства Народного Просвещения – в Бичурине и Аликове, равные 5–6 клас. нынешней средней школы. В эти училища приезжали учиться за 20–30 километров... Люди тогда жаждали, добивались знаний, а теперь не дорожат и вузами, добиваются только диплома высшей школы...

С конца декабря и меня пригласили в местный университет профессором-консультантом. Я консультировал студентов, как писать курсовую работу, и участвовал в проверке этих работ. В конце декабря и в первой половине января проводил экзамены и теперь (с 20 мая по 29 июня) провожу государственные экзамены в качестве председателя Экзаменац. комиссии. Сильно устаю, силы нисколько нет. До Нового года едва ли доживу. Годы сказываются: мне 89-й год.

Сердечный привет Вашим.
С глубоким уважением к Вам
В. Егоров.
29/ VI 68.

Дорогая Лия Сергеевна!

Мне крайне неприятно перед Вами: Вы на себя взяли большой труд опубликовать серьезную, содержательную статью о моих более чем скромных работах в азербайджанском «Научно-теоретическом журнале»¹⁵.

Я глубоко тронут Вашим вниманием ко мне и не нахожу слов, как благодарить Вас. Вы так человечны, что чужие интересы для Вас дороже своих.

Мы здесь живем очень тихо и скромно. Я чувствую большую слабость, недомогание, силы нисколько нет. Кровяное давление 197. Наверное, скоро свернусь совсем. Годы берут свое – 91 год.

Мы в Научно-исследовательском институте все сильно скучаем по Вас. Приезжайте. Ждем Вас.

Сердечный привет Вашим: Лии Алексеевне, Нине Алексеевне и Сергею Николаевичу¹⁶.
Благодарный Вам
В. Егоров.
12/XI 70.

Дорогая Лия Сергеевна!

Приношу Вам сердечную благодарность за присланную книгу «Тюркская лексикология и лексикография». Принялся читать ее с большим интересом.

У меня большая слабость. Силы нисколько нет. Годы берут свое (мне 92-й год). Читаю сравнительно мало, Время проходит однообразно и скучно.

Вы, Лия Сергеевна, совсем забыли нас – чебоксарцев. Мы скучаем по Вас. Помните обо мне (?) Привет от нас Лии Алексеевне, Нине Алексеевне и Сергею Николаевичу. С глубоким уважением В. Егоров.

13 окт. 1971 г.

П р и м е ч а н и я

Письма В.Г. Егорова к Л.С. Левитской хранятся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук [Отд. IV. Ед.хр. 941. Л. 1–24].

¹ В.Г. Егоров (1880–1974). Исследователь чувашского языка, тюрколог, доктор филологических наук. Основные труды: Чувашско-русский словарь (1935, 1954); Русско-чувашский словарь (1970); Современный чувашский язык в сравнительно-историческом освещении (1954, 1971); Материалы по грамматике современного чувашского языка (1957); Этимологический словарь чувашского языка (1964).

² Ф.П. Филин (1908–1982). Языковед, член-корр. АН СССР. Директор Института языкознания и Института русского языка АН СССР. Основные труды в области лексикологии

и лексикографии, диалектологии и лингвистической географии русского языка, этногенеза славян, общего языкознания, социолингвистики.

³ В.И. Котлеев (1933–1989). Языковед, кандидат филологических наук, доцент. Основные труды: Чăваш чĕлхин сасă тытăмĕ. Фонологи очеркĕ. Шупашкар, 1981. 96 с.; Фонетика // Хальхи чăваш чĕлхин фонетики, графика тата орфографийĕ: Тĕпчев ёĕсем / ЧНТИ. Шупашкар, 1978. 83-мĕш кăларăм. С. 3–115.

⁴ Л.А. Покровская – научный сотрудник Сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР.

⁵ Известно, в древности у тюркских (и монг.) племен старшие родственники женского и мужского пола имели одно общее название, а младшие родственники того и другого пола – другое название.

⁶ Коклянова А.А. – научный сотрудник Сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР.

⁷ Речь идет об «Этимологическом словаре чувашского языка» В.Г. Егорова.

⁸ Н.К. Дмитриев (1898–1954). Языковед-тюрколог, чл. корр. АН СССР, действительный член АПН РСФСР, профессор Ленинградского и Московского университетов. Заслуженный деятель науки Чувашской АССР. Редактор «Русско-чувашского словаря». М., 1950.

⁹ Анастасия Марковна (Егорова) – супруга В.Г. Егорова.

¹⁰ Э.Р. Тенишев (1921–2005). Языковед, член-корр. РАН. Основные работы в области сравнительно-исторической грамматики и истории тюркских языков, древнетюркских памятников и современных языков Центральной Азии.

¹¹ А.Е. Горшков (1931). Языковед, кандидат филологических наук, доцент. Основные труды: Чăваш чĕлхи лексикин аталанăвĕ: (Совет тапхăрĕ). Шупашкар, 1960. 102 с.; Чăваш чĕлхи, лексика, фразеологи, пушпек культуры. Вĕренÿ пособийĕ. Шупашкар, 1997. 159 с.

¹² М.М. Михайлов (1923–1995). Доктор филологических наук, профессор. Труды: Культура русской речи и исправление типичных ошибок чувашей. Чебоксары, 1955. 119 с.; Двужычие: (Принципы и проблемы). ЧГУ. Чебоксары, 1969. 135 с.; и др.

¹³ А.С. Уськин (1920). Кандидат филологических наук, доцент. Автор 4 книг и более 30 научных работ.

¹⁴ И.П. Павлов (1928–2002). Исследователь чувашского языка, кандидат филологических наук, доцент. Основной труд: Хальхи чăваш литература чĕлхи. Морфологи. Шупашкар, 1965. 343 с. Один из авторов-составителей «Чувашско-русского словаря» (1961, 1982) и «Русско-чувашского словаря» (1951, 1971). Автор более 150 научных статей.

¹⁵ Имеется в виду статья Л.С. Левитской «Василий Георгиевич Егоров (К 90-летию со дня рождения)» // Советская тюркология. 1970. № 2.

¹⁶ Лия Алексеевна, Нина Алексеевна, Сергей Николаевич – родственники Л.С. Левитской.

А.П. Хузангай, Е.И. Батченко.

КАХОВСКИЙ БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ

(К 60-летию со дня рождения)

27

ноября 2006 г. исполнилось 60 лет кандидату исторических наук, доценту, декану исторического факультета Чувашского государственного педагогического университета Каховскому Борису Васильевичу.

Борис Васильевич родился в Чебоксарах в семье Ольги Ивановны и Василия Филипповича Каховских, отдавших всю сознательную жизнь делу народного образования Чувашии. В 1971 г. успешно закончил Казанский авиационный институт им. А.Н. Туполева: учился на факультете двигателей летательных аппаратов. Имеет второе высшее образование – в 1976 г. окончил историко-филологический факультет Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Став инженером, три года проработал по специальности на

производственном объединении им. В.И. Чапаева (Чебоксары). В 1974 г. устроился на работу в Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. В 1980 г. перешел на кафедру «Истории СССР» Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, а в 1998 г. перевелся на должность заместителя декана по научной работе на историко-филологический факультет Чувашского государственного педагогического университета. С 2005 г. – декан исторического факультета. Борис Васильевич продолжает славные семейные традиции историков, заложенных его отцом – В.Ф. Каховским (1916–1993), известным ученым, одним из организаторов археологической науки в Чувашии.

Научные труды Б.В. Каховского посвящены исследованию археологии, истории и этнологии Чувашского края. Как археолог он провел 33 полевых раскопчных сезона. Изучал памятники каменного, раннего железного веков, занимался раскопками курганов абашевской, балановской и срубной культур бронзового века. С 1974 г. вел исследование средневековых чувашских языческих могильников. Ученый принимал участие в крупных этносоциологических экспедициях, которые проводились Институтом этнографии Российской Академии наук в Чувашии. По материалам археологических и этнографических исследований на историческом факультете создал археологический музей им. В.Ф. Каховского, включающий 12 экспозиций.

Ежегодно под руководством Бориса Васильевича проводятся археологические экспедиции, в которых проходят практику студенты исторических специальностей. Материалы исследований служат источниковой базой для написания курсовых и дипломных работ, научных докладов. В течение ряда лет его подопечные занимают призовые места на межвузовской студенческой конференции-фестивале «Юность Большой Волги», активно участвуют на Урало-Поволжской археологической студенческой конференции.

Борис Васильевич не только грамотный руководитель, отличный педагог-ученый, но и чуткий, отзывчивый, деликатный, интеллигентный человек. В научном кругу он пользуется заслуженным авторитетом. Работая в вузах родной республики более 30 лет, Б.В. Каховский внес весомый вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов для средней школы. За многолетнюю плодотворную работу по подготовке научно-педагогических кадров он награжден Почетными Грамотами вузов, Министерства образования и молодежной политики Чувашии и Министерства образования и науки Российской Федерации.

Основные научные труды

Толиковский могильник // История, археология и этнография Чувашской АССР. Чебоксары, 1975. Вып. 56. С. 196–216.

Новые памятники балановской культуры // История, археология и этнография Чувашской АССР. Чебоксары, 1975. Вып. 60. С. 137–165.

Погребальный обряд чувашского языческого населения // Современные социальные и этнические процессы в Чувашской АССР. Чебоксары, 1978. С. 118–146.

Бахтигильдинский могильник // Исследования по археологии Чувашии. Чебоксары, 1978. Вып. 80. С. 78–94. В соавторстве.

Исследование Мартыновского могильника // Там же. С. 95–118.

Раскопки Тегешевского могильника // Там же. С. 129–151. В соавторстве.

Памятники археологии // Археологические и исторические памятники Чувашской АССР. Чебоксары, 1979. Вып. 91. С. 8–54.

О некоторых параллелях погребального обряда волжских болгар и чувашского языческого населения // Вопросы истории Чувашии периода феодализма и капитализма. Чебоксары, 1979. Вып. 93. С. 101–108.

Развитие археологии в Советской Чувашии // Развитие общественных наук в Чувашии за годы Советской власти. Чебоксары, 1980. Вып. 100. С. 41–51.

Археологические исследования 1978 года в Чувашской АССР // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии. Чебоксары, 1980. Вып. 105. С. 51–69.

Итоги археологических работ 1979–1980 гг. в Чувашской АССР // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары, 1982. С. 3–51.

О язычестве волжских болгар (По археологическим данным) // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии. Чебоксары, 1983. С. 26–42.

Черты традиционного и нового в похоронной обрядности сельских чувашей // Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР. Чебоксары, 1984. С. 109–117.

Дохристианский погребальный обряд чувашей как материал к этногенезу // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984. С. 121–139.

Исследования Чувашской археологической экспедиции в 1983–1984 гг. // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа. Чебоксары, 1985. С. 3–31.

Археология и этнография Чувашской АССР. Библиографический указатель. Чебоксары, 1986. 288 с. (Один из составителей).

Исследование курганов срубной культуры и Болгарского городища на юге Чувашии в 1985 г. // Исследования по древней и современной культуре чувашей. Чебоксары, 1987. С. 48–64.

Семейные обряды чувашей // Чуваши: Современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988. С. 121–139. В соавторстве.

Пути повышения эффективности производства // Социально-экономические проблемы совершенствования человеческого фактора. Чебоксары, 1989. С. 75–80.

Некоторые аспекты современного образа жизни населения Чувашии // Социально-экономические проблемы образа жизни советских людей. Чебоксары, 1990. С. 63–73.

Новые данные об абашевской культуре // Историко-этнографические исследования в Чувашской ССР. Чебоксары, 1990. С. 105–123.

Новые материалы исследования памятников балановской культуры // Вопросы археологии и антропологии Чувашии. Чебоксары, 1991. С. 21–28.

Изучение болгарских памятников на территории Чувашии // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань, 1993. С. 32–46. В соавторстве.

Преданья старины глубокой // *Зайцев Я.Н.* Лета и лица Урмарской земли. Чебоксары, 1994. С. 154–164.

Исследования памятников бронзового века в Чувашии // История исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье и материалы по антропологии чувашей. Чебоксары, 1995. С. 34–50.

Вклад В.Ф. Каховского в развитие археологической науки в Чувашии // Вопросы археологии и этнографии Чувашии. Материалы чтений, посвященных памяти В.Ф. Каховского. Чебоксары, 2000. С. 22–47.

Каховский Василий Филиппович // Происхождение чувашского народа. 3-е изд., перераб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. С. 5–10.

Малособарский (Второтюрарский) курган абашевской культуры в Чувашии // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 45–49. В соавторстве.

Сходство в погребальных обрядах чувашей и венгров // Этнология религии чувашей. Чебоксары, 2003. Вып. 1. С. 5–15.

Археолого-этнографический музей им. В.Ф. Каховского // Возрожденный исторический (К 75-летию ЧГПУ им. И.Я. Яковлева). Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет, 2005. С. 95–99.

Л.А. Ефимов.

АНДРАШ РОНА-ТАШУ – LXXXV

(К 75-летию со дня рождения)

30

декабря 2006 г. исполнилось семьдесят пять лет известному языковеду, историку, тюркологу и алтаисту, исследователю чувашского языка, действительному члену Венгерской Академии наук Андрашу Рона-Ташу.

А. Рона-Таш родился в семье служащих. Отец его был врачом, мать – доктором экономических наук (погибла во время фашистской оккупации Венгрии). Уже во время учебы в гимназии у будущего ученого возникает интерес к изучению иностранных языков и культур других народов. Эти первоначальные юношеские устремления получают свое воплощение и более ясную научную перспективу на финно-угорском отделении Будапештского университета, куда А.Рона-Таш поступает в 1950 г. В университете он изучает этнографию, археологию, историю искусства и восточные языки. В то же время под руководством академиков Дюлы Немета и Лайоша Лигети А. Рона-Таш начинает серьезно заниматься чувашским языком. В первую очередь его интересует история развития чувашского языка, его контакты с финно-угорскими, иранскими, монгольскими и иными языками. Надо сказать, что в венгерском языкознании интерес к чувашскому языку имеет длительную и весьма плодотворную научную традицию. Ряд крупных ученых XIX в., таких, например, как А. Регули, Й. Буденц, Б. Мункачи, З. Гомбоц внесли значительный вклад в изучение чувашского языка. Ими были собраны в значительном количестве материалы по чувашскому языку и его диалектам, которые впоследствии были изданы в виде словарей, грамматик и отдельных монографий. Как правило, эти исследования характеризуют точность фиксации языкового материала и умелое использование сравнительно-исторического метода при его анализе (в конце XIX – начале XX вв. венгерская школа компаративистики была по праву одной из ведущих в мире). При этом венгерским исследователям удавалось сочетать работу по сбору полевого материала с широтой обобщений и построения гипотез в урало-алтайской и собственно алтаистической перспективе. Это было обусловлено и тем, что ранняя история (предыстория) венгров была тесно связана с западными древнетюркскими этносами, в частности, с оногурами и булгарами, а в самом венгерском языке отложился значительный пласт заимствований булгаро-чувашского типа. Исследование этих тем и саму традицию венгерского чувашеведения с успехом продолжил А. Рона-Таш. Получив после окончания университета степень магистра по тибетологии, алтаистике и культурной антропологии, он в качестве стажера-исследователя Академии наук отправляется в экспедицию в Монголию (1957–1958). Результаты полевых исследований были опубликованы в книге (1961), в переводе она была издана в Москве: «По следам кочевников. Монголия глазами этнографа» (1964). Позднее была переведена на японский и другие языки. Взаимодействием архаичных монгольских языков с тибетским и языками других семей была посвящена его кандидатская диссертация «Tibeto-Mongolica» (1966). Годом ранее ученый предпринял научную командировку в Чувашию и Поволжье.

С 1968 г. А. Рона-Таш работает в Сегедском университете им. Йозефа Аттилы. В 1971 г. он защищает докторскую диссертацию на тему «Родство алтайских языков. Теоретическое обоснование и чуваше-монгольские языковые связи» (объем текста – 1022 стр., частично опубликована в виде отдельных извлечений и статей). С его приходом в университете широко разворачиваются исследования по алтаистике и древней истории венгров. В 1974 г. открывается кафедра алтаистики, которой А. Рона-Таш заведовал до 1990 г. (в 1990–1992 гг. ректор университета), в том же году формируется, по его инициативе, группа примерно из 60 ученых, которая стремилась выработать новые подходы к изучению раннего периода венгерской истории. Этой группой было издано в 1976–1982 гг. пятитомное исследование “Bevezetés a Magyar történet kutatásának forrásai” (Введение в изучение источников венгерской протоистории), которое имело широкий резонанс в венгерских научных кругах. В нем было предпринято критическое переосмысление разного типа источников, введение новых с целью достижения адекватной исторической реконструкции. А. Рона-Таш сам преподавал древнюю историю и связанные с этим курсы в Сегедском университете. Своего рода обобщением и подведением итогов работы Сегедской исследовательской группы по протоистории явилась появившаяся позже его монография “A honfoglaló Magyar nép. Bevezetés a korai Magyar történelem ismeretébe” (Венгерский народ эпохи обретения родины. Введение в изучение ранней истории венгров). Книга была издана в 1996 г., переиздана в 1997. Измененное и дополненное издание на английском языке “The Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. An Introduction into the early Hungarian History” было опубликовано Центральным Европейским университетом (CEU Press) в 1999 г.

В 1973 г. А. Рона-Таш совершил вторую экспедицию в Поволжье. По ее результатам совместно с археологом И. Фодором он издает монографию “*Epigraphica Bulgarica. A volgai bolgar-turuk feliratok*” (Булгарская эпиграфика. Волжские булгаро-тюркские эпитафии). Книга выходит в издательстве Сегедского университета в качестве первого выпуска серии “*Studia Uralo-Altaica*” (1973). Булгарские надгробные памятники, находимые на территории между Волгой и Камой, написаны арабской графикой и содержат ряд булгаро-чувашских слов. Эти памятники XIII–XIV вв. не только являются древнейшими памятниками письменности чувашского языка, но и представляют собой важнейший аргумент в пользу булгарского происхождения чувашей, что и было еще раз обосновано венгерскими исследователями. А. Рона-Ташем и И. Фодором была проведена определенная классификация этих памятников, а также дано новое чтение ряда спорных мест. Книга «Булгарская эпиграфика» еще раз подтвердила ту истину, что чувашаи неразрывно, кровными узами связаны с булгарами и Булгарским государством в Волга-Камье, которое испытало свой расцвет в X–XII вв.

В этой же серии А. Рона-Ташем было осуществлено: переиздание «Чувашско-венгерско-немецкого словаря» Хейкки Паасонена (1974); ропринтное издание знаменитого труда XVIII в. “*Das Nord und Cstliche Theil von Europa und Asia...*” Ф.И.Т. Страленберга (1975).

Вслед за академиком Дюла Неметом А. Рона-Таш занимался также и более ранними памятниками тюркского письма на территории Восточной Европы. Им была, в частности, опубликована руническая надпись (вероятно, булгаро-хазарского происхождения), обнаруженная Г.Ф. Юмартом в чувашской деревне Большое Микушкино Иса克林ского района Куйбышевской области (A Runic Inscription in the Kujbulev Region // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 30 (1976). Позднее он дает новое критическое прочтение (совместно с Р. Гёблем) надписей Сент-Миклошского клада (Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szentmiklys, 1995).

В Сегедском университете А. Рона-Таш вел также занятия по чувашскому языку для студентов, специализирующихся в области тюркского и алтайского языкознания. С этой целью совместно с В.И. Сергеевым (ныне доктором филологии), им было подготовлено учебное пособие “*Bevezetés a csuvas nyelv ismeretibe*” (Введение в изучение чувашского языка), изданное в Будапеште в 1978 г. В 1987 г. он издает “*Csuvas nyelv vözlatos nyelvtena*” (Краткая грамматика чувашского языка). В 1991 г. в качестве учебного пособия выходит его “*Introduction into Turcology*” (*Stidia Uralo-Altaica*, 33).

Обширный опыт изучения языков разного типа: финно-угорских, древних и современных тюркских, монгольских, китайско-тибетских, современных западноевропейских, длительная работа в области исторического языкознания позволили А. Рона-Ташу издать в 1978 г. теоретическую монографию “*A nyelvrokonsäg*” (Языковое родство). В этой важной работе ученый обобщает результаты трудов своих предшественников, развивает дело своих учителей, раскрывает суть и сложность проблем, стоящих перед историком языка. Думается, что и проницательное, глубокое постижение «загадок» чувашского языка, которое характерно для научного творчества А. Рона-Таша, стимулировало в известной мере работу над этой книгой (она имеет подзаголовок, в буквальном переводе с венгерского: «Странствия или приключения в области исторического познания языка»).

А. Рона-Таш поддерживал постоянные контакты с чувашскими коллегами, плодотворные для обеих сторон. Венгерский ученый неоднократно бывал в Чувашии. Так, в 1978 г. он выступил с докладом на проходившей в Чебоксарах научной конференции по проблемам исторической лексикологии чувашского языка¹. Им была предложена новая периодизация истории чувашского языка сравнительно с соответствующими периодами развития других тюркских языков, что имеет большое значение для решения конкретных задач, стоящих перед чувашскими языковедами в области этимологии, изучения связей чувашского языка с родственными и неродственными языками, стратификации чувашской лексики.

В конце 70-х гг. была начата подготовка международного проекта по созданию «Большого историко-этимологического словаря чувашского языка», основным научным консультантом которого был А. Рона-Таш. В многочисленных своих статьях А. Рона-Таш предлагал и разрабатывал этимологии конкретных чувашских слов. Как ответственный редактор и автор, стимулируя и координируя направление историко-этимологических исследований, он

издает два сборника статей “Studies in Chuvash Etymology. I (Studia Uralo-Altaica, 17. Szeged, 1982) и “Chuvash Studies” (Asiatische Forschungen, Band 79. Wiesbaden, 1982). Ряд статей А. Рона-Таша посвящен исторической фонетике чувашского, тюркских и уральских языков. Его принципиально важные статьи по алтаистике и истории чувашского языка были объединены в 25-м томе Studia Uralo-Altaica “Language and History. Contributions to Comparative Altaistics” (Szeged, 1986). Он также автор многих публикаций в ряде авторитетных международных изданий по урало-алтаистике и тюркологии.

Будучи филологом (в классическом понимании этого слова) широкого профиля, А. Рона-Таш многое сделал и для пропаганды произведений чувашской литературы в Венгрии. Бессмертная поэма «Нарспи» Константина Иванова при его непосредственном участии была издана отдельной книгой в Эгере в 1977 г.² Поэтический перевод был осуществлен известной венгерской поэтессой Анной Беде. В том же году под его руководством был опубликован сборник чувашских сказок (перевод коллектива авторов)³. Ряд статей о чувашской литературе, поэтах и писателях был написан им для многотомной венгерской «Энциклопедии всемирной литературы».

А. Рона-Таш известен также как организатор гуманитарной науки. В 1982–1989 гг. возглавлял Международную ассоциацию тибетологических исследований, в 1994–2001 гг. был президентом Всевенгерского Комитета по аккредитации, в 1994 г. – вице-президентом Урало-алтайского общества (Societas Uralo-Altaica), в 1995 г. избран действительным членом Венгерской Академии наук, с 1996 г. – главный редактор журнала “Acta Orientalia”, в 1999–2001 гг. член Руководящего комитета международной сети агентств по гарантии качества высшего образования (INQAANE). Как приглашенный профессор (visiting professor), он в разные годы читал лекции в Боннском, Венском и Упсальском университетах. Научная деятельность А. Рона-Таша отмечена многими престижными премиями, он является членом ряда международных и венгерских научных обществ, редакций журналов.

В 2003 г. А. Рона-Таш был награжден Офицерским Крестом ордена Венгерской Республики для гражданских лиц⁴.

Примечания

¹ См.: *Рона-Таш. А.* Проблемы периодизации и источники истории чувашского языка // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Труды НИИЯЛИЭ. Вып. 97. Чебоксары, 1980. С. 3–13. Развернутый текст на английском языке “The Periodisation and Sources of Chuvash Linguistic History” в “Chuvash Studies” (1982). P. 113–169.

² “Narszpi, szjр leбny”.

³ “Mese a tulgyfa tetejйn” (Юмах юман тгрринче).

⁴ Библиографию чувашеведческих работ А.Рона-Таша до 2002 г. см. в: *Дмитриева Ю., Адягаши К.* Hungaro-Tschuwaschica. Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. Чебоксары, 2001. С. 107–168 (всего 74 названия!).

А.П. Хузангай.

ЭКСПЕДИЦИИ

С 20 июля по 15 августа 2006 г. на многослойной стоянке «Утюж I», расположенной в среднем течении р. Суры (Алатырский район Чувашской Республики) работала совместная экспедиция волжских археологов. Она проводилась под научным руководством старшего преподавателя кафедры истории Отечества Ульяновского государственного университета, кандидата исторических наук А.В. Вискалина. В работе экспедиции приняли участие доцент кафедры истории, древнего мира, средних веков и археологии Пензенского государственного педагогического университета, доктор исторических наук В.В. Ставицкий, декан исторического факультета Самарского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук А.А. Выборнов, доцент кафедры археологии названного университета, кандидат исторических наук А.И. Королев, научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук Н.С. Березина (Чебоксары), студенты и аспиранты Самарского государственного педагогического университета, члены Чувашского естественноисторического общества «Terra incognita» во главе с его председателем А.Ю. Березиным (Чебоксары).

Памятник «Утюж I» был открыт в 70-е годы алатырским краеведом, директором краеведческого музея Ю.Б. Новиковым. Отметим, что каменный век Чувашского Присурья изучен далеко не в должной мере, хотя и неоднократно проводилось его археологическое обследование. В 1927 г. отряд Средневожской археологической экспедиции под руководством П.П. Ефименко обследовал целый ряд поселков неолитических рыболовов-охотников в южном течении Суры, между Ядрином и д. Иваново. В 1950, 1953 и 1963 гг. П.Д. Степанов проводил археологические разведки в Присурье. Им отмечены несколько городищ, курганов и неолитическая стоянка, расположенная недалеко от г. Ядрина. В 1974–1977 гг. В.Ф. Каховским предпринята попытка целенаправленного комплексного изучения Чувашского Присурья. В итоге четырехлетних разведочных работ им было выявлено 13 неолитических стоянок: Стемасы I, II, III, стоянки на р. Утюж, Сурский Майдан III, поселение Мочкасы, стоянка близ д. Никитино Ядринского района. Большинство стоянок отнесено им к балахнинской культуре развитого неолита.

Тем не менее, за все годы исследований, каменный век Чувашского Присурья остался неизученным. Всего одна многослойная стоянка «Стемасы I» обследовалась стационарными раскопками. В.Ф. Каховским в ходе экспедиции было выявлено 4 сооружения, датированные болгарским временем. Им типологически выделена группа керамики ручной лепки, «толстостенных с примесями растительной трухи и дресвы, темно-серого» цвета. Преобладающей формой являлись остродонные сосуды с горизонтальными зонами ямочного и гребчатого орнамента, реже встречался более сложный орнамент из «шагающей гребенки», ямок и косых линий. Исследователь отнес данную керамику к балахнинской культуре с элементами влияния волосовской культуры. Все остальные имеющиеся источники по каменному

веку Чувашского Присурья – это разрозненный подъемный материал.

Таким образом, до настоящего времени история начального заселения и развития этнокультурных процессов в каменном веке Чувашского Присурья оставалась неисследованной на фоне достаточно хорошо изученных районов Среднего Поволжья, бассейнов Оки и Камы. Поэтому неудивителен интерес среди специалистов, который вызвал неолитический памятник «Утюж I». Этот памятник на сегодня является уникальным. Результаты, полученные в ходе раскопок, впервые позволяют проследить историю Присурья в обширном хронологическом диапазоне: от раннего неолита до средневековья.

На памятнике было вскрыто 128 кв. м площади, выявлено шесть культурно-хронологических комплексов. Самым древним является мезолитический слой. С ним связаны находки ножевидных пластин, наконечников стрел на пластинах и серии нуклеусов. Прослежены следы двух жилищ. Нижнюю стратиграфическую позицию занимает жилище с сосудами с накольчатым орнаментом эпохи раннего неолита. Жилище имело прямоугольные очертания, примерно 8,5 Ч 6 м, пол ровный. Глиняные сосуды ручной лепки небольших размеров с орнаментом, расположенным под венчиком и у дна, выполненным наколами треугольной или овальной формы и вдавлениями в отступающей манере, насечками и прочерченными линиями. Под венчиком имеются сквозные отверстия. Поверхность сосудов заглажена. Имеются фрагменты заостренных донцов. Данная керамика находит близкие аналогии в материалах Марийско-Чувашского Поволжья. Большинство исследователей связывают появление керамики с накольчатым орнаментом в Волго-Сурском регионе с носителями южных традиций. Данный культурно-хронологический горизонт датируется V тыс. до н.э.

Второе жилище перекрывает первое, оно примерно 6 Ч 6 м, подпрямоугольной формы. Связано с керамикой с ямочно-гребенчатой орнаментацией. Здесь собрано большое количество отдельных фрагментов и несколько развалов сосудов ручной лепки, украшенных горизонтальными рядами конической ямки, оттисками зубчатого штампа. Данный тип керамики относится к раннему этапу льяловской культуры эпохи развитого неолита. С ямочно-гребенчатой керамикой, вероятно, связаны находки листовидных кремневых наконечников стрел, а также округлых скребков и тесел. Культурно-хронологический горизонт датируется IV тыс. до н.э.

Здесь же обнаружены хозяйственные ямы для хранения рыбы. В них найдено большое скопление рыбьей чешуи (плотва, окунь), что представляет собой достаточно редкое явление, и фрагменты керамики. Вероятно, к этим ямам имеют отношение находки керамики энеолитического облика. С ней (керамикой) связаны кремневые черешковые наконечники стрел и крупный дротик 11,5 см длиной, ромбический, с усеченным основанием и с намеченными плечиками, тесла с выпуклой линзовидной спинкой и желобчатым лезвием. Следует отметить, что энеолитический комплекс неоднородный, и, вероятно, здесь присутствует несколько хронологических горизонтов конца III – начала II тыс. до н.э.

В верхнем, пахотном слое экспедицией обнаружены фрагменты керамики именьковской культуры раннего железного века, а также керамика и металлические изделия булгарской культуры. Примечательна находка серебряной монеты золотоордынского времени. По определению ульяновских археологов, эта монета отчеканена ханом Тохта в 1310 г. в Сарае.

Подводя предварительные итоги археологических раскопок стоянки «Утюж I» на территории Алатырского Присурья, отметим, что впервые для республики получен уникальный раннеэнеолитический материал с четкой стратиграфической фиксацией. Материалы неолита и энеолита расширяют наши представления о развитии племен льяловской культуры и волосовской общности.

Во время экспедиции все находки были зашифрованы в поле и будут переданы на хранение в Алатырский краеведческий музей. Там планируется оформить выставку, посвященную этим раскопкам. В будущем предполагается продолжить работу совместной археологической экспедиции в Чувашском Присурье по изучению памятников каменного века.

Н.С. Березина.

* * *

По приглашению президента Тюменской областной общественной организации «Ассоциация чувашей «Тăван» В.Н. Логинова в августе 2006 г. предпринималась этнографическая экспедиция Чувашского государственного института гуманитарных наук

(ЧГИГН) в южные районы Тюменской области. Она была организована Ассоциацией после проведения конференции – Бичуринских чтений (январь 2006 г.). В работе экспедиции приняли участие заведующий отделом этнологии и антропологии ЧГИГН Г.Б. Матвеев и научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики названного института Е.В. Федотова. Вначале экспедиция работала в составе трех человек (на первом этапе этнографическое обследование курировалось начальником чувашского отдела Ассоциации, редактором газеты “Таван” И.Н. Масловой, затем – методисткой Чувашского отдела национальных культур областного Дворца «Строитель» Р.А. Ивановой), впоследствии – четырех человек (к экспедиции подключились профессор Новосибирской государственной консерватории Н.В. Леонова и студентка А.А. Мицкая). Обследованием были охвачены: в Ярковоком районе – с. Дубровное, Покровка, Никитина, Караульнора, Новоалександровка; в Аромашевском – с. Ангарка, Северная, Слободчики, Большескарденная, Аромашево; в Заводоуковском – с. Колесниково, Першино. Попутно посещали и другие селения, но обследование в них не проводилось. Причина – отъезд жителей за пределы селений из-за отсутствия работы. (Эта тенденция коснулась многих сел с чувашским населением.)

Работа велась по темам: “История образования и развития деревень”, “Историко-культурный паспорт населенного пункта”, “Материальная и духовная культура”, “Музыкальный фольклор”, “Проблемы развития национальной культуры и языка”, “Известные люди” и др.

Массовое переселение чувашей (и не только чувашей) в Западную Сибирь началось в конце XIX – начале XX вв. Из районов расселения верховых и низовых чувашей в течение XX в. происходило несколько волн переселений, связанных со столыпинской аграрной реформой, голодом 1921 г., колонизацией новых земель в лесных районах (со второй половины 1920-х), раскулачиваниями 1930-х, плановыми переселениями 1950–60 – 70-х и другими факторами. Новые мигранты продолжают прибывать сюда и в настоящее время. Например, выезжают на работу на вновь создаваемые по западным технологиям доильные цеха (новый вариант “чувашских” ферм, вместо колхозно-совхозных “чувашских” животноводческих комплексов). В 1930 г. в Ярковоком районе образовалось немало чувашских национальных деревень: Рысева, Канаш, Малый и Большой Хутора, Черепанова и др. Некоторые из них исчезли к сегодняшнему дню из-за оттока жителей (в области чувашами основаны десятки деревень, две трети из них ныне не существуют). Переселенцы занимались полеводством, животноводством, лесными промыслами, рыбной ловлей, охотой, собирали лесные плоды. До 1960-х гг. расширялись засеваемые ими посевные площади.

В Нижнетавдинском районе в 1970 г. проживало 3,4 тыс. чувашей, в 2002 г. – 2,2 тыс. (данные приблизительные). Эксперты утверждают, что людей с чувашскими корнями в три-четыре раза больше, т.е. более 7 тыс. чел., что составляет 25–28% жителей этого района (по данным переписи 2002 г., в районе проживает 25,2 тыс. чел.). Более половины чувашей живут в смешанных браках.

Экспедиция работала как в центрах чувашской культуры, так и в деревнях, где не функционируют школа, клуб и другие подобные учреждения. Центрами развития чувашской культуры являются с. Нижняя Тавда, Канаш, Горьковка, Дубровное, Новоалександровка, Аромашево. В частности, в Канаше в 1990-е гг. и в начале 2000-х преподавался чувашский язык (ныне – факультатив), ведется предмет “Культура чувашского народа”. В школе есть чувашский музей, видеокассеты, диски, методические материалы. Жители общаются между собой преимущественно на чувашском языке, на русском и чувашском языках говорят с детьми. Проводятся праздники и торжества чувашей Тюменской области (например, *Акатуй*). Функционирует ансамбль “*Тантйи*”. В с. Канаш часто приезжают гости из Чебоксар (научные сотрудники его посетили впервые). Население чувствует внимание к себе и со стороны Ассоциации, и Чувашской Республики; авторитет села в районе высокий. В с. Горьковка также организуются Дни чувашской культуры и письменности. Созданы уголки чувашской культуры в краеведческом музее, уголок чувашской литературы – в библиотеке; состоялись вечера тюркской общности. Горьковка, основанная русскими и чувашскими переселенцами в 1927 г., в недавнем прошлом являлась одним из центров кролиководства в СССР. История села написана чувашским жителем Н.Г. Исаковым.

Очувашилась соседняя белорусско-польская деревня Белая Дуброва (дома коренных жителей выкуплены чувашами). Преимущественно чувашской стала бывшая чалдонская деревня Крысова (чалдон – термин монгольского происхождения, так называли первых пришлых насельников тайги, выходцев из Европейской России, в т.ч. ссыльных, каторжных, беглых, бродяг). Старые информаторы рассказали о взаимоотношениях с чалдонами, которые на первом этапе были далеко не дружественными. Рассказчики нередко подчеркивали, что русские уезжали, а чувашаи приезжали. Изучался характер расселения, в частности хуторами, что наблюдалось на первом этапе освоения этого края; отмечены факты покупки земли в 1920-е гг. у сибирских татар.

В смешанных деревнях часто встречаются так называемые чувашские улицы, поскольку чувашские переселенцы часто расселялись компактно (это более характерно для послевоенного времени). В с. Искра такая улица в среде жителей известна под названием “Веселый край”, в с. Колесниково – “Чувашская республика”. Официально они именуется соответственно «Молодежная» и «Новая». В социокультурном пространстве коренных жителей новоселы держались несколько особняком: больше общались между собой, работали коллективно, строили помочью, праздновали обряды по-старинному, обходами дворов, вместе работали на ферме. Нередко миграция чувашей вызывала в сибирских деревнях оживление жилищного строительства: индивидуальных домов и колхозных квартир. Одновременно шло благоустройство деревень и прилегающей территории: прокладка дорог через болота к новым полям и лесным полянам, строительство мостов.

В ходе экспедиции изучалась традиционная материальная культура чувашского населения, функционирующая в народном зодчестве (в планировке усадеб, устройстве фасадов домов, формах построек и малых архитектурных форм, резных украшениях, интерьере), в пище (национальных блюдах и напитках, обрядовых блюдах, этикете застолья), в характере бытования костюмов этнографических групп, используемых ныне участниками фольклорных групп (надо заметить, что народная одежда вытесняется сценическими костюмами). Дома пятистенные, встречаются четырехстенки больших размеров. Жилой фонд преимущественно старый (отчасти сказалась психология переселенцев, выражавшаяся в представлении, что они здесь временные жители). Замечено, что капитальные дома строит уже второе поколение, выросшее на сибирской земле. До 1970-х гг. дома ставили сами переселенцы, колхоз оказывал при этом помощь. В 1970-е – начале 1990-х гг. жилье для переселенцев строили колхозы и совхозы. Это индивидуальные и двухквартирные дома блочного типа: они составляют около трети жилого фонда. Чувашские названия построек соответствуют традициям районов Чувашии, откуда вышли переселенцы. В то же время заимствованы русские термины, как стайка (хлев), пригон (навес), малуха (летний домик). Следует отметить, что чувашский костюм в условиях Сибири носили непродолжительное время – до начала 1960-х гг., часто национальная одежда отправлялась обратно в Чувашию. Однако встречаются приверженцы народного костюма и в начале этого столетия. Носят его народные мастерицы, знатоки чувашского фольклора, приверженные этническому менталитету (был заснят фильм, сюжетом которого явилось одевание *суртана* и других элементов костюма в с. Караульняяр А.В. Туптовой). Есть знаменитые мастерицы-пивовары (Г.И. Павлова – в д. Малый Хутор, З.Г. Репина – в с. Новоалександровка), которые заказы на изготовление пива (по возможности, по старинной чувашской технологии) для торжеств, народных праздников, фестивалей получают со всего района.

Изучены и сфотографированы изделия народных мастеров. Следует отметить, что в своем большинстве вышитые и узорчатые предметы изготовлены мастерицами на родине, в Чувашии. В Сибири, по их словам, кроме вязания они другими видами рукоделия не занимались, ибо не располагали свободным временем. Правда, подобная ситуация характерна не для всех населенных мест чувашей. В деревнях, основанных в начале XX в. (Ангарка, Северная, Новоалександровский куст с 5–6 чувашскими деревнями), вышивание, ткачество и другие женские ремесла успешно развивались. В этих и других изолированных, но компактно (кустами из 5–6 чувашских деревень) расселенных местах чувашская этническая культура воспроизводилась почти в полном объеме; она просуществовала до 1970-х гг. (в частности, на

верховом диалекте здесь говорит второе и третье поколение). Одна из мастериц, Л.А. Яковлева (г. Ишим), имеет передвижную выставку, с которой она разъезжает по разным районам. Интересный материал о народной медицине записан от К.В. Викторовой (с. Ярково), к которой приходят лечиться больные из многих сел.

Собирались материалы о проведении досуга и развлечениях молодежи. До 1960-х гг. функционировали чувашские молодежные обряды. Так, в с. Дубровном чувашские хороводы водили около р. Туры, около клуба; зрелище приходила смотреть и русская молодежь. Записывались семейные обряды и праздники, в т.ч. сведения о свадебных обрядах, провах в армию, об организации помочей и т.д. Живут знатоки чувашского фольклора и обрядов – это пожилые женщины старше 75 лет (В.М. Кириллова, Е.Г. Кузьмина, А.В. Туптова и др.). Зафиксированы общесельские праздники, как *Мункун* Пасха (сохранились некоторые обычаи и обряды, к примеру, сбор детьми яиц, игры в яйца – катание яиц с горки, кое-где “играют” и взрослые, пасхальные кушанья, в то же время семейные пирушки – трехдневные обходы – бытуют только в отдельных деревнях либо трансформировались в общее гулянье на природе при костре), День села (деревни) и т.д. Новогодний цикл праздников и обрядов свою актуальность также не потерял: чтят Крещение, отчасти бытуют святочные игры, почитают Троицу (термин *симёк* в ряде районов вытеснен), Петров день, Родительские, Покров. Ряд праздников и общественных обрядов ныне совершается в административном центре – в местном (новогодняя елка, Дни чувашской письменности) или в районном (к примеру, ежегодный творческий отчет сельских поселений, Масленица). В областном масштабе как чувашский национальный праздник организуется *Акатуй*. Записаны сведения о колхозных *акатуйах*, совершавшихся в довоенное время.

Чувашская свадьба ныне не играется (тем не менее старожилы Новоалександровского куста старинный свадебный ритуал знают), свадьбы бывают по русским обычаям, поскольку браки более межнациональные. Выяснено, что до 1970-х гг. чувашские браки совершались по чувашским обычаям и традициям. Информаторы отмечают, что к этнокультуре в 1960–70-е гг. было негативное отношение: к примеру, чувашские песни не пелись в клубе, на свадьбе и на других торжествах. Песни своей родины все-таки звучали в домашней обстановке, на чувашских празднествах, тем более женщины напевали их всегда: на работе, дома, на пирушках, по дороге. Возрождение чувашских песен произошло в конце 1980-х – 1990-е гг., когда отношение к национальным культурам изменилось в лучшую сторону (однако в последние годы благоприятные условия для развития чувашской песенной культуры кое-где начинают исчезать, и, наоборот, как в Аромашевском районе, создаются новые фольклорные, в т.ч. чувашские, ансамбли).

Записаны тексты чувашских народных песен различных жанров. Традиционные напевы постепенно забываются. Так, сократилось число жанровых разновидностей песен. Зафиксированы рекрутские, масленичные, хороводные (*вэййэ*), гостевые, свадебные (в т.ч. плач невесты), лирические обрядовые и гостевые песни, исполнявшиеся на празднике *Кёр сёрп* – осеннее пиво, которые совпадают с престольными праздниками и др. Всего записано около 150 песен. Также записаны пословицы и поговорки, загадки, приметы, поверья, значение снов, устные предания.

Изучались поминально-погребальные обряды и обычаи. Бытует культ почитания главы кладбища. В частности, в д. Ангарка Аромашевского района около первого погребения, на котором установлен большой крест, останавливаются, совершают обряд. В сельской местности церковью немного, жители ездят в церковь в города и те немногие села, где она имеется, либо приглашают священника.

Традиционные верования также являлись объектом изучения экспедиции. Информаторы иногда отмечали, что поскольку переехали сюда на чистое место, где не имелось священных урочищ для молений, как было на своей родине, постольку не было необходимости совершать обряды *чуж*. Однако при беседе выяснялось, что религиозно-обрядовая тема так или иначе была актуальна и здесь. Записаны сведения о добрых и злых духах, в частности, о *хёртсурт* (домашнем духе), *вёре сёлен* (огненным змее, которого видели люди; приводились факты о заболевании женщин, страдавших от этой нечистой силы), молении дождя и т.д. Выявлено, что

традиционная культура бытовала не только в моноэтнических деревнях, но и многонациональных, особенно в тех, где проживали группы, приверженные разным конфессиям – староверы, мусульмане, православные (русские и чуваши).

Выявлена дифференциация селений по этнокультурным признакам, в зависимости от того, откуда прибыли переселенцы. Так, жителей д. Большой Хутор называют *хура ура* (букв. черная нога. – Г.М.), по черному цвету онучей, поскольку они являются выходцами из группы верховых чувашей, жителей Малого Хутора – *шур ура* (букв.: белая нога. – Г.М), по белому цвету онучей: они являются низовыми чувашами. Со временем брачные связи и новые переселения во многом стерли былые различия в культуре.

Зафиксировано функционирование диалектов и говоров чувашского языка. Поскольку литературный язык мало оказал влияние на разговорную речь переселенцев, диалектные особенности передавались новому поколению, выросшему на сибирской земле. Сибиряки, уже коренные, разговаривают на унаследованных от своих предков говорах: краснотайском, красноармейском и т.д., в связи с прекращением преподавания чувашского языка в школе (начальных классах) в 1942 г. (в новоалександровском кусте в 1950 г.) литературный язык их не вытеснил. В Чувашии в речи молодого и среднего поколений говоры так ярко не проявляются. Иногда в Сибири встречаются названия рек и речек Чувашии. Переселенцы начала XX в., основавшие хутора, а затем чувашские деревни, давали их местным сибирским речкам (например, приток Вагая Иллиней называют *Савал*). До 1980-х гг. бытовали “чувашские” имена типа *Петёр, Ййван, Энтри* и т.д.

В смешанных русско-чувашских селениях (Большие Слободчики, Караульнояр, Новоалександровка) изучали процессы межэтнического взаимодействия, происходило восприятие русских элементов культуры (Масленица, проводы весны, свадебный обряд). В татарско-чувашских кустах совместно проводились *акатуи* и *сабантуи* (поочередно). Партнерами в межнациональных браках у чувашей выступают русские, кряшены, немцы, реже – сибирские татары. В с. Покровское на чувашской улице нами зафиксировано несколько чувашско-немецких браков (муж – немец, жена – чувашка), они достаточно устойчивы.

Изучались похозяйственные книги, в т.ч. материалы о приусадебном хозяйстве, жилком фонде, численности и структуре семей.

Экспедиция работала в краеведческих и школьных музеях – в сс. Першино, Горьковке, Канаше и др. Музейное строительство продолжается, они создаются, в частности, в Дубровном, Новоалександровке. Чувашские экспонаты демонстрируются в районных краеведческих музеях. Подспорьем послужили создаваемые в музеях и библиотеках так называемые летописи (альбомы по истории и культуре) деревень, в которых отражаются исторические события, сведения об известных людях, культура и быт. В д. Малый Хутор, например, изучена история каждой семьи. Иногда можно найти данные о народных праздниках и обрядах. Наряду с бытовавшими у местных чувашей традициями можно встретить заимствования этнографического материала из литературы. В библиотеках и музеях часто можно видеть чувашские уголки.

Как правило, представленная в библиотеках чувашская литература старая, однако в последние годы Ассоциация “Таван” приобретает и новую литературу. В частности, исследователь этнической истории чувашей, доктор технических наук В.В. Николаев подарил чувашским библиотекам области 200 экземпляров своих книг. Доля читающих литературу на чувашском языке уменьшается: новое поколение, не владеющее национальным языком, ее не читает. К сожалению, в область уже не поступает периодика из Чувашии. Все, что из журналов имеется в библиотеках, далеко не новое. Информаторы просили нас выслать чувашские журналы.

Обращалось внимание, как национальный признак (этнический менталитет, традиционный уклад жизни) откладывает отпечаток на образ жизни людей. Этнический портрет более выражен в однонациональных семьях. Этническое проявляется, в частности, в способах ведения домашнего хозяйства, в наборе построек, наличии живности, бытовании обрядов и обычаев (в бытовании “каких-то суеверий”). Чувашки любят землю, домашнее хозяйство, хорошо ухаживают за живностью. Переселенцы-чувашки в основном работали в животноводстве: их самоотверженный вклад приносил плоды: сибирские колхозы и совхозы в 1970–1980-е гг. становились

миллионерами. Этнические черты более характерны для женщин. Соблюдение тех или иных традиций в семье зависит от того, какой национальности принадлежит хозяйка дома. Проявление этнических элементов зависит и от того, кто является главой семьи, муж или жена, и чей авторитет в семье выше. Чувашские семьи отличались и по такому признаку, как многодетность. Почти каждая чувашская семья, как и у сибирских татар, имела 5–9 детей (у русских чаще всего – трое детей); ныне по этому признаку чуваша имеют почти одинаковые с русскими показатели. Многодетными являются, по традиции, семьи сибирских татар.

Фиксировались особенности бытия в многонациональных семьях. Интересны они, например, в крышено-чувашских семьях. Татарский или чувашский языки в этих семьях равноправны: общаются и на том, и на другом. Мы интересовались, в каких обстоятельствах преимущественно используется тот или иной язык в зависимости от того, какой национальности муж и жена. Оказалось, к примеру, в семье, где муж – крышен, для делового общения более используют татарский язык, при ссорах – русский, для выражения любовных чувств – “более мягкий язык” – чувашский.

В записях отражены сведения о занятиях жителей доколхозного, колхозного и нынешнего времени, особенности земледелия, животноводства (свободный выпас скота, выгул свиней и т.д.), сенокоса, рыбной ловли в реках и озерах, включая рыбный промысел, транспортных средств, деревообработки (в частности, лаптеплетения, развиваемого отдельными мастерами). Имеющиеся по этой тематике старые фотографии пересняты. В д. Северная Аромашевского района записан материал о хозяйстве зажиточного чуваша, занимавшегося до раскулачивания земледелием, лесными промыслами (лесопиление и вывоз строительного леса, заготовка дегтя, смолы), торговлей (свои товары продавал в г. Ишиме).

Новое время внесло в ведение хозяйства свои коррективы. Личное подворье в 2000-е гг. ослабло из-за низких закупочных цен и роста стоимости кормов, проблем с транспортом и отсутствия мельниц. Положение изменяется в последнее время в лучшую сторону. Увеличилось поголовье крупного рогатого скота (поскольку молоко можно сдавать), количество свиноматок. Коллективные хозяйства разрушены, крестьянских хозяйств пока немного, они на стадии становления. Сельское хозяйство развивается в разных формах, в т.ч. внедряется крупный и средний бизнес, закупаются крестьянские паи.

На этнокультурные процессы с начала 1990-х гг. оказывает значительное влияние “Ассоциация чувашей “Таван”, которая активно участвует в реализации проектов правительства области, направленных на национально-культурное развитие. Результаты деятельности Ассоциации и ее местных структур так или иначе были объектом внимания научных сотрудников. Чувашской организацией выполняется многогранная работа. Она ежегодно организует областной чувашский национальный праздник *Акатуй*. Площадки для их проведения сооружены в селах (около десятка), являющихся центрами чувашской культуры. Каждый праздник подробно освещается в печати (в журнале “Мир национальностей”, научно-методическом альманахе “Национальные культуры региона”, газетах “Тюменская область сегодня” и других областных изданиях, в чувашской газете “Таван”, райгазетах). В частности, наряду с официальными церемониями в программу *Акатуя* включаются выступления фольклорных коллективов, выставки изделий народного декоративно-прикладного искусства и промыслов, блюд национальной кухни, народные виды спорта и игры, приобщаются такие торжества, как золотая свадьба и т.п. Активно участвует Ассоциация на традиционных областных праздниках национальных культур “Мост дружбы” (занимала призовые места, несколько лет она в числе лидеров) и детском фестивале культур “Радуга”. Организацией мероприятий по национально-культурным программам занимается Дворец национальных культур “Строитель”, здесь базируются отделы национальных культур, в т.ч. отдел чувашской культуры (начальник отдела И.Н. Маслова). В читальном зале и библиотеке Ассоциации представлена национальная литература и периодика. Созданы альбомы ежегодных чувашских праздников, посвященных областным *акатуям*, календарным праздникам.

Объектом внимания являлось фольклорное движение. Чувашские ансамбли (их около 15) начали работать с 1989 г., некоторые закрылись по причине выезда людей в другую местность, в то же время появляются новые ансамбли (например, в д. Большескаредная

Аромашевского района). В репертуаре народные песни разных жанров (свадебные, хороводные, лирические, застольные и т.д.), исполняемые на родине – в районах Чувашии, откуда переселенцы являются выходцами, а также авторские песни. Ряд ансамблей получил первоклассные сценические костюмы от Ассоциации – они привезены из Чебоксар.

Мы ознакомились с работами краеведов, которые имеют публикации в газетах и областном журнале “Моя родословная”. Активностью отличаются краеведы: доктор медицинских наук В.Н. Баранов, директор строительной фирмы В.Д. Васильев, бывший президент чувашской общины М.Ф. Кузнецов, А. Иванов, В.И. Кузьмин и ряд других. Благодаря активистам начали функционировать клубы по интересам (к примеру, “Хуторяночка” в Малом Хуторе). В Тюмени работает чувашская воскресная школа.

Ассоциация “Таван” крепнет, развивается, его Совет представляет собой сплоченный коллектив, в котором трудятся работники администрации, руководители предприятий, предприниматели, ученые, краеведы, учителя, врачи, работники культуры и т.д. Штабом является Центр чувашской культуры, созданный в 2004 г. Проблем, которые решает Ассоциация, более чем достаточно. Не хватает специалистов: музыкантов, учителей чувашского языка и литературы, по предмету “Культура чувашского народа”. Фиксировались предложения по удовлетворению этнокультурных запросов чувашских жителей, которые касаются подписки на чувашскую печать, передач чувашского телевидения, видеосъемок проводимых Чувашской Ассоциацией мероприятий (*Акатуя* и др.). Предложения переданы в Центр чувашской культуры и Министерство культуры Чувашской Республики.

Экспедицией заснято около 700 кадров. Проводилось фотографирование поселений, ландшафта, жилых построек, предметов труда, утвари, посуды, декоративно-прикладного искусства, фиксировались трудовые процессы, народный костюм, праздник “День деревни” в Ангарке, фольклорные группы. Сведения, собранные во второй экспедиции, обрабатываются.

Г.Б. Матвеев.

Положение о научном журнале «Чувашский гуманитарный вестник»

1. Научный журнал «Чувашский гуманитарный вестник» (ЧГВ) издается в соответствии с федеральным законодательством о средствах массовой информации, Уставом ГНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» (ЧГИГН).

2. Учредитель научного журнала «Чувашский гуманитарный вестник» – Чувашский государственный институт гуманитарных наук.

3. Сфера информационно-исследовательского поля научного журнала включает следующие гуманитарные научные дисциплины: археология, искусствоведение, история, культурология, литературоведение, политология, правоведение, социология, философия, фольклористика, экономика, этнология, языковедение и другие отрасли гуманитарных знаний.

4. Преследуемые научным журналом задачи:

– публикация научных докладов, статей, сообщений, обзоров, рецензий и аннотаций;

– введение в научный оборот исторических источников;

– координация научных исследований по гуманитарным дисциплинам в Чувашской Республике;

– организация дискуссий и «круглых столов» по проблемным вопросам гуманитарных наук и публикация их материалов;

– ознакомление исследовательской аудитории и общественности с научной жизнью в Чувашской Республике и за ее пределами.

5. «Чувашский гуманитарный вестник» издается в печатной форме с периодичностью 2 раза в год. Рабочие языки – русский, чувашский и английский.

6. «Чувашский гуманитарный вестник» – рецензируемое издание.

7. Главным редактором научного журнала является директор ЧГИГН. Он формирует состав редакционной коллегии. В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется настоящим Положением и Положением о «Редакционной коллегии».

8. Учредитель научного журнала при участии редакционной коллегии решает вопросы формирования номеров журнала, изменения его названия и профиля, периодичности, печатного объема, формата, тиража и порядка финансирования и ликвидации издания.

9. Публикация научной продукции – статей, сообщений, обзоров, рецензий и аннотаций в журнале производится согласно Правилам, разработанным редакционной коллегией издания.

10. Учредитель научного журнала и редакционная коллегия вправе вносить в настоящее Положение изменения.

Правила для авторов

1. Материалы для публикации должны соответствовать тематике журнала и представлять оригинальное научное исследование, не издававшееся ранее. Как исключение к печати могут быть приняты сочинения, издававшиеся частично – до 25% объема. Текст представляемой научной продукции должен быть тщательно выверен авторами на предмет наличия орфографических ошибок и опечаток.

2. Представляемые в редакционную коллегию материалы должны иметь титульный лист, содержащий следующие сведения: фамилия, имя, отчество автора; почтовый адрес; адрес электронной почты; номер телефона (домашнего, рабочего, мобильного); место работы; должность; ученая степень и ученое звание; тематика научных изысканий. На первой странице рукописи печатаются: название статьи (сообщения); инициалы и фамилия автора (инициалы перед фамилией). Заголовок набирается строчными буквами. На первой странице под текстом указываются: полное имя, отчество и фамилия автора; ученая степень, ученое звание и должность. Форма: Иванов Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературоведения Чувашского государственного университета.

3. Материалы для публикации должны быть напечатаны в 2 экземплярах, на одной стороне листа. В редакционную коллегию они представляются вместе с электронным вариантом (на дискете). Распечатанный текст должен быть подписан автором (авторами). Основные

параметры верстки печатного и электронного текстов: кегль – 14 пунктов, междустрочный интервал – полуторный, формат страницы – А-4, выравнивание по ширине (для заголовка – по центру), отступ абзаца – 1 см, все поля 2 см, без переносов, нумерация страниц снизу и по центру листа. Гарнитура Times New Roman. Редактор – MS Word. При наличии таблиц и рисунков они должны быть созданы стандартизированными средствами MS Word и внедрены в текст. Таблицы и рисунки должны иметь собственную нумерацию и названия. В таблицах обязательно указываются единицы измерения величин. Названия и нумерация к ним помещаются над конструкцией и набираются полужирным шрифтом 12. Текст внутри таблиц набирается шрифтом 12. Нумерация и пояснения к рисункам помещаются под конструкцией и набираются шрифтом 12. Формулы располагаются по центру страницы. Шрифт для греческих букв Symbol, для всех остальных – Times New Roman. Число таблиц и рисунков в рукописи не должно превышать 6. Фотографии прилагаются в двух файлах – в тексте рукописи и отдельной единицей – с разрешением 300 dpi в формате TIFF, JPEG.

4. Рукописи в редакционную коллегию авторами предоставляются вместе с двумя рецензиями, написанными кандидатами или докторами наук по профильной научной дисциплине. Они должны быть заверены печатью той организации, где работают рецензенты. Решением редакционной коллегии полученные материалы могут быть приняты к печати, отправлены на дополнительное рецензирование или возвращены на доработку. Возвращение рукописи на доработку не означает, что она принята к печати.

Доработанный текст автор вправе вновь предоставить вместе с первоначальным его вариантом и ответами на замечания в редакционную коллегию журнала.

5. Поступившие в редакционную коллегию рукописи, как принятые к печати, так и отклоненные, а также рецензии и сопутствующие материалы поступают в научный архив ЧГИГН. Они авторам не возвращаются.

6. В рукописях допускается использование общеизвестных аббревиатур (СССР, РСФСР и др.). В случае оперирования с малоизвестными аббревиатурами в тексте при первом употреблении им должны предшествовать расшифрованные формы. Например: Всероссийский союз городов (ВСГ). Замена ключевых понятий исследования (например, «СО» вместо «сельское общество») аббревиатурами не допускается.

7. Структура статьи (сообщения) должна определяться соображениями целесообразности. В ее (его) вводной части (не менее 0,5 стр.) обязательны постановка проблемы и определение исследовательских задач, в заключительной (не менее 0,5 стр.) – полученные в ходе анализа выводы. Статью (сообщение) завершают Примечания и Краткое резюме. Использованная литература и источники указываются в Примечаниях.

8. Ссылки на использованную литературу и источники даются с помощью автоматических номерных сносок в конце текста. Кегль – 14 пунктов. Фамилия и инициалы авторов исследований в сносках выделяются курсивом. Названия архивов даются аббревиатурами. При первом употреблении аббревиатуры должны быть расшифрованы. Форма: Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).

9. Источники, представленные для публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы должны быть оформлены в соответствии с «Правилами издания исторических источников» (М., 1990) и иметь Предисловие, Примечания и комментарии.

10. Ориентировочный объем для публикаций: для статьи – до 25 страниц (50 тыс. знаков), сообщения – до 15 страниц (20 тыс. знаков), рецензии – до 7 страниц (12 тыс. знаков), аннотации – до 3 страниц (5 тыс. знаков). В печатный объем входят текст, таблицы, рисунки и список литературы. Источники, представленные к публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, могут иметь объем до 23 страниц (40 тыс. знаков). Объем Краткого резюме к статье (сообщению) – 8–10 строк.

11. Редакционная коллегия вправе вносить в настоящие Правила изменения.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.С. Григорьев.</i> К читателям журнала	3

История, этнология и историография

<i>И.А. Гагин.</i> Волжская Болгария и мир кочевых народов в X–XII вв.	12
<i>В.Н. Клементьев.</i> Чувашия и проекты укрупнения регионов РСФСР в первой половине 1920-х гг.	21
<i>В.В. Орлов.</i> Формирование местного бюджета Чувашии и финансирование программ ее социально-экономического развития в годы нэпа	38
<i>О.В. Егорова.</i> Обычаи и обряды, связанные с родами, уходом за новорожденными и лечением детских болезней в среде закамских чувашей	62
<i>Е.М. Михайлова.</i> Правомонархическое движение начала XX в. в отечественной и региональной историографии: современные подходы	75

Социология, экономика и правоведение

<i>И.Е. Ильин.</i> Образ жизни крестьянства Чувашии как предмет социологического анализа	96
<i>Т.В. Погодина, Н.Г. Стерхова.</i> Инновационное развитие экономики региона в рыночных условиях	106
<i>М.В. Демидов.</i> Парламентский контроль за исполнением бюджета Чувашской Республики: правовые основы, практика реализации	123

Филология

<i>Н.И. Егоров.</i> Проблемы хронотопологической стратификации чувашско-монгольских лексических параллелей и их историческая интерпретация	144

Исторические портреты

<i>М.Г. Кондратьев.</i> Николай Александрович Александров (1865–1896)	164

Научное наследие

<i>Л.Н. Гумилев, Т.А. Крюкова, М.Ф. Хван.</i> Китайские письма на чувашской рубахе	171

Рецензии

<i>В.М. Михайлов.</i> Рец. на: В.Н. Клементьев. Козловка: Исторический очерк. Чебоксары, 1997. 240 с.	190

<i>И.И. Бойко.</i> Рец. на: Ю.В. Гусаров. Цивильский затворник. Очерк жизни и творческой деятельности Н.С. Арцыбышева. Чебоксары, 2000. 184 с., илл. (Серия «История Чувашии в лицах». Вып. 1.)	193
<i>Е.П. Погодин.</i> Рец. на: Н.П. Лигенко. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УРОРАН, 2001. 432 с.	195
<i>Г. Берецки.</i> Рец. на: Юдит Дмитриева. Чувашские народные названия дикорастущих растений // Studies in Linguistics of the Volga Region. Vol. 1. Debrecen, 2001. 212 с.	199
<i>В.Н. Холопова.</i> Рец. на: М.Г. Кондратьев. Степан Максимов: Время. Творчество. Масштаб личности. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2002. 334 с.	201
<i>Г.А. Комарова.</i> Рец. на: В.В. Николаев, Г.Н. Иванов-Орков, В.П. Иванов. Чувашский костюм от древности до современности. Москва–Чебоксары–Оренбург, 2002. 400 с., илл.	203
<i>В.Д. Димитриев.</i> Рец. на: Ю.А. Трофимов. Народная монументальная культовая скульптура чувашей и дунайских болгар. Проблемы исторической общности и художественной целостности. Чебоксары, 2003. 156 с.	206
<i>Е.В. Касимов.</i> Рец. на: Община в аграрной революции: Документы сельского схода о земельных отношениях в национальной деревне Поволжья (1918–1922) / Сост. А.А. Иванов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2005. 372 с. (История и культура народов Марий Эл в документальных памятниках)	209
<i>Л.И. Никонова.</i> Рец. на: В.П. Иванов. Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2005. 383 с.	211
<i>Г.С. Широкалова.</i> Рец. на: И.Е. Ильин. Аграрная реформа в России на рубеже XX–XXI вв. Чебоксары, 2005. 344 с.	214
<i>И.И. Бойко.</i> Рец. на: И.Е. Ильин. Аграрная реформа в полиэтническом регионе России (Социологический анализ). Чебоксары, 2005. 228 с.	217

Новая зарубежная литература

<i>А.Ю. Жуков.</i> Аннотация на: Роберт П. Джераси «Окно на Восток: национальная и имперская самобытность в царской России в завершающий период ее истории» (Gerasi, Robert P. Window on the East: national and imperial identities in late tsarist Russia) / Robert R. Geraci – Ithaca, London: Cornell University Press, 2001.	219

Наши юбиляры	221

Научная жизнь	249

Положение о научном журнале «Чувашский гуманитарный вестник»	257
Правила для авторов	257

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Чувашский гуманитарный вестник
2006 №1
Июль–декабрь

Научный журнал

Ответственный за выпуск *Г.А. Николаев*
Редактор *В.А. Прохорова*
Художественный редактор *А.А. Трофимов*
Технический редактор *А.А. Трофимов*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Верстка *Л.Н. Сапоговой*

Публикуемые материалы не обязательно отражают
точку зрения редколлегии
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Чувашский гуманитарный вестник» обязательна

Адрес учредителя:
428015, Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1
тел 8(8352)45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05
e-mail: human2000@yandex.ru

Издатель – ГНУ “Чувашский государственный институт гуманитарных наук”

Подписано к печати 15.12.06. Формат 70 × 100¹/₁₆. Печать оперативная.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman Cyr
Усл. печ. л. 24,5. Уч.-изд. л. 23,4. Тираж 500. Заказ № 7.

Чувашский государственный институт гуманитарных наук
428015, Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.